

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2023

№ 85

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жиликова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова
(Санкт-Петербург, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Вартанова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova
(Saint Petersburg, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Аксарина Н.А., Басова Л.В. Семантизация отыменного предлога <i>в обход</i> в речевой практике XIX–XXI вв.	5
Иванцова Е.В. Этикетные формулы в речи диалектной языковой личности сибирского старожила	20
Изволенская А.С. Диалектика света и тьмы в романе Маргарет Этвуд “The Handmaid’s Tale” и ее отражение в русском переводе: Лингвостилистический аспект	43
Лаврова Н.А., Козьмин А.О., Гумма О.А. Культурный фон английских устойчивых выражений с компонентом-антропонимом как детерминанта разной степени их освоения не носителями английского языка	60
Пономарев Н.Ф., Белоусов К.И., Ключко К.А., Рябинин К.В. Механизмы циклической дискурсивной амплификации (CDA-модель): на примере эпидемического дискурса лихорадки Эбола	85
Шиляев К.С., Кузнецова Е.М. Падение в виртуальность и долгий путь наверх: концептуальные метафоры игровой зависимости в книгах жанра селф-хелп	107

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Айзикова И.А. Ключевые концепты в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в.: к проблеме формирования культурного ландшафта региона ...	133
Каяниди Л.Г. Мифологический субстрат поэмы Вячеслава Иванова «Сон Мелампа»	161
Киселев В.С. Литература, музыка и театр в переписке В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова 1841–1852 гг.	185
Красноухова Ю.С., Хатямова М.А. Москва как представление о современной реальности в пьесе Н. Садур «Мальчик-небо»	203
Седельникова О.В., Булгакова Н.О. Концепт «бесовство» на пространственно-временном уровне романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Статья вторая	220
Хохлова Н.А. Записка Пушкина А.И. Тургеневу 1834 г.: уточнение датировки	236

ЖУРНАЛИСТИКА

Дунас Д.В., Салихова Е.А., Бабына Д.А. Консенсус, «новый патриотизм» и эффект ностальгии в российской медиакультуре (опыт изучения молодежных сообществ в VK)	247
Мишанкина Н.А., Жиликова Н.В., Вершинин В.А., Ершова В.Е. «Томская медийная аномалия»: методологическая модель исследования	269

РЕЦЕНЗИИ

Дубровская С.А., Владимирова С.Н. Рецензия на книгу: Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Творчество П.А. Вяземского: известное и неизвестное. СПб.: Издательство «Союз художников», 2022. 712 с.	287
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

Aksarina N.A., Basova L.V. The semantization of the denominal preposition “v obkhod” in the Russian speech of the 19th–21st centuries	5
Ivantsova E.V. Etiquette formulas in the speech of a dialect language personality of a Siberian old-resident	20
Izvolenskaya A.S. Dialectic of light and darkness in Margaret Atwood’s <i>The Handmaid’s Tale</i> and its representation in the Russian version: Language and style	43
Lavrova N.A., Kozmin A.O., Gumma O.A. Cultural connotations of English anthroponymic idioms as indices of variable non-native English speakers’ knowledge of their meaning	60
Ponomarev N.Ph., Belousov K.I., Klochko K.A., Ryabinin K.V. Mechanisms of cyclic discursive amplification (CDA-model): On the example of Ebola epidemic discourse	85
Shilyaev K.S., Kuznetsova E.M. Falling into virtuality and climbing back up: conceptual metaphors of gaming addiction in self-help books	107

LITERATURE STUDIES

Ayzikova I.A. Key concepts in Siberian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries: On the problem of the region’s cultural landscape formation	133
Kaianidi L.G. The mythological substratum of Vyatcheslav Ivanov’s poem <i>Melampus’ Dream</i>	161
Kiselev V.S. Literature, music and theater in the correspondence between Vasily Zhukovsky and Alexander Bulgakov in 1841–1852	185
Krasnoukhova Yu.S., Khatyamova M.A. Moscow as a representation of modern reality in Nina Sadur’s play <i>Mal’chik-Nebo</i>	203
Sedelnikova O.V., Bulgakova N.O. The concept <i>besovstvo</i> at the time and space level in Fyodor Dostoevsky’s <i>The Devils</i> . Article 2	220
Khokhlova N.A. Pushkin’s note to Alexander Turgenev in 1834: Clarification of dating	236

JOURNALISM

Dunas D.V., Salikhova E.A., Babyna D.A. Consensus, “new patriotism”, and the nostalgia effect in Russian media culture (based on the experience of studying youth communities on VK)	247
Mishankina N.A., Zhilyakova N.V., Vershinin V.A., Ershova V.E. “Tomsk media anomaly”: A methodological model of research	269

REVIEWS

Dubrovskaya S.A., Vladimirova S.N. Book review: Vasilyev, N.L. & Zhatkin, D.N. (2022) <i>Tvorchestvo P.A. Vyazemskogo: izvestnoe i neizvestnoe</i> [Oeuvre of P.A. Vyazemsky: Known and unknown]. Saint Petersburg: Soyuz khudozhnikov	287
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 811.161.1.'374.3
doi: 10.17223/19986645/85/1

Семантизация отыменного предлога *в обход* в речевой практике XIX–XXI вв.

Наталья Александровна Аксарина¹, Лариса Валерьевна Басова²

^{1, 2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ n.a.aksarina@utmn.ru

² l.v.basova@utmn.ru

Аннотация. Представлено описание семантического и грамматического развития отыменного предлога *в обход* в речевой практике XIX–XXI вв. Проанализированы этапы формирования современной системы значений предлога *в обход* на материале НКРЯ. Выявлены значения предлога *в обход*, неодинаково реализуемые в разных дискурсах и на разных этапах развития общества. Показано, что семантическая эволюция и бытование в речи предлога *в обход* отражают смену систем общественных приоритетов на протяжении двух последних столетий российской истории.

Ключевые слова: отыменной предлог, мотивирующее значение, грамматикализация, семантическое развитие, дискурс

Для цитирования: Аксарина Н.А., Басова Л.В. Семантизация отыменного предлога *в обход* в речевой практике XIX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 5–19. doi: 10.17223/19986645/85/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/85/1

The semantization of the denominal preposition “*v obkhod*” in the Russian speech of the 19th–21st centuries

Natalya A. Aksarina¹, Larisa V. Basova²

^{1, 2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ n.a.aksarina@utmn.ru

² l.v.basova@utmn.ru

Abstract. The article seeks to describe the semantic and grammatical development of the denominal preposition *v obkhod* in the Russian speech practice of the 19th–21st centuries. The aim of the study was to reveal the componential structure of the denominal preposition *v obkhod* and the trends of changes in its system of meanings that represent the shift of priorities in Russian society throughout the 19th–21st centuries. The

study is based on the analysis of a range of entries from the main corpus of the Russian National Corpus (RNC). Based on the analysis of 974 documents and 1471 entries from the RNC, the authors defined the stages that shaped the contemporary system of meanings of the preposition *v obkhod*. The results of the study show that, throughout the 19th–21st centuries, the denominal preposition *v obkhod* has undergone significant changes both in the set of meanings, which have been relevant for different linguocultural periods and discourses, and in the degree of its grammaticalization. Thus, the authors revealed that the researched period saw a steady but considerable decline in the number of adverbial uses of *v obkhod* accompanied by an increase in its prepositional use. These trends are aligned with general tendencies of language development. As of today, the preposition *v obkhod* has a complex system of more or less grammaticalized meanings, whose variety is incompletely, irregularly, or selectively actualized in explanatory dictionaries and specialized dictionaries of function words. This derivative preposition functions in Russian as governing genitive and dative cases. When used with the genitive case, the preposition has a more elaborate system of meanings, whereas its use with the dative Case declined throughout the researched period before it was no longer recorded in the 1990s. On the earlier stages of grammaticalization, orientational meanings of *v obkhod* were shaped. Abstract meanings started to evolve in the mid-1800s and reached an active phase of development throughout the 20th century. The most frequent abstract meanings of *v obkhod* are “violating something”, “without approval of somebody or something”, “in the defiance of something; dismissive of somebody; in disregard for something”. The authors note that various meanings of the preposition *v obkhod* are unevenly represented in different discourses and different periods of the society development within a longer span of the 19th–20th centuries. The semantic development and the constant use of the preposition *v obkhod* in everyday speech reflect the shift of priority systems in society throughout the past two centuries of Russian history. In conclusion, a range of meanings of the preposition *v obkhod* is more widely presented in everyday speech practice than it is recorded in lexicographic sources. In the 19th–21st centuries’ discourses, the preposition manifests itself as a polysemic unit with at least five independent differentiated semantic features: 1) passing/walking round something; 2) going around something, making a detour; 3) skirting or getting round/past someone or something; 4) violating something; 5) without approval of somebody or something.

Keywords: denominal preposition, motivating meaning, grammaticalization, semantic development, discourse

For citation: Aksarina, N.A. & Basova, L.V. (2023) The semantization of the denominal preposition “*v obkhod*” in the Russian speech of the 19th–21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 5–19. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/1

К постановке проблемы

В последние десятилетия у исследователей значительно вырос интерес к изучению производных предлогов. Немалое внимание в лингвистике уделяется проблемам систематизации служебных слов, активно исследуется категориальная принадлежность составных производных единиц («эквивалентов слова»), выполняющих служебные функции [1–5]. Достаточно интенсивно изучаются явления переходности между грамматическими классами [6–8]; рассматриваются процессы образования предлогов и определяется

объем значения конкретных производных и непроизводных предлогов [9–16]. Ученые решают проблему соотношения лексических и грамматических значений предлогов [17–22].

В современной лексикографии вопросы описания производных предлогов являются актуальными и до конца не решенными. О проблемах фиксации таких единиц в словарях на протяжении последних десятилетий заявляют такие лингвисты, как Ю.В. Хаперская [23], А.С. Цой [24], Е.С. Шереметьева [25, 26] и др. При этом, несмотря на большой интерес к данным языковым единицам, в научной литературе отсутствует целостное описание многих производных предлогов, «оживление роста» которых указывает на «периоды усиления общественной, государственной жизни общества» [27. С. 23].

Актуальность изучения семантического потенциала предлога *в обход* обусловлена несколькими факторами: 1) включенностью проблематики определения собственного лексического значения у предлога в контекст исследований служебных слов, интенсивно развивающихся в последние десятилетия; 2) определением объема лексической части значения производного предлога, которое, несомненно, значимо для его лексикографического описания; 3) несистемностью фиксации служебных единиц в толковых и специализированных словарях; 4) тем фактом, что модель семантического развития предлога *в обход* отражает процессы становления систем значений отыменных предлогов в целом.

Научная новизна проведенного исследования заключается в привлечении контекстов с предлогом *в обход* с конца XVIII в. по сегодняшний день, извлеченных из основного корпуса НКРЯ. Кроме того, в статье впервые описаны ранее не осмысленные в научной литературе значения предлога *в обход* и рассмотрены контекстные условия реализации этих значений.

Целью статьи является выявление на материале основного корпуса НКРЯ семного состава и тенденций изменения системы значений производного предлога *в обход*, репрезентирующего смену общественных приоритетов на протяжении XIX–XXI вв. российской истории.

Анализ материалов основного корпуса НКРЯ (пользовательский подкорпус; 974 документа, 1 471 вхождение; с неснятой омонимией) [28] позволяет утверждать, что в течение XIX–XXI вв. отыменный предлог *в обход* претерпел серьезные изменения как в составе значений, актуальных для различных лингвокультурных эпох и дискурсов, так и в степени грамматикализации.

Будучи, как и омонимичное ему наречие, мотивированным отглагольным существительным [29. С. 17–19], предлог *в обход* в разных своих значениях наследует семы производящего существительного и мотивирующего его глагола – как общие для разных значений этого предлога, так и различающиеся.

Вариативность управления в словосочетаниях с предлогом *в обход*

Этапы формирования современной системы значений предлога *в обход* в целом сопоставимы с этапами семантического и грамматического развития любого отыменного релятива в русском языке.

Так, с конца XVIII, на протяжении всего XIX и в первой трети XX в. предлог *в обход* функционирует как предлог родительного (*в обход кого-, чего-либо*) и дательного падежей (*в обход кому-, чему-либо*). Например:

Род. пад.: *Упреждая он таковое их намерение, отрядил от себя поручика Александра со ста человеками фузлер и гренодир и с тридцатью матросами, мичмана Викорста и с двумя пушками для атакования неприятеля вместе с войсками кардинала Руффо, которые пошли в обход неприятеля с тылу, а поручик Александр повел отряд своего войска прямо против неприятеля, производя жестокий ружейный и пушечный огонь* (Ф.Ф. Ушаков. Из рапорта Павлу I о действиях отряда судов А.А. Сорокина и десантного отряда Г.Г. Белле в Италии и при взятии Неаполя (24.06.1799)).

Дат. пад.: *Генерал Бурцев отряжен был влево по большой Арзумской дороге прямо против турецкого лагеря, между тем как все прочее войско должно было идти правою стороною в обход неприятелю* (А.С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года (1835)).

Активность употребления предлога *в обход* с дательным падежом на протяжении двух столетий стабильно снижается, во второй половине XX в. зафиксировано лишь одно употребление с дат. пад. – в 1991 г.

Основанием для утверждения предложной функции единицы *в обход* является характерная валентность: глагольная форма в «левом» компоненте и имя в род. / дат. пад. без простого предлога в «правом». Заметим, что «правый» компонент в дат. пад. является достаточным для утверждения у единицы *в обход* в этих условиях предложной функции, тогда как «правый» компонент в род. пад. для этого предлога сам по себе недостаточно показателен – ср.: *Однажды Мокош встал, по обыкновению, с солнцем, умылся ключевою водою, поклонился земно на восток, съел кусок хлеба с молоком и отправился в обход лугов и леса* (А.Ф. Вельтман. Светославич, вражий питомец Диво времен Красного Солнца Владимира (1837)).

В этом и подобных примерах словоформа *в обход* – явный субстантив в самостоятельной обстоятельственной функции (цели), мотивированный другим значением глагола *обходить* – «проходить какое-либо пространство в разных направлениях, посещать разные места» [30]. При этом конструкция с субстантивом свободно заменяется конструкцией с инфинитивом цели – ср.: *отправился обходить луга и лес*, – тогда как конструкции с предлогом указывают на образ действия и допускают только условную замену дееспричастием – ср.: [*двигаться*] *в обход неприятеля* и *обходя неприятеля*.

Предлог *в обход* в значении «огибая, обходя по дуге что-либо»

В течение XIX в. наречные употребления единицы *в обход* почти втрое преобладают над предложными. При этом на ранних этапах

грамматикализации единицы *в обход* в предложной функции сначала оформились пространственные значения. Так, предлог *в обход* до 1860-х гг. реализуется только в основном пространственном значении «огибая, обходя по дуге что-либо»: *На сем месте остановился неприятель на короткое время, усилил отряд передовой кавалерии, и уже, не нападая на казаков, польская армия шла прямо вперед по дороге, через лес лежащей; а я с полком – в обход онаго; тут прискакал ко мне Янов полк* (А.К. Денисов. Записки донского атамана Денисова (1832) // Русская Старина. 1874. № 5, 11, 12; 1875. № 1, 2, 3).

Заметно явное преобладание его в текстах военного дискурса при описании маневров, а также в художественных текстах, апеллирующих к военному дискурсу. Существенно преобладает над другими валентность *в обход левого/правого фланга, в обход позиции неприятеля* и под. В словаре Р.П. Рогожниковой это представлено как отдельное значение – «окружая кого-л., заходя с флангов кому-л.» [31. С. 76]. Однако мы считаем, что это не значение предлога, а значение всей конструкции с предлогом, предлог же здесь реализуется в значении *огибая*.

В гражданских дискурсах предлог *в обход* (и в этом и в других значениях) появляется позднее: *Несчастливая была молода и прекрасна; пораженная ужасом, но полная жизни и силы, казалось, что без всякого напряжения повезла она плуг в обход селения* (А.Ф. Вельтман. Кощей бессмертный. Былина старого времени (1833)).

С 1860-х гг. появляются употребления, в которых *в обход* в пространственных значениях *огибая* и *минуя* не может быть дифференцирован: *Захар поехал на постоянный двор кормить лошадь, а Степан с Настею отправились в обход города и, выйдя опять на большую дорогу, пошли по направлению к Севску* (Н.С. Лесков. Житие одной бабы (1863)).

Здесь *в обход города* в равной степени можно истолковать и как *огибая город*, и как *минуя город, не заходя в город*, поскольку контекст в равной мере актуализирует и сему «дугообразное движение», и сему «не достигая, не сближаясь».

Другой пример: *На утро 1 июля я распростился с случайным знакомым, и мы направились на перевал в обход теснины Уласты* (Василий Сапожников. По русскому и монгольскому Алтаю (1895)).

Чаще всего такие недифференцируемые употребления характерны для военного и географического (связанного с путешествиями) дискурсов, поскольку они предполагают детальное описание особенностей перемещения в пространстве.

Например: *После полудня я отправился с одним из проводников по дороге, идущей в обход перемычки Ахаг – Кыцырхра, с намерением дойти до того места, откуда видны Ацытаку и Бзыбские горы, а также, чтобы посмотреть, нет ли поблизости пастухов* (Н.М. Альбов. Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. Дневники, статьи, письма, воспоминания (1884)).

Подобных примеров недифференцированного употребления *в обход* в значениях *огибая* и *минуя*, мимо немало и в XX в.: *То пешком, то верхом,*

по замерзшим болотам, лесным тропинкам, в обход заставам и караулам, не зная ни сна, ни отдыха, он двигался вперед, не стесняясь в деньгах, покупая нередко верховых лошадей и бросая их в какой-нибудь деревне и опять покупая свежую лошадь (Ф.Е. Зарин-Несвицкий. Борьба у престола (1913)); *От Мяолина тропа пошла по кочковатому луку в обход болот и проток* (В.К. Арсеньев. По Уссурийскому краю (1917)).

В отличие от таких неоднозначных употреблений, употребления в значении «огИБая, обходя по дуге что-либо» обладают яркими дифференциальными признаками – семами «дугообразное движение», «движение по окружности», актуализирующимися в контексте. При этом сема «не достигая, не сближаясь», эксплицитная в значении «минуя кого-, что-либо, мимо кого-, чего-либо», в значении «огИБая, обходя по дуге что-либо» остается в импlications. Приведем примеры: *По берегу лога пробираться далее не было возможности, я взял влево и пошел в обход болота, держась его окраины* (Ф.А. Арсеньев. Шугор (1885)); *Дорожка же для выюков идет южнее, в обход обрыва, поднимаясь через гребень довольно тяжелой крутизной* (Д.Л. Иванов. Шугнан. Афганистанские очерки // Вестник Европы. 1885. № 6); *Заметим только два факта: во-первых, никто ничего не заметил, а во-вторых, Nicolas почувствовал потребность уединиться и с этой целью торопливо встал и бочком, на той высоте, где случилось его падение, пошел в обход холма, чтобы в удобном месте спуститься и уйти в лес* (А.О. Осипович (Новодворский). Накануне ликвидации (1880)); *В самом деле, с вершин хребта, который здесь проходит с севера на юг, можно видеть оба океана сразу; естественно было такому наблюдателю подумать о соединении разъединенных природой путей при виде кораблей, идущих с востока и запада в обход Америки* (М.В. Барро. Фердинанд Мари де Лессепс. Его жизнь и деятельность (1893)).

В этих примерах явно наблюдается в контексте рекуррентия сем «дугообразное движение» и «перемещение не по прямой линии».

Предлог в этом случае сохраняет тесную семантическую связь с мотивирующим именем: *Поэтому Гейсмар дождался ночи, послал два батальона в обход укрепления по боковой лесной тропинке, о которой я выше упомянул, и повел фронтальную атаку на рассвете, когда эти батальоны показались на горе в тылу неприятельской позиции, турки, видя себя обойденными, побежали назад по Софийской дороге, мимо наших обходных войск, которым приказано было их пропустить и не преследовать во избежание бесполезного кровопролития* (Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера (1866–1880)).

Предлог в обход в значении «минуя кого-, что-либо, мимо кого-, чего-либо»

В явно дифференцируемом пространственном значении «минуя кого-, что-либо, мимо кого-, чего-либо» предлог в обход фиксируется только в самом конце XIX столетия: *Из Геок-тепе выступило двумя партиями по пескам и по горам, в обход прямой дороги, 6, 000 пеших и конных текинцев, но*

пройдя половину пути, большая часть воинов Теке вернулась, обманутая ложным слухом о новом движении наших войск к Геок-тепе (А.Н. Куропаткин. Завоевание Туркмении. Поход в Ахал-теке в 1880–81 гг. с Очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876-й год (1899)).

Всего в XIX в. зафиксировано лишь четыре употребления предлога *в обход* в значении «минуя кого-, что-либо, мимо кого-, чего-либо». Однако с начала XX в. количество употреблений *в обход* в этом значении понемногу увеличивается. Примечательно, что все они связаны с художественно-публицистическим, публицистическим и научно-популярным дискурсами – например: *Крадучись провели нас, в обход въездных ворот, у которых постукивал прикладами по камню соскучившийся, сонный караул, к пролому в каменной ограде цитадели, заставленному деревянными тлелыми щитами* (С.Д. Мстиславский. Крыша мира (1905)); *Считалось, что лучше всего попробовать просочиться в Центральную Россию, разумеется, в обход контрольно-пропускных пунктов; кому-то уже удалось так сделать* (В.Ф. Кормер. Наследство (1987)).

Предлог *в обход* в значении «нарушая что-либо»

Однако в целом с начала XX в. и до конца периода наблюдений количество употреблений предлога *в обход* в пространственных значениях постепенно сокращается, тогда как система отвлеченных значений усложняется. Так, большинство отвлеченных значений – «нарушая что-либо», «без согласования с кем-, чем-либо», «не считаясь с кем-, чем-либо», «без посредства кого-, чего-либо», «избегая чего-либо», «без опоры на что-либо» – оформилось еще до середины XX в., а к концу века выделились значения «в тайне от кого-, чего-либо», «наперекор чему-либо», «обманывая кого-, что-либо». В толковых словарях XX–XXI вв. и в словарях служебных единиц эти значения отражаются отчасти и несистемно. В то же время основания для выделения каждого значения представляются достаточными: каждое значение имеет отличный от других семный состав, особым образом семантически мотивируется производящим именем, имеет собственную «правую» и «левую» валентность, свои синонимические связи, конструкции с предлогом *в обход* в разных значениях способны замещаться отличными от других конструкциями-эквивалентами. Но это уже предмет отдельного исследования.

Согласно данным НКРЯ, в период с 1920-х по 1960-е гг. наиболее активным из непространственных (отвлеченных) значений предлога *в обход* было значение «нарушая что-либо» (с дат. и с род. пад.): *Или посыпать соль прямо пальцами – тоже в обход всех правил, – растирать ее как-то по-особому, по-мужичьи* (Сергей Горный (А.А. Оцуп). Вербное (1927)); *В Енисейском округе, в обход запрещению договорной школы, образовалось «Общество друзей школы», которое открыло свыше ста школ* (А.Л. Бем. Крестьянство и школа // Вестник крестьянской России. 1927. № 10).

Однако первое употребление предлога *в обход* в этом значении зафиксировано еще 1870 г.: – *Да, – решил он через минуту, – ты должна получить*

все... все, что должно по закону, и все, что можно в обход закону (Н.С. Лесков. На ножах (1870)).

В этом значении предлог *в обход* рекуррентен существительным, содержащим семы *требование, предписание, нечто обязательное для исполнения*.

Предлог *в обход* в значении «без согласования с кем-, чем-либо»

С середины 1960-х и до середины 1990-х гг. резко возрастает количество употреблений предлога *в обход* в значении «без согласования с кем-, чем-либо»: *Если потребуются, то и в обход нынешнего Съезда, для быстрого принятия хотя бы Конституции переходного периода* (Л.А. Остерман. Дневник (1993)).

Первое употребление предлога *в обход* в этом значении отмечено в 1927 г., но особую востребованность оно обрело лишь с середины XX в.

В значении «без согласования с кем-чем-либо» предлог *в обход* содержит эксплицитную сему *тайно*. В других значениях, даже в собственно пространственном, эта сема содержится в импликации. Примечательно, что предлог активно используется в тех дискурсах, для которых сохранение тайны имеет принципиальное значение.

Так, в XIX в. предлог *в обход* употреблялся преимущественно в военном дискурсе в контекстах, передающих представление о сохранении военной тайны (тайны передислокации войск). Однако в XX и XXI вв. этот предлог особенно активен в административно-политическом, административно-бытовом и собственно бытовом дискурсах в контекстах, связанных с сообщением о социально нетипичных или порицаемых действиях. Сказанное позволяет сделать лингвокультурный вывод о том, что предлог *в обход* в этом отношении отражает специфику общественных ценностей в разные эпохи. Так, изменения общественной ситуации и культуры в периоды наибольшей криминализации общества, в годы репрессий и застоя сформировали в массах привычку и потребность в скрытности, неизбежно отразившиеся в языке, в том числе в особенностях употребления предлога-полисеманта *в обход*.

Предлог *в обход* в отвлеченных значениях

С середины 1990-х гг. количество употреблений предлога *в обход* в отвлеченных значениях заметно превышает количество его употреблений в пространственных значениях «огибая кого-, что-либо» и «минуя кого-, что-либо, мимо кого-, чего-либо».

Приведем примеры реализации предлога *в обход* в отвлеченных значениях.

	Значение	Пример (НКРЯ)
1	нарушая что-либо	Я им сказал, что статью Володина нельзя печатать, а они <i>в обход</i> запрета напечатали ее (1970)
2	не считаясь с кем-, чем-либо, пренебрегая кем-, чем-либо	Вот посмотрите, все наши петербургские барыни <i>в обход</i> прямым наследникам завещают деньги и имения римскому папе (1932)
3	без согласования с кем-, чем-либо	Он, как и Шеленберг, считал, что открытая переброска пастора через границу может придать делу нежелательную огласку – вся операция осуществлялась <i>в обход</i> гестапо (1968)
4	без посредства кого-, чего-либо	За день до этого, 7 марта 1939 года, <i>в обход</i> обычных дипломатических каналов, советское руководство приняло решение направить в Финляндию для ведения неофициальных переговоров по территориальным вопросам Б. Штейна (1995)
5	избегая чего-либо	За то, что он все-таки существо незримое, бесспорная и подлинная «нежить» (ни дух, ни человек) домовой, <i>в обход</i> настоящего и прямого звания его, прозывается еще и считается «постеном»... (1899)
6	*без опоры на что-либо, не основываясь на чем-либо	Более того: подползала нехорошая и почти подлая мысль (подлая, потому что нечестно, <i>в обход</i> причин и следствий) – мысль, что даже эта нынешняя и всеобщая ко мне перемена <...> связана как раз с тем, что я сам собой выпал из их общинного гнезда (1996–1997)
7	в тайне от кого-, чего-либо	Они сделали это <i>в обход</i> руководства и предали свое обращение огласке (1991)
8	*наперекор чему-либо	– и ощущение вырвавшейся из-под спуда беды не покидало, и, <i>в обход</i> иронии, все еще была страшна та лавина, которая уже завтра загрохочет и покатится... (1990)
9	обманывая кого-, что-либо	Не надо платить большие деньги за аренду, электроэнергия чаще всего идет <i>в обход</i> счетчика... (2015)

* Наименее употребительные (потенциальные) значения, не включенные в словарную статью.

С середины нулевых годов и до конца исследуемого периода в равной мере востребованными являются значения «нарушая что-либо», «без согласования кем-чем-либо», «не считаясь с кем-, чем-либо; пренебрегая кем-, чем-либо», «минуя кого-, что-либо», «оглябая что-либо», «без посредства кого-, чего-либо», хотя и прочие значения не выходят из употребления.

Заключение

Таким образом, анализ позволяет с делать следующие выводы:

1. В течение исследуемого периода наблюдается постепенное и значительное снижение количества наречных и увеличение количества предложных употреблений единицы *в обход*, что соответствует общеязыковым тенденциям.

2. Предлог *в обход* имеет в русском языке сложную систему в разной степени грамматикализованных значений, избирательно и нерегулярно отражаемых в толковых словарях и словарях служебных единиц.

3. Предлог *в обход* функционирует в русском языке как предлог родительного и дательного падежей; при употреблении с род. пад. предлог имеет более разветвленную систему значений; количество употреблений предлога с дат. пад. в течение XIX и XX вв. сокращается, а с 1990-х гг. не фиксируется.

4. На ранних этапах грамматикализации единицы *в обход* оформляются пространственные значения, отвлеченные значения начинают развиваться со второй половины XIX в., а активное развитие получают в течение XX в.

5. Из отвлеченных значений наиболее частотными и стабильно дифференцируемыми являются значения «нарушая что-либо», «без согласования с кем-, чем-либо», «не считаясь с кем-, чем-либо; пренебрегая кем-, чем-либо».

6. Значения предлога *в обход* неодинаково реализуются в разных дискурсах и на разных этапах развития общества.

7. Семантическое развитие и бытование в речи предлога *в обход* отражают смену систем общественных приоритетов на протяжении двух последних столетий российской истории.

Результаты проведенного анализа показывают, что предлог *в обход* в дискурсах XIX–XXI вв. реализуется как многозначный и имеет не менее девяти самостоятельных значений с дифференцируемыми семантическими признаками. Это позволяет нам предложить для предлога *в обход* словарную статью:

В ОБХОД, предлог с род. пад. 1. Огибая, обходя по дуге что-л. *Запах костра чувствуешь за сотни метров, из множества звуков невольно выделяешь тревожные крики птиц, треск ветви, сломавшейся от неосторожного движения зверя, начинаешь выбирать маршрут не по азимуту, а по чуть заметным тропам, которые выходят к нужному месту в обход непролазного валежника, глубоких оврагов и крутых косогоров...* (Алексей Емельянов. Биологические сигнальные поля – ведущий фактор в саморегуляции природных сообществ) // «Наука и жизнь», 2009) [НКРЯ]. 2. Минуя кого-, что-л., мимо кого-, чего-л. *На поверхности лежит их стремление поддержать строительство целой системы трубопроводов для снабжения Центральной Европы нефтью и газом из Каспийского бассейна и Центральной Азии в обход России* (Е. М. Примаков. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость (2009)) [НКРЯ]. 3. Нарушая что-л. *Поскольку высший руководитель области публично и категорически отказался улучшить своё жильё, никто из его подчинённых даже не пытался такого сделать в обход закона, справедливо рассудив, что добра ему это не принесёт* (Борис Руденко. Убить дракона. Возможно ли победить коррупцию в России // «Наука и жизнь», 2009) [НКРЯ]. 4. Без согласования с кем-, чем-л. *Однако у НАТО уже есть опыт применения военной силы и в обход ООН – бомбардировки Югославии* (Е. М. Примаков. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость (2009)) [НКРЯ]. 5. Обманывая кого-то-л. *Не надо платить большие деньги за аренду, электроэнергия чаще всего идет в обход счетчика...* (Коллективный. Ячейка бизнеса // «Огонек», 2015) [НКРЯ]. 6. Избегая чего-л. *Но выпустить сборник в обход цензуры было делом безнадежным.* (И. Н. Вибаров. Андрей Вознесенский (2015)) [НКРЯ]. 7. Не считаясь с кем-, чем-л., пренебрегая кем-, чем-л. *Они, как участники в деле погубления царевича, лучше других понимали те побуждения, которые заставляли Екатерину назначить наследником великого князя в обход своих дочерей* (Е. П. Карнович. Придворное кружево

(1884)) [НКРЯ]. 8. Без посредства кого-, чего-л. *Кондитерская фабрика заключила договор со студией, в обход художника-постановщика мультфильма Натальи Орловой...* (Ольга Фам. Рваный Чебурашка // «Однако», 2009) [НКРЯ]. 9. В тайне от кого-, чего-л. *Просить ее провести исследование в обход следователя, да еще в воскресенье вечером, да еще срочно* (Александра Маринина. Чужая маска (1996)) [НКРЯ].

Список источников

1. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. М. : URSS, 2013. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. 304 с.
2. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М. : Наука, 1967. 280 с.
3. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2008. 236 с.
4. Тюрин П.М. Текстовая скрепа «итак» и ее функционирование // Мир русского слова. 2011. № 3. С. 30–33.
5. Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В. Текстовая скрепа «а так»: опыт словарного описания // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов : сб. науч. ст. / отв. ред.: Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, А.А. Анисова. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2022. С. 217–221.
6. Богданова-Бегларян Н.В. Методика шкалирования как инструмент описания грамматики современной русской речи // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов : сб. науч. ст. / отв. ред.: Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, А.А. Анисова. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2022. С. 178–186.
7. Комарова А.М. Еще раз о статусе предлога // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 147–150.
8. Леденев Ю.И. О границах и функциях класса неполнозначных слов в русском языке // Ученые записки МОПИ. 1964. Т. 148, вып. 10. С. 179–197.
9. Аксарина Н.А., Басова Л.В. Лексикографическое описание предлога в части в разговорно-деловой речи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 5–26.
10. Аксарина Н.А., Басова Л.В. К вопросу о лексикографическом описании предлога путём в современных дискурсах // Вopr. лексикографии. 2021. № 19. С. 5–31.
11. Гавриленко В.В. Семантико-синтагматическая специфика сравнительно-определятельных предложных новообразований «в форме», «в виде», «в стиле», «в манере» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52). Ч. 2. С. 58–61.
12. Крылова М.Н. Сравнительный предлог *вроде* в различных типах дискурса современного русского языка: история, морфологический статус, функционирование // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 246–255.
13. Милованова Л.А. Семантико-грамматические свойства и отношения предлога *за*¹, оформляющего винительный падеж, и предлога *за*², оформляющего творительный падеж, в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 22 с.
14. Пантелеева Т.А. Семантико-грамматическая структура предлога *на*¹, оформляющего винительный падеж, и предлога *на*², оформляющего предложный падеж, в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 23 с.
15. Попова З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж : ВГУ, 2014. 232 с.

16. Чуеакаев Т. Производный предлог «соответственно»: особенности сочетаемости // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75), ч. 2. С. 168–171.
17. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162–169.
18. Куныгина О.В. О лексическом и грамматическом значении служебных слов: теоретический аспект // Гуманитарные исследования. Язык. Коммуникации. 2012. № 4 (44). С. 63–67.
19. Селиверстова О.Н. Имеет ли предлог только грамматическое значение? // Вопросы филологии. 1990. № 3. С. 26–33.
20. Усачева Н.Б. Информативность служебных единиц языка // Информационный потенциал слова и фразеологизма : сб. науч. ст. Орел : ОГУ, 2005. С. 115–119.
21. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2001. 454 с.
22. Шиганова Г.А. Формирование семантики производных предлогов современного русского языка как динамический процесс // Метеор-Сити: Наука развития. Челябинск, 2016. № 1. С. 38–40.
23. Хаперская Ю.В. Производные предлоги современного русского языка как объект лексикографического описания // Вектор науки ТГУ. 2012. № 4 (22). С. 340–342.
24. Цой А.С. Предлог как лексическая единица русского языка и его отражение в учебном словаре // Филологические науки. 2004. № 4. С. 105–113.
25. Шереметьева Е.С. Проблемы лексикографического представления предложных новообразований // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 133–142.
26. Шереметьева Е.С. Словоформа *следующий*: есть ли движение в сторону служебности? // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 95-летию доктора филол. наук, проф. Аллы Федоровны Прияткиной, Владивосток, 11–13 ноября 2021 года. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2021. С. 134–139.
27. Раевская М.В. Теоретические проблемы изучения предлогов в отечественной лингвистике // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. Т. 11, № 2. С. 21–24.
28. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.02.2022).
29. Аксарина Н.А., Басова Л.В. Семантическая мотивация отыменных релятивов как проблема современной служебной лексикографии // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5. С. 9–25.
30. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 06.02.2022).
31. Рогожников Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: ок. 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М. : АСТ, 2003. 416 с.

References

1. Vsevolodova, M.V., Kukushkina, O.V. & Polikarpov, A.A. (2013) *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa: materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniiu real'nogo upotrebleniya* [Russian prepositions and means of prepositional type: materials for a functional and grammatical description of real use]. Book 1. Moscow: URSS,
2. Cherkasova, E.T. (1967) *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [Transition of notional words into prepositions]. Moscow: Nauka.
3. Sheremet'eva, E.S. (2008) *Otymennyye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy* [Denominative relatives of the modern Russian language. Semantic-syntactic studies]. Vladivostok: FEFU.

4. Tyurin, P.M. (2011) Tekstovaya skrepa “itak” i ee funktsionirovanie [Text clip “so” and its functioning]. *Mir russkogo slova*. 3. pp. 30–33.
5. Kuznetsova, N.V. & Pochtareva, O.V. (2022) Tekstovaya skrepa “a tak”: opyt slovnogo opisaniya [Text conector “a tak”: experience of dictionary description]. In: Sheremet’eva, E.S., Starodumova, E.A. & Anisova, A.A. (eds) *Russkaya grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravleniy, metodov* [Russian grammar in the dialogue of scientific schools, directions]. Vladivostok: FEPU. pp. 217–221.
6. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2022) Metodika shkalirovaniya kak instrument opisaniya grammatiki sovremennoy russkoy rechi [Scaling technique as a tool for describing the grammar of modern Russian speech]. In: Sheremet’eva, E.S., Starodumova, E.A. & Anisova, A.A. (eds) *Russkaya grammatika v dialoge nauchnykh shkol, napravleniy, metodov* [Russian grammar in the dialogue of scientific schools, directions]. Vladivostok: FEPU. pp. 178–186.
7. Komarova, A.M. (2015) Eshche raz o statuse predloga [Once again about the status of the preposition]. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*. 6. pp. 147–150.
8. Ledenev, Yu.I. (1964) O granitsakh i funktsiyakh klassa nepolnoznachnykh slov v russkom yazyke [On the boundaries and functions of the class of semi-notional words in the Russian language]. *Uchenye zapiski MOPI*. 148 (10). pp. 179–197.
9. Aksarina, N.A. & Basova, L.V. (2019) Lexicographic Description of the Preposition ‘V Chasti’ in Business Discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 57. pp. 5–26. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/57/1
10. Aksarina, N.A. & Basova, L.V. (2021) On the Lexicographic Description of the Preposition Putyom in Modern Discourse. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 19. pp. 5–31. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/19/1
11. Gavrilenko, V.V. (2015) Semantiko-sintagmatischekaya spetsifika sravnitel’no-opredelitel’nykh predlozhnykh novoobrazovaniy “v forme”, “v vide”, “v stile”, “v manere” [Semantic-syntagmatic specificity of comparative attributive prepositional new formations “v forme”, “v vide”, “v stile”, “v manere”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10 (52):2. pp. 58–61.
12. Krylova, M.N. (2021) Sravnitel’nyy predlog vrode v razlichnykh tipakh diskursa sovremennogo russkogo yazyka: istoriya, morfologicheskii status, funktsionirovanie [Comparative preposition vrode in various types of discourse of the modern Russian language: history, morphological status, functioning]. *Aktual’nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 1. pp. 246–255.
13. Milovanova, L.A. (2009) *Semantiko-grammaticheskie svoystva i otnosheniya predloga za¹, oformlyayushchego vinitel’nyy padezh, i predloga za², oformlyayushchego tvoritel’nyy padezh, v sovremennom russkom yazyke* [Semantic-grammatical properties and relationships of the preposition za¹, formalizing the accusative case, and the preposition za², formalizing the instrumental case, in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
14. Panteleeva, T.A. (2006) *Semantiko-grammaticheskaya struktura predloga na¹, oformlyayushchego vinitel’nyy padezh, i predloga na², oformlyayushchego predlozhnyy padezh, v sovremennom russkom yazyke* [Semantic-grammatical structure of the preposition na¹, forming the accusative case, and the preposition na², forming the prepositional case, in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
15. Popova, Z.D. (2014) *Predlozhno-padezhnye formy i oboroty s proizvodnymi predlogami v russkikh vyskazyvaniyakh (sintaksicheskie otnosheniya i funktsii)* [Prepositional-case forms and phrases with derived prepositions in Russian utterances (syntactic relations and functions)]. Voronezh: Voronezh State University.
16. Chueakaev, T. (2017) Proizvodnyy predlog “sootvetstvenno”: osobennosti sochetaemosti [Derivative preposition “sootvetstvenno”: features of compatibility]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (75):2. pp. 168–171.

17. Vinogradov, V.V. (1977) *Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannye stat'i* [Lexicology and lexicography. Selected works]. Moscow: Nauka. pp. 162–169.
18. Kunyagina, O.V. (2012) O leksicheskom i grammaticheskom znachenii sluzhebnykh slov: teoreticheskiy aspekt [On the lexical and grammatical meaning of function words: theoretical aspect]. *Gumanitarnye issledovaniya. Yazyk. Kommunikatsii*. 4 (44). pp. 63–67.
19. Seliverstova, O.N. (1990) Imet li predlog tol'ko grammaticheskoe znachenie? [Does a preposition have only a grammatical meaning?]. *Voprosy filologii*. 3. pp. 26–33.
20. Usacheva, N.B. (2005) Informativnost' sluzhebnykh edinitz yazyka [Informativeness of service units of language]. In: *Informatsionnyy potentsial slova i frazeologizma* [Information potential of words and phraseological units]. Oryol: Oryol State University. pp. 115–119.
21. Shiganova, G.A. (2001) *Sistema leksicheskikh i frazeologicheskikh predlogov v sovremennom russkom yazyke* [System of lexical and phraseological prepositions in modern Russian]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University.
22. Shiganova, G.A. (2016) Formirovanie semantiki proizvodnykh predlogov sovremennogo russkogo yazyka kak dinamicheskii protsess [Formation of the semantics of derived prepositions of the modern Russian language as a dynamic process]. *Meteor-Siti: Nauka razvitiya*. 1. pp. 38–40.
23. Khaperskaya, Yu.V. (2012) Proizvodnye predlogi sovremennogo russkogo yazyka kak ob'ekt leksikograficheskogo opisaniya [Derived prepositions of the modern Russian language as an object of lexicographic description]. *Vektor nauki TGU*. 4 (22). pp. 340–342.
24. Tsoy, A.S. (2004) Predlog kak leksicheskaya edinitsa russkogo yazyka i ego otrazhenie v uchebnom slovare [Preposition as a lexical unit of the Russian language and its reflection in the learner's dictionary]. *Filologicheskie nauki*. 4. pp. 105–113.
25. Sheremet'eva, E.S. (2011) Problemy leksikograficheskogo predstavleniya predlozhnykh novoobrazovaniy [Problems of lexicographic representation of prepositional new formations]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 4. pp. 133–142.
26. Sheremet'eva, E.S. (2021) [Word form sleduya: is there a movement towards grammaticalization?]. *Russkiy sintaksis: ot konstruktsiy k funktsionirovaniyu* [Russian syntax: from structures to functioning]. Conference Proceedings. Vladivostok. 11–13 November 2021. Vladivostok: FEPU. pp. 134–139. (In Russian).
27. Raevskaya, M.V. (2014) Teoreticheskie problemy izucheniya predlogov v otechestvennoy lingvistike [Theoretical problems of studying prepositions in domestic linguistics]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Lingvistika"*. 11 (2). pp. 21–24.
28. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 06.02.2022). (In Russian).
29. Aksarina, N.A. & Basova, L.V. (2022) Semanticheskaya motivatsiya otymennykh relatyvov kak problema sovremennoy sluzhebnoy leksikografii [Semantic motivation of denominative relatives as a problem of modern official lexicography]. *Nauchnyy dialog*. 11 (5). pp. 9–25.
30. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formative]. Moscow: Russkiy yazyk. [Online] Available from: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (Accessed: 06.02.2022).
31. Rogozhnikova, R.P. (2003) *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu: ok. 1500 ustoychivyykh sochetaniy russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of phrases equivalent to the word: approx. 1500 stable phrases of the Russian language]. Moscow: AST.

Информация об авторах:

Аксарина Н.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института социально-гуманитарных дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: n.a.aksarina@utmn.ru

Басова Л.В. – канд. филол. наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой русского языка Института социально-гуманитарных дисциплин Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: l.v.basova@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.A. Aksarina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.a.aksarina@utmn.ru

L.V. Basova, Cand. Sci. (Philology), acting head of the Russian Language Department, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: l.v.basova@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 2.03.2023;
одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 06.10.2023.*

*The article was submitted 2.03.2023;
approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 06.10.2023.*

Научная статья
УДК 808.56
doi: 10.17223/19986645/85/2

Этикетные формулы в речи диалектной языковой личности сибирского старожила

Екатерина Вадимовна Иванцова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, ekivancova@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются состав формул речевого этикета и особенности их употребления диалектной языковой личностью сибирской крестьянки. Анализ формул этикетной рамки и этикетных вкраплений дискурса типичного представителя традиционной народно-речевой культуры позволяет выявлять черты носителя этой культуры, систему его ценностей, ментальные характеристики. Исследование опирается на архив записей спонтанной речи, собранный методом включения в языковое существование информанта.

Ключевые слова: формулы речевого этикета, народно-речевая культура, диалектный дискурс, диалектная языковая личность, среднеобские говоры, культурно-языковой ландшафт

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042 «Социокоммуникативное пространство трансграничья: факторы формирования культурного и языкового ландшафта Сибири».

Для цитирования: Иванцова Е.В. Этикетные формулы в речи диалектной языковой личности сибирского старожила // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 20–42. doi: 10.17223/19986645/85/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/85/2

Etiquette formulas in the speech of a dialect language personality of a Siberian old-resident

Ekaterina V. Ivantsova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
ekivancova@yandex.ru*

Abstract. The article aims at analyzing the formulas of speech etiquette as part of the study of the speech culture of dialect speakers of the Middle Ob region. The analysis of these formulas was carried out using the methods of linguopersonology – through the study of the speech of a specific language personality, typical for a given society. The material is the author’s archive of discursive recordings of the spontaneous speech

of a Siberian peasant woman (about 10,000 printed pages), made over 24 years by the method of inclusion in the speaker's linguistic existence. Information letters addressed to close friends were also used as additional material. The author described the set of speech etiquette formulas included in the lists of the most important etiquette situations of the Russian language, as well as functional features of the formulas; considered the system of etiquette linguistic tools in the discourse of the language personality as part of the etiquette frame that organizes communication (greeting, introduction, address, farewell), and etiquette inclusions that perform the function of maintaining the rules of communicants' speech behavior (request, gratitude, apology, forgiveness, invitation, wish, congratulations, agreement, disagreement, sympathy, praise). In each case, the variants of designations of one or another inclusion were correlated with different discursive spheres and communicative situations. The system of etiquette formulas of a typical dialect language personality reflects many features of the cultural and linguistic landscape (in the broad sense, including by definition the base of local dialects, oral speech and the speech culture of their speakers, onomastic elements, and a number of other components) of a Siberian old-residents' village. The prevalence of all-Russian formulas of speech etiquette over dialect ones in the studied material indicates the features of the dialect of secondary formation in contrast to native dialects. Linguo-personological discourse analysis allows us to draw conclusions about the specifics of the discourse stylistic stratification: the dominant style is everyday-life speech, with the presence of high style and the absence of official-business style. Some etiquette formulas preserve pagan and Christian motives, which indicates that elements of the traditional worldview of Siberian old-residents are preserved. Etiquette formulas in the discourse of a typical representative of traditional folk speech culture reflect the system of such values of the peasant world as health, food, family, one's own economy, prosperity, and friendly communication.

Keywords: speech genre of request, folk speech culture, dialect discourse, dialect language personality, Middle Ob dialects, cultural and linguistic landscape

Acknowledgments: The study was performed as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ivantsova, E.V. (2023) Etiquette formulas in the speech of a dialect language personality of a Siberian old-resident. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 20–42. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/2

Введение

Речевой этикет (РЭ) как важный элемент этики социума все более интенсивно привлекает внимание исследователей как междисциплинарный объект изучения социолингвистики, стилистики, культурологии, теории коммуникации, дискурс-анализа и других дисциплин. Исследование РЭ – части более общего понятия «этикет» – значимо для выявления специфики национальной ментальности и системы ценностей, совершенствования культуры речи, воспитания высокоразвитых языковых личностей.

Изучение речевого этикета в русистике начинает разрабатываться в последней трети XX в. в работах В.Г. Костомарова, Н.И. Формановской, В.Е. Гольдина, И.А. Стернина и др. В XXI в. способствовали развитию данного направления формирующиеся коммуникативная и контрастивная

лингвистика, теория дискурса, лингвокультурология, генристика, лингводидактика (А.Г. Балакай, Т.В. Тарасенко, А.А. Зубарева и др.). В то же время нет единого мнения относительно границ области описания РЭ (от широкой до узкой), разные формы национального языка изучены непропорционально. Анализируется, как правило, материал литературного языка (чаще всего в художественных текстах), слабо изучено своеобразие РЭ в некодифицированных типах речевой культуры, выделенных Н.И. Толстым [1].

Особую значимость представляет крестьянская народно-речевая культура, являющаяся субстратом современного русского литературного языка. В этой области речевой этикет диалектоносителей исследован пока фрагментарно как по составу языковых средств, так и по отдельным регионам европейской части России [2–5 и др.].

В сибирских говорах этикетные элементы дискурса ранее не исследовались. В рамках комплексного лингвоперсонологического описания феномена диалектной языковой личности (ЯЛ) сибирского старожила начата разработка коммуникативного аспекта ее речи [6–12].

Настоящая статья отражает фрагмент его изучения, посвященный формулам речевого этикета (ФРЭ). Этикетные формулы анализировались с применением методов лингвоперсонологии – через исследование конкретной языковой личности, типичной для данного социума. Таким объектом стала речь коренной жительницы с. Вершинино Томской обл. В.П. Вершининой (1909–2004), яркого представителя русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Дискурс исследуемого информанта репрезентирует черты изучаемого культурно-языкового ландшафта, который в широком смысле включает базу местных говоров, речевую культуру их носителей, ономастическую систему и ряд других составляющих [13]. Материалом послужил авторский архив дискурсивных записей спонтанной речи информанта (в расшифровке – около 10 000 печатных страниц), сделанных на протяжении 24 лет методом включения в языковое существование говорящего. В качестве дополнительного материала привлекались также немногочисленные письма крестьянки, адресованные близким знакомым.

В ряде работ РЭ трактуется как «совокупность принятых обществом правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения» [14. С. 354]. Этот кодекс речевого поведения диалектной ЯЛ реконструировался с опорой на метатекстовые фрагменты дискурса и некоторые паремии, в которых отражаются поведенческие нормы [11]. В диссертационном исследовании Н.Г. Тырниковой, где ставилась проблема соотношения этикетных элементов структуры русскоязычного и англоязычного разговорного дискурса [15. С. 3], автором были выделены в структуре устного, непринужденного дискурса этикетная рамка, этикетный каркас и этикетные вкрапления. К основным элементам этикетной рамки дискурса относятся обращения, приветствия и прощания. Рамка «организует общение, задает и проявляет характер взаимоотношений между коммуникантами, способствует успешному установлению и размыканию контакта» [15. С. 3]. Этикетный

каркас дискурса через реплики коммуникантов выполняет функцию создания и поддержания вежливого, неконфликтного, комфортного общения. Третий компонент структуры дискурса – этикетные вкрапления: «отдельные этикетные минидискурсы или фрагменты дискурса с этикетным содержанием (просьбы, извинения, благодарности и др.)» [15. С. 5]. В отличие от двух предыдущих компонентов структуры дискурса, они не обязательны и «их употребление определяется ситуацией и целями общения» [15. С. 5]. Описанное структурирование основано на идеях работ Н.И. Формановской [16] и В.Е. Гольдина [17].

Этикетные языковые средства дискурса В.П. Вершининой будут рассмотрены в составе этикетной рамки и этикетных вкраплений – представляется, что и в том и в другом случае такими средствами являются формулы речевого этикета, различающиеся функционально. Что касается этикетного каркаса дискурса, то, на наш взгляд, диалогическое взаимодействие коммуникантов отражает лишь некоторые модели поддержания и развития общения, но они не закреплены в виде этикетных формул, под которыми понимаются «разноразличные языковые единицы (полнозначительные словоформы, слова неполнозначительных частей речи – частицы, междометия), словосочетания и целые фразы, принятые в определенных ситуациях, в разных социальных группах» [14. С. 354]. Эти коммуникативные стратегии и тактики в диалоге диалектной ЯЛ описаны О.А. Казаковой [6. С. 120–121]. Их краткая характеристика не связана напрямую с правилами РЭ и потому не будет затрагиваться в статье.

Итак, перейдем к анализу стандартных коммуникативных ситуаций, в которых ФРЭ способствуют установлению межличностных контактов.

Формулы этикетной рамки установления коммуникативного контакта

Приветствие

Приветствие – одна из наиболее значимых формул речевого этикета. С его помощью устанавливается контакт между коммуникантами, определяются отношения между ними. «Неисполнение ожидаемых знаков речевого этикета в ситуации встречи (отсутствие приветствия) воспринимается сельскими жителями как нарушение принципа вежливости и оценивается неодобрительно» [18. С. 180].

Наиболее частотно в дискурсе информанта общерусское приветствие *здравствуй(те)*. Оно используется при общении с собеседниками независимо от их возраста, пола, образования и степени знакомства: *Т.В [подруга, соседка:] Здравсьте. В.П. Здравствуй; А Саша [мальчик, родственник] заходит: «Здравствуй, баба Вера». Я говорю: «Здравствуй, Саша»; Приходит ко мне он, Шыла'мов [немолодой односельчанин, бывший управляющий] этот самый. «Здравствуй, Вера Прокофьевна». – «Здрастуйте, Григорий Степаныч. Садитесь, садитесь».* Наряду с основной формой приветствия

зафиксированы формальные варианты с редукцией отдельных звуков, встречающиеся и в разговорной речи носителей литературного языка, они более редки: [Девочка-односельчанка:] В.П. **Здрасьте**; С. Драсьте! В.П. **Дра'стуйте**. Приехали?; [Пришла молодая родственница.] В.П. **Дра'сьте**. Иди суда!¹

Как можно видеть, встретившиеся обмениваются приветствиями в диалогическом единстве. Порядок приветствия определяется двумя факторами: возрастом коммуникантов и их ролью в общении (гость/хозяин). С их учетом исследуемая личность как старшая чаще отвечает на приветствие, чем инициирует его; она всегда здоровается первой, приходя в чужой дом, независимо от возраста хозяев.

Диалектно-просторечная ФРЭ *здоро'во* и собственно диалектная *здоров был* (изменяемая по роду и числу с учетом пола и количества коммуникантов) употребляются информантом только при общении с односельчанами: П.М. Здравствуйте. В.П. **Здоро'во**; [Подруге, пришедшей в гости:] **Здор'ова была**; [Мужчине:] **Здоров был!**; А я говорю, пришла [к односельчанам]: «Ну **здоров'вы были**». – «Здоров'вы». Ну чё, то да друго'. – «Как живёте?» – Да ничё». В коммуникации с незнакомыми людьми и горожанами (в том числе – с близко знакомыми диалектологами-собирающими) эти языковые единицы не зафиксированы.

Обращение

Н.И. Формановская определяет обращение как начало включения контакта с собеседником [19. С. 62], хотя, на наш взгляд, начало контакта маркируется, прежде всего, приветствием. Если оно адресовано знакомым людям, обращение может дополнять приветствие или опускаться (см. примеры выше). Исследователь подчеркивает, что обращения функционируют в виде многочисленных номинаций: антропонимов, именовании родства, социальных отношений, профессиональных маркеров и др. [19. С. 62].

Стандартные формулы этикетных обращений с апеллятивами в дискурсе диалектной ЯЛ немногочисленны. Их круг довольно узок: в него входят некоторые обозначения лиц по полу и возрасту ([к *пожилым односельчанкам*:] *Давайте, садитесь, девочки!*; [к *собирающим*:] *Айда', девки, чай пить*); [к *молодым мужчинам*:] «*Ребята, – я говорю, – шесть часов! Давайте собирайтесь, ступайте, Юре же на работу*»); наименования родственных связей ([вспоминает детство:] *И после еды опе'ть молимся Богу*).

¹ Расстановка знаков препинания в контекстах не всегда совпадает с пунктуационными правилами, поскольку отражает особенности интонационного членения текста (наличие/отсутствие пауз в речи). При передаче диалогических фрагментов дискурса реплики диалектоносителей обозначены инициалами, реплики собирателей материала и комментарии даны в квадратных скобках. Связные фрагменты речи в примерах отделяются точкой с запятой, сокращения контекста обозначаются знаком «~».

«Спасибо, **тя'тя, мама!**»; **Кума**, ты поешь пирожок-то, о'споди!; Как мамина сноха она была раньше, мы **«тётя Нюра»** звали её - всё так говорили.

При этом многие этикетные апеллятивные обращения, широко представленные в литературной речи (см. [20. С. 592–610]), исследуемой ЯЛ не используются. Например, в дискурсе диалектоносительницы имеют место лексемы *женщина, мужчина, сестра, сын, брат*, но вокативные формы от них не выявлены. Как правило, их заменяют имена и/или отчества знакомых ей лиц – выбор антропонимических форм также определяется этикетными нормами с учетом возраста, родственных связей, статуса коммуникантов, ситуации общения (см. подробнее [21]). Так, молодого сельского фельдшера крестьянка «за глаза» называет *Ирой* и даже *Иркой* (*И тут фе'ршалом послали **Иру**, суды' работать её направили; И вот это, боль и боль лю'та, боль прямо... ~ Вчара' пошла к Ане, и говорю: «Позовите хоть **Ирку**, пусть посмотрит она»*), но при личных контактах – по имени-отчеству, иногда сбиваясь на форму неполного имени: *А у вас нету, **Ира Владимировна**, этого, «звёздочки»?; Я говорю: «**Ира**, у меня никакого пенцилли'на не было»*.

И.А. Стернин отмечает, что «в русском речевом этикете обращения по должности, профессии и занимаемому положению употребляются очень ограниченно» [22. С. 46]. Это утверждение подтверждается на нашем материале.

При обращении к адресату в диалогическом общении используется в качестве отклика вопросительная частица *оу*: *С: Кума! В.П. О'у?; С:Баб Вера! В.П. О'у?*

В единичных случаях наблюдаются окказиональные обращения с коннотативными компонентами: [*Родственнице, которая ушла куда-то надолго:*] *Ты куда ушла-то? [шутливо:] **Беглянка**, куда скрылась?; [собирателям, любовно:] **Дорогу'шечки мои**...; [увидев приехавшую к ней из города старую подругу, всплескивает руками и радостно говорит:] **Солнце моё кра'сно!***

При обращении к близким коммуникантам диалектоносительница нередко использует словосочетания оценочных прилагательных (в том числе ласкательных), иногда с именем и местоимением *мой*: *А я-то ей не пишу. А этот раз Вале: «Пиши ты, **моя хоро'ша**, пиши ты, **моя дорогая!**»; И сахарок заодномя' захвати, **Катенька, миленька, до'бренька**.*

В ряде работ наряду с обращениями рассматриваются как примыкающие к ним нейтрально-вежливые формулы привлечения внимания типа «Будьте добры, как пройти...», «Простите, вы не скажете...» и т.п. [20. С. 592–610; 22. С. 37]. В речи исследуемой ЯЛ формулы второго типа очень редки¹. Таким образом, для диалектного дискурса характерна персонализированность коммуникации.

¹ Такой пример (*Вы меня извините...*) приведен ниже.

Знакомство

Большинство лиц, с которыми вступает в коммуникативный контакт исследуемая личность, ей хорошо известны: в их числе родственники, односельчане, давние знакомые из областного центра и окрестных сел, время от времени приезжающие погостить. В связи с этим эпизоды знакомства в дискурсе информанта достаточно редки; соответственно, немногочисленны и ФРЭ, связанные с ситуацией знакомства. При общении с незнакомыми людьми крестьянка обычно выясняет, как зовут собеседника: *Я говорю [печнику]: «Как вас звать-то?»* – «Лексе'й... Николаич». – Ну, я «Лексе'й Николаич» его... [стала звать]. Я: «Ну вот сколько будет стоить печку разобрать?».

Если приезжие при знакомстве называют себя только по имени (обычно это молодые диалектологи), информант уточняет неизвестное ей отчество. В таких случаях в вершининском говоре используются два варианта, где диалектные лексемы употребляются как заместители неизвестного отчества: *Наталья че'вна? Ба'тьковна* или *Как вас дра'зняют-то?*

При недолгом общении в прошлом, не закрепившемся в памяти, знакомство возобновляется: адресант уточняет персону адресата и представляет себя повторно: «**Вы меня извините, Марья Михайловна, – говорю, это вы?**» Она гыт: «Я. А ты хто?» Я говорю: «**А я Вера. С Верши'ниной, – говорю, – ездили кода'-то суды'.**»

Прощание

Этикетные формулы прерывания контакта вербализуются в конечный момент общения [19. С. 66].

В дискурсе диалектной ЯЛ прощальные ФРЭ реализуются в разных вариациях сценария расставания.

Маркером начала прерывания контакта при достаточно длительном повседневном общении служит частица *ладно/ну ладно*, сигнализирующая о завершении разговора, в том числе при прекращении коммуникации: *Ну ладно, я от вас отдаляюсь, пойду покормить; Ну ладно. Пойду я, помаленьку, пошм'нгаю траву.*

Наиболее распространенной этикетной формулой прощания выступает в диалогическом единстве *до свиданья/до свидания* (редко – *до свиданьица*): Ю.Н. [собирается уходить]. Ну ладно, тётя Вера. В.П. **До свидания;** О.Л. *До свиданья.* В.П. **До свиданья.** Не забудь, Оля, пойдёшь там, скажи; В.П. *А Катя всё уж, собралась, ехать.* ~ **До свиданья**, моя хорошая; С. *До свидания.* В.П. **До свиданьица.**

Этикетное *до свидания* может заменяться иными формулами. Несколько пожеланий связаны с мотивом божественного покровительства. Так, покидая хозяев, уходящий гость говорит *истава'йся с Богом*; уходящему или уезжающему посетителю хозяйка также желает благополучного ухода с

Богом (Гена вчара' в окно махнул, позавчара': «Я пошёл». Я говорю: «Иди давай, с Богом»), встречи с близкими благодаря Всевышнему (Ну, «дай Бог встречи за ваши речи». Это говорят. ~ Ну, поехала от ты домой – ты с мамой встре'тисся, а там, может, с другом, с тётей, ли с подругой).

Прощание с дорогими гостями (обычно с близкими знакомыми или родственниками из города, приезжающими не часто) наиболее ритуализовано. При расставании хозяйка сопровождает гостей до калитки, напоследок вручаются гостинцы или скромные подарки; формула прощания, как правило, сочетается с рядом формул РЭ благодарности, просьбы, пожелания: Ну, Катенька, **спасибо тебе за всё до'бро, не забывай меня**; В.П. [пришедшей односельчанке:] Зайди, зашла бы? Р.В. Нет, Вера, пойду, я уже долго... Время дополна'. ~ В.П. Ну ладно, **спасибо тебе большо', дай бог тебе здоровья**.

Важным моментом в ситуации прощания является передача приветов. Если пришедшие к информанту передают привет от знакомых в начале установления коммуникативного контакта (Аня пришла: «Тебе Татьяна Лексе'вна [подруга-односельчанка] привет присла'ла»), а приехавшие изда-лека сообщают о приветях в беседе, где обмениваются новостями своей жизни с хозяйкой, то при расставании с гостями информант передает привет (Это, Людмиле Георгиевне там привет большу'чий передайте), в том числе родственникам гостей, даже лично незнакомым (Привет там своей мамочке передай, хоть я её и не знаю – передай там). Устная и письменная передача приветов в кругу когда-то живших вместе в Вершинино поддерживает социальные связи, значимые для представителей традиционной культуры: У меня знако'ма-то, на Пятом-то [о закрытом городе вблизи Томска], она мне письмо присла'ла. И пишет: «Передай привет Матрёне Артемьевне». Там подруга у меня в Магада'евой ~, тоже пишет мне, тоже Моте привет передаёт. Присла'ла Люда письмо, Лена гыт, «мама, гыт, просит передать привет тёте Моте». Я думаю: сколько приветов-то! Я понесу ей.

Формулы этикетной рамки прослеживаются не только в устном варианте дискурсивной практики ЯЛ, но и в письмах малограмотного информанта¹. В них встречаются приветствия и обращения (**Здравствуити маи дорогия Людмила Геворгиевна; Здравств[у]и Нина Алексевна Нина нет ли у тебя дроже[й] крош[ечку]**); в зачинах эпистолярного текста отмечены также клишированные формулы передачи приветов и поклона, которые входят в зачин письма (Здравствуи Екатирина Вадим[о]вна [с] Сердечном приветом Вера Прокопивна; [с] Сердечном Приветом и Снискем Поклоном Вера П[рокофьевна]).

В одном из писем завершающая часть маркирована частицей *ладно*. Концовка письма также может содержать привет (**Передай Привет людмиле**

¹ При передаче фрагментов эпистолярных текстов сохранены черты малограмотного письма: отсутствие знаков препинания, пропуск букв, смешение заглавных и строчных, орфографические ошибки, отражение диалектного произношения и др. В квадратных скобках восстановлены лакуны письма и даны некоторые пояснения.

геворגעвнэ и сваёй маме) и поздравление (*Поемете [«поймёте»] нэт маю песанину [«писанину»] Ладно С прасняком Вас хорощо прывести*). Текст заканчивается этикетной формулой прощания – в отличие от устной речи, только в форме «до свиданьца» и просторечной частицы «пока». Финальная часть также отражает просьбы приезжать в гости, продолжать переписку, пожелания здоровья; в одном из писем упоминается поцелуй как знак доброго расположения. Завершает письмо датировка и иногда подпись адресанта: *Ну пока бут[ь] здорова Пишы до сведанца целую 10-3-92 г; ну досведанца Пре[и]жа[й] В гости 13-2 1990 года Вершинина В.П.; ну бут[ь] здорова Преижай Поскоре[й] до сведанца.*

Обратим внимание на то, что во всех четырех описанных коммуникативных ситуациях представлена бытовая сфера дискурса.

Этикетные вкрапления

Этикетные вкрапления в дискурсе, по классификации Н.Г. Тырниковой, необязательны, но также являются важным компонентом реализации этикетного начала в тексте. В ее работе отмечены такие вкрапления, как благодарности, извинения, поздравления и просьбы [15. С. 17–8].

Полный перечень подобных единиц в литературе по РЭ отсутствует. «Обычно называют более десяти важнейших этикетных позиций (ситуаций), отчетливо различающихся и имеющих свой этикетный словарь, который характеризуется разнообразием вариантов: обращение и привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, комплимент, сочувствие, приглашение, просьба, согласие, отказ» [14. С. 355]. Дадим обзор ФРЭ в дискурсе диалектной языковой личности, отталкиваясь от этого списка и дополняя его с учетом данных спонтанной речи информанта¹. Состав коммуникативных ситуаций с этикетными вкраплениями значительно превышает список таких ситуаций, относящихся к этикетной рамке.

Просьба

Наиболее широко просьбы представлены в бытовой дискурсивной сфере – в ситуациях, связанных с необходимостью удовлетворения материальных потребностей одинокой пожилой женщины (покупка продуктов, нужных вещей и лекарств) и физической помощи (ремонт, заготовка дров на зиму, чистка снега, трудоемкие работы в огороде). Этикетные формулы чаще всего включают императив, обозначающий каузируемое действие: *Привези мне воз навозу, Лексе'й!* Этикетность может усиливаться обращением, перформативным глаголом, частицей *пожалуйста* и

¹ Некоторые обозначения этикетных ситуаций «Стилистического энциклопедического словаря...» в статье частично изменены или дополнены.

словосочетаниями *будь до'бра/до'бренька, будь добрый, будьте до'бры (Купи'те, пожалуйста. Пожалуйста. Будьте до'бры; Попрошу тебя, будь до'бра: вот к этой Нине по молоко сходи)*, формулами с мотивами труда – *потрудись, не затруднись, не посчитай за трудность, не ленись (Тома, купи, не поишытай за трудность)*. Используются множественные приемы смягчения категоричности бытовых просьб: вопросительные конструкции, в том числе с отрицанием (*Ты мне не сошьёшь платье?*), модальными единицами (*Может, ты посо'бишь мне банки вытаскать?*). С этой же целью вербализуются тактики, подчеркивающие незначительность, несложность просьбы, аргументы необходимости ее выполнения для адресанта (см. подробнее: [12]), косвенные формы побуждения собеседника через намек (*Георгий вышел за ворота', я говорю: «Гоша, у тебя нету никакой досо'чки, хорошенькой такой, гладенькой?»*).

Наряду с бытовыми просьбами, в диалектном дискурсе выявлены и ситуации иных сфер. Призывы, репрезентирующие нормы поведения ЯЛ и в то же время учитывающие интересы партнера, можно квалифицировать как просьбы этической сферы. Они предполагают побуждение в пользу не только адресанта, но и адресата, выходящего на первый план.

Такие просьбы нередко возникали в ситуациях взаиморасчетов, когда односельчане приносили крестьянке выловленную рыбу или городские гости привозили для нее лекарства, покупали что-либо для общего стола. Отказ дарителей принять в этих случаях деньги всегда вызывал споры и просьбу хозяйки расплатиться: *Знашь чё, Лексе'й, ты бы взял деньги с меня. Я бы развязана была, не ишыталась бы, что я до'лжна; Ты мне, пожалуйста, не покупай ничё так на свои деньги там! Ли покупай, дак деньги бери*. Некоторые ситуации ЯЛ оценивала как потенциально опасные для здоровья или благополучия адресата: *А я всё говорю Мише [сыну]: «Миша!» Я говорю: «Ты не кури, у нас в родне прямо совсем не курили никто!»; Я ему [мужу скончавшейся сестры В.П.] говорила тогда: «Володя, ты не напивайся [на поминках]! Пожалуйста, не пей, тебя разорят, уташишут!» И мясо уташишут, ешь чё уташишь, всё равно*.

В отличие от просьб бытового характера, в этических просьбах редко используются формы сослагательного наклонения (*ты бы взял деньги с меня*), не зафиксированы вопросительные конструкции, модальные единицы. При этом неоднократно отмечены так называемые отрицательные просьбы (*не покупай, не кури, не пей...*), нетипичные для просьб о помощи, а вербализация просьбы часто носит эмоциональный характер. Здесь отсутствуют косвенные просьбы. Аргументация в основном встречается в просьбах, где ЯЛ пытается предотвратить какие-то негативные последствия в жизни близких родственников, опираясь на свои представления о нормах морали и жизненных ценностях.

Можно выделить также просьбы сакральной сферы, отражающие следы языческих и христианских верований, переплетающиеся в традиционной культуре. Часть из них сохранилась в обычаях и обрядах сельского социума, культурной памяти диалектоносительницы.

Крестьянка хранит воспоминания детства об обряде кормления домового – *дедушки-сусе'душки* – в день сорока святых мучеников. Описание обряда включает не только невербальную составляющую, но и просьбу в адрес мифологического персонажа: *Мама нам тесто дас, а мы лепим. Вся'кив пташечек налечим... Она каки'- то булочки стря'пат... дедушке-сусе'душке. Вот: «Дедушка-сусе'душка, попо'й мою скотинушку, пона'стойвай нас, не забывай»*. Булочки эти испечёт в печке, и отец ли кто пойдёт: *«Поло'жьте там под сле'гу или под ма'тку в подпо'льяв»*. В легенде о хлебе «на собачью долю», также запомнившейся женщине из материнских рассказов, встречается просьба о подаении милостыни: *А это мама говорила. А это... пошёл Исус Христос. И попросил под окошком: «Сотворите ми'лостинку ради Христа истинного!» – под окошко подошёл. Бродяга, ну, старичок»*. Аналогичный текст просьбы практически совпал в рассказе ЯЛ о странствующих нищих, проходивших через село Вершинино. Хранится в ее памяти и обрядовый текст колядования на Святки с просьбой к односельчанам об угощении: *«Рождество' славим Христе' боже наш» – про-сла'вуют его, пропоют – «Ну, хозяин с хозяйюшкой, если нету денег пол-тины, то дайте хлеба ломти'ну»*. Эти архаичные тексты с содержащими их просьбами уходят в прошлое одновременно с устареванием обрядов.

Адресатом просьб в области сакрального может выступать также Бог. Собирателем записано несколько пересказанных вслух молитв, среди которых «Отче наш» завершается просьбой: *«Отче наш! Отче наш, [неразборчиво несколько слов], да святится имя твоё, да при'дет будет царьствие твоё, да будет воля твоя, яко на земле, хлеб наш даждь нам днесь, не введи нас во искушение, но изба'ви нас от лукавого»*.

В спонтанных бытовых ситуациях просьба, обращенная к Всевышнему, встречается редко. Как правило, это просьба о прощении – показатель нарушения говорящим нравственных и религиозных норм: *Я говорю: «А кака' мука? Если высший сорт... я говорю: мне высший сорт [надо], а такой... тёмну мне не надо – прости меня, господи, грешницу! может, грех. Близкая по форме просьба звучит также при употреблении сниженных языковых средств: Я кого... прости бог, соплёт перешибить, и то, всё равно ись хочу; [Нянчится с ребёнком:] Куда [пошёл], Саша? Сволочь какой, прости ты меня господи»*.

Некоторые устойчивые словосочетания с компонентом Бог/Господи (*боже избавь, не дай бог, спаси бог помилуй*), как отмечает Л.Г. Гынгазова, подверглись семантическим изменениям и приобрели новые смыслы со значением желательности/нежелательности [23].

В разных ситуациях наблюдаются ритуальные просьбы о благословении. Их адресатами преимущественно выступают родители, которые благословляли своих детей в особо значимые моменты жизни не только от своего имени, но и от лица Господа. Одним из наиболее важных значимых событий считается благословение на брак: *Это, Степан опе'ть запрёт кони'шка, поехали [к родителям невесты]. Приезжа'м, ~ я стала в ноги так от*

кланяться: «Ну, **тя'тя, баслови'те меня**». ~ Ну и баслови'л. Большой сохранностью характеризуется обычай обращения с просьбой о благословении к умирающим родителям: *Кода' она стала болеть, он [сын] говорит: «Мама, прости меня»* – мне Нинка Данилина сказывала. **«Мама, баслови' меня. Мама, прости меня, баслови' меня!»** – «Бог тебя баслови'т». *Всё равно, мать дак мать и есть. Всё равно сказала. Близкая по семантике просьба о прощении встречается и на похоронах: Ну, она так плакала: «Ой, мамочка! Родна' моя кормилица, мамочка! Прости меня за всё. Много я тебе горя принесла».* Она же ребёночка принесла в девках ~. Ну а... позор же, как вроде бы. В обоих ситуациях просьба содержит элемент покаяния.

Обращенные к Богу молитвы и просьбы о благословении на труд, соотносимый с сакральными сущностями, звучали в Вершинино еще в начале XX в. Этому обычаю следовали отец и мать крестьянки перед началом посева: *Поедут сеять, я помню, тя'тя – поедет сеять, дак мама Богу помолются, свечку зажгут. Помолются, басловя'сь.* ~ *Зажгут свечку, помолются, [когда] первый раз сеять поедут, пшеничку.* В этот же период в идиолектном дискурсе встречается упоминание о молодой невестке, которая ежедневно просила у родителей мужа благословения на доение коровы: *...постар'шие меня была, четвёртого году [1904 года рождения], Ольга Иванна. Она вышла вза'муж, от тут, к Лёньке от к этому – и тоже пойдёт: «Тя'тенька, мамонька, баслови'те меня!» – корову пойдёт доить. [Каждый день?] Ка'жный раз, в день два раза. Угу, угу. Ка'жный раз доили, и... помолится, богу пойдёт.*

Продолжение этих традиций в просьбе благословения на труд и отдых наблюдалось в речевом поведении ЯЛ на рубеже XX–XXI вв.: *[начиная сажать пироги в печь:] Господи, баслови'!;* *[ложится спать:] О'споди, баслови' Христос;* Иногда в ситуации отхода ко сну звучала и лаконичная просьба о прощении: *Ой! О'споди, прости меня!*

Благодарность

Этикетные средства выражения благодарности передают в общении чувство признательности за помощь, внимание и заботу, доброе отношение. В сфере бытового общения крестьянка благодарит за помощь родню и соседей: *Я в бане [у родственников] помылась, да говорю: «Спасибо вам!»;* *Ходит она всё время [ко мне соседка], спасибо, ходит;* *Мне Аксинья, спасибо, давала [мазь], я намажу, намажу...; Спасибо, никто не забыл меня [в день рождения].* Благодарность звучит и в адрес приезжих гостей: *Спасибо вам за проздравле'нье, открыточку; Спасибо, и так вы всё... [привозите]; Катерине Петровне большо' спасибо за ваучер и за гостинцы.*

Как можно видеть, информантом чаще всего используется самая распространенная общерусская ФРЭ *спасибо*. С ней часто сочетается пожелание *дай бог <доброе> здоровья*, отчасти также несущее семантику благодарения: *Спасибо тебе большо', дай бог тебе здоровья; Маруся, дай бог тебе здоровья. Помогли мне.* Синонимичными высокочастотному *спасибо* можно

считать и нелитературную ФРЭ *спаси те бог* (Посара'най [*«почеши»*] мне спину мале'нько. [Так?] Ладно, *спаси те бог*).

Сакральное начало закреплено в формуле *царство небе'сно* (кому), по сельскому обычаю содержащей благодарность в адрес не только того, кто угощает, но и ушедших из его жизни родных¹: [*Ешьте виноград.*] *Спасибо. Царство небе'сно вам папочке. Вадим – че'ич был? Вадим Палыч.*

Благодарственное *спасибо* отмечено также в речи хозяйки после ритуального угощения приглашенных гостей: *Спасибо вам, пришли, поели маломало. Поесть-то ши'бко нечего хорошего.* В синонимический ряд входит, кроме того, устаревающая этикетная формула благодарности в ситуации угощения, сохранившаяся в речевом жанре воспоминания: *«Ну-у, садись, чашку чаю выпей!» – она садится. Правда, чашечку, не откажется. Раз скажи, два, и всё сядет. «Покорно благодарим». Хоро'ша старушка была.* Благодарность скончавшемуся родственнику могла встречаться и в похоронном обряде: *Привывала ешо [на похоронах]: «Спасибо тебе, что по-собил мне малых детушек поро'стить».*

В качестве ответа на благодарность в диалогических единствах встречаются единицы *на здоровье* и *пожалуйста*: *А.Н. Спасибо, Вера Прокофьевна. В.П. На здоровье; [Спасибо.] Ой, пожалуйста. Дак а за чё спасибо-то?*

Извинение. Прощение

ФРЭ, связанные в дискурсе диалектоносительницы, касаются разных сфер. Архаические сакральные представления о госте как посланнике Бога [7] закрепились не только в ритуалах потчевания, но и позднее в этических правилах общения с гостями. Нарушения этих правил в нашем архивном материале единичны. Хозяйка извиняется, когда не уделяет гостю должного внимания, отвлекаясь на домашние работы (*Ну ладно, Катерина Вадимовна, извини меня, я пойду окошко вымою одно*), и не соблюдает ритуал парадного убранства стола (*Вы уж меня извините, я прямо за'просто вас потчевая, должны быть и стака'нишки, у меня там наверху лежат они. Рюмочки я не утаскиваю*).

В единственном эпизоде ссоры с подругой зафиксирована просьба информанта о прощении из-за нарушения этики. Приглашенная на именины подруга пришла к ней на день позднее, и именинница назвала ее *не со зла* сниженным словом. *Она как заплачет, заревёт, бежать... Я за ей: «Да Поля, да ты чё? Ну прости меня, ну чё, вырвалось у меня так да всё... прости».*

В обоих случаях признание говорящим вины обозначено императивными формами – *извини* и *прости*. При этом Р. Ратмайр подчеркивает, что ФРЭ *извините* обозначает меньшую степень вины, а *простите* – более значительную вину, выражающую просьбу не сердиться [24. С. 22].

¹ Ср. также далее употребление аналогичной формулы в ситуации *Пожелание*.

В дискурсе ЯЛ встретился сакральный текст обряда прощения в Прощеное воскресенье: В.П. *За'втре ешо день последний, Прошшоный день. Прошшаются. [То есть «до свиданья» говорят?]* М.А. **«Прости меня Христа ради».** В.П. **Бог простит.** М.А. *Это я вам скажу. А вы отвеча'те: «Меня простите Христа ради». – «Бог вас простит» – ты отвеча'шь.* В.П. *Угу. Раньше это было, так в обычае.* Вероятно, диалогическое единство с реакцией на просьбу о прощении сформировало близкую формулу ответа в бытовой коммуникации. Ср.: *[Не умеющий считать деньги односельчанин пытается отдать их В.П. «на сохранение»:]* В.П. *Да не надо! Кто-нибудь уташишь да всё. Кого я теперь, дурочка настоя'шша.* И.К. *Прости меня.* В.П. **Бог простит тебя.** *Давай ступай.*

Приглашение

Этикетные приглашения в речи диалектоносительницы связаны с приходом гостей в двух ситуациях, где сакральная сфера переплетается с бытовой. Приглашение прийти в гости осуществляется заранее, по важным праздничным поводам. Здесь используются императивные формы: **Приходи** *за'втре [на день рождения];* *К нам пригуляйте.* Приглашение к угощению более спонтанно; оно обращено к тем, кто зашел без договоренности навестить односельчанку (по свидетельству ЯЛ, таких зашедших *попроведа'ть* иногда насчитывалось в день до двадцати и более). Хозяйка предлагает сесть за стол и присоединиться к трапезе (чаще всего – чаепитию с закусками и сладостями), перечисляя и рекламируя кушанья. Используются императив *сидись, поешь(те)*, частицы *айда'(те)* и *давай(те)*, номинации предлагаемой еды: Аксинья, **сидись чай пить!** *Мы сёдня пироги состряпали. Семьёй!;* Ты раздевайся, **сидись, всё равно выпьешь** чашку чаю, *не отра'висся;* **Айда',** *девки, чай пить;* **Айда'те, поешьте** картошки, *пока тёпленьки;* **Давай поедим,** *хоро'ша ягодка!;* **Поешь** кусочек! *Возьми поешь.* **Сидись, Катя, а?;** **Сидись, Аксинья! Яичко съешь,** *от колбаски мале'нько, капу'ски.* В таком импровизированном застолье с небольшим числом участников прослеживаются некоторые элементы торжественного ритуального потчевания (см.: [7]), а само общение поддерживает коммуникативные дружеские связи, представляющие собой ценность традиционной культуры.

Пожелание. Поздравление

Этикетные формулы с пожеланиями отмечены прежде всего в разных ситуациях бытовой сферы. Частотны пожелания в ситуации угощения хозяйкой гостей. Они содержат прежде всего мотив здоровья: *Да пей ты пей на здоровье;* *Ну давайте, давайте, выпейте сразу да поешьте на здоровье!* Выходящее из употребления пожелание посетителей дома *Чай с сахаром!* в адрес принимающих пищу хозяев (фактически оно подразумевало достаток, поскольку сахар в деревне был довольно дорог) постепенно стало

вытесняться более поздним пожеланием: *Ну, скажут: «Чай с сахаром вам!» «Приятного ли аппетита», – скажут кода'.*

В быту сохранились также пожелания перед сном (*Ну ладно, спать будем. О'споди, баслови! Покойной ночи*), после посещения бани (*Быстро вы вымылись. С лёгким паром вас!*) и при чихании (*Будь здоро'ва да сця'слива*).

Не менее значимой частью быта крестьянки являлся труд. Традиционная культура породила множество благопожеланий успешной работы в разных видах трудовой деятельности: обработка льна и прядение, доение коровы, стирка, стряпня, рыбалка, охота и многое другое. К сожалению, многие из них сохранились в местных говорах лишь в небольшом количестве (за исключением вологодских [5]); такая же картина в среднеобском регионе.

Среди архаизирующихся ФРЭ трудовой деятельности, выявленных в лексиконе диалектной ЯЛ, некоторые из них могли заменять приветствия в ситуации встречи коммуникантов: *Ну прядёшь – «спорина' тебе в пряжу» [желают]; [А если стираешь, что говорят?] Тоже говорят чё-то, а я забыла. «Беле'нько тебе в корыте!» Раньше [говорили]; «Море под кормилицей!» [желали при доении коровы]. Кака' хоро'ша пословица. Случай спонтанного употребления устаревших благопожеланий в трудовой деятельности, по нашим данным, не сохранились, но словарь А.Г. Балакая относит близкие к ним варианты (*Бело в корыте!; Море под кормилицу (кормилицей)!; Спорынья' в работе!*) к теме «приветствие при встрече» [20. С. 587–591]. В то же время благопожелание *помогай вам Бог!* в идиолекте ЯЛ встретилося как в метатекстовом приветствии (*Захо'дют, чё-нибудь делают либо чё, в огороде делают – «Помогай вам Бог!»*), так и в спонтанной речи информанта, где функционально высказывание отражало не приветствие в момент уже состоявшейся встречи с адресатом, а пожелание облегчения труда: [*Копачущей в огороде картошку:*] *Катерина Вадимовна! Помогай вам Бог.* В памяти крестьянки сохранились и паремиологические варианты ответной реплики: *Бог-то Бог, да сам, гыт, не будь плох; А и так говорят: «Бог-то Бог, да и ты бы помогла!».**

Сакральное начало представлено в ситуации упоминания умершего, где покойному принято желать загробной жизни в раю: *Царство небе'сно моей мамочке; А мне Коленька [брат] сделал [лавочку], царствие ему небесное.* Благопожелание дополняется диминутивными формами именования дорогих людей.

Досуг в диалектном социуме связан с бытовым и сакральным началом. В ситуациях отмечания личных, государственных и церковных празднеств лаконичные этикетные пожелания, как правило, примыкают к поздравлениям с наступившей или наступающей праздничной датой: *С. Мне шестьдесят семь лет. В.П. С днём ангела тебя, дай бог тебе здоровья; [из письма от 1 мая:] С прасняком [«праздником»] Вас хорошо превести [«провести»].* Традиционен и диалогический обмен поздравлениями с Пасхой: *С. Христос воскрес! В.П. Воистину воскрес.*

Согласие

Выражение согласия в дискурсе информанта вербализуется рядом частиц. В бытовом диалогическом общении они маркируют утвердительный ответ на вопрос собеседника: *Иван Иванович за ворота'ми: «Ты чё, Вера, устала?» – на меня говорит. Я говорю: «Ага»; [А кольца медные были?] Да, вся'ки были; «Чё, дорого?» Я говорю: «Ну дорого, **конешно**»; Это «твори'ло» называется. [Вход в погреб?] Ну, ну.* Этикетными языковыми средствами маркируется также подтверждение реплик, высказанных партнером по коммуникации (*С. Икону косо поставили. В.П. Угу. После подправлю; Лук я не солила. [Солили.] А-а, ну мало, мало солила. **Правильно**, солила да'йче; С.Н. Ну если пойдёшь [в баню], часов в восемь приходи. В.П. **Ладно**; [Я молока выпью.] В.П. **Давай**. А я это... чай попью*) или закрепленных в паремиях изречениях (*С: Дак от и рвут цветок, пока цветёт. В.П. Да, поблётнет – и...; Не бойся, гыт, смерти, бойся старости. **Правда что, придёт холера***). Как можно видеть, здесь преобладают модальные слова, частицы встречаются редко.

Несогласие

Отрицательные ответы на вопросы, заданные собеседником, встречаются в дискурсе информанта нередко, но они не ущемляют интересов партнера по коммуникации – адресат предоставляет ему только нейтральные сведения: *Сижу тут-ка, она: «Баб, ты чё, не слышишь ли чё ли?» Я говорю: «Нет, а чё?»; [Покойника сразу в гроб кладут?] Не-ет, а гроб-то де возмёшь?* Обмен репликами такого рода не ущемляет интересы ни одного из коммуникантов и не связан с речевым этикетом.

Среди этикетных формул несогласия, выражающих негативное отношение к чему-либо, выделяются отказ и возражение.

В дискурсе исследуемой ЯЛ отказ информанта выявлен в конкретных ситуациях, где односельчане просят одолжить денег или спиртное, а также предлагают свои услуги либо помощь. Крестьянка отказывалась в тех случаях, когда не считала это целесообразным и/или наносящим ущерб своему хозяйству. Как правило, при отказе используются частицы и слова категории состояния *нет, не и нету*; отказ смягчается разными способами: утверждением об отсутствии просимого («Тётя Вера! Давай бутылочку!» Я говорю: «**Нету у меня**»), важности вещи для самой женщины (*Но'нче Лёнькин это, мальчик, прибежал – ему семо'й год... А это... я у ворот. А он: «Баба Вера, ты мне ремешок этот дай!» – бич ему надо ишелка'ть, у ворот, ремешок. Я говорю: «**Не-ет, нет!**» Я говорю: «Ты чё это? А я как буду ворота' [открывать]?»*), отложенным обещанием выполнить просьбу (***Нет, нет, не дам** [сейчас бутылку]. Идите работайте, за мной не пропадёт*); встречается также отказ с объяснением и уступкой (*Они всегда деньги занимают у меня. ~ У меня есь деньги, дак я же... возраст-то какой мне,*

девятый десяток – ты подумай-ка! Дак если – вдруг я свалюсь? Да, может, ты же придёшь, да мне хоть попить подашь – я тебе пятёрку – десятку хыть и дам». ~ Я говорю: «**Две-то** [тысячи рублей] **не дам, а тысячу дам**»).

Предложение о помощи отклонялось адресатом с мотивировкой отсутствия необходимости или неэффективности потенциального результата: Предлагал мне тут дяденька один: «Возьми, возьми собачку, возьми!» Я говорю: «**Не надо**»; «Я тебе выставлю окошки» – а сама от така', вся ходенём ходит, ни ись ничё не может [родственница с болезнью Паркинсона]. Я говорю: «**Ты у меня прибьёшь их все! Прилома'шь, тогда' чё будем делать?**»).

Несогласие, реализуемое через возражение, проявляется через оценку чужого мнения или мысли как неверное, не соответствующее взглядам ЯЛ. В речи информанта передающие возражение разнообразные маркеры ФРЭ (частицы *никого не*, *ну*, *нимало*; междометия *брат*, *беда*, существительное *неправда*) категоричны, нередко имеют экспрессивные, иронические коннотации: А.П. *Жарко, наверно, Вера, ты посадила [пирог в печь]*. В.П. **Никого не жарко**; «Батюшка – Бог» – она называ'т [священника]. Я говорю: «**Ну! Это неправда! Какой батюшка Бог!**»; А.П. *Надо было Колю с Геной заставлять [помочь]*. В.П. **Беда, заставишь! Не ши'бко разбегутся, Гутя!**; *Надо вырастить пе'рво [огурцы]*. – «Ну, вырастим». Кого, **брат**, наро'стит тоже.

Дискурс сибирской крестьянки демонстрирует преобладание высказываний со значением несогласия над значением согласия, что отмечено на разном материале в других исследованиях [25, 26].

Утешение, сочувствие

Формулы РЭ, служащие в бытовой и этической сфере средством выражения сочувствия, сострадания, жалости к собеседнику, немногочисленны. Две из них зафиксированы в словарях русского литературного языка и в словаре А.Г. Балакая [20. С. 39, 308]: Он говорит: «Вера, ты не плачь, ты **береги себя**, ну чё же ты так. Мы не бросим тебя, никогда тебя не бросим»; *Гладит меня, да приголу'бливат*: «О'споди, да **не плачьте**...». Фразеологизм *пойти прахом* имеет некоторые отличия от общерусского: если в Словаре русского языка он толкуется как «погибнуть, уничтожиться» [27. С. 359], то в идиолекте значение более узкое – «не принести обогащения» [28. Т. 3. С. 111] и связано с воровством: *Вася приезжал тот раз, попроведовал меня, пожалел ~*: «Ну не переживай [об украденном], ну чё... **Всё прахом пройдёт там [у воров], баб Вера!**». Собственно диалектный фразеологизм (*два, три* и т.п.) *гроба вынести* в значении «похоронить (хоронить), потерять (терять) столько-то близких, членов семьи» [28. Т. 1. С. 161] призван облегчить потерю родных в сравнении с горем утешающих: *да я тоже три гроба вынесла да одна осталась*»).

В речи диалектной ЯЛ встречается много фрагментов, где женщина, рассказывая о жизни односельчан и родственников, а иногда и посторонних для нее людей, сочувствует им, сопереживает как своим, так и чужим: *Братика-то ши'бко жалко, он был полуризо'ванный; Ой, бе'дна Вера, надо же, бабе сорок лет. Не дай бог! Так мается. Я была – она ху'денька-ху'денька, желудок болит; Он [Горбачёв], бедный, постарел даже. Похудел. Как-то тут то аварии, то то, то друго'. Бедный, не знат чё применить; Он молодой, с сорок шестого года, а этот тридцать восьмого но'нче по'мер, хороший был, даже вчу'же жалко. Ну, чужой – и жалко. Вчу'же жалко; Бедненький, он сиротой остался.*

Как можно видеть, в таких высказываниях часто встречается прилагательное *бедный*. Однако разговор информанта с односельчанкой об их соседке, у которой пьющая дочь, показал особенности словоупотребления этой лексемы: *П.М. Ну, она всё мне... В.П. Всё рассказала? П.М. Всё рассказала. В.П. Ой! Я говорю: «Да бе'дна ты разбе'дна, Валька!» – ей прямо так от в глаза говорю, назвала её так... «Бе'дна ты!» П.М. А я «бе'дна» не сказала, говорю: «Валя, это твоё горе. Ой, Валя, какое твоё горе!» Она: «Конешно, гыт, горе». В.П. Горе.*

Диалог свидетельствует о том, что использование прилагательного *бедный* при непосредственном контакте с адресатом является для диалектоносительниц табуированным (В.П. признается подруге в нарушении табу); предпочтительнее сказать о горе. Возможно, запрет на эту лексему *в глаза* связан с ассоциацией бедности, нужды.

Похвала

Похвала в адрес человека представлена в идиолектном дискурсе весьма скупо.

Одобрительная оценка свойств характера, трудолюбия, умения кого-либо обычно дается заочно с использованием оценочных слов *мастер, мастери'на, мастерица, мастеровой, молодец*: *Молодец парень. Всё де'лат; Вот у нас отец был, мастеровой был, бра мастеровой был.* Похвала при непосредственном контакте с собеседником встречается редко: *А ты хоро'шу каку' ша-ньгу-то мне прислала. Мастерица прям хорошо ты состряпала.*

Аналогичная картина наблюдается и при оценке внешней привлекательности человека – чаще «за глаза» (*А она така' красавица, высо'ка, краси'ва, волосы вот таки' прям; Он красивый, из-за реки можно продать – вон какой красивый!*); гораздо реже в его присутствии ([Любовно, маленькому мальчику:] *Моя класавица!*; [городской женищине:] *Ну давайте, идите, идите, моя хоро'ша. Спасибо вам. Куколка*).

Заключение

Рассмотренные в статье этикетные формулы репрезентируют универсальные закономерности их функционирования в речи: их бытование в

широком круге дискурсивных сфер и коммуникативных ситуаций общения (в ряде случаев – с их переплетением и наложением); доминирование формул одних этикетных ситуаций над другими (так, полученные выводы о преобладании ситуации несогласия над согласием и превалировании ситуации просьбы над всеми остальными совпали с заключениями Н.Г. Тырниковой [15] и И.А. Стернина [25]); постепенное изменение состава ФРЭ по мере развития языковой системы.

Вместе с тем лингвоперсонологическое изучение этикетных формул исследуемой языковой личности отражает многие особенности культурно-языкового ландшафта сибирского старожильского села:

- преобладание в исследуемом материале общерусских формул речевого этикета над нелитературными (диалектными, диалектно-просторечными, диалектными вариантами общерусских единиц) указывает на черты говора вторичного образования в отличие от материнских говоров;

- этикетные вкрапления, «либо встроенные в структуру дискурса, либо образующие в нем отдельные минидискурсы» [15. С. 7], подтверждают вывод о специфике его стилевой стратификации с доминированием обиходно-бытового стиля при наличии высокого стиля и отсутствии официально-делового стиля (ср. [29]);

- рассказы крестьянки о бытовании в период ее жизни обычаев, обрядов и прецедентных текстов с языческими и христианскими элементами в этикетных формулах речевого этикета сохраняют следы ментальных характеристик жителей сибирского старожильского села;

- этикетные формулы в дискурсе языковой личности отражают аксиологическую значимость для крестьянского мира здоровья, пищи, семьи, достатка, общения. Обратим внимание на последний пункт в этом перечне: ФРЭ в дискурсе информанта «работают» на коммуникативную функцию, но прежде всего не столько на контактоустанавливающую ее подфункцию [19. С. 15] (так как в старожильских селах с постоянным составом жителей эти контакты давно установлены и достаточно стабильны), сколько на регулятивную – контакто-поддерживающую подфункцию для сохранения доброжелательных отношений как одной из важнейших ценностей традиционной народно-речевой культуры.

Список источников

1. Толстой Н.И. Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991. С. 5–22.
2. Гришанова В.Н. Речевой этикет говора как элемент народной культуры // Славянский альманах. 1998. С. 307–311.
3. Зубова Ж.А. Фразеология орловских говоров как отражение мировосприятия диалектоносителей (на материале приветствий-пожеланий) // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 5–6 (44–45). С. 458–463.
4. Кузьмина Е.Б. Формулы приветствия в псковских говорах // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. 26–28 апреля 2012 года, Псков. Ч. 1. Псков, 2012. С. 180–184.

5. Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда : ВГПУ, 2012. 216 с.
6. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во Том. политехнич. ун-та, 2007. 200 с.
7. Иванцова Е.В. Речевой жанр потчевания в традиционной народной культуре // Жанры речи. Вып. 7: Жанр и языковая личность. Саратов, 2011. С. 269–279.
8. Иванцова Е.В. Вариативность текста как проявление речевой культуры диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 14–19.
9. Иванцова Е.В. Речевое поведение диалектной языковой личности в конфликтных ситуациях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 26–44.
10. Иванцова Е.В. Формулы речевого этикета с благопожелательной семантикой в дискурсе носителей среднеобских говоров как отражение народной ментальности // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 35–41.
11. Иванцова Е.В. Правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющая языкового ландшафта сибирского старожильского села // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 61–80.
12. Иванцова Е.В. Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 40–58.
13. Демешкина Т.А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 122–126.
14. Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Речевой этикет // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Флинта – Наука, 2003. С. 354–358.
15. Тырникова Н.Г. Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 24 с.
16. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.
17. Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов, 1978. 112 с.
18. Кузьмина Е.Б. Формулы приветствия в псковских говорах // Русский язык в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конференции : в 2 ч. Ч. 1. Псков, 2012. С. 180–184.
19. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1987. 158 с.
20. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: Формы доброжелательного общения. 6000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-Пресс, 2001. 672 с.
21. Астафьева Е.А. Идиолектный антропонимикон как источник изучения языковой личности диалектоносителя : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2017. 244 с.
22. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.
23. Гынгазова Л.Г. Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная релогия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 158–165.
24. Ратмайр Р. Функциональные и культурносоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 15–22.
25. Стернин И.А. Основные особенности русской коммуникативной культуры // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет : материалы 2-й междунар. конф. «Język rosyjski w przestrzeni językowej i kulturowej Europy i świata: Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet» (Warszawa, 6-9 maja 2004). Варшава : Изд-во Варш. ун-та, 2004. С. 32–55.

26. Крайнова А.С. Согласие и несогласие в русском речевом общении: лингвистический и коммуникативный аспекты // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2012. № 4 (14). С. 81–86.

27. Словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984. Т. 3.

28. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 1–4. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996–2012.

29. Иванцова Е.В. К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики. Вып. 2, ч. 1. Томск, 2003. С. 135–146.

References

1. Tolstoy, N.I. (1991) [Language and culture (some problems of Slavic ethnolinguistics)]. *Russkiy yazyk i sovremennost': Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki* [Russian language and modernity: Problems and prospects for the development of Russian studies]. Conference Proceedings. Part 1. Moscow: Russian Language Institute. pp. 5–22. (In Russian).

2. Grishanova, V.N. (1998) Rechevoy etiket govora kak element narodnoy kul'tury [Speech etiquette of the dialect as an element of folk culture]. In: *Slavyanskiy al'manakh 1998* [Slavic almanac. 1998]. Moscow: Indrik. pp. 307–311.

3. Zubova, Zh.A. (2008) Frazеologiya orlovskikh govorov kak otrazhenie mirovospriyatiya dialektonositeley (na materiale privetstviy-pozhelaniy) [Phraseology of Oryol dialects as a reflection of the worldview of dialect speakers (based on greetings and wishes)]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 10 (5–6 (44–45)). pp. 458–463.

4. Kuz'mina, E.B. (2012) [Greeting formulas in Pskov dialects]. *Russkiy yazyk i literatura v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve* [Russian language and literature in a multicultural communicative space]. Conference Proceedings. Pskov. 26–28 April 2012. Part 1. Pskov. pp. 180–184. (In Russian).

5. Zorina, L.Yu. (2012) *Vologodskie dialektnye blagopozhelaniya v kontekste traditsionnoy narodnoy kul'tury* [Vologda dialect wishes in the context of traditional folk culture]. Vologda: VSPU.

6. Kazakova, O.A. (2007) *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialect language personality in the genre aspect]. Tomsk: TPU.

7. Ivantsova, E.V. (2011) Rechevoy zhanr potchevaniya v traditsionnoy narodnoy kul'ture [Speech genre of regaling in traditional folk culture]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Vol. 7. Saratov: Kolledzh. pp. 269–279.

8. Ivantsova, E.V. (2013) Text variability as a manifestation of the speech culture of a dialect language personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 376. pp. 14–19. (In Russian).

9. Ivantsova, E.V. (2020) The Speech Behaviour of a Dialect Language Personality in Conflict Situations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 66. pp. 26–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/66/2

10. Ivantsova, E.V. (2020) Speech Etiquette Formulas With Good Wishing Semantics in the Discourse of Speakers of Middle Ob Dialects as a Reflection of Folk Mentality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 35–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/461/5

11. Ivantsova, E.V. (2021) The Rules of a Dialect Language Personality's Speech Behavior as a Component of the Siberian Old-Resident Village Languagescape. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 61–80. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/74/4

12. Ivantsova, E.V. (2022) Functioning of the Speech Genre of Request in the Discourse of the Dialect Language Personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 79. pp. 40–58. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/3

13. Demeshkina, T.A. (2022) Kul'turno-yazykovoy landshaft transgranichnogo regiona: vozmozhnosti opisaniya [Cultural and linguistic landscape of a transborder region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii*. 7. pp. 122–126.

14. Duskaeva, L.R. & Protopopova, O.V. (2003) Rechevoy etiket [Speech etiquette]. In: *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta – Nauka. pp. 354–358.

15. Tyrnikova, N.G. (2003) *Obshchee i spetsificheski natsional'noe v rechevom etikete (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [General and specifically national in speech etiquette (based on the material of Russian and English)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

16. Formanovskaya, N.I. (1998) *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinit obshcheniya* [Communicative and pragmatic aspects of communication units]. Moscow: Russian Language Institute.

17. Gol'din, V.E. (1978) *Etiket i rech'* [Etiquette and speech]. Saratov: SSU.

18. Kuz'mina, E.B. (2012) [Greeting formulas in Pskov dialects]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve* [Russian language in a multicultural communicative space]. Conference Proceedings. In 2 parts. Part 1. Pskov. pp. 180–184. (In Russian).

19. Formanovskaya, N.I. (1987) *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]. 2nd edition. Moscow: Russkiy yazyk.

20. Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa: Formy dobrozhelatel'nogo obkhozhdeniya. 6000 slov i vyrazheniy* [Dictionary of Russian speech etiquette: Forms of friendly treatment. 6000 words and expressions]. 2nd edition. Moscow: AST-Press.

21. Astaf'eva, E.A. (2017) *Idiolektnyy antroponimikon kak istochnik izucheniya yazykovoy lichnosti dialektonositelya* [Idiolectal anthroponymicon as a source for studying the language personality of a dialect speaker]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

22. Sternin, I.A. (1996) *Russkiy rechevoy etiket* [Russian speech etiquette]. Voronezh: Istoki.

23. Gyngazova, L.G. (2005) Kartina mira yazykovoy lichnosti dialektonositelya: naivnaya religiya [Picture of the world of the language personality of a dialect speaker: naive religion]. In: *Yazyk i obshchestvo v sinkhronii i diakhronii* [Language and society in synchrony and diachrony]. Saratov: Nauchnaya kniga. pp. 158–165.

24. Ratmayr, R. (1997) Funktsional'nye i kul'turnosopostavitel'nye aspekty pragmaticheskikh klishe [Functional and cultural-comparative aspects of pragmatic clichés]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 15–22.

25. Sternin, I.A. (2004) [Main features of Russian communicative culture]. Proceedings of the 2 International Conference *Jezyk rosyjski w przestrzeni jezykowej i kulturowej Europy i swiata: Czlowek. Swiadomosc. Komunikacja. Internet*. Warsaw. 6–9 May 2004. Warsaw: Warsaw University. pp. 32–55. (In Russian).

26. Kraynova, A.S. (2012) Soglasie i nesoglasie v russkom rechevom obshchenii: lingvisticheskiy i kommunikativnyy aspekty [Agreement and disagreement in Russian speech communication: linguistic and communicative aspects]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 4 (14). pp. 81–86.

27. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Russkiy yazyk.

28. Ivantsova, E.V. (ed.) (1996–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete dictionary of a dialect language personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.

29. Ivantsova, E.V. (2003) К вопросу о стилистической стратификации дискурса носителя традиционного говора [On the stylistic stratification of the discourse of a traditional dialect speaker]. In: *Aktual'nye problemy rusistiki* [Current problems of Russian studies]. Vol. 2 (1). Tomsk: Tomsk State University. pp. 135–146.

Информация об авторе:

Иванцова Е.В. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории общей и сибирской лексикографии при кафедре русского языка филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Ivantsova, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Laboratory of General and Siberian Lexicography, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.09.2023;
одобрена после рецензирования 2.10.2023; принята к публикации 6.10.2023.*

*The article was submitted 24.09.2023;
approved after reviewing 2.10.2023; accepted for publication 6.10.2023.*

Научная статья
УДК 81-115
doi: 10.17223/19986645/85/3

Диалектика света и тьмы в романе Маргарет Этвуд «The Handmaid's Tale» и ее отражение в русском переводе: лингвостилистический аспект

Анна Сергеевна Изволенская¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
anna@izvolensky.ru*

Аннотация. Исследуется вопрос переводческой адекватности. Методологическая проблема достижения этой ключевой характеристики перевода рассматривается на материале антиутопии М. Этвуд «The Handmaid's Tale». Исходя из выводов из анализа концептуально значимых фрагментов романа и их переводов, сформулирован главный теоретический вывод: адекватность перевода нужно трактовать как последовательность в применении стратегии с учетом функциональной доминанты и идейной сущности оригинала.

Ключевые слова: Маргарет Этвуд, «The Handmaid's Tale», свет и тьма, фигуры сравнения, адекватность

Для цитирования: Изволенская А.С. Диалектика света и тьмы в романе Маргарет Этвуд «The Handmaid's Tale» и ее отражение в русском переводе: Лингвостилистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 43–59. doi: 10.17223/19986645/85/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/85/3

Dialectic of light and darkness in Margaret Atwood's *The Handmaid's Tale* and its representation in the Russian version: Language and style

Anna S. Izvolenskaya¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
anna@izvolensky.ru*

Abstract. In the present article I am focusing on translation adequacy, a substantial characteristic of a translated text, which, along with equivalence, is considered one of the central notions in Russian translation studies. To reflect on the methodological dimension of translation adequacy, I turn my attention to Margaret Atwood's 1984 dystopian novel *The Handmaid's Tale*. Conveying poetic prose, of which Atwood's acclaimed novel is an illustrative example, is no easy task. However, the Russian version of the novel made by Anastasia Gryzunova does offer some brilliant solutions. My

primary aim is to establish whether those solutions are in line with the translator's strategy, whatever the latter may have been; and to what extent those solutions, however creative they appear to be, actually contribute to conveying Atwood's poetic style. An adequate translation, as some of the prominent Russian and foreign scholars showed, should be regarded in terms of strategic consistency in the choice of language means. This idea, however, needs elucidation and further development as no distinction is currently made between what is "adequate" and what is "equivalent" in translation. I therefore argue that the notion of translation strategy cannot be viewed scientifically grounded unless moored in the notion of translation adequacy. To identify the translator's strategy and whether she actually had one, I have attempted to delve into the protagonist's psyche, her "wandering mind", uncovering the key messages encoded in the crucial parts of her monologue. I do this in terms of ideas verbalized within the light vs darkness binary concept. In doing so, I am concentrating on the heroine's account of what is *not* happening at the moment, her "daydreams" – a special term Gaston Bachelard introduced to denote the products of a "meditating" mind. I have established that: poetics, being the dominant function of Atwood's novel (1), manifests itself in the abundant metaphors and similes, typical of Atwoodian style (2); the novel's poetics could be semantically inspected within the light vs darkness conceptual paradigm (3). Building on these results of the cognitive analysis, I am formulating my major conclusion (4) that translation adequacy could and should be viewed as consistency in implementing a certain strategy, a choice of which shall be determined by the text's dominant function and its main philosophical idea. I express my confidence that pursuing a wisely chosen strategy might play a decisive role in conveying the original text's communication effect.

Keywords: Margaret Atwood, *The Handmaid's Tale*, light and darkness, metaphor and simile, adequacy in translation

For citation: Izvolenskaya, A.S. (2023) Dialectic of light and darkness in Margaret Atwood's *The Handmaid's Tale* and its representation in the Russian version: Language and style. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 43–59. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/3

*Моему университетскому педагогу,
дорогой Бунтман Надежде Валентиновне*

And the light shineth in darkness; and the darkness comprehended it not.
John 1:5

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.
Евангелие от Иоанна 1:5

Противостояние света и тьмы восходит к самому началу времен: космогонические мифы разных племен и народов хранят предания о сотворении мира из хаоса, что впоследствии нашло отражение в ветхозаветном рассказе. В мировой литературе диалектика света и тьмы обычно осмысливается как противостояние жизни и смерти, добра и зла. Антиутопия Маргарет Этвуд «*The Handmaid's Tale*» – не исключение. Поэтика восприятия мира через противопоставление тьмы и света, метафоричного *per se*, усиливается у

М. Этвуд различного рода метафорами и сравнениями, которых нами было насчитано 542 и 478 соответственно.

Художественный почерк одной из самых влиятельных писательниц современности, оказавшей не последнюю роль в формировании канадской литературной идентичности [1. Р. 12], достаточно хорошо исследован англоязычными филологами (J. Mallinson, S.E. Grace, L. Hutcheon, B. Blakely, E. Mandel, R. Cluett, M.-F. Guédon, Ph. Stratford, L. Weir, J.H. Rosenberg, G. Woodcock и многими другими). Среди выделяемых исследователями основных тем в поэзии Этвуд – такие экзистенциальные дилеммы, как антагонизм зловещего мира природы, полного тайн и загадок («the forest», «the land»), и обжитого пространства города («the city»); антагонизм искусства и жизни, статики и динамики [2. Р. 14]; проблема познания и сопутствующего ему страха («the dark side of light»); призрачность порядка, к которому стремится человеческий разум («the logic of windows»), и первобытный хаос, таящийся в глубинах индивидуальной психики («the underground», «the dark lake») [3. Р. 28].

Исследования русскоязычных переводов Этвуд не так многочисленны, хотя почти все главные ее романы переведены на русский язык. Насыщенность текста «The Handmaid's Tale» фигурами сравнения позволяет выдвинуть гипотезу о поэтике как важной функциональной доминанте романа, ведь метафора (а именно эта фигура в тексте превалирует) «органически связана с поэтическим видением мира» [4. С. 16]. При обращении к русскому переводу «The Handmaid's Tale», выполненному Анастасией Грызуновой, нас прежде всего интересует проблема методологического свойства: какое отражение данная функциональная доминанта получает во вторичном тексте и идентифицируется ли она переводчицей как таковая.

Вопрос об отражении в переводе функциональных доминант оригинала связан в отечественном переводоведении с понятием адекватности. А.Д. Швейцер вслед за К. Райс и Г. Вермеером связывает адекватность перевода в том числе с выбором *стратегии* перевода в зависимости от функциональных доминант конкретного текста [5. С. 95]. Однако четкого разграничения понятий «адекватность» и «эквивалентность» пока не выработано [6. С. 13]. С целью обоснования значимости стратегии как основного критерия такого свойства перевода, как адекватность, выясним на примере русскоязычной версии романа М. Этвуд «The Handmaid's Tale», в какой мере наличие/отсутствие у переводчика стратегии влияет на результирующий смысл частей (отдельных высказываний) и целого (идейной сущности). Задачи сформулируем следующим образом:

1. Идентифицировать лингвостилистические особенности концептуально значимых контекстов романа посредством анализа ключевых смыслов, кристаллизующихся вокруг понятий *light* и *darkness*.

2. Выяснить, насколько адекватно эти особенности отражены в переводе, понимая адекватность перевода как последовательность в принятии переводческих решений.

В нашем анализе концептуально значимых (т.е. содержащих компоненты пары *light – darkness*) высказываний мы ориентируемся на методы В.В. Виноградова, исследовавшего вопросы семантической символики поэзии Анны Ахматовой. Мы согласны с гипотезой учёного, впоследствии неоднократно подтвержденной видными отечественными филологами, о трансформации значения художественного слова на метасемиотическом уровне¹. Данный тезис применим и к исследуемому тексту, богатому разнообразными фигурами сравнения. Однако в данной работе мы, вслед за Е.С. Савиной, не будем проводить строгого разграничения между метафорой и образным сравнением ввиду их функциональной общности, считая различие между ними формальным, «зачастую заключающимся лишь в наличии или отсутствии различных средств выражения сравнения» [7. С. 90–91].

Семемы лексем *light* и *darkness* связаны с характеристикой помещения, освещенностью, поэтому наш общий методологический принцип мы подведем под теорию Г. Башляра о пространстве как философской категории «грёзы» (*la rêverie*) [8. С. 86]. Главная героиня романа «The Handmaid's Tale» вполне может быть определена как субъект грезящий, так как описываемые в ее рассказе люди, вещи и события непосредственно ею не наблюдаются. Фантазии о настоящем и прошлое, являющееся Оффред в воспоминаниях и снах, – все, непосредственно не связанное с реально происходящим в момент речи, мы обобщим под башляровским термином «греза». Более того, грезы Оффред, как правило, никак не связаны с происходящим в данный момент. Так, перед вечерней молитвой в Доме Командора описание окружающей обстановки линейно перетекает в изложение роковых событий трехлетней давности: «We wait, the clock in the hall ticks, Serena lights another cigarette, I get into the car. It's a Saturday morning...» (с. 172)².

В нейробиологии и психологии такое явление получило название «блуждающего разума» (*mind wandering*), и стихийность грез, порожденных «блуждающим разумом» Оффред, должна восприниматься читателем как вполне реалистичная, поскольку произвольный характер этого психологического явления подтверждается современными научными данными. Экспериментальные исследования, проведенные в 2010 г. гарвардскими психологами М. Киллингсвортом и Д. Гилбертом, показали отсутствие почти в половине (46,9%) случаев очевидной связи между повседневным занятием испытуемых и их мыслями. Более того, анализ полученных данных показал, что именно «блуждание разума» чаще всего становилось причиной, а не следствием печали [9].

Из 62 случаев, когда блуждающий разум Оффред переносит ее в разные миры, подавляющее большинство относится к воспоминаниям о семье (матери,

¹ См., например: Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи. Онтология и эвристика. М. : URSS, 2019. С. 151.

² Здесь и далее роман (оригинал и перевод) цитируется по: Atwood M. The Handmaid's Tale. М. : ЭКСМО, 2020. Издание включает в себя оригинальный и переводной тексты, представленные как параллельные. Страницы даются в круглых скобках.

мужу и дочери) и близкой подруге Мойре; 16 – к более свежим воспоминаниям о пребывании в Красном Центре, где готовят Служанок. Описание конкретных событий, диалогов, предметов из прошлого занимает части текста разной протяженности – от сравнительного оборота в составе предложения до строф, фрагментов и целых глав (например, самой первой главы).

В грезах Оффред раскрывается ее индивидуальность, что и определяет, на наш взгляд, их значимость с точки зрения идейно-философской сущности романа. Рассмотрению подлежат и контексты, которые не относятся к грезам. Критерием выборки тех и других стало содержание в них компонентов концептуальной пары *light – darkness*. Отбор контекстов осуществлен с учетом частотности употребления соответствующих лексем и слов их синонимических рядов [10. С. 2–4]. Текстocентрический характер методологии продиктован первостепенной значимостью перцепций [11. С. 23] – особенностями восприятия рассказчицей внешнего мира: светлого и темного. Переводные фрагменты анализируются с точки зрения соответствия конкретных стилистических решений А. Грызуновой (лексика и синтаксис) контекстуальной семантике. В нашем же стремлении связать эти локальные смыслы (из приводимых ниже в таблицах контекстов-фрагментов) в общую картину (т.е. философская суть) мы будем руководствоваться:

- универсальной семантикой концептуальной пары *light – darkness*;
- особенностями идиостиля М. Этвуд, представления о котором дает ее поэзия (ключевые мотивы, ассоциации, семемы).

Таким образом, двуплановость нашей методологии обусловлена обращением к семантическим универсалиям, с одной стороны, и к индивидуально-авторской интерпретации этих универсалий – с другой.

Светлое и темное пространство

Концептуальная значимость контекстов с лексемами *light* и *dark* связана, помимо их универсального свойства, и с тем, что для лишенной практически всех прав и свобод Оффред познание становится возможным лишь через посредство обоняния и зрения, причем последнее ограничено «крылышками» обязательного головного убора: *the white tunnels of cloth* (с. 38); *the funnels of our white wings* (с. 416); *pillowcases* (с. 432). «Ограниченная видимость» усугубляется повсеместно тусклым освещением или вовсе его отсутствием. Оффред делает акцент на недостаточной освещенности помещения: *semi-dark*, *semidarkness*, будь то здания бывшей школы, где держат Служанок, или комната в Доме Командора, в том числе и ее комната, которую ей претит называть своей. Лексема *dark* с производными насчитывает в тексте романа 67 вхождений; *black* – 71; существительное *shadow*, обозначающее плохо различаемые предметы, употреблено всего 17 раз, 7 из которых относятся к указанию на (силуэты) людей, и в этом же значении употребляется существительное *shape* (9 вхождений); лексема *obscure* с производными

насчитывает 8 вхождений¹. Обратимся к некоторым из ключевых контекстов, актуализирующих идею тьмы:

№ п/п	The Handmaid's Tale	Рассказ Служанки
1	<i>...it was implicit in everything she did say. It hovered over her head, like the golden motes over the saints, of the darker ages</i>	Парило у нее над головой, как позолоченные девизы над святыми Средневековья (с. 299)
2	<i>I remember the quality of the pictures, the way everything in them seemed to be coated with a mixture of sunlight and dust, and how dark the shadows were under people's eyebrows and along their cheekbones</i>	Я мало что помню, но запомнила качество снимков: всё на них будто покрывала взвесь солнечного света и пыли , и у людей темны были тени под бровями и вдоль скул (с. 301)
3	<i>...so that there would have been only the one flash, of darkness or pain... and then silence. I also believe that Luke is sitting up, in a rectangle somewhere, gray cement... He is surrounded by a smell, his own, the smell of a cooped-up animal...</i>	...чтобы одна только вспышка тьмы или боли, тупой, я надеюсь, как слово бух, только одна, а затем молчание. Еще я верю, что Люк сидит в прямоугольнике серого бетона ... Его обволакивает его собственная вонь , вонь запертого зверя... (с. 215)
4	<i>I am only a shadow now, far back behind the glib shiny surface of this photograph. A shadow of a shadow, as dead mothers become</i>	Я ныне лишь тень , далеко-далеко за сияющей гладью этого снимка. Тень тени , как все мертвые матери (с. 479)
5	<i>...the marble mantelpiece to my right and the mirror over it and the bunches of flowers were just shadows at the edges of my eyes</i>	...рамочная каминная полка справа, и зеркало над ней, и букет были тогда лишь тенями на грани видимости (с. 29)
6	<i>...I've seen them, from above, from behind my curtains, dark shapes, cutouts</i>	...я видела их сверху из-за моих занавесок, темные формы, силуэты (с. 205)
7	<i>...he's looking into the room, dark against its light</i>	он смотрит в комнату, темный в комнатном свете (с. 101)
8	<i>The windows of the vans are dark-tinted, and the men in the front seats wear dark glasses: a double obscurity</i>	Окна фургонов затемнены , а мужчины на передних сиденьях носят черные очки: двойная тьма (с. 47)
9	<i>...he's of interest to me, he occupies space, he is more than a shadow</i>	...он интересует меня, заполняет пространство, он не просто тень (с. 337)

Контексты 1–4 относятся к грезам, 1 и 2 – к воспоминаниям о Красном Центре. Пропагандистские речи наставницы Тети Лидии (Aunt Lydia) призваны превратить Служанок в послушных «двуногих маток» («two-legged wombs» (с. 284)), ведь женщинам в Республике Гилеад запрещено читать, писать, заводить друзей, вообще вести нормальную социальную жизнь. Идиоматичное словосочетание «darker ages» вполне можно передать его русским эквивалентом «темные века», поскольку здесь актуализируется характерная и для англоязычной культуры ассоциация с тьмой невежества; к

¹ Данные получены с помощью программы для корпусных исследований AntConc.

тому же образ наставницы резко отрицательный. Существительное *shadow* в описании внешности людей на старом фото придает нейтральному предмету (фотоснимку) зловещий характер: запечатленные на нем люди, скорее всего, давно мертвы или погибли трагической смертью.

Насильно разлученная с семьей героиня гадает о судьбе мужа, надеясь, что если его уже нет на свете, то его смерть, по крайней мере, не была мучительной. Темнота здесь символически соотносится со смертью и забвением. Однако монолог озаряется надеждой во второй «версии Люка», в которой существительное «вонь», выбранное переводчицей для передачи нейтрального *smell* («запах»), стилистически противоречит смыслу высказывания: «воняют» цветы в саду ненавистной Жены Командора Сирены Джой (*the humid air stinks of flowers* (с. 376)), в то время как мысли о муже полны нежности и печали.

Мучает Оффред и вопрос о судьбе дочери, которая, как ей точно известно, отдана «благополучной» семье¹: *Do I exist for her? Am I a picture somewhere, in the dark at the back of her mind?* (с. 134). Глядя на фото повзрослевшей дочери, которое для нее за «услугу» раздобыла Сирена, Оффред понимает, что девочка начинает ее забывать. Тоска по дочери передается повторяющейся метафорой с существительным “*shadow*” и сравнением с мертвыми матерями (5). Это ощущение стертости из памяти прочитывается и в других местах в романе, например, где Оффред называет себя «пропавшей без вести» (*I too am a missing person* (с. 210)).

В примерах 5–9, где речь идет о чувственных (визуальных) ощущениях, прилагательное *dark* и существительные *shadow* и *shape* используются для описания реально наблюдаемых предметов и людей, которых героиня по объективным причинам не в состоянии рассмотреть. Например, при первой встрече с Женой Командора Оффред не смеет разглядывать окружающую обстановку, так что предметы – лишь тени (5). Стражами тьмы предстают агенты тайной полиции (*Eyes*) в черных очках за тонированными стеклами черного автомобиля с подразумеваемой игрой слов (8), основанной на созвучии существительных *obscurity* и *security* (классический образ телохранителя в темных очках). Игру слов в этом случае трудно передать в переводе: словосочетание «двойная тьма» не вызывает у русскоязычного читателя никаких оснований на созвучии ассоциаций и потому звучит не как каламбур, а как неудачный оксюморон². В 9-м контексте существительное *shadow* употреблено в переносном смысле, скорее нейтральном, нежели

¹ Из «Рассказа...» следует, что неблагонадежность Оффред и ее мужа Люка в глазах новой власти связана с тем, что они никогда не состояли в официальном браке, Люк к тому же был разведен.

² Идиома *double security* обозначает понятие из области американской политологии, однако данное словосочетание узкоспециализированное и потому не является широко употребительным. Это позволяет нам очертить границу синтагмы с предполагаемой игрой слов существительным *obscurity* (без прилагательного *double*).

отрицательном: сближение с Командором, который перестанет в этом смысле быть для Оффред «тенью», не сулит ничего доброго.

Итак, концептуальная семантика контекстов с лексемой *dark* и ее производными, а также словами *shadow*, *shape*, *mist*, *black*, *gray* символически соотносится с мраком как со смертью, злом, невежеством, забвением и в целом характеризует подавленное эмоциональное состояние героини. Даже когда речь идет о темном помещении, полисемная лексема *dark* реализует, наряду с семемой «отсутствие света», и переносные, обусловленные широким контекстом значения, ведь и в Красном Центре, и в Доме Командора Оффред – невольница. Окружающий ее мрак – почти библейская «осязаемая» тьма, или «видимая тьма» («darkness visible») ада Джона Мильтона. Звучащая в его поэме ассоциация с преисподней, с тюрьмой («a **dungeon** horrible») [12. Р. 6]) обнаруживается и в тексте Этвуд: *He watched me...with that same air of looking in through the bars* (с. 327).

Однако, как отмечает сама Оффред, тьма есть доказательство света: *I believe there can be no light without shadow; or rather, no shadow unless there is also light* (с. 216). Идея света выражается лексемой *light* и словами синонимического ряда соответствующей семемы – *bright* (21 вхождение), *sunlight* (13), *glow* (8), *sparkle* (2), *candles* (7) [10. С. 2]. Сюда же отнесем и существительное *stars* (7 вхождений): эти излучающие свет небесные объекты отождествляются в поэзии Этвуд с древним знанием [1. Р. 53]. В следующих примерах олицетворяющая угрозу и неизвестность тьма противопоставляется свету:

№ п/п	The Handmaid's Tale	Рассказ Служанки
10	<i>...I could smell, faintly like an afterimage, the pungent scent of sweat, shot through with the sweet taint of chewing gum and perfume from the watching girls, felt-skirted as I knew from pictures <...> cardboard devils, a revolving ball of mirrors, powdering the dancers with a snow of light</i>	<i>...я улавливала – смутно, послесвечением, – едкую вонь пота со сладким душком жевательной резинки и парфюма девочек-зрительниц в юбках-колоколах – я видела на фотографиях... круговерть зеркальных шаров, что засыпали танцоров снегопадом света</i> (с. 7)
11	<i>From time to time I can see their faces, against the dark, flickering like the images of saints, in old foreign cathedrals, in the light of the drafty candles...</i>	<i>Временами я вижу их лица во мраке, они мерцают, точно лики святых в древнем иностранном соборе, в огоньках сквозистых свечей...</i> (с. 211)
12	<i>I used to think of my body as... an implement for the accomplishment of my will. Now the flesh arranges itself differently. I'm a cloud, congealed around a central object, the shape of a pear, which is hard and more real than I am and glows red within its translucent wrapping. Inside it is a space, huge as the sky at night and dark and curved like that... Pinpoints of</i>	<i>Когда-то я считала, что тело мое... орудие исполнения моей воли... Теперь плоть устроилась иначе. Я – облако, сгустилось вокруг центра, он грушевидный, плотный, он реальнее меня, он багрово светится в прозрачных обертках. Внутри его пустота – громадная, как ночное небо, и темная... Крошечки света распухают, всыхивают,</i>

№ п/п	The Handmaid's Tale	Рассказ Служанки
	<i>light swell, sparkle, burst and shrivel within it, countless as stars</i>	<i>взрываются и сморщиваются в нем, бесчисленные, как звезды</i> (с. 153)
13	<i>But a chair, sunlight, flowers: these are not to be dismissed. I am alive, I live, I breathe, I put my hand out, unfolded, into the sunlight</i>	<i>И однако солнце, стул, цветы; от этого не отмахнешься. Я жива, я живу, я дышу, вытягиваю раскрытую ладонь на свет</i> (с. 13)
14	<i>...her eyes, which were the flat hostile blue of a midsummer sky in bright sunlight, a blue that shuts you out</i>	<i>...глаз, где ровная злая синева, как июльское небо в солнечный день, синева, которая перед тобою захлопывается</i> (с. 31)
15	<i>Out there or inside my head, it's an equal darkness. Or light</i>	<i>Снаружи и в голове – та же тьма. Или свет</i> (с. 405)
16	<i>I sit in my room, at the window, waiting. In my lap is a handful of crumpled stars</i>	<i>Я сижу в комнате у окна, я жду. На коленях – грудa помятых звездочек</i> (с. 603)

Высказывания 10–12 относятся к грезам. Вид спортзала, наспех переоборудованного под спальное пространство Красного Центра, переносит Оффред в атмосферу школьных вечеринок (1). Подобно 3-му контексту, передача нейтрального существительного *smell* разговорным «вонь» представляется неадекватным решением, ведь призрачная картина вызывает тоску по свободе. Лица близких и родных, о судьбе которых героине ничего не известно, уподобляются лицам святых во 2-м контексте. 3-й контекст примечателен тем, что героиня сравнивает себя с облаком и одновременно с неким твердым грушевидным объектом со сверкающими внутри звездами. Так она разделяет свою личность (*cloud*) и тело, ставшее собственностью государства (на щиколотке Оффред – тавро). В 10-м примере примечательно употребление относительного местоимения «что» в значении «который», всего насчитывающее в тексте 77 случаев. Такое стилистическое решение акцентирует описательность текста, а следовательно, поэтику, хотя иногда может быть воспринято читателем как не вполне уместное, например: ...в восьмидесятых изобрели свинячьи мячи – для свиней, **что** жирели в загонах (с. 141).

Не менее поэтичны высказывания, не относящиеся к грезе: солнечный свет осмысляется как свидетельство жизни (4). Робкая надежда прочитывается и в 7-м контексте: Оффред словно ищет свет внутри себя, когда молится в темноте, настолько черной, что закрывать глаза, как это принято во время молитвы, она полагает бессмысленным. В 16-м примере метафорой *in absentia* [7. С. 90] дается указание на платье с пайетками, которое, когда Оффред впервые видит его в руках Командора, кажется ей сотканным из звезд (*The sequins are tiny stars* (с. 480)). Думается, в данном случае имеет смысл полностью придерживаться слова оригинала и передать словосочетание *handful of stars* (платье, которое Оффред надевала не по своей воле) как «горстка звезд». Смятое платье символизирует хрупкость и беззащитность героини перед обстоятельствами.

Слишком яркий свет вызывает у Оффред отрицательные ощущения: во время Церемонии искусственный свет режет глаза (*overhead lights, harsh despite the canopy* (с. 330)), причиняет почти моральное страдание. Голубизна глаз Сирены Джой для Оффред агрессивна (6). Горечь рабства бросает печальный отсвет и на образ солнца, этого древнего символа жизни, обуславливая неординарность перцептивной семантики, связанной со светом: *the sunlight diffuse but heavy and everywhere, like bronze dust* (с. 440). Переводчица здесь использовала прилагательное «тяжкий», которое наряду с соответствующим наречием употребляется ею в других местах романа для передачи смысла контекстов с прилагательным *heavy* (всего 10, причем 6 из них в оригинале метафоризованы), а также с прилагательными *hard* (4) и *bad* (1).

Прилагательное «тяжкий» используется и в качестве эпитета для передачи неметафоризованных в оригинале элементов: например, *heavy stone* как «тяжкий камень» (вместо букв. «тяжелый») в главе, где описана Церемония разрешения Жанин от родов. Творческое переводческое решение в данном случае представляется уместным не только потому, что соответствует индивидуальному стилю Этвуд. Все описание появления на свет ребенка проникнуто скорбным предчувствием надвигающейся беды: *It's coming, it's coming, like a bugle, a call to arms, like a wall falling, we can feel it like a heavy stone moving down* (с. 260). С другой стороны, метафоризованная передача словосочетания *heavy stone* как «тяжкий камень» может быть воспринята как избыточная, ведь поэтика описания процесса создается здесь в первую очередь однородными обстоятельствами и нетривиальностью самого сравнения – родовых потуг с призывом к битве.

В иных контекстах выбор прилагательного «тяжкий», которым в русском языке обозначается смертный грех («тяжкий грех»), вполне адекватен, учитывая многочисленные библейские аллюзии в романе и общую метафоричность речи Оффред. Когда Жена Командора, догадываясь о бесплодии супруга¹, просит Оффред пойти на близость с их шофером Ником в обмен на обещание раздобыть фото ее дочери, которую бедная женщина не видела три года, эта мысль повисает в воздухе как нечто вещное, а потому доступное для визуальной перцепции: *This idea hangs between us, almost visible, almost palpable: heavy, formless, dark* (с. 426). Передача в переводе однородных прилагательных в функции предиката как *тяжкая, бесформенная, темная* (с. 427) подчеркивает нравственную уродливость совершаемой сделки.

Наконец, почти физическое ощущение тяжести бытия переносится на восприятие времени, которое в неволе тянется мучительно долго. Унылость жизни без свободы подчеркивается выражениями *the long parentheses of nothing* (с. 140); *time as white sound* (с. 140); *geometrical days* (с. 412) и др. Когнитивное по своей сущности восприятие времени сближается со

¹ В Республике Гилеад бесплодными (читай – повинными) признаются только женщины.

зрительной перцепцией и даже физиологическим состоянием, уподобляясь тяжелой пище и густому туману: *time heavy as fried food or thick fog* (с. 554). Следует особо отметить, что семантические сдвиги типа *heavy* – *тяжкий* представляются вполне адекватными решениями, но поэтика этвудовских строк сохраняется и при буквальном их переводе (*белый шум, геометрические дни* и др.).

Таким образом, анализ переводческих решений в контекстах, где идея противостояния света и тьмы вербализуется в описаниях темного и светлого пространства, вполне доказывает первостепенное значение именно стилистической составляющей – важного инструмента создания поэтики прозаического текста. Дело в том, что при преимущественно традиционном лексическом выражении перцепций темного и светлого (тьма *darkness, dark*; свет *light, stars*; полутона *shadow, dim* и проч.) соответствие результирующего смысла переводного текста оригиналу в подавляющем большинстве случаев зависит от способности переводчицы передать неординарность средств сопоставления в метафорах и образных сравнениях. Именно в последних и раскрывается, через душевные переживания и стихийные воспоминания, личность рассказчицы, а ее перцепции омрачены невольничьей тоской. Более того, дословный перевод уравнивается по большей части интуитивными творческими решениями как на лексическом, так и на синтаксическом уровне.

Символика Луны

Единственным ориентиром для Оффред, лишенной всякой связи с внешним миром, даже календаря, становится Луна: *I tell time by the moon. Lunar, not solar* (с. 410). Но даже это небесное светило, фазы которого ассоциировались у древних с умиранием, возрождением и утраченным даром бессмертия [13. С. 44], воспринимается героиней как нечто тяжелое (прилагательное-эпитет *heavy* в описании Луны также передано как «тяжкая»). Так Луна описывается Оффред в 17-й главе:

The Handmaid's Tale	Рассказ Служанки
<i>The sky is clear but hard to make out, because of the searchlight... a moon does float, newly, a wishing moon, a sliver of ancient rock, a goddess, a wink. The moon is a stone and the sky is full of deadly hardware, but oh God, how beautiful anyway</i>	<i>Небо чисто, но из-за прожекторов не разглядишь... плывет луна, новорожденный месяц для желаний, осколок древней скалы, богиня, смешок. Луна – камень, и небеса полны смертельных железяк, но, Господи, как все же красиво</i> (с. 203)

Классифицированная форма с неопределенным артиклем подчеркивает переменчивый облик Луны и одиночество героини. В остальных случаях при передаче наименования этого небесного тела переводчица придерживается этой же стратегии, передавая определенную артиклевую форму с помощью прописной буквы. Созданию поэтического эффекта способствуют и однородные имена существительные с разным предметным значением (*a*

silver, a goddess, a wink). Переводчица следует синтаксису оригинала, проявляя креативность на лексическом уровне. Правда, существительное «месяц» обозначает не полную Луну, в то время как *wishing moon* – это именно полнолуние. Значение существительного *wink*, возможно, следовало передать глаголом («подмигивает»), трансформировав структуру всего предложения.

Наконец, общий поэтический эффект высказывания оказывается смазанным из-за существительного «железяки», которым передается стилистически нейтральное существительное *hardware* (букв. «смертельное оружие»).

Мифопоэтическим олицетворением проникнуто описание ночного светила и ранее, в 13-й главе:

The Handmaid's Tale	Рассказ Служанки
<i>Every month there is a moon, gigantic, round, heavy, an omen. It transits, pauses, continues on and passes out of sight, and I see despair coming towards me like famine. To feel that empty, again, again</i>	<i>Каждый месяц встает луна, гигантская, круглая, тяжелая – знамением. Она катится, замирает, катится дальше и скрывается из виду, и я вижу, как мором накатывает отчаяние. Я так пуста – снова, снова (с. 153)</i>

Здесь со свойственной Этвуд эвфемистичностью [2. Р. 6] дается указание на цикличные процессы женского организма, в чем проявляется немаловажный в канве романа мотив телесности [14. С. 2]. Если Оффред не сможет забеременеть и выносить ребенка для семьи Командора, ее могут объявить изгоем и отправить в Колонии. Неудивительно, что «пустота» приводит ее в отчаяние, единственным свидетелем которого выступает зловещая богиня-Луна. Передача определения *a moon... an omen* метафорой-метаморфозой (*встает знамением*) усиливает аффективный тон высказывания, подчеркивает зловещий облик Луны. Более того, прилагательный творительный падеж, который В.В. Виноградов предлагал обособлять от собственно метафоры в силу передаваемого им значения превращения с «отголосками “мифологического мышления”» [15. С. 79–81], оказывается здесь весьма удачным переводческим решением. Подобно древнему человеку, Оффред, лишенная календаря и часов, часы все же наблюдает: движение небесного светила *знаменует* для нее очередной временной цикл – еще один месяц, проведенный в неволе, в тягостном ожидании унижительной Церемонии. Переводчица привносит в текст и игру слов (*катится [луна] – накатывает [отчаяние]*), характерную для стиля Этвуд (ср., например: *In the Colonies, they spend their time cleaning up. They're very clean-minded these days* (с. 524)). Наконец, внутренняя семантика существительного «мор», опять же в составе метафоры-метаморфозы, вполне соответствует поэтике и смыслу высказывания в целом.

Важно отметить, что намеченная здесь перцептивная символика Луны бросает трагический отсвет на чисто, казалось бы, визуальное впечатление в главе 21-й: *In the dim light, in her white gown, she glows like a moon in cloud*

(с. 260). Сравнение рожающей Служанки Жанин¹ с плывущей в облаках Лунной прочитывается как предзнаменование трагичной судьбы, ее и ребенка, а семантически преобразованное существительное *moon* становится словом-символом.

Таким образом, если в рассмотренных в первой части контекстах, актуализирующих идею противоборства светлого и темного пространства, реализуется преимущественно конвенциональная семантика, присущая паре *light – dark* (добро и зло), то символика луны еще сильнее акцентирует индивидуальный, неповторимый характер средств сопоставления, окончательно выводя чувственное восприятие субъекта на ассоциативно-когнитивный уровень. Именно в данный момент (полнолуние) Оффред ощущает свою сопричастность природным процессам (ассоциация с биологическими циклами) и одновременно отчужденность от мира вещей (равнодушие неживой луны к трагедии человека). Соответственно, возрастает и роль творческой составляющей перевода, когда успех того или иного переводческого решения определяется комплексным подходом, проявляющимся в совокупной взаимосвязи отдельных решений, иначе – стратегией.

Подводя итог, нужно прежде всего отметить, что элементы концептуальной пары *light – darkness* в романе М. Этвуд «*The Handmaid's Tale*» в большинстве своем совпадают с общекультурными значениями: идея противоборства света и тьмы трактуется как противостояние знания и неведения, мудрости и невежества, добра и зла, жизни и смерти, гибели и спасения. Семантическая нюансировка означенных универсалий связана с обостренным восприятием окружающего мира героиней и общим «трагическим остовом» романа. Метасемиотическое значение отдельных языковых единиц амбивалентно, например, Луна может восприниматься как ориентир во мраке и как мрачное предзнаменование. Двойственна и контекстуальная перцептивная семантика полутонов (*shadow, shade*), призванных показать, сколь безрадостной представляется окружающая действительность человеку, лишенному свободы. В то же время эти тени, подобно серому налету сажи на озере в поэме М. Этвуд «*Woman Skating*», олицетворяют саму реальность [3. Р. 60], а также неведение, которое в каком-то смысле защищает Оффред от большего зла.

Проведенный анализ лексико-стилистических особенностей концептуально значимых контекстов антиутопии М. Этвуд полностью подтверждает сделанный на материале ахматовской поэзии тезис В.В. Виноградова о том, что «словесная объективация восприятия внешних явлений природы оказывается субъективным выражением личных эмоций героини» [15. С. 72]. Интенция грезящего субъекта оказывается особенно важной категорией, поскольку играет определяющую роль в «архитектонике смыслов» художественного произведения. Свет, реальный и воображаемый, олицетворяет

¹ Речь идет об эпизоде, где описывается публичная Церемония Дня Рождения (Birth Day): в случае успешного исхода родов Служанки новорожденный сразу же символически передается Жене Командора.

жизнь и надежду во тьме ада разного масштаба – комнаты-камеры, Доматюрьмы, наконец, «не знающей границ» Республики Гилеад. «Рассказ» начинается с озаряющей мрак грезы о свете (*snow of light*), и в последней главе, когда Оффред невольно примиряется со своим положением, свет надежды, пусть такой же тусклый, не покидает ее: *And so I step up, into the darkness within; or else the light* (с. 610).

Учитывая все вышеизложенное, сделаем следующие выводы:

1. Если адекватность перевода предполагает последовательность в осуществлении избранной переводчиком стратегии, то необходимость идентификации функциональной доминанты оригинала не вызывает сомнений. В антиутопии М. Этвуд таковой является стилистика идейно значимых фрагментов текста, по стилю и ритму близких к поэзии. Поэтический эффект текста «*The Handmaid's Tale*» создается, прежде всего, благодаря употреблению в составе метафор и образных сравнений речевых единиц с разноплановым предметным значением, создающих неповторимую перцептивную семантику высказывания. При этом нетривиальный характер идей, на основе которых осуществляется уподобление, и общая когнитивно-перцептивная семантика высказываний соответствуют смысловому содержанию концептов-универсалий *light – dark*, где *свет* и *тьма* наделены преимущественно положительными и отрицательными коннотациями соответственно.

2. Трактую адекватность перевода как последовательность в применении стратегии с учетом функциональной доминанты и идейной сущности исходного текста, на наш взгляд, можно точнее обозначить содержание понятия «адекватность». Уточнение подходов к трактовке этого центрального (наряду с эквивалентностью) для переводоведения понятия в рамках лингвистической парадигмы позволит применять более ясные критерии при оценивании переводческих решений: в каких случаях, например, проявление творческого подхода, отступление от буквы оригинала – необходимость, а когда – ненужное мудрствование. Поэтика этвудовского текста переводчицей, безусловно, прочитывается или, вернее, ощущается, о чем свидетельствуют отдельные стилистические решения (например, избыточное употребление «что» вместо «который»).

3. Критический анализ русскоязычной версии романа М. Этвуд выявил факт наличия как удачных, так и не вполне адекватных переводческих решений, зачастую в пределах одного высказывания, что свидетельствует о том, что как первые, так и последние являются скорее следствием действия по наитию, нежели *осознанного и последовательного* осуществления стратегии. Выработка оснований, на которых должна строиться стратегия перевода, является исключительно важным этапом работы с первичным текстом. Если в отдельных случаях текст располагает к проявлению креативности (например, привнесение в перевод свойственной для Этвуд игры слов, чтобы компенсировать невозможность / трудность передачи элемента этого же типа (игры слов) в другом месте оригинального текста), то в иных буквальным перевод представляется более целесообразным решением (*darker*

ages, flash of darkness и др.). Примерами адекватных решений могут служить и некоторые семантико-синтаксические сдвиги (*snow of light* – *снегопадом света*; *like famine* – *мором*; *an omen* – *знамением*). Таким образом, последовательное и осознанное претворение стратегии перевода – ключевой фактор, влияющий на результирующий смысл как отдельных частей исходного текста, так и всего текста в целом.

В своем интервью 2017 г. мисс Этвуд на вопрос о том, что сподвигло ее написать «The Handmaid's Tale», ответила, что ее, среди прочего, интересовал вопрос поведения людей в условиях серьезного психологического давления [16]. Интерпретация романа «The Handmaid's Tale» как исследования человеческой природы не менее актуальна сегодня, чем узкое (хотя и более выгодное как маркетинговый ход) феминистское его прочтение. Не только потому, что рабство в той или иной форме существует и поныне [17. Р. 31], но и потому, что человеку психологически трудно примириться с мыслью не столько о противоборстве тьмы и света, сколько об их неизбежном сосуществовании, и прежде всего – в собственном сердце. Недаром пропагандистскую фразу «Gilead is within you» профессиональное чутье подсказало переводчице передать как «Галаад – у вас в душе» (с. 50) (курсив мой. – А.И.). «The Handmaid's Tale» как яркий пример поэтической прозы требует осознанного, адекватного проявления переводческой креативности, а лексико-синтаксические особенности, преобразующие семантику незамысловатых строк М. Этвуд, безусловно, достойны более пристального внимания как практиков, так и теоретиков перевода.

Список источников

1. Macpherson H.S. The Cambridge introduction to Margaret Atwood. Cambridge University Press, 2010. 143 p.
2. Mallinson J. Margaret Atwood and her works. Ontario, 1984. 65 p.
3. Rosenberg J.H. Margaret Atwood. Boston, 1984. 184 p.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
5. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : ЛИБРОКОМ, 2019. 216 с.
6. Художественный перевод. Терминологический словарь-справочник / под ред. М.Б. Паренко. М. : ИНИОН РАН, 2014. 379 с.
7. Савина Е.С. Мир права и правосудия в текстах Жоржа Сименона. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019. 213 с.
8. Башиляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М. : РОССПЭН, 2004. 376 с.
9. Gilbert D.T., Killingsworth M.A. A Wandering Mind Is an Unhappy Mind. Science. 2010. URL: <https://scholar.harvard.edu/files/danielgilbert/files/a-wandering-mind-is-an-unhappy-mind-killingsworth-the-ma-science-2010.pdf>
10. Шушарина Г.А. Языковое содержание концептов Light и Darkness // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 313–318.
11. Кухтенкова А.А. Перцептивная семантика в романе Г.И. Газданова «Полёт» // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perseptivnaya-semantika-v-romane-g-i-gazdanova-polyot>
12. Milton J. Paradise Lost. St-Petersburg : Palmira, 2017. 254 p.
13. Фрезер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. 512 с.

14. Жаркова Е.П. Символика сада в антиутопиях М. Этвуд «Рассказ Служанки» и «Трилогия безумного Аддама» // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-sada-v-antiutopiyah-m-etvud-rasskaz-sluzhanki-i-trilogiya-bezzumnogo-addama>

15. Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой. (Стилистические наброски). Л. : Изд-во Фонет. ин-та языков, 1925. 165 с.

16. *Conversation with Margaret Atwood*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7a8LnKCzsBw>

17. Clapham A. *Human Rights. A Very Short Introduction*. Oxford University Press, 2015. 224 p.

References

1. Macpherson, H.S. (2010) *The Cambridge introduction to Margaret Atwood*. Cambridge University Press.

2. Mallinson, J. (1984) *Margaret Atwood and her works*. Toronto: ECW Press.

3. Rosenberg, J.H. (1984) *Margaret Atwood*. Boston: Twayne Publishers.

4. Arutyunova, N.D. (1990) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress. pp. 5–32.

5. Shveytser, A.D. (2019) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation theory: status, problems, aspects]. Moscow: LIBROKOM.

6. Rarenko, M.B. (ed.) (2014) *Khudozhestvennyy perevod. Terminologicheskii slovar'-spravochnik* [Literary translation. Terminological dictionary-reference book]. Moscow: INION RAS.

7. Savina, E.S. (2019) *Mir prava i pravosudiya v tekstakh Zhorzha Simenona* [The world of law and justice in the texts of Georges Simenon]. Moscow: Moscow State University.

8. Bachelard, G. (2004) *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected works: Poetics of Space]. Translated from French. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya ROSSPEN.

9. Gilbert, D.T. & Killingsworth, M.A. (2010) *A Wandering Mind Is an Unhappy Mind. Science*. [Online] Available from: <https://scholar.harvard.edu/files/danielgilbert/files/a-wandering-mind-is-an-unhappy-mind-killingsworth-the-ma-science-2010.pdf>

10. Shusharina, G.A. (2007) Yazykovoe sodержanie kontseptov Light i Darkness [Linguistic content of the concepts Light and Darkness]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 1. pp. 313–318.

11. Kukhtenkova, A.A. (2016) Perceptual Semantics in G.I. Gazdanov's Novel A Flight. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 405.pp. 23–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/405/3

12. Milton, J. (2017) *Paradise Lost*. St. Petersburg: Palmira.

13. Frezer, D.D. (1985) *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folklore in the Old Testament]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

14. Zharkova, E.P. (2017) The Garden Symbolism in Margaret Atwood's Dystopian Novels "The Handmaid's Tale" and the "MaddAddam" Trilogy. *Vestnik Ryazanskogo gos. universiteta im. S.A. Esenina*. 1. pp. 147–153. (In Russian).

15. Vinogradov, V.V. (1925) *O poezii Anny Akhmatovoy. (Stilisticheskie nabroski)* [On Anna Akhmatova's poetry. (Essays on style)]. Leningrad: Izd-vo Fonet. in-ta yazykov.

16. YouTube. (2018) *Conversation with Margaret Atwood*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=7a8LnKCzsBw>

17. Clapham, A. (2015) *Human Rights. A Very Short Introduction*. Oxford University Press.

Информация об авторе:

Изволенская А.С. – канд. филол. наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: anna@izvolensky.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Izvolenskaya, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: anna@izvolensky.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.09.2021;
одобрена после рецензирования 19.03.2023; принята к публикации 06.10.2023.*

*The article was submitted 30.09.2021;
approved after reviewing 19.03.2023; accepted for publication 06.10.2023.*

Научная статья
УДК 811.111.373
doi: 10.17223/19986645/85/4

Культурный фон английских устойчивых выражений с компонентом-антропонимом как детерминанта разной степени их освоения не носителями английского языка

**Наталья Александровна Лаврова¹, Александр Олегович Козьмин²,
Оксана Анатольевна Гумма³**

*^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия*

³ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹ n.lavrova@inno.mgimo.ru

² a.kozmin@inno.mgimo.ru

³ oksgumm@gmail.com

Аннотация. Рассматривается степень освоения не носителями английского языка английских устойчивых выражений с именем собственным прецедентного характера. Анализируются четыре группы антропонимических фразеологизмов: мифологические, связанные с бытом и фольклором англичан, библейского происхождения и содержащие имена литературных персонажей и героев кинематографа. Особое внимание уделяется культурному фону, т.е. культурным коннотациям, которые оказывают непосредственное влияние на степень усвоения устойчивых выражений прецедентного характера. По итогам анализа делается вывод о наличии статистической корреляции между культурным фоном антропологических фразеологизмов и степенью усвоения их семантики не носителями английского языка.

Ключевые слова: фразеология, идиоматика, антропонимика, тезаурус, культурный фон, прецедент

Для цитирования: Лаврова Н.А., Козьмин А.О., Гумма О.А. Культурный фон английских устойчивых выражений с компонентом-антропонимом как детерминанта разной степени их освоения не носителями английского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 60–84. doi: 10.17223/19986645/85/4

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/4

Cultural connotations of English anthroponymic idioms as indices of variable non-native English speakers' knowledge of their meanings

Nataliya A. Lavrova¹, Alexander O. Kozmin², Oksana A. Gumma³

^{1,2} *Moscow State Institute of International Relations MGIMO University, Moscow, Russian Federation*

³ *Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *n.lavrova@inno.mgimo.ru*

² *a.kozmin@inno.mgimo.ru*

³ *oksgumm@gmail.com*

Abstract. The aim of the article is to establish to what extent cultural connotations have a bearing on non-native speakers' awareness of semantics of idioms with proper names. The research is experimental and is justified by the following practical, methodological and pedagogical problem: most undergraduate students majoring in English seem to experience difficulty in understanding and interpreting anthroponymic idiomatic expressions as they lack awareness of the etymology of proper names as idiomatic components. With the above aim and problem in mind, the following methodology was applied. The research was conducted in a four-stage stepwise fashion. At the initial stage, the statistical method of systematic sampling was used, as a result of which 3476 idioms were selected for the total sample from current dictionaries of anthroponymic idioms. Other methods used in the research are stratified sampling, phraseological analysis, experimental research (open and closed testing), unstructured interview, the ANOVA analysis and the Tukey's HSD test. To obtain experimental data, 40 advanced Russian undergraduate students at Moscow Pedagogical State University (with the mean age of 23 years) were asked to complete a multiple-choice test. For this purpose, a subsample of 100 idioms was selected through the statistical method of stratified sampling. Thematically, the idioms selected for the test were divided into the following four groups: (1) mythological anthroponymic idioms, (2) anthroponymic idioms connected with English folklore and history, (3) idioms with biblical anthroponyms, (4) anthroponymic idioms traced back to popular films and literature. The participants were not aware of this thematic layout and were given 120 minutes to complete the task. Each idiomatic expression was thus given slightly more than a minute (about 64 seconds), which is enough time to come up with the target item if the learner is aware of its existence. Prior to the experimental task, an unstructured interview with each participant was conducted, in which they were asked to recollect several myths, several English traditions or customs, several biblical allegories and several well-known films or literary characters. The hypothesis of the research was formulated as follows: Russian learners' extralinguistic awareness of various historical and cultural precedents as well as idiomatic polysemy, semantic transparency and isomorphism have a direct bearing on linguistic knowledge of anthroponymic idioms. The directional hypothesis was that idioms that have the names of literary and cinematic characters are interpreted better than the rest of the idioms. The results of the ANOVA analysis and Tukey's HSD test confirmed the working hypothesis and revealed that there is a statistically significant difference between mythological idioms and the other three groups. The inter-group variation proved to be 6 times as high as the intra-group variation, with p-value at 0.000669.

Given that F-critical is at 2.66256856, which is lower than F (6.00977), the null-hypothesis about learners' equal awareness of the semantics of different groups of anthroponymic idioms was rejected. The post-hoc Tukey analysis revealed the honestly significant difference being at 2.8877, while the pairwise comparison between the four groups of idioms revealed a statistically significant difference between groups 1 and 2, 1 and 3, 1 and 4. However, the directional hypothesis was disproved. Given the research findings, it seems relevant to conduct a multi-factorial statistical analysis taking into account several parameters of idioms, such as their transparency, isomorphism and polysemy. Participants' gender can also be taken into account: it would be interesting to see if there is a positive correlation between the gender and understanding of feminine and masculine idioms. Another factor worth considering is the channel through which idiomatic knowledge is spread and in what way it has a bearing (either positive or negative) on the degree of their internalization by non-native speakers and learners of English.

Keywords: phraseology, idiomaticity, anthroponymics, thesaurus, cultural connotations, precedent

For citation: Lavrova, N.A., Kozmin, A.O. & Gumma, O.A. (2023) Cultural connotations of English anthroponymic idioms as indices of variable non-native English speakers' knowledge of their meaning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 60–84. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/4

Введение

Распространённость устойчивых выражений в речи такова, что, согласно наиболее консервативным подсчётам, каждое пятое высказывание является идиоматическим [1]. Это свидетельствует о важной роли устойчивых выражений как в ментальном лексиконе [2], так и в коммуникации [3]. Практика преподавания английского языка показывает, что студенты испытывают трудности при декодировании и интерпретации устойчивых выражений с именем собственным: ср. *a charley horse, Naboth's vineyard, Jim Crow, to wear Joseph's coat* и т.д. [4, 5]. По результатам преподавания раздела «Фразеология» курса «Лексикология английского языка» авторы настоящего исследования обнаружили, что большинство русскоязычных студентов направления «Межкультурная коммуникация» не знакомы с культурными коннотациями фразеологизма, что значительным образом затрудняет понимание семантики идиоматического выражения.

Таким образом, *проблема* настоящего исследования носит как семасиологический, так и ономасиологический характер: изучающие английский язык на продвинутом этапе обучения испытывают трудности как при необходимости кодирования соответствующего понятия, так и при интерпретации значения устойчивого выражения с именем собственным. Это обусловлено уникальным культурным фоном, кодируемым в семантике антропонимических фразеологизмов¹. В лингвострановедении под культурным фоном

¹ В настоящем исследовании термины «фразеологический антропоним», «антропонимический фразеологизм», «фразеологизм с антропонимом», «фразеологизм с именем собственным» и другие используются как синонимические.

понимается эксплицитно или (чаще) имплицитно выраженная информация о культуре общества, процессе его исторического развития, отражающаяся через средства национально-культурной номинации. Созданию культурного фона способствует информация, представленная в семантической структуре слова, главным образом в национально-маркированной лексике и словесных комплексах [6, 7]. В настоящем исследовании нас интересует, прежде всего, культурная информация, фиксируемая именем собственным в семантике устойчивого выражения. Данная информация обусловлена сведениями о конкретных (реальных или вымышленных, гипостазируемых) личностях – носителях имени собственного.

Степень разработанности проблемы

По сравнению с литературой, посвященной классификации фразеологизмов, экспериментальные исследования, направленные на изучение влияния культурного фона на степень понимания и правильного употребления антропонимических фразеологизмов, немногочисленны. Можно предположить, что, с одной стороны, это обусловлено сложностью проведения эксперимента, а с другой – некоторым опасением авторов учебников и учебных пособий приводить в качестве примера фразеологизмы с именем собственным, так как антропоним часто является именем конкретной исторической личности, с которой иностранные студенты могут быть незнакомы. Как следствие, создаётся ложное впечатление о том, что данный пласт устойчивых выражений является маргинальным. Как правило, авторы исследуют различные тематические или семантические группы устойчивых выражений [8, 9], подсчитывают частотность опорных слов в составе фразеологизма [9], исследуют образуемые идиомами когнитивные метафоры [10] или изучают репрезентацию устойчивых выражений в ментальном лексиконе [11, 12].

Исследование И.С. Башмаковой [13] посвящено проблеме контекстуальной интерпретации фразеологизмов с антропонимами, которые подразделяются автором на народные (*cousin Betty, a proper Charlie*), историко-мифологические (*a banquet of Lucullus, a Roland for an Oliver*), библейские (*as old as Methuselah*), литературные (*a Barmecide feast*) и шекспиризмы (*Cordelia's gift*). Автор отмечает, что успешное декодирование фразеологизма зависит от степени осведомленности читателя о культурном фоне, отраженном в семантике фразеологизма с антропонимом: по мере усложнения культурного фона (английский фольклор и литература) степень понимания семантики фразеологизма понижается. Однако И.С. Башмакова не проводит экспериментального исследования с изучающими английский язык и опирается преимущественно на интуитивно-умозрительный анализ.

Корпусно-экспериментальное исследование Э. Рафатбакш и А. Ахмади [14] обнаружило, что традиционный подход к обучению английским устойчивым выражениям, в том числе с именами собственными, не принимает во внимание историю возникновения антропонима в составе фразеологизма. Авторами был собран пятитысячный корпус примеров семантизации

фразеологизмов, в которых только в 8% случаев преподаватели объясняли происхождение имени собственного в составе фразеологизма. Данный подход идет вразрез с принципом сознательности в преподавании иностранного языка, в соответствии с которым при семантизации новых слов и выражений необходимо задействовать высшие психические функции, а также активировать межпредметные связи, прежде всего, связанные с историей и культурой страны изучаемого языка. По мнению Э. Рафатбахши и А. Ахмади, так называемый семантический подход к изучению устойчивых выражений оказывается более адекватным, чем несемантический подход, при котором идиомы объединяются в группы исходя из чисто формального признака, например расположения по алфавиту или с учетом количества слов в их составе. Авторы подчеркивают, что семантический подход предполагает экспликацию культурных коннотаций, кодируемых ФЕ, однако идиомы не делятся на тематические группы исходя из их культурного фона. Проблема интерпретации антропонимических ФЕ, осложненных культурными коннотациями, также не рассматривается.

Экспериментальное исследование С.А. Шпренгер [15] носит многофакторный характер и направлено на установление того, каким образом разные группы идиом усваиваются в онтогенезе с учетом таких параметров, как возраст и образование носителей языка, частотность и степень прозрачности идиом, а также их структура. Исследование проводилось в несколько этапов с разными группами участников, возраст которых варьировался от 12 до 86 лет. Результаты исследования показали, что степень правильного декодирования идиом участниками до 40 лет зависит от степени их прозрачности: фразеологические сочетания, значение которых является лишь частично переосмысленным, интерпретируются быстрее, чем фразеологические сращения, являющиеся полностью переосмысленными. Кроме того, количество правильно интерпретированных фразеологических сочетаний в семь раз превышает количество верно интерпретированных сращений. После 65 лет количество правильно интерпретированных идиом уменьшается, что, по всей видимости, обусловлено естественным процессом старения участников эксперимента. Наиболее нестабильной группой оказались участники в возрасте до 20 лет, что, по-видимому, обусловлено более ограниченным лингвистическим опытом молодого поколения [16]. Таким образом, поскольку наиболее нестабильными оказались группы до 20 и после 65 лет, авторы рекомендуют привлекать к опросу участников в возрасте от 20 лет, являющихся студентами высших учебных заведений, и до 65 лет. Несмотря на большой потенциал проведенного опроса, его некоторым недостатком является чисто формальное распределение идиом по группам – в зависимости от количества опорных слов в составе устойчивого выражения – от двух (*doubting Thomas*) до шести компонентов (*to rob Peter to pay Paul*). Кроме того, авторы не показывают, каким образом прозрачность и семантическая мотивированность идиом связаны с определенным типом культурного фона. Таким образом, наше исследование, в котором устойчивые выражения делятся на несколько тематических групп в зависимости от

прототипа антропонима, призвано показать, как интерпретация определенных тематических групп коррелирует с их культурным фоном.

Исследование Е. Коган [17] посвящено анализу региональных устойчивых выражений с именем собственным. Анализируя локальные идиоматические варианты, автор приходит к выводу, что наибольшей частотностью обладают прозрачные и мотивированные идиомы, которые легко декодируются носителями костромского варианта русского языка (ср. *нарядиться, как Анисья Климовская* – «быть небрежно одетой», *Маша с Яшей* – «два неразлучных друга»). Наибольшие сложности в декодировании вызвали те устойчивые выражения, мотивация и происхождение которых не ясны носителям костромского диалекта. Таким образом, отсутствие осведомленности о культурном фоне фразеологизмов сказывается отрицательно на количестве правильных ответов. Проанализировав имеющиеся словари устойчивых выражений, автор приходит к выводу, что, во-первых, не все словари дают этимологическую справку относительно происхождения идиом с именем собственным и, во-вторых, отбор идиом для идиоматического словаря не учитывает данные опросов носителей языка, а это значит, что большинство словарей не отражают то, каким образом идиомы представлены в ментальном лексиконе: частотные и более современные идиомы вызываются из памяти легче и быстрее, поэтому именно они должны в первую очередь фиксироваться словарями устойчивых выражений.

Цель экспериментального исследования Т. Амос Н. и Х. Абас И. [18] – выявить, каким образом не носители английского языка усваивают значения устойчивых выражений, исходя из способа их презентации и семантизации: по мнению авторов, объяснение значения идиом, содержащих информацию об исторических явлениях и личностях, должно опираться на принцип сознательности в обучении языку, согласно которому понимание некоторых исторических фактов и событий, послуживших источником устойчивых выражений, способствует более глубокому и правильному пониманию значения идиомы. Результаты эксперимента показали, что идиомы, которые преподаются традиционным, т.е. нетематическим, способом, усваиваются хуже в том случае, если задействован только один канал восприятия информации, в то время как идиомы, семантизация которых проводилась мультимодальным способом, усваиваются легче и быстрее. Несмотря на то что авторы не делают выводов относительно степени усвоения антропонимических идиом, представляется, что предлагаемые аудио- и видеофрагменты являются оптимальным способом экспликации культурного фона антропонимических идиом, поскольку персонажи и герои, в отношении которых они используются, не только являются прототипическими референтами соответствующего выражения, но также нередко дают метаязыковой комментарий относительно значения антропонимической идиомы.

В исследовании Й. Шершунович [19] в сопоставительном аспекте анализируется оценочная коннотация идиоматических выражений с антропонимом. Автор отмечает, что в составе фразеологизмов антропонимы являются носителем культурной информации, отражая историю, традиции и

верования определенной лингвокультуры. Интертекстуальный характер антропонимов в составе идиом проявляется в том, что они отсылают к таким известным текстам, как Библия, басни, предания, фольклор, кино, произведения искусства и т.д. Несмотря на то что правильная интерпретация фразеологизма без понимания происхождения онима в его составе возможна, опрос носителей языка показал, что 83 % не могут объяснить, почему определенное имя собственное было выбрано как основной конститuant идиомы. Исследование также показало, что знание прецедентных текстов, в которых впервые употребляется оним, значительным образом повышает мотивацию к изучению устойчивых выражений, а также степень их адекватного декодирования. Наиболее многочисленными группами идиом с именем собственным оказались Библия (*doubting Thomas, Judas kiss*), классическая мифология (*Pandora's box, Achilles heel*), литературные тексты (*Jekyll and Hyde, Alice in Wonderland*), предания и легенды (*Columbus egg, peeping Tom*), популярная культура (*Barbie doll, Rambo methods, the Oprah effect*), история (*Napoleonic scale*), имена известных личностей (*Hobson's choice, according to Hoyle*), частотные первые имена (*every Tom, Dick and Harry, to keep up with the Joneses*). Автор отмечает, что антропоним в составе устойчивого выражения передает стереотипную информацию и именно поэтому обладает определенной культурной коннотацией. Важной особенностью антропонима в составе фразеологизма является то, что он представляет собой «деантропонимический дериват» (термин Й. Шершунович), поскольку он функционируют в языке и как имя собственное, и как имя нарицательное, обладающее дополнительной, т.е. коннотативной, информацией. Автор показывает, что общее коннотативное значение идиомы может возникать либо только за счет имени собственного (*Apollo*), либо за счет дополнительного смыслового приращения, появляющегося как следствие взаимодействия семантики антропонима с другими компонентами идиомы: ср. *Paul Pry, Joe Soap, Joe Sixpack*. Однако автор не показывает, какие идиомы интерпретируются реципиентом легче и быстрее: те, в которых культурная коннотация не осложнена дополнительными семантическими приращениями, или те, в которых на культурный фон накладывается семантика остальных компонентов идиомы.

Лингводидактическое исследование К. Конклин и Г. Кэррола [5] посвящено интерферентному влиянию на интерпретацию иноязычных устойчивых выражений. По данным ученых, форма и значение идиом родного языка оказывает влияние на успешность/неуспешность интерпретации иноязычных устойчивых выражений. Изоморфные идиомы интерпретируются легче и быстрее, чем алломорфные. Это означает, что в практике преподавания иностранных идиом необходимо принимать во внимание принцип положительной интерференции, в соответствии с которым общий культурный фон межкультурных фразеологизмов облегчает усвоение их семантики не носителями английского языка. Однако авторы не проводят корреляционного анализа между определенным культурным фоном и сложностью или легкостью освоения семантики фразеологизмов носителями разных языков,

таким образом, проблема остаётся разработанной лишь фрагментарно, с фокусом на типологических особенностях языков, а не на этимологии сходных по структуре фразеологизмов.

Изучение антропонимических фразеологизмов актуально не столько с научной, но и с методологической точки зрения. Анализ учебных пособий и фразеологических словарей обнаружил недостаточное внимание к культурным коннотациям английских фразеологизмов с именем собственным: в современных пособиях для подготовки к международным экзаменам CAE и CPE принцип отбора идиом с ономастическим компонентом ориентирован преимущественно на тематическое распределение идиом по группам без учета их культурного фона. Наиболее широко представлены следующие группы: «Литература и кинематограф», «Мифология», «Англоязычные реалии» в разделах *idiom spot*, *phrase spot*, *vocabulary development* (ср. серия пособий *Complete Advanced* [20]; *Advanced Expert* [21]; *English Idioms in Use (Advanced)* [22]; *Objective Proficiency* [23]; *Idioms and Phrasal Verbs* [24]). Несмотря на визуализацию некоторых, хотя и далеко не всех идиом, большинство пособий не затрагивает вопроса их происхождения, в частности, отсутствуют данные о культурно-исторической значимости антропонима. На наш взгляд, данный подход не является оптимальным, хотя и частично оправдан с точки зрения экономии времени и печатного пространства. Некоторые пособия игнорируют идиомы с антропонимом, несмотря на имеющиеся данные о том, что такие антропонимы, как *Tom*, *Jack*, *Jane* и *Joe*, являются частотными в составе английских идиоматических выражений [12].

Таким образом, обзор имеющейся литературы по теме исследования обнаружил следующие пробелы в изучении английских фразеологизмов с антропонимическим компонентом:

1) недостаточное количество экспериментальных исследований, посвящённых степени усвоения не носителями английского языка семантики фразеологизмов-антропонимов;

2) отсутствие эмпирических и теоретических исследований, устанавливающих наличие непосредственной статистической корреляции между культурным фоном устойчивых выражений и степенью их усвоения не носителями английского языка;

3) несистематичная и непоследовательная фиксация культурологической и этимологической информации в словарных и учебных изданиях, а также наличие противоречивых данных об источнике антропонима в составе антропонимического фразеологизма.

Настоящее исследование призвано восполнить указанные пробелы. Основная цель исследования – установить наличие корреляции между определенным культурным фоном антропонимического фразеологизма и степенью усвоения его семантики не носителями английского языка. Представляется, что те фразеологизмы, значение которых интерпретируется неверно, нуждаются в культурологическом комментарии в идиоматических словарях, предназначенных для не носителей английского языка. Таким образом,

полученные данные позволят выявить группы антропологических фразеологизмов, которые необходимо сопровождать специальной пометой в словарях.

Методология и материал исследования

Для достижения поставленной цели в работе использовалась следующая комплексная методология: метод фразеологического описания, метод словарных дефиниций, лингвистический эксперимент, семантический и культурологический анализ, неструктурированное интервью, метод систематической и стратифицированной выборки, дисперсионный анализ, постэкспериментальный тест Тьюки. Для проверки гипотезы был выбран дисперсионный анализ (ANOVA), так как он позволяет установить статистическую значимость межгрупповых и внутригрупповых различий, т.е. определить, является ли разница в интерпретации студентами значений идиом случайной или существует взаимосвязь (корреляция) между культурным фоном идиом и освоением их значения студентами. Уровень значимости (α) принимался за 0,05. Внутригрупповая вариация представляет собой распределение правильных ответов студентов внутри каждой из четырёх групп фразеологизмов (мифологических, бытовых, библейских и литературно-кинематографических). Межгрупповая вариация – распределение правильных ответов между этими четырьмя группами.

В экспериментальной части исследования приняли участие 40 студентов 3-го и 4-го курсов Московского педагогического государственного университета в возрасте от 20 до 24 лет, прослушавших курс английской лексикологии, в том числе курс английской фразеологии, общим объемом 50 академических часов. Из 40 студентов 26 – представители женского пола. Все студенты имеют высокий средний балл по английскому языку – от 89 до 99 баллов из ста возможных. Таким образом, студенты, имеющие низкий балл по английскому языку, не принимали участия в эксперименте.

Материалом исследования послужило два корпуса – основной корпус объемом 3476 идиом фразеологических единиц, отобранных методом систематической выборки из следующих словарей фразеологических антропонимов: *Longman Dictionary of English Idioms* [25], *Collins Cobuild Dictionary of Idioms* [26], *Longman Pocket Idioms Dictionary* [27], *The Oxford Dictionary of Idioms* [28]. Второй корпус, т.е. подкорпус, непосредственно задействованный в экспериментальной части исследования, представлен четырьмя блоками фразеологизмов по 25 единиц, отобранных из основного корпуса методом стратифицированной выборки. Четыре блока фразеологизмов были распределены по тематическим группам, среди которых наиболее номинативно плотными оказались следующие:

1) мифологические фразеологизмы с именем собственным (*Sisyphean labour, a Herculean task, to cut the Gordian knot*);

2) фразеологизмы с антропонимом, связанным с бытом и/или фольклором англичан (*to put one's John Hancock, an average Joe, Bob's your uncle*);

3) фразеологизмы с антропонимом библейского происхождения (*holy Moses, Noah's Ark, to have the patience of Job, as old as Methuselah, Balaam's ass*);

4) фразеологизмы, содержащие имена литературных персонажей и героев кинематографа (*Walter Mitty, Bobbsey twins, Mr. Scrooge, Jekyll and Hyde, Bertie Wooster*)

Процедура и анализ данных. Лингвистический эксперимент проходил в несколько этапов. На первом этапе, задача которого – выявить, какие группы антропонимических фразеологизмов обнаруживают наибольшие и наименьшие пробелы в знаниях студентов, информантам был предложен тест многократного выбора (задание закрытого типа) общим количеством сто фразеологизмов с именем собственным. Задания были сформулированы на английском языке, но не были эксплицитно разделены на четыре группы для того, чтобы не отвлекать студентов и не нарушить ход экспериментального исследования. Ниже приводится пример (фрагмент) задания для информантов (по одному примеру на каждую группу):

Choose the correct meaning of the idioms with proper names:

Sisyphian labour means:

1. something easy and enjoyable
2. a difficult and futile task
3. a stimulating job that makes you happy
4. something dangerous and risky

Jack the lad means:

1. a smart boy
2. a confident young man
3. a naughty child
4. a situation when something goes wrong

To have the patience of Job means:

1. to be impatient
2. to have a great deal of patience
3. to get on someone's nerves
4. to be a teacher

Bertie Wooster means:

1. a gambler
2. a person who wastes his time
3. an ambitious man
4. a foolish rich person who often gets in trouble

Задача следующего этапа заключалась в сопоставительном анализе данных, полученных на предыдущем этапе эксперимента, с установлением корреляции между средними величинами результативности усвоения групп фразеологизмов, различающихся по типу принадлежности к одной из четырех групп, т.е. по типу культурного фона. На последнем этапе со студентами было проведено неструктурированное интервью с целью установления того, значение каких антропонимических фразеологизмов вызвало наибольшие

затруднения и чем, по их мнению, это было обусловлено. Во время интервью информанты могли видеть фразеологизмы и свои ответы.

Обработка числовых данных проводилась с помощью онлайн-калькулятора для дисперсионного анализа, доступного по ссылке <https://www.socscistatistics.com/tests/anova/default2.aspx> и использующего пакет прикладных программ MATLAB. Абсолютное количество правильных ответов по четырем группам фразеологизмов, устойчивые выражения с именем собственным, которые наиболее часто интерпретируются неверно русскоязычными информантами, а также медиана (средний показатель правильно декодируемых идиом с именем собственным) были получены с помощью автоматической обработки числовых данных в гугл-формах.

Нулевая гипотеза экспериментального исследования была сформулирована следующим образом: культурный фон антропонимических фразеологизмов не является статистически значимым для понимания их семантики не носителями английского языка продвинутого этапа обучения. **Научная** гипотеза исследования заключается в том, что понимание значения данных фразеологизмов на продвинутом уровне обучения *зависит* от культурного фона, кодируемого фразеологизмом, а также от степени изоморфизма, семантической прозрачности и многозначности устойчивого выражения. **Направленная альтернативная гипотеза** заключается в том, что группа фразеологизмов, содержащих имена литературных персонажей и героев кинематографа, вызывает наименьшие сложности в интерпретации, так как многие из них были усвоены через каналы распространения массовой культуры (популярные книги и кинофильмы).

Результаты исследования

Результаты эксперимента обнаружили следующее процентное распределение верно декодированных идиом:

- 1) мифологические фразеологизмы с именем собственным – 16,75%;
- 2) фразеологизмы с антропонимом библейского происхождения – 13,62%;
- 3) фразеологизмы с антропонимом, связанным с бытом и/или фольклором англичан, – 12,97%;
- 4) фразеологизмы, содержащие имена литературных персонажей и героев кинематографа, – 12,45%

На диаграмме (рис. 1) представлено абсолютное количество правильных ответов по четырем группам фразеологизмов.

Диаграмма размаха (рис. 2) позволяет визуализировать данные разброса правильных интерпретаций студентами идиом.

На усеченной легенде (рис. 3) в порядке возрастания представлены устойчивые выражения с именем собственным, которые наиболее часто интерпретируются неверно русскоязычными информантами.

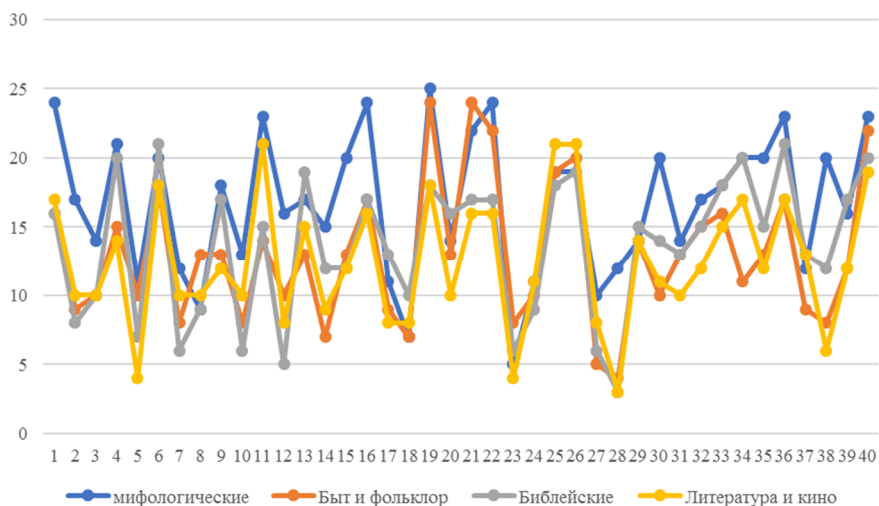

Рис. 1. Абсолютное количество правильных ответов по четырем группам фразеологизмов

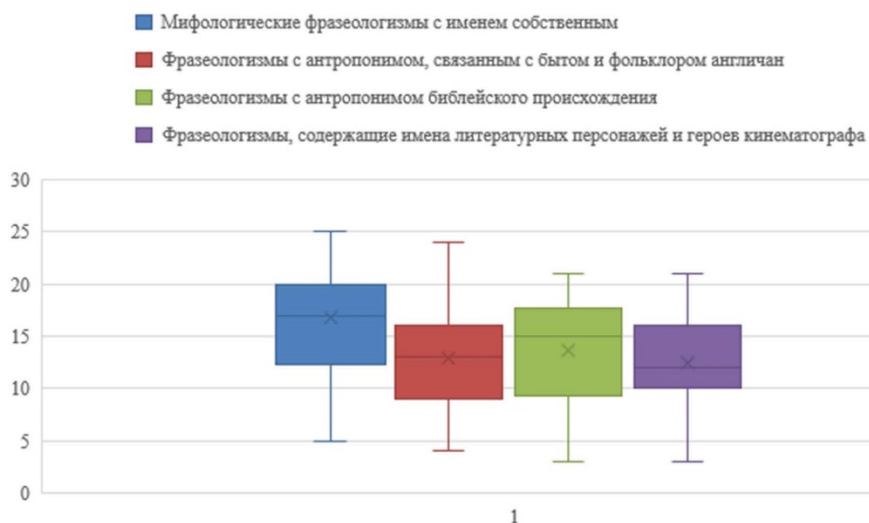

Рис. 2. Диаграмма размаха и диапазон правильных интерпретаций четырех групп идиом русскоязычными респондентами

По сравнению с фразеологизмами других групп, наиболее сложными для понимания оказались идиомы, связанные с бытом и фольклором англичан (в порядке уменьшения степени сложности): *Dolly Varden* (4%), *Molly Coddle* (7%), *Jack Horner* (9%), *Nancy boy* (11%). Однако в целом процент

правильной интерпретации значения идиом этой группы выше процента идиом, связанных с литературой и кинематографом.

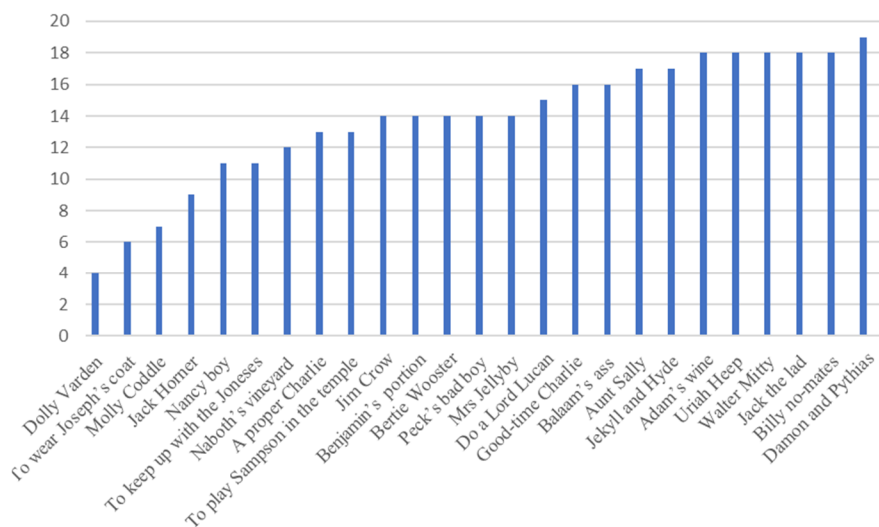

Рис. 3. Усеченная легенда устойчивых выражений с именем собственным, вызвавших наибольшее количество ошибочных интерпретаций (в порядке возрастания правильных ответов из 40)

В табл. 1 показан диапазон правильных ответов, а также медиана – средний показатель правильно декодируемых идиом с именем собственным.

Т а б л и ц а 1
Диапазон правильных ответов (от 1 до 100) и медиана, баллы

Удовлетворительно	Медиана	Диапазон
55, 78 из 100	57 из 100	22–85

Обращает на себя внимание большой разброс в диапазоне правильных ответов – от 22 до 85, что в целом свидетельствует о нестабильности знаний английских фразеологизмов с именем собственным. За некоторым исключением (ср. *Weary Willie, a proper Charlie*) наименьшие сложности в интерпретации вызвали фразеологические сочетания, т.е. такие идиомы, в которых один или несколько компонентов употребляются в прямом значении. Процентное соотношение полупрозрачных идиом по каждой группе было следующим: мифологические – 25%, библеизмы – 25%, быт и фольклор – 35%, персонажи литературных произведений и кинематографа – 26%.

Для уточнения степени освоения семантики антропонимических фразеологизмов между отдельными группами антропонимических фразеологизмов (мифонимов, библеизмов, литературно-кинематографических и связанных с повседневной жизнью англоговорящего этноса) был использован тест

Тьюки, показавший, что межгрупповая вариативность статистически значима при HSD (honestly significant difference), равном 2,8877. Сравнение средних показателей в каждой группе обнаружило статистически значимую разницу между группами мифологических фразеологизмов и остальными группами антропонимических фразеологизмов. Результаты постэкспериментального теста Тьюки представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Попарное сравнение средних показателей в четырех группах антропонимических фразеологизмов (подробная легенда)

Попарное сравнение		HSD ₀₅ = 2.8877 HSD ₀₁ = 3.5186	Q ₀₅ = 3.6726 Q ₀₁ = 4.4750
T ₁ :T ₂	M1 = 16,75 M2 = 12,97	3,78	Q = 4,80 (p = ,00478)
T ₁ :T ₃	M1 = 16,75 M3 = 13,63	3,13	Q = 3,97 (p = ,02828)
T ₁ :T ₄	M1 = 16,75 M4 = 12,45	4,30	Q = 5,47 (p = ,00092)
T ₂ :T ₃	M2 = 12,97 M3 = 13,63	0,65	Q = 0,83 (p = ,93662)
T ₂ :T ₄	M2 = 12,97 M4 = 12,45	0,53	Q = 0,67 (p = ,96509)
T ₃ :T ₄	M3 = 13,63 M4 = 12,45	1,18	Q = 1,49 (p = ,71628)

Статистический метод обработки данных обнаружил статистически значимую зависимость между первой группой фразеологизмов и остальными тремя группами, в то время как среди второй, третьей и четвертой групп корреляций не обнаружено, при этом общее знание этих трех групп фразеологизмов оказалось достаточно низким. Таким образом, нулевая гипотеза может быть отвергнута, а научная гипотеза исследования о разной степени усвоения семантики антропонимических фразеологизмов в зависимости от их культурного фона подтверждается (см. приложение). Однако направленная гипотеза исследования о том, что группа фразеологизмов, содержащих имена литературных персонажей и героев кинематографа, вызывает наименьшие сложности в интерпретации, была опровергнута: эта группа оказалось наиболее сложной для правильного понимания информантами.

Обсуждение результатов исследования

Детальный пост-экспериментальный анализ обнаружил общие закономерности правильного и неправильного понимания информантами семантики фразеологических антропонимов. Наименьшие сложности в перефразировании вызвали изоморфные идиомы, т.е. такие, форма и значение которых обнаруживают межъязыковой параллелизм: группа 1 (64%), группа 2 (0%), группа 3 (40%), группа 4 (24%). Можно видеть, что первая группа, т.е. группа, имеющая наибольшее количество изоморфных идиом, содержит

наибольшее количество правильно интерпретированных фразеологизмов. По-видимому, это является одним из ведущих факторов, оказывающих влияние на степень усвоения семантики английских фразеологизмов русскоязычными студентами. Эти данные соответствуют ранее полученным данным К. Конклин и Г. Кэрролом [5], а также Й. Шершунович и Б.И. Видович [29], А. Врбинч и М. Врбинч [30], в соответствии с которыми сходные по форме и семантике идиомы осваиваются не носителями языка легче и быстрее. Общее количество верно декодированных устойчивых выражений проходит минимально допустимый порог, что находится в соответствии с данными, полученными ранее С. Шпренгер [15]. Однако можно видеть, что вторая группа, не содержащая примеров межъязыкового параллелизма, тем не менее интерпретируется информантами лучше, чем группы 3 и 4. Это означает, что на степень правильного декодирования антропологических идиом оказывают влияние и другие факторы, а именно семантический тип фразеологизма: как показано выше, фразеологизмы, связанные с бытом и фольклором англичан, содержат наибольшее количество фразеологических сочетаний (35%). Возможно, именно поэтому эта группа оказалась на третьем месте по степени правильного декодирования русскоязычными информантами.

Идиоматическая полисемия оказывает отрицательное влияние на степень правильного декодирования английских идиом русскоязычными студентами: в каждой группе идиомы, имеющие два и более значений, как правило, интерпретировались неверно. Процентное соотношение многозначных идиом по каждой группе было следующим: 1-я группа (16%), 2-я группа (14%), 3-я группа (12%), 4-я группа (8%).

Сложность интерпретации идиомы *Dolly Varden* (4%), по-видимому, обусловлена несколькими факторами. По данным словаря *Collins Cobuild Dictionary of Idioms* [26], а также словаря именных идиом Л.Ф. Шитовой [31], идиома *Dolly Varden* имеет как минимум три значения и, таким образом, является многозначной. В своем первом значении данная идиома называет неодушевленный предмет, а во втором – разновидность радужной форели, ср.: 1. a woman's large-brimmed hat trimmed with flowers, 2. a red-spotted trout, *Salvelinus malma*, occurring in lakes in North America [31]. При референции к человеку идиома имеет обобщенное значение «кокетка» и восходит к персонажу романа Чарльза Диккенса «Барнеби Радж», которая носила яркие, разноцветные платья.

Библеизм *Joseph's coat* (6%), употребляющийся в составе глагольного выражения *to wear Joseph's coat*, имеет два значения, одно из которых также номинирует неодушевленный объект, ср.: 1. a coat of many colours, 2. any of certain plants with variegated foliage [26]. Употребляясь в сочетании с глаголом, данный фразеологизированный антропоним требует не только активации знаний о библейском сюжете, но и понимания его модифицированного значения в сочетании с глаголом *to wear*: согласно *Словарю именных идиом* Л.Ф. Шитовой [31], значение идиомы *to wear Joseph's coat* – «не поддаваться искушению» (ср. англ. *to resist temptation*). Согласно библейской притче, братья Иосифа позавидовали его пальто как символу власти, они окунули

пальто Иосифа в козью кровь и показали его отцу, сказав, что Иосиф был разорван дикими зверями. Таким образом, понимание данной идиомы осложняется непростым и не очень известным библейским сюжетом, а также взаимодействием значения антропонима со значением глагола, в результате чего фразеологический антропоним превращается в идиоматическое единство или сращение.

Идиома *Molly Coddle* (7%) также многозначна, при этом первые два значения противопоставлены по семантическому признаку пола, что также затрудняет понимание ее значения: ср. 1. a tender and sensitive girl [26], 2. dated, disparaging: a pampered or effeminate man or boy [26]. Несмотря на то что студентам был предложен «компромиссный» вариант, т.е. третье, нейтральное по признаку пола значение (ср. 3. a pampered person [26]), количество правильных ответов оказалось небольшим. Происхождение идиомы связано с бытом англичан. Считается, что имя *Molly* происходит от формы имени *Mary* и ассоциируется с женщиной низкого происхождения. В начале XVII в. имя *Molly* использовалось в отношении девушек легкого поведения, а также применительно к мужчинам нетрадиционной ориентации. К началу XX в. выражение *Molly Coddle* стало использоваться по отношению к человеку, которого слишком сильно опекают, а сам он является безынициативным, вялым, пассивным.

Происхождение фразеологизма *Jack Horner* (9%) также связано с бытом и фольклором англичан. Считается, что идиома имеет своим прототипом Джека Хорнера, который жил во время роспуска монастырей Генрихом VIII в 1536 г. Джек Хорнер служил аббату Гластонбери, и ему было приказано отнести королю огромный рождественский пирог. Внутри пирога были документы на поместье Меллс в Сомерсете. В XVIII в. имя Джека Хорнера упоминается в популярном детском лимерике «Little Jack Horner». Существуют и другие версии происхождения данного антропонима, однако большинство источников так или иначе связывают его с историей и культурой Англии. В своренном английском языке данная идиома употребляется в значении ‘means of concealing a document or concealing anything’, т.е. в значении способа или средства, позволяющего скрыть что-либо.

Библеизм *Naboth's vineyard* (12%) («виноградник Навуфея») восходит к ветхозаветной притче о винограднике Навуфея, которым пытался завладеть Ахав. В результате заговора Навуфей был убит, но когда Ахав пытался завладеть его виноградником, ему явился пророк Илия и предупредил о том, что весь род его будет истреблен, а его самого постигнут беды и несчастья, если он не раскается. Услышав такое пророчество, Ахав раскаялся. В современном английском языке выражение *Naboth's vineyard* употребляется в значении «чужое имущество, которым владевают нечестным путем (ср. ‘another's possession gotten by devious, dishonest means’ [26]).

Важнейшим результатом проведенного исследования является то, что наименьшие сложности в понимании семантики ФЕ с именем собственным вызвали **устойчивые выражения мифологического происхождения** – 16,75%. Это обусловлено тем, что данные единицы составляют часть

общекультурного фонда знаний как носителей, так и не носителей английского языка: ср. *Sisyphean labour, a Herculean task, the bed of Procrustes, the thread of Ariadne, a Pandora's box, to cut the Gordian knot*. Большинство правильно декодированных идиом этой группы содержат легко узнаваемые имена собственные, которые звучат сходным образом в русском и в английском языках и являются, таким образом, изоморфными или интернациональными. Отметим, что фразеологизмам мифологического происхождения уделяется отдельное внимание в школьной программе: они не только упоминаются, но, как правило, отрабатываются на уроках литературы, русского и английского языков и истории. Наименее узнаваемыми в этой группе ФЕ оказались выражения *Damon and Pythias* (47,5%), *since Heck was a rip* (67,5%). Данные идиомы реже упоминаются в школьной программе, поэтому их форма и значение в меньшей степени прозрачны для носителей русского языка. Кроме того, ФЕ *since Heck was a rip* содержит два афerezисных сокращения, что также препятствует декодированию его значения: сокращенное имя Гектора, троянского престолонаследника в древнегреческой мифологии, а также разговорный вариант существительного *purpy*.

В группе фразеологизмов, связанных с бытом и фольклором англичан, наиболее распознаваемыми оказались фразеологические сочетания, т.е. такие ФЕ, в которых один из компонентов употребляется в прямом значении, ср.: *to be happy as Larry, nervous Nelly, dumb Dora*. Значение всех трех идиом непосредственно связано со значением входящего в его состав прилагательного, а сами ФЕ носят эмфатический характер за счет наличия антропонима, усиленного аллитерацией.

В группе библейских ФЕ наиболее узнаваемыми также оказались фразеологические сочетания и антропонимические ФЕ, в которых имя собственное носит интернациональный характер и хорошо знакомо носителям русского языка: *a Judas kiss, as patient as Job*.

Во фразеологизмах, восходящих к именам героев художественных произведений и кино, наиболее распознаваемыми оказались ФЕ *Mr. Scrooge, Aladdin's lamp, Tom Thumb, Rip Van Winkle*. Высокий процент правильного декодирования первых двух выражений, по-видимому, объясняется популярностью диснеевских фильмов в России. Фразеологизмы *Tom Thumb* и *Rip Van Winkle* имеют конкретный прототип (художественная литература, в том числе переводная) и поддерживаются разными культурно-семиотическими каналами распространения: кино, музыка, промышленность, живопись и т.д. Например, первый локомотив, созданный в Америке в начале XX в., получил название 'Tom Thumb' из-за скромных размеров. Персонаж новеллы В. Ирвинга Рип ван Винкль упоминается в большом количестве художественных, музыкальных и поэтических произведений, в живописи и даже в строительстве. Так, на сюжет новеллы написаны опера Джорджа Фредерика Бристоу, оперетта Робера Планкета и увертюра Джорджа Чедвика. У братьев Стругацких в романе «Волны гасят ветер» серия исследований о неожиданно пропадающих и неожиданно появляющихся людях имеет кодовое название «Рип ван Винкль». В 1896 г. на студии Томаса Эдисона была

снята серия фильмов о Рипе ван Винкле. Именем Рипа ван Винкля назван мост через Гудзон в штате Нью-Йорк. По сюжету новеллы американский художник XIX в. Дж. Куидор написал картину «Возвращение Рип ван Винкля» (1829). Таким образом, на усвоение значения фразеологизмов данной группы оказывает влияние сразу несколько культурно-семиотических каналов. Данный вывод подтверждает результаты, полученные Е.А. Никулиной [32] и Н.А. Лавровой и Е.А. Никулиной [33, 34] в экспериментальном исследовании с русскоязычными студентами, где было продемонстрировано, что частотность восприятия устойчивых выражений различной структуры и семантики коррелирует со степенью понимания и усвоения их значения изучающими английский язык на продвинутом уровне.

Тем не менее неожиданным результатом исследования оказалась наиболее низкая распознаваемость идиом в последней группе, связанной с английской литературой и кино. Означает ли это, что студенты все реже читают английскую литературу? Неужели так называемый лонгрид ушел в прошлое? Влияет ли лавинообразный приток информации в начале XXI в. на формирование «клипового» мышления и восприятия, при котором информация воспринимается небольшим блоками и не удерживается в долговременной памяти? Хочется надеяться, что эти и другие вопросы будут освещены в дальнейших исследованиях по сходной тематике.

Принимая во внимание вышесказанное, отметим некоторые ограничения проведенного исследования. Прежде всего, в эксперименте принимали участие студенты двух курсов – 3-го и 4-го, уровень образования которых может некоторым образом различаться. В зависимости от направления и профиля подготовки дисциплины английской лексикологии и фразеологии читаются на двух разных курсах. Тем не менее считаем, что студенты 3-го курса владеют не только английским языком на высоком уровне, но также прослушали достаточное количество теоретических и практических дисциплин – основы языкознания, практическая и теоретическая фонетика английского языка, основы межкультурной коммуникации и т.д., что делает их подготовленными для усвоения более сложных курсов лексикологии и фразеологии, а также страноведения, литературы и искусства изучаемого языка. Другое ограничение эксперимента теоретически связано с многозначностью некоторых фразеологических антропонимов, а также с их использованием в отношении неодушевленного предмета или животного. Пост-экспериментальное интервью со студентами обнаружило, что большинство информантов связывают значение антропонимических идиом с обозначением человека – мужчины или женщины. Часть фразеологизмов-антропонимов употребляется в сочетании с глаголом или прилагательным, которые не использовались в источнике-прототипе, а появились позже в английской лингвокультуре. Понимание значения таких единиц осложняется изменением суммарного значения идиомы в результате не всегда предсказуемого взаимодействия семантики опорного и зависимого компонентов (ср. *to wear Joseph's coat*). Учитывая опровержение направленной гипотезы, в дальнейших исследованиях, по-видимому, следовало бы разграничить

группы художественных и кинематографических устойчивых выражений и посмотреть, какие усваиваются не носителями языка лучше.

Выводы и заключение

Проведенный анализ продемонстрировал, что степень освоения семантики антропонимических фразеологизмов разнится в зависимости от принадлежности к одной из четырех категорий, кодируемых фразеологической единицей: полученные данные подтверждают наличие статистической зависимости между культурным фоном антропонимических фразеологизмов и степенью усвоения их семантики русскоязычными студентами продвинутого этапа изучения английского языка. Основные выводы проведенного экспериментального исследования могут быть сформулированы следующим образом.

1. Обращает на себя внимание относительно низкая степень правильного понимания значения английских фразеологизмов с именем собственным: ФЕ мифологического происхождения – 16,75; библеизмы – 13,62; ФЕ, связанные с бытом и фольклором англичан, – 12,97; ФЕ, связанные с кино и литературой, – 12,45. Неструктурированное интервью с информантами обнаружило, что абсолютное большинство из них испытывали сложности с пониманием значения имени собственного в составе фразеологизма, в то время как значения остальных слов было понятным. Таким образом, непрозрачный культурный фон сказывается отрицательно на понимании значения фразеологического антропонима. В то же время, поскольку значение фразеологизма носит идиоматический характер, вопрос о взаимовлиянии и метафорической модификации значений антропонима и остальных слов в составе фразеологизма требует дальнейшего углубленного изучения.

2. Наиболее распознаваемыми во всех четырех группах оказались изоморфные, интернациональные фразеологизмы-антропонимы мифологического происхождения, поскольку употребляемое в них имя собственное является широко известным, а соответствующие выражения упоминаются в таких школьных курсах, как русский (родной) язык, иностранный язык, литература и история. Наименее распознаваемыми оказались ФЕ с антропонимами, требующие глубоких фоновых знаний, редко употребляемые в современном английском языке, связанные с позднесредневековой или ранней новой историей Англии и ее жителей, имеющие один культурно-семиотический канал распространения.

3. В случае, если фразеологизм имеет несколько источников происхождения, а точнее, источников распространения, например, литературное произведение и кинематограф, студенты чаще декодируют его значение верно, по сравнению с фразеологизмами, которые восходят к одному источнику.

4. Сложность правильного декодирования некоторых фразеологических библеизмов с антропонимом объясняется тем, что для их понимания и интерпретации требуются углубленные знания прецедентных текстов – текстов библейских сюжетов, притч и т.д. Изучение Библии не является

обязательным предметом в большинстве современных школ и заведений среднего и высшего образования, а это означает, что знание прецедентных библейских текстов весьма ограничено.

5. Наибольшие сложности в понимании значения антропонимических фразеологизмов вызвали ФЕ, имеющие своим прототипом персонажи английской литературы и кинематографа.

Проведённое исследование с использованием статистического метода обработки данных имело однофакторный характер – проверялось наличие статистически значимой корреляции между определенным типом культурного фона и степенью освоения семантики антропонимического фразеологизма. Однако результаты исследования показали, что имеется определенная зависимость между такими переменными, как многозначность, изоморфизм и степень семантической прозрачности устойчивого выражения с антропонимом. Принимая во внимание полученные данные, представляется перспективным провести многофакторный анализ с учетом этих (а возможно, и некоторых других) характеристик устойчивых выражений. Например, в дальнейших исследованиях можно было бы постулировать наличие корреляции между каналом распространения устойчивых выражений и степенью усвоения их семантики. Возраст и пол участников опроса также могут быть приняты во внимание, а одной из задач эксперимента мог бы стать ответ на вопрос, имеется ли связь между степенью усвоения феминных и маскулинных идиом с антропонимом и полом информантов.

Другие перспективы исследования включают следующие аспекты: (1) использование принципов экспериенциальной методологии [35] при элицитации и интерпретации устойчивых выражений; (2) проведение экспериментального исследования с информантами, являющимися носителями других языков, с целью уточнения, каким образом этимологическое и типологическое родство языков оказывают влияние на понимание значения антропонимических фразеологизмов; (3) изучение влияния фоновых знаний информантов на степень усвоения семантики других групп фразеологизмов – зоонимов, фитонимов, колоронимов и др.; (4) экспериментальное изучение репрезентации в ментальном лексиконе парадигматических связей между различными антропонимами и определение степени влияния понимания значения одного антропонима на понимание значения других антропонимов в составе устойчивого выражения; (5) сопоставительно-типологическое исследование фразеологических универсалий и уникалий, содержащих в своем составе имя собственное.

Приложение

**Результаты исследования межгрупповой и внутригрупповой вариативности
с применением дисперсионного анализа ANOVA**

Источник	Сумма квадратов	Степень свободы	Средний квадрат	Значение f, f критическое и значение p
Систематическая (межгрупповая) дисперсия	445,85	3	148,6167	F-распределение (распределение Фишера) = 6,00977; критическое F = 2, 66256856; F > F-critical; p = 0,000669; p < ,05
(Внутригрупповая) дисперсия	3857,75	156	24,7292	
Итого	4303,6	159		

Анализ межгрупповой вариативности показал, что она примерно в шесть раз выше внутригрупповой вариативности (см. средний квадрат). Количество степеней свободы в межгрупповой дисперсии равно количеству категорий (видов фразеологизмов) минус один $df_b = k - 1$, т.е. $4 - 1 = 3$. Количество степеней свободы внутригрупповой дисперсии равно общему количеству участников, интерпретировавших каждую идиому минус количество категорий $df_w = n - k$. Поскольку каждую идиому интерпретировали 40 студентов, а всего видов идиом 4, получается $n = 40 \times 4 = 160$. Отсюда $n - k = 160 - 4 = 156$. Итого сумма степеней свободы $df_b + df_w = 156 + 3 = 159$.

**Количество правильных ответов (среднее арифметическое)
и стандартное отклонение**

Показатель	Результат				
	Значения				
	1	2	3	4	Всего
N	40	40	40	40	160
$\sum X$	670	519	545	498	2232
Среднее арифметическое	16,75	12,975	13,625	12,45	13,95
$\sum X^2$	12242	7723	8421	7054	35440
Стандартное отклонение	5,1128	5,0357	5,052	4,6792	5,2026

Список источников

1. Moon R. Fixed expressions and idioms in English. New York : Oxford University Press, 1998. 313 p.
2. Siyanova-Chanturia A. Researching the teaching and learning of multi-word expressions // Language Teaching Research. 2017. № 21 (3). P. 289–297.
3. Fiedler S. English phraseology. A coursebook. Leipzig : Gunter Nar Verlag Tübingen, 2007. 198 p.
4. Türker E. Idiom acquisition by second language learners: the influence of cross-linguistic similarity and context // The Language Learning Journal. 2016. P. 1–12.
5. Conklin K., Carrol G. First language influence on the processing of formulaic language in a second language // Understanding formulaic language. A second-language acquisition perspective / eds. by A. Siyanova-Chanturia, A. Pellicer-Sanches. New York ; London : Routledge, 2019. P. 62–77.

6. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М. : Русский язык, 1980. 320 с.
7. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). М. : РУДН, 1997. 331 с.
8. *Курицкая Е.В.* Фразеологические единицы с антропонимами в английском языке // Филологические науки. 2019. № 12 (1). С. 51–55.
9. *Шитова Л.Ф., Шитова А.В.* Идиоматический ребус: именные идиомы, их классификация, происхождение и семантические особенности // Наука, техника и образование. 2017. № 2 (32). С. 90–94.
10. *Mel'Čuk I.* Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer // Yearbook of Phraseology. 2012. № 3 (1). P. 31–56.
11. *Zykova I.V.* Linguo-cultural studies of phraseologisms in Russia: past and present // Yearbook of Phraseology. 2016. № 7 (1). P. 127–148.
12. *Macis M., Schmitt N.* Not just 'small potatoes': Knowledge of the idiomatic meanings of collocations // Language Teaching Research. 2017. № 21 (3). P. 321–340.
13. *Баумакова И.С.* Семантический аспект фразеологического контекста английской идиомы с антропонимом через призму анализа дискурса // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 10. С. 246–251.
14. *Rafatbakhsh E., Ahmadi A.* A thematic corpus-based study of idioms in the Corpus of Contemporary American English // Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education. 2019. № 4 (11). doi: <https://doi.org/10.1186/s40862-019-0076-4>
15. *Sprenger S.A., la Roi A., van Rij J.* The development of idiom knowledge across the lifespan // Frontiers in Communication. 2019. № 4 (29). doi: 10.3389/fcomm.2019.00029
16. *Hertzog C., Dunlosky J.* Aging, metacognition and cognitive control // The Psychology of Learning and Motivation. 2004. № 45. P. 215–251.
17. *Kogan E.S.* Proper names in dialectal idioms: stages of idiomatization // Voprosy Onomastiki. 2014. № 11 (1). P. 122–127.
18. *Tabley Amos N., Hermilinda Abas I.* Idiom comprehension using multimodal teaching approach among Zanzibar University students // Advances in Language and Literary Studies. 2021. № 12 (3). P. 82–89.
19. *Szerszunowicz J.* On the evaluative connotations of anthroponomic idioms in a contrastive perspective (based on English and Italian) // Białostockie Archiwum Językowe. 2012. № 12. P. 293–314. doi: 10.15290/baj.2012.12.18
20. *Matthews L., Thomas B.* Complete Advanced (for revised exam from 2015). Workbook with Answers with CD-ROM (2nd edition). Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 98 p.
21. *Bell J., Kenny N.* Advanced Expert Student's Resources Book with key (3rd edition – with 2015 exam specifications). London : Pearson Education Limited, 2015. 167 p.
22. *O'Dell F., McCarthy M.* English idioms in Use (Advanced) with answers. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 189 p.
23. *Capel A., Sharp W.* Objective Proficiency (for revised exam from March 2013). Student's Book with Answers with Downloadable Software (2nd edition). Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 282 p.
24. *Gairns R., Redman S.* Idioms and Phrasal Verbs. Oxford : Oxford University Press, 2011. 207 p.
25. Longman Dictionary of English Idioms. London : Addison Wesley Longman Dictionaries, 1998. 398 p.
26. Collins Cobuild Dictionary of Idioms / ed. by R.E. Moon. London : Harper Collins, 1995. 493 p.
27. Longman Pocket Idioms Dictionary. Edinburgh : Pearson Education Limited, 2002. 320 p.
28. The Oxford Dictionary of Idioms. Oxford : Oxford University Press, 2004. 323 p.

29. Szerszunowicz J., Vidović B.I. Conventional periphrases of anthroponyms from a contrastive perspective (on the example of Polish periphrastic expressions and their Croatian equivalents) // *Poznańskie Studia Slawistyczne*. 2019. № 15. P. 287–304. doi: <https://doi.org/10.14746/pss.2018.15.17>
30. Vrbinc A., Vrbinc M. Phraseological units with onomastic components: the case of English and Slovene // *Revista de lingüística teórica y aplicada*. 2014. № 52 (1). P. 133–153. doi: [10.4067/S0718-48832014000100007](https://doi.org/10.4067/S0718-48832014000100007)
31. Шумова Л.Ф. Proper name idioms and their origins. Словарь именных идиом. СПб. : Антология, 2013. 192 с.
32. Nikulina E.A. English Phraseology: Integration with Terminology Science // *Journal of Language and Education*. 2015. № 1 (2). P. 41–45. <https://doi.org/10.17323/2411-7390-2015-1-2-41-45>
33. Lavrova N.A., Nikulina E.A. Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. № 24 (4). P. 831–857. doi: [10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857)
34. Lavrova N.A., Nikulina E.A. Advanced Russian EFL Learners' Awareness of Idiomatic Synonymy, Antonymy, and Polysemy // *Journal of Language and Education*. 2020. № 6 (4). P. 61–76. doi: <https://doi.org/10.17323/jle.2020.9689>
35. Druzhinin A.S. Construction of irreality: An enactive–constructivist stance on counterfactuals // *Constructivist Foundations*. 2020. № 16 (1). P. 69–80.

References

1. Moon, R. (1998) *Fixed expressions and idioms in English*. New York: Oxford University Press.
2. Siyanova-Chanturia, A. (2017) Researching the teaching and learning of multi-word expressions. *Language Teaching Research*, 21 (3). pp. 289–297.
3. Fiedler, S. (2007) *English phraseology. A coursebook*. Leipzig: Gunter Nar Verlag Tübingen.
4. Türker, E. (2016) Idiom acquisition by second language learners: the influence of cross-linguistic similarity and context. *The Language Learning Journal*. 47 (2). pp. 133–144.
5. Conklin, K. & Carrol, G. (2019) First language influence on the processing of formulaic language in a second language. In: Siyanova-Chanturia A. & Pellicer-Sanches A. (eds) *Understanding formulaic language. A second-language acquisition perspective*. New York, London: Routledge. pp. 62–77.
6. Vereschagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1980) *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguacultural theory of the word]. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Vorob'yev, V.V. (1997) *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody)* [Linguaculture (theory and methods)]. Moscow: People's Friendship University of Russia.
8. Kuritskaya, E.V. (2019) Frazеологические единицы с антропонимами в английском языке [Phraseological units with anthroponyms in English]. *Filologicheskije nauki*. 12 (1). pp. 51–55.
9. Shitova, L.F. & Shitova, A.V. (2017) Idiomaticheskiy rebus: imennyye idiomy, ikh klassifikatsiya, proiskhozhdenie i semanticheskie osobennosti [Idiomatic rebus: proper name idioms, their classification, origins and sematic peculiarities]. *Nauka, tehnika i obrazovanie*. 2 (32). pp. 90–94.
10. Mel'Čuk, I. (2012) Phraseology in the language, in the dictionary, and in the computer. *Yearbook of Phraseology*. 3 (1). pp. 31–56.
11. Zykova, I.V. (2016) Linguo-cultural studies of phraseologisms in Russia: past and present. *Yearbook of Phraseology*. 7 (1). pp. 127–148.
12. Macis, M. & Schmitt, N. (2017) Not just 'small potatoes': Knowledge of the idiomatic meanings of collocations. *Language Teaching Research*. 21 (3). pp. 321–340.

13. Bashmakova, I.S. (2015) Semioticheskiy aspekt frazeologicheskogo konteksta angliyskoy idiomy s antroponimom cherez prizmu analiza diskursa [Semiotic aspect of English anthroponomic idioms phraseological context through the discourse analysis]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 10. pp. 246–251.
14. Rafatbakhsh, E. & Ahmadi, A. (2019) A thematic corpus-based study of idioms in the Corpus of Contemporary American English. *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*. 4 (11). doi: 10.1186/s40862-019-0076-4
15. Sprenger, S.A., la Roi, A. & van Rij, J. (2019) The development of idiom knowledge across the lifespan. *Frontiers in Communication*. 4 (29). doi: 10.3389/fcomm.2019.00029
16. Hertzog, C. & Dunlosky, J. (2004) Aging, metacognition and cognitive control. *The Psychology of Learning and Motivation*. 45. pp. 215–251.
17. Kogan, E.S. (2014) Proper names in dialectal idioms: stages of idiomatization. *Voprosy Onomastiki*. 1 (16). pp. 122–127.
18. Tabley Amos, N. & Hermilinda Abas, I. (2021) Idiom comprehension using multimodal teaching approach among Zanzibar University students. *Advances in language and literary studies*. 12 (3). pp. 82–89.
19. Szareszunowicz, J. (2012) On the evaluative connotations of anthroponomic idioms in a contrastive perspective (based on English and Italian). *Bialostockie Archiwum Językowe*. 12. pp. 293–314. doi: 10.15290/baj.2012.12.18
20. Matthews, L. & Thomas, B. (2014) *Complete Advanced (for revised exam from 2015). Workbook with Answers with CD-ROM*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Bell, J. & Kenny, N. (2015) *Advanced Expert Student's Resources Book with key*. 3rd edition – with 2015 exam specifications. London: Pearson Education Limited.
22. O'Dell, F. & McCarthy, M. (2010) *English idioms in Use (Advanced) with answers*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Capel, A. & Sharp, W. (2013) *Objective Proficiency (for revised exam from March 2013). Student's Book with Answers with Downloadable Software*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Gaims, R. & Redman, S. (2011) *Idioms and Phrasal Verbs*. Oxford: Oxford University Press.
25. Longman. (1998) *Longman Dictionary of English Idioms*. London: Addison Wesley Longman Dictionaries.
26. Collins. (1995) *Collins Cobuild Dictionary of Idioms*. London: Harper Collins.
27. Longman. (2002) *Longman Pocket Idioms Dictionary*. Edinburgh: Pearson Education Limited.
28. OUP. (2004) *The Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: Oxford University Press.
29. Szareszunowicz, J. & Vidović, B.I. (2019) Conventional periphrases of anthroponyms from a contrastive perspective (on the example of Polish periphrastic expressions and their Croatian equivalents). *Poznańskie Studia Slawistyczne*. 15. pp. 287–304. doi: 10.14746/pss.2018.15.17
30. Vrbinc, A. & Vrbinc, M. (2014) Phraseological units with onomastic components: the case of English and Slovene. *Revista de lingvistică teoretică y aplicada*. 52 (1). pp. 133–153. doi: 10.4067/S0718-48832014000100007
31. Shitova, L.F. (2013) *Proper name idioms and their origins. [A dictionary of anthroponymic idioms]*. Saint-Petersburg: Antologija.
32. Nikulina, E.A. (2015) English Phraseology: Integration with Terminology Science. *Journal of Language and Education*. 1 (2). pp. 41–45. doi: 10.17323/2411-7390-2015-1-2-41-45
33. Lavrova, N.A. & Nikulina, E.A. (2020) Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers. *Russian Journal of Linguistics*. 24 (4). pp. 831–857. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857

34. Lavrova, N.A. & Nikulina, E.A. (2020) Advanced Russian EFL Learners' Awareness of Idiomatic Synonymy, Antonymy, and Polysemy. *Journal of Language and Education*. 6 (4). pp. 61–76. doi: 10.17323/jle.2020.9689

35. Druzhinin, A.S. (2020) Construction of irreality: An enactive–constructivist stance on counterfactuals. *Constructivist Foundations*. 16 (1). pp. 69–80.

Информация об авторах:

Лаврова Н.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка № 3 Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: n.lavrova@inno.mgimo.ru

Козьмин А.О. – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка № 3 Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: a.kozmin@inno.mgimo.ru

Гумма О.А. – магистр кафедры фонетики и лексики английского языка им. В.Д. Аракина Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: oksgumm@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.A. Lavrova, Dr. Sci. (Philology), professor, Moscow State Institute of International Relations MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: n.lavrova@inno.mgimo.ru

A.O. Kozmin, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow State Institute of International Relations MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.kozmin@inno.mgimo.ru

O.A. Gumma, MA in Linguistics, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: oksgumm@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.11.2021;
одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 6.10.2023.*

*The article was submitted 13.11.2021;
approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 6.10.2023.*

Научная статья
УДК 81'33; 81'42
doi: 10.17223/19986645/85/5

Механизмы циклической дискурсивной амплификации (CDA-модель): на примере эпидемического дискурса лихорадки Эбола

**Николай Филиппович Пономарев¹, Константин Игоревич Белоусов²,
Константин Александрович Ключко³,
Константин Валентинович Рябинин⁴**

*^{1, 2, 3, 4} Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия*

*² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ aprioripr@gmail.com

² belousovki@gmail.com

³ konstklotchko@gmail.com

⁴ kostya.ryabinin@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы реализации в СМИ нарратива о катастрофе в рамках теорий социального конструирования рисков и бедствий. Две основные эмоции в предложенной CDA-модели – это СТРАХ и НАДЕЖДА, значение которых колеблется обратно пропорционально развитию нарратива о катастрофе, в качестве которого выступает эпидемический дискурс пандемии Эболы. CDA-модель раскрывается с помощью ГИС-технологий, демонстрирующих глобальный циклический характер информационной эпидемии.

Ключевые слова: эпидемический дискурс, дискурсивная амплификация, корпусные методы, семантический анализ, хедлайны СМИ, машинное обучение, ГИС-визуализация

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FSNF-2020-0023). Авторский коллектив выражает благодарность интернет-холдингу «Е-генератор» за предоставленные данные.

Для цитирования: Пономарев Н.Ф., Белоусов К.И., Ключко К.А., Рябинин К.В. Механизмы циклической дискурсивной амплификации (CDA-модель): на примере эпидемического дискурса лихорадки Эбола // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 85–106. doi: 10.17223/19986645/85/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/5

Mechanisms of cyclic discursive amplification (CDA-model): On the example of Ebola epidemic discourse

Nikolai Ph. Ponomarev¹, Konstantin I. Belousov²,
Konstantin A. Klochko³, Konstantin V. Ryabinin⁴

^{1, 2, 3, 4} Perm State University, Perm, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ aprioripr@gmail.com

² belousovki@gmail.com

³ konstklchko@gmail.com

⁴ kostya.ryabinin@gmail.com

Abstract. The article in question deals with the problems of cyclic discourse amplification in the “narrative of disaster”. The authors outline basic features of the CDA-model mechanisms and present them in the context of the so-called pandemic discourse, which is included into a broader “narrative of disaster” as its typical example. The research is based on a number of findings in the spheres of social constructing of risks and disasters as well as their representation in the media. Findings say that the narrative of disaster is composed of some spheres, which imply their own features shaping the final result. Any social risk might be interpreted either rationally, or via “folk theories”. Accordingly, political and social actors may refer either to this or that interpretation, or might not follow any patterns. On the other hand, the implicit uncertainty of a disaster is characterized by ambivalent judgements, appeal to emotions, amplification of risks from diminishing to skyrocketing. Yet, the two basic emotions in this CDA-model are “Fear” and “Hope” that fluctuate in their importance in inverse proportion while the “narrative of disaster” is evolving. The media here acts both as a means of discourse amplification and influence in the public sphere. The given article is aimed at revealing the dynamics of this “Fear-and-Hope” representation in the media. It is grounded on the Ebola pandemic discourse as the mostly emotional one (the effect of emotional seesaw) and thus able to vividly demonstrate the course of circular discourse amplification. In the study, the authors used headlines from Russian media (2014–2020) which were gathered via the news-aggregators SMI2 and E-generator into a corpus. After that, with the use of specially designed software, they determined some notable “entities”. The “entities” include verbal notions, persons, locations, etc. By means of a graphic and semantic modelling system named Semograph alongside expert analysis, the authors analyzed and sorted these “entities” into a certain hierarchy of terms which later on was attributed to classification fields and verbal contexts. This technique allows generating the so-called “semantic maps” that reflect the statistics of mutual occurrence of all fields’ combinations into the contexts of the corpus under analysis. The authors found out that the media coverage of a pandemic passes through some stages where fear replaces hope and vice versa. It helped the authors outline the scheme of a CDA-model in media, by means of which several binary options may be monitored. The article states that the pandemic discourse of Ebola in the Russian segment of the Internet has generated a “narrative of disaster” (in particular, pandemic) that possesses three structural features – discursive amplification, discursive ambivalence, discursive cyclicity. The given scheme reflects a stochastic result of non-cohesive actions reflected in the media. Further on the role of actors in shaping the model is going to be tackled.

Keywords: pandemic discourse, discursive amplification, corpus methods, semantic analysis, media headlines, machine learning, GIS visualization

Acknowledgments: The study was performed as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. FSNF-2020-0023. The authors express their gratitude to the Internet holding company E-Generator for the data provided.

For citation: Ponomarev, N.Ph., Belousov, K.I., Klochko, K.A. & Ryabinin, K.V. (2023) Mechanisms of cyclic discursive amplification (CDA-model): On the example of Ebola epidemic discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 85–106. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/5

Теоретическое обоснование исследования

Социальное конструирование рисков / бедствий

В обществе риска антропогенные или природные неблагоприятные события обусловлены прежде всего социальными, политическими и культурными факторами, а не экономическими или технологическими обстоятельствами. Риски как вероятные угрозы *приоритетным* социальным ценностям (здоровью, экономическому благополучию, правам человека) встроены в естественное общественное развитие как деструктивные феномены. В идентификацию и ранжирование рисков вовлечены всевозможные эксперты со своими знаниями и навыками, интересами и предпочтениями, надеждами и страхами, но эта неизбежная аффективно-когнитивная субъективность во многом компенсируется массовостью рискованных коммуникаций: простые люди используют *народные теории* вместе с эвристиками для интуитивной оценки рисков, которые сильно отличаются от научных концепций.

Интерпретации рисков как возможных угроз и рисков как реальных событий, а также соответствующие поведенческие реакции (включая принятие осознанных и спонтанных решений) обусловлены сочетанием специфических когнитивных и аффективных факторов, включая предвосхищающие эмоции: «Самое страшное заболевание здесь – вовсе не лучевая болезнь. Правда в том, что страх перед Чернобылем нанес больше вреда, чем сам Чернобыль» [1]. Эти оценки порождают изначально противоречивые прогнозы, на основе которых принимаются управленческие решения, вплоть до разработки государственных программ.

К числу социальных рискованных событий относятся бедствия, которые переживаются большим количеством субъектов и порождаются природными и/или техногенными факторами (ураганы, наводнения, землетрясения, аварии, катастрофы, террористические акты). В отличие от других инцидентов бедствия имеют серьезные физические, социальные, психосоциальные, социально-демографические, социально-экономические и политические последствия. Более того, бедствия как закономерные и неустраняемые компоненты социальных процессов вскрывают и фиксируют многочисленные

уязвимости в институциональных структурах и социальных системах, включая социальное неравенство: «Решение о том, что называть бедствием и какой объем помощи необходим, зависит от того, кто страдает» [2. Р. 200]. Несмотря на прогнозы по рискам, бедствия всегда случаются внезапно, вынуждают акторов принимать непопулярные (и часто плохо продуманные) ограничительные меры и, главное, разрушают коллективные поведенческие паттерны и рутины повседневной жизни вплоть до социально-политической дестабилизации.

Риски как вероятные инциденты и бедствия как воплотившиеся риски приобретают статус значимых социальных феноменов благодаря заинтересованным акторам, которые иницируют или вовлечены в их проблематизацию в актуальном социокультурном и политическом контексте: «Опасность реальна, но риск социально конструируется» [3. Р. 689]. Фрейминг рисков/бедствий как социальных проблем из публичной повестки мигрирует в административную повестку власти, которая принимает юридические и управленческие решения с учетом общественного мнения. Поскольку риск/бедствие есть не что иное, как злостная проблема, то по своей эффективности избранные защитные меры в лучшем случае являются достаточно хорошими: «По мере развития общества риска развивается антагонизм между теми, кто *подвержен* рискам, и теми, кто *получает от них прибыль*... Возникают новые антагонизмы между теми, кто *производит* определения риска, и теми, кто их потребляет» [4. Р. 46]. Вдобавок следует подчеркнуть: «Нет никакого конкретного или даже мыслимого института, подготовленного к НВА, “наихудшей вообразимой аварии”, и нет никакого общественного строя, который гарантировал бы его социальное и политическое устройство в этом наихудшем случае» [5. Р. 101].

Амбивалентность

Характерная для риска/бедствия ситуация неопределенности сопровождается гипервыбором, информационным загрязнением и инфодемией, когда научные эксперты, моральные авторитеты, блогеры и кто угодно плодят *жуткие* слухи в контексте популярных теорий заговора. Размножение интерпретаций происходящего/грядущего и вариантов защитного поведения сбивает субъектов с толку и порождает массовую *эмоциональную амбивалентность* [6] как одновременное или попеременное переживание как минимум двух эмоций с сильным уровнем возбуждения и разными валентностями по отношению к одному и тому же социальному феномену (субъекту, поведению, объекту, ситуации, проблеме). Итоговое состояние повсеместной когнитивно-эмоциональной амбивалентности подталкивает субъектов к уклонению от решения, прокрастинации и активному избеганию информации.

Эмоции, переживаемые в ситуации неопределенности, делятся на два класса.

Во-первых, переживаемые в реальном времени предвосхищающие эмоции по поводу будущих событий, которые вызывают либо надежды (если события желаемы), либо страх (если события нежелательны).

Во-вторых, ожидаемые эмоции как аффективные прогнозы, которые порождаются желанием заранее пережить последствия события, которое, как предполагается, произойдет в будущем (контрфактическое мышление). Иначе говоря, если предвосхищающие эмоции – это реакции *сейчас* на события *потом* (например, страх перед будущим или надежда *на будущее*), то ожидаемые эмоции – это предполагаемые реакции на события *потом* (например, ожидаемая радость или сожаление *в будущем*). Если страх как негативная эмоция сужает фокус внимания, то надежда, наоборот, расширяет. В ситуации риска/бедствия надежда и страх как предвосхищающие эмоции сочетаются друг с другом и усиливают массовые амбивалентные настроения.

Дискурсивная амплификация рисков / бедствий

Поскольку риски «базируются на *каузальных интерпретациях* и, таким образом, изначально существуют на языке (научных или антинаучных) *знаний* о них», то они могут быть «изменены, увеличены, драматизированы или сведены к минимуму в [существующей системе] знания, и в этой степени они особенно открыты для *социального определения и конструирования*» [7. Р. 22–23]. В результате относительно безобидные (по мнению неангажированных экспертов) события превращаются в предмет для общественной озабоченности и социально-политической активности (амплификация рисков) и, наоборот, серьезные, по оценке экспертов, угрозы – в незначительные затруднения (аттенуация рисков). Возгонка амбивалентного эмоционального состояния до коллективной стрессовой ситуации – это цель политики запугивания и обнадеживания.

Опросы общественного мнения вроде бы подтверждают реифицированные (овеществленные) социальные страхи, но только потому, что сами опросы являются механизмами режима истины, который реализуется акторами со значительной дискурсивной силой. Политика запугивания и обнадеживания подавляет реактивное сопротивление субъектов по отношению к вводимым правовым (и не совсем правовым) ограничениям за счет раскручивания спирали умолчания как одного из механизмов производства согласия: «Медиа могут не иметь большого влияния, говоря нам, что думать, но у них есть способность влиять на наше восприятие того, что думают другие» [8. Р. 66].

Поскольку реальное и воображаемое оставляют в памяти идентичные отпечатки (соответствующие мозговые субстраты на две трети совпадают), а виртуализация медиа размывает границы между непосредственным и опосредованным восприятием, то с течением времени медиафеномены вспоминаются как реальные события и становятся частью жизненного опыта, который влияет на дальнейшее поведение: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [9. Р. 572]. Более того,

медиа влияют на субъектов визуальным контентом, эмоциональным поведением медиа-персоны и побуждением к эмпатии, что провоцирует скорее эмоциональные состояния, чем рациональные рассуждения. В результате даже (вроде бы) объективное и рациональное освещение бедствия скорее запугивает потенциальные жертвы, чем настраивает на рациональное поведение: «Как якобы сказал сенатор Джон О. Пасторе из Род-Айленда, ‘легче напугать людей, чем сделать так, чтобы они перестали бояться’» [10. Р. 55].

Медиа-амплификация благодаря *эффекту ряби* вызывает обширные, отдаленные и межсекторные последствия. «Хайпизация» риска/бедствия активизирует социальную память о предыдущих бедствиях, ‘переживания которых хранятся и передаются между индивидами, группами и поколениями в формате нарративов о бедствиях. Более того, согласно гипотезе обезличенного воздействия, субъекты, получившие информацию о риске/бедствии через новостные медиа, склонны полагать, что другие с *большой* вероятностью станут жертвами риска, чем они сами.

Дискурсивная амплификация рисков/бедствий ограничена законом убывающей предельной производительности: «Слишком упорно эксплуатируя страхи, правительство повышает порог общественного восприятия, и в конечном итоге люди игнорируют почти все дальнейшие попытки их запугать... Страх – это обесценивающийся актив. Если предсказанная угроза не реализуется, то засомневаются в ней самой или ее серьезности. Правительство должно компенсировать обесценивание, инвестируя в техническое обслуживание, модернизацию и пополнение основного ‘капитала страха’» [11. Р. 456–457].

Итак, под *дискурсивной амплификацией* понимается спонтанное или преднамеренное расширение социокультурного контекста обсуждения темы конкретного дискурса в медиасфере, которое, как мы предполагаем, обостряет конкуренцию акторов не только на когнитивном уровне (‘битва фреймов’), но и эмоциональном уровне (‘волны эмоционализации’).

Эпидемический дискурс

Коммуникации в чрезвычайных ситуациях (в том числе во время эпидемии) не только формируют когнитивные представления и аффективные реакции на конкретный риск как опасность неизбежного ущерба, но и мотивируют защитное поведение, чтобы ограничить, сдержать, смягчить и уменьшить общественный вред: «Рисковые коммуникации часто происходят в эмоционально заряженной среде, поскольку страх, тревога, недоверие, гнев, возмущение, беспомощность и фрустрация являются обычными реакциями на риски для здоровья, связанные с инфекционными заболеваниями» [12. Р. 2].

Ярким и *актуальным* проявлением *дискурсивной амплификации* являются эпидемии так называемых новых инфекционных заболеваний (атипичная пневмония, СПИД, холера, птичий грипп H5N1, свиной грипп H1N1, лихорадка Эбола, COVID-19), которые сопровождаются массовым

распространением в медиасфере запугивающих нарративов. Некоторые инфекционные болезни – испанский грипп в 1918 г., ВИЧ / СПИД в 1980-х гг., COVID-19 сейчас – порождают моральную панику, воспоминания о которой при вспышке новой инфекции усиливают социальные страхи и побуждают власти к ее переоценке или, наоборот, недооценке: свиной грипп H1N1 по заболеваемости и смертности не отличался от сезонного гриппа, но ассоциировался с атипичной пневмонией, поэтому подталкивал к избыточным контрмерам.

В конце декабря 2013 г. в Гвинее разразилась лихорадка Эбола, которая распространилась на Сьерра-Леоне и Либерию. В результате более 28 000 человек были инфицированы и более 11 000 из них умерли. Повышенная вирулентность и летальность вместе с визуально устрашающими симптомами вывели это заболевание в лидеры *эпидемической конкуренции* в медиасфере: когда 24 сентября 2014 г. приехавший из Либерии больной заразил в США двух медсестер, мейстримные медиа заявили о том, что развитый мир столкнулся со смертельной угрозой.

Медицинские качества Эболы сделали ее отличным прототипом на роль общественного страха: крайне болезненные и кровавые симптомы (геморрагическая лихорадка), высокий уровень смертности, экзотическое происхождение, неопределенность факторов возникновения, отсутствие клинически одобренной вакцины.

Лихорадка Эбола захватила общественное воображение как никакая другая эпидемия благодаря тому, что небольшие и отдаленные от центров цивилизации вспышки стали яркими историями в глобальной медиасфере, а имя самой эпидемии стало нарицательным в странах Европы и Америки: «Болезнь [Эбола], которая во время предыдущих вспышек никогда не вызывала более нескольких сотен смертей, превратилась в глобальную катастрофу в области здравоохранения» [13. Р. 140].

Благодаря журналистам Эбола приобрела харизматическую привлекательность, вызвав массовые эмоциональные реакции, которыми успешно воспользовались правительства, медицинские и фармацевтические компании для получения «больше ресурсов и внимания, чем многие другие болезни, которые поражают большее количество людей и вызывают большую заболеваемость и смертность» [14. Р. 51]. Более того, символический потенциал эпидемии Эбола под предлогом обеспечения безопасности *впервые* использовался политиками для серьезных ограничений прав и свобод граждан.

Далее мы предпримем попытку моделирования дискурсивной амплификации эпидемии в глобальной медиасфере на примере вспышки лихорадки Эбола в 2014–2015 гг.

Апелляция к эмоциям

Основная функция эмоций, которые базируются на бессознательных, сознательных, биохимических, физиологических, аффективных, когнитивных и поведенческих процессах, это декодирование внутренних и внешних

стимулов: «Эмоции автоматически направляют внимание к конкретным подсказкам и информации, влияют на организацию схем памяти, придают дифференциальный вес конкретным хранимым знаниям, активируют релевантные ассоциативные сети в памяти, влияют на порядок приоритетов когнитивной обработки, обеспечивают рамки интерпретации воспринимаемых ситуаций и на этом основании притягивают к определенным объектам, ситуациям, индивидам или группам, удерживая от других» [15. Р. 369].

Одна и та же эмоция может переживаться многими членами социальной группы со специфической эмоциональной культурой, которая формируется под влиянием общих знаний, дискурсов, символов, ценностей, нарративов, убеждений. Если *эмоциональная атмосфера* выражается в одинаковой эмоциональной реакции на конкретное событие, то *эмоциональный климат* представляет собой устойчивую коллективную эмоциональную ориентацию, которая переживается большинством членов, встроена в общие убеждения, выражается в культурных артефактах, окрашивает публичный дискурс, усваивается в ходе социализации и, главное, используется влиятельными акторами и медиа-агентами в стратегических коммуникациях.

Массовая индукция эмоциональных состояний происходит в результате стихийного (неконтролируемого) и/или преднамеренного (управляемого) эмоционального заражения вне и (в основном) внутри медиасферы за счет аффективно нагруженного контента, который влияет на дальнейшую интерпретацию проблемной ситуации и последующее поведение. В неопределенной кризисной ситуации доминирующими эмоциями обычно становятся страх или надежда, которые одновременно или последовательно провоцируются заинтересованными конкурентами посредством политики запугивания или политики обнадеживания.

Апелляция к страху формирует в адресатах представления о личной значимости и масштабности угрозы, высокой вероятности лично столкнуться с угрозой, а также веру в эффективность и личную выполнимость предлагаемых контрмер: «Возбуждение от страха менее важно для мотивации предупредительных действий, чем восприятие их эффективности и собственной самоэффективности. Более того, воспринимаемая личная значимость может иметь решающее значение для эмоционального и когнитивного воздействия информации об угрозе» [16. Р. 613].

Апелляция к надежде формирует в адресатах в сомнительной ситуации позитивную оценку закономерного результата предлагаемых действий как совместимого с личными целями и лично важного, достижимого и гарантирующего лучшее будущее: «Если что-то определено и находится под вашим контролем, нет особой необходимости надеяться, но если у вас нет контроля и есть большая неопределенность, надежда становится очень актуальной» [17].

При прочих равных условиях (при воспринимаемой личной значимости и воспринимаемой самоэффективности) апелляция к страху подавляет встречную апелляцию к надежде.

Во-первых, из-за врожденной ‘предвзятости к негативности’: «Явно пугающие события оставляют в мозгу неизгладимые следы памяти. Мозг сильнее реагирует на плохое, чем на хорошее, и сохраняет память о плохом» [18. Р. 336].

Во-вторых, из-за более сложной природы надежды: «Надежда менее автоматична и требует более сложной обработки, поскольку это более осознанная эмоция более высокого порядка, которая зависит от способности вообразить лучшее будущее» [19]. Надежда – это пока *невоплощенная* фантазия, которая сейчас существует только в воображении, тогда как страх угрожает потерей того, что на самом деле *уже* существует. Соответственно, «если надежда может подавить часто иррациональное и спонтанное господство страха, она должна делать это посредством рассуждений и воображения» [20. Р. 605].

В-третьих, страх активизирует уже усвоенные поведенческие паттерны (что просто), а надежда побуждает к разработке новых сценариев (что сложно): «Страх фокусирует и сужает, а надежда раскрывает и расширяет кругозор» [21. Р. 47].

В-четвертых, страх – это эволюционная реакция, которая обеспечивает выживание, а надежда – это всего лишь перспектива на улучшение условий существования: «Поскольку последствия травмирующего или смертельного нападения гораздо труднее обратить вспять, чем последствия неиспользованной благоприятной возможности, то процесс естественного отбора породил склонность сильнее реагировать на отрицательные, чем на положительные стимулы. Таким образом, страх и надежда как детерминанты поведения асимметричны» [22. Р. 205].

В ситуации неопределенности страх и надежда переплетаются и, как предполагается, чередуются друг с другом: «Можно сказать, что надежда и страх – это эмоции Кларка Кента и [соответственно] Супермена, поскольку, хотя они носят очень разные наряды и демонстрируют крайне полярные личности, есть основания предполагать, что они на самом деле одно и то же!» [23. Р. 51].

Динамика страха и надежды (по крайней мере, в массовых масштабах) исследована только на примерах конкурентной политической коммуникации, но мало что известно о том, как конструируется амбивалентный эпидемический дискурс «страх – надежда – страх».

Мы предполагаем, что влияние амбивалентного эпидемического дискурса на адресатов объясняется эффектом ‘эмоциональных качелей’: непредсказуемая метаморфоза доминирующей валентности эмоционального воздействия с положительной на отрицательную или наоборот ослабляет реактивное сопротивление реципиента.

Технологическая и эмпирическая база исследования

Эмпирическая база исследования была сформирована из хедлайнов российских средств массовой информации (2014–2020 гг.), которые были

собраны агрегатором СМИ2 (<https://smi2.ru>) и переданы авторам интернет-холдингом «Е-генератор» (<https://e-generator.com>).

Материал представлен в виде CSV-файла (comma-separated values) со следующими столбцами:

- 1) id – уникальный идентификатор материала;
- 2) created – дата создания/публикации материала;
- 3) updated – дата изменения материала;
- 4) url – адрес оригинальной публикации;
- 5) title – заголовок публикации;
- 6) text – аннотация/сокращённая версия материала.

После фильтрации и удаления дублей в исследуемой базе осталось 65 210 674 записей.

Исходные данные были конвертированы в базу данных с использованием системы полнотекстового поиска «Apache Solr», ориентированной на нечеткий и полнотекстовый поиск. Пользовательский Web-интерфейс позволяет быстро выполнять поиск по составным запросам, агрегацию данных и другие операции. Подкорпус был сформирован из хедлайнов, связанных с лихорадкой Эбола.

Сам запрос состоял только из эбол*, так как в отношении данной болезни на русском языке отсутствуют синонимичные обозначения, а также омонимы, которые бы обозначали иные аспекты действительности. Результат запроса представлен в формате JSON. По запросу было обнаружено 10 705 результатов. Весь корпус, напомним, насчитывает 65 млн хедлайнов, т.е. подкорпус составляет 0,02% от всего корпуса.

Экспортированный из Solr корпус хедлайнов, связанных с тематикой лихорадки Эбола, на следующем этапе подвергся автоматическому выделению в хедлайнах именованных сущностей (NER – Named-entity recognition) для проведения дальнейшего анализа. Выделение сущностей в корпусе хедлайнов осуществлялось с помощью программного модуля на основе библиотеки SlovNet (<https://github.com/natasha/slovnet>), реализующей извлечение именованных сущностей из текстов на естественном языке на основе методов глубинного обучения. В текстах были выделены следующие категории сущностей: личность (PER), организация (ORG), географический объект (LOC). Данные категории дополнили первичную разметку корпуса хедлайнов («Эбола в российских СМИ») и на следующем этапе подверглись семантическому анализу в ИС «Семограф».

Информационная система «Семограф» (<https://semograph.org/>) предназначена для экспертного и машинного анализа текстовых массивов и поддерживает удаленную командную работу над проектами. В основе работы ИС «Семограф» – метод графосемантического моделирования [24], который реализован в виде набора инструментов, позволяющих использовать в процессе экспертного анализа текстов/текстовых массивов методы компонентного и полевого анализа, качественного и количественного контент-анализа, частотного анализа и др. Помимо экспертных методов анализа текстовых массивов система поддерживает машинную обработку либо в парадигме

LIWC (компьютерная обработка массивов с помощью разнообразных лексических библиотек) [25], либо с помощью методов машинного обучения, в том числе используя готовые (предобученные) модели. В данной работе использовались методы экспертной работы с текстами [26]. На рис. 1 представлен скриншот окна контекста (№ 10289), экспортированного в ИС «Семограф» корпуса хедлайнов, обогащенных именованными сущностями.

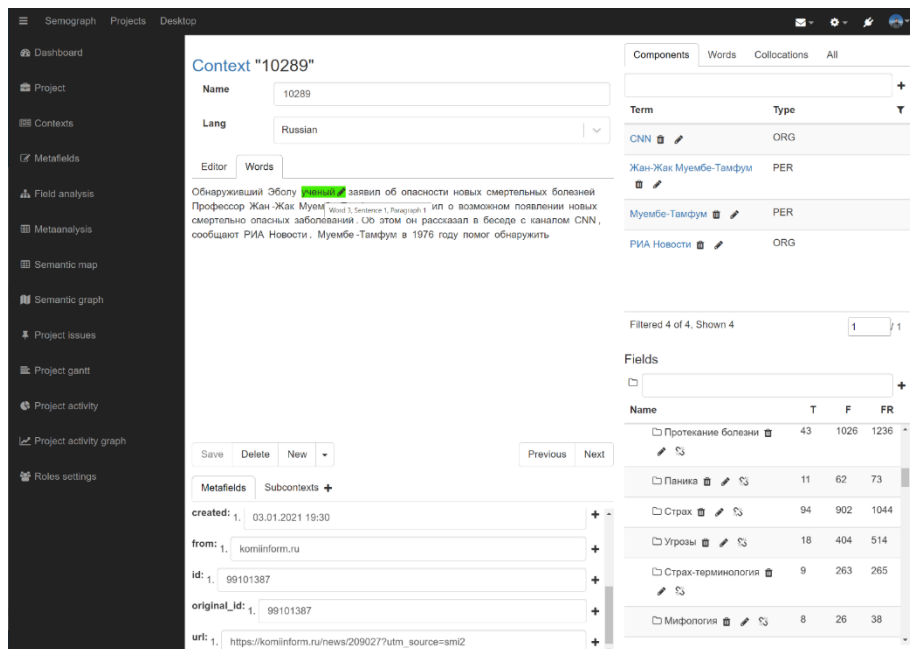

Рис. 1. Скриншот контекста с хедлайном, терминами (компонентами) и метаполями

На рис. 1 видно, что хедлайн размещается в большом текстовом поле; он индексируется с помощью встроенной в Семограф платформы полнотекстового поиска Solr (<https://solr.apache.org/>) – для слов строится индекс с учетом их контекстов, результатом чего является частотный список слов с их конкордансами. Для каждого контекста отдельно хранится список выделенных в нем сущностей: в поле Терм (компоненты) с Типом сущности (PER, ORG и LOC) для более удобной работы с помощью фильтрации. В поле Метаполя располагаются метаданные хедлайна (время создания, ресурс, ID, URL).

Далее в рамках полевого анализа была осуществлена экспертная классификация термов, включая именованные сущности (PER, ORG, LOC) и частотный список слов индексированных хедлайнов (рис. 2).

На рис. 2 в среднем столбце расположены термы-слова с показателями встречаемости в контекстах корпуса и показателями вхождения слова в поля классификатора (левый столбец), созданного экспертами. В правом столбце отображается список контекстов с показателями вхождений выделенного термина (конкорданс).

96

Сами поля СТРАХА и НАДЕЖДЫ формировались логико-дедуктивным методом с опорой на материал. Поле СТРАХА, реализованное в запугивающем дискурсе, представлено субполями: фактами проявления болезни (Смерть: *смерть, жертвы, смертность, умереть, смертоносный, смертельный* и др.); образами тяжелого протекания болезни, проявляющимися в привлечении научной терминологии (Научная терминология: *геморрагическая лихорадка*); реакцией на возможность заражения и формы протекания болезни (Страх: *страх, испугаться, напугать, пугающее, опасно* и др.; Паника: *паника, запаниковать* и др.); прогнозированием будущего (Угроза распространения: *угроза, угрожать, угрожающих* и др.); реакцией на возможную помощь (Недоверие/Неверие: *недоверие, не доверять* и др.); подключением образов Судного дня (Мифологические образы: *Апокалипсис, Армагеддон, Судный день* и др.).

Поле НАДЕЖДЫ уступает СТРАХУ по силе воздействия на массы как с точки зрения первичности (страх является базовой эмоцией), так и в аспекте встречаемости в проанализированном материале, однако НАДЕЖДА по большей степени целенаправленно (пусть и в разной степени) формируется многими государственными и общественными институтами. Это относится к выделению средств на борьбу с заболеванием (Финансовая в том числе благотворительная деятельность: *финансирует, выделить средства, пожертвовал, доллары* и пр.); созданию национальных и международных структур для противодействия эпидемии (Административная деятельность: ВОЗ, Красный крест, G20 и др.); научной деятельности (*наука, исследования, научный, лаборатория, исследовательский* и др.) и разработкам в области предотвращения (Вакцина: *вакцина, препарат, вакцинировать, вакцинированный* и др.) и лечения болезни (Лекарство: *лекарство, препарат, лекарственный* и др.); фактами Лечения и Излечения (*излечение, излечившийся, выздороветь, излечивают, выживший* и др.); Ошибочной диагностике заболевания (*не подтвердился диагноз*); доверию к государственным и общественным институтам, в том числе появлению своих героев-врачей/медсестер (Доверие: *доверять, спасать, спасли* и др.); разоблачению так называемых фейков (Опровержение/Правда: *фейки, опровергнуть, ложь, выяснилось* и др.). Помимо рациональных объяснений присутствует обращение к иррациональному, проявлением которого выступает дискурс Чуда (*чудо, чудеса, чудодейственное* и др.).

Благодаря системе фильтрации в частотный список термов можно отдельно выводить и термы-слова, и термы-компоненты (именованные сущности, выделенные автоматически с помощью библиотеки SloVNet), а также создавать ветки классификатора – иерархию полей для работы с *типами* термов. В частности, для термов-компонентов (именованных сущностей) было создано поле ГЕОГРАФИЯ, содержащее субполя, именованные по названиям стран, образуемых вхождением термов группы ЛОС (Россия, США, Франция, Конго и др.). Для термов-слов были созданы поля НАДЕЖДА, СТРАХ, КАУЗАЦИЯ и т.д. (в данной статье рассматриваются только поля НАДЕЖДА и СТРАХ). Привязка термов к полям

классификатора и отнесенность термов к контекстам создает возможности для генерации ‘семантических карт’. Любая семантическая карта – это матрица $N \times N$ (N – количество выделенных полей), отражает статистику совместных вхождений всех парных комбинаций полей в контексты анализируемого корпуса.

Результаты исследования

Дискурсивная амплификация, которая встраивается в социокультурный контекст и формируется действиями множества акторов, порождает амбивалентный нарратив бедствия. Сложная динамика дискурсивной иерархии изменяется во времени волнообразно.

Поскольку доскональное и многоаспектное изучение дискурсивной амплификации рисков и бедствий – это цель для масштабного и долгосрочного исследовательского проекта, мы ограничились эмпирической проверкой центральной гипотезы, согласно которой при низком уровне вовлеченности российских медиа-агентов и медиаюзеров репрезентация в медиасфере событий, которые воспринимаются скорее как риск, чем реальное бедствие, вернее всего ограничится обезличенным волнообразным дискурсом «Страх-Надежда-Страх». Проще говоря, на первом плане окажутся обстоятельства, которые либо смертельно угрожают жизни простых людей, либо дают им надежду на спасение.

В данной статье будем рассматривать только репрезентацию полей СТРАХ и НАДЕЖДА, связанных в том числе с полем ГЕОГРАФИЯ (включает субполя, именованные по названиям стран).

В результате проведенной классификации термов (их привязки к полям классификатора) и вследствие отнесенности тех же термов к контекстам появляется возможность генерации семантических карт. Семантические карты можно генерировать как для проекта в целом, так и для отдельных выборок.

В качестве параметра формирования выборок был взят временной диапазон, равный одному месяцу: с августа 2014 г. по март 2021 г. На рис. 3 представлено распределение объема контента, связанного с Эболой, за выбранный период.

На рис. 4 визуализированы данные эмоциональной волатильности как разницы между Страхом и Надеждой, присутствующими в хедлайнах публикаций СМИ (напомним, что хедлайн представляет собой заголовок и часть текста) в один временной период (рассматриваются только значения для временных интервалов, имеющих более сотни публикаций).

На рис. 4 видно, что освещение ситуации распространения эпидемии и борьбы с ней проходит несколько циклов, в которых страх сменяется надеждой и вновь погружается в поле страха. Амбивалентное эмоциональное поле Эболы направлено на активизацию интереса к проблеме, поскольку такие колебания позволяют сюжетизировать проблему; они создают точки напряжения и решений (пусть и временных), вводят акторов и выводят их из информационного поля, создают героев, используют разные форматы

представления информации (например, описание единичных случаев и обращение к статистике) и др.

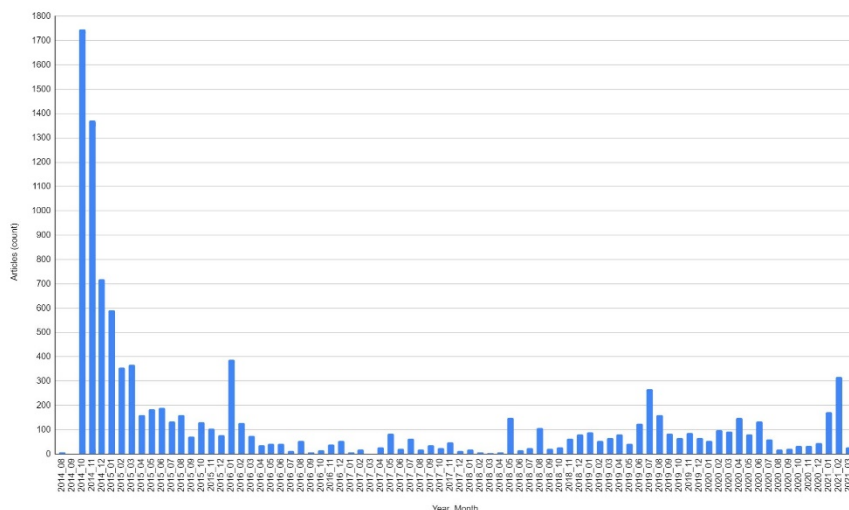

Рис. 3. Распределение объема контента, посвященного Эболе (шаг равен одному месяцу)

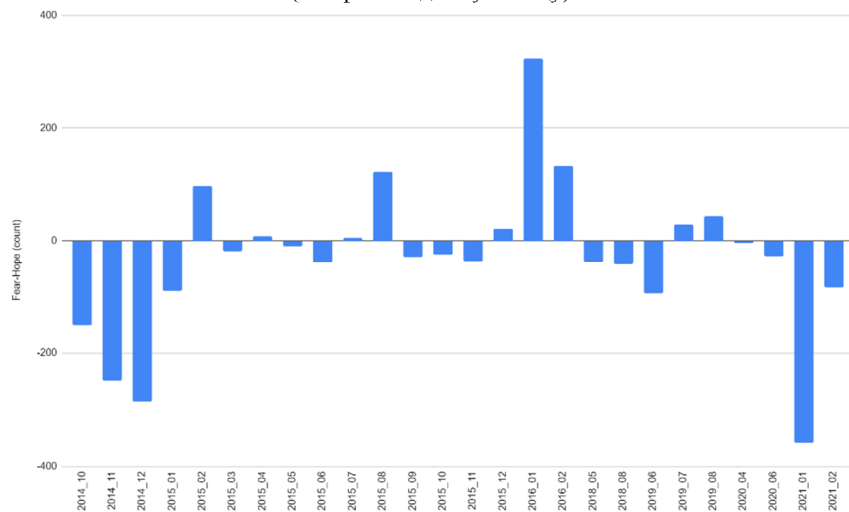

Рис 4. Разница между выраженностью Страх и Надежды в публикациях

Например, в первый информационный месяц развития эпидемии (октябрь 2014 г.) в СМИ частотны упоминания глав государств (в частности Обамы и Путина). Но в ноябре 2014 г. на фоне статистики многочисленных жертв лихорадки Эбола главы государств исчезают в российской медиасфере из этой информационной повестки. На фоне развития эпидемии в

следующем месяце (декабрь 2014 г.) начинается активное мифотворчество: журнал Time называет «Человеком года» борца с лихорадкой Эбола. В следующие месяцы распространение эпидемии идет на спад, начинается испытание препарата для лечения лихорадки Эбола; эпидемия добирается до России в виде ошибочно поставленных (ложноположительных) диагнозов. Следующий всплеск надежды (август 2015 г.) приходится на начало тестирования институтом им. Гамалеи вакцины против Эболы (напомним, что мы рассматриваем новости российских СМИ). И наконец, позитивный максимум приходится на январь 2016 г. когда ВОЗ объявляет о победе над Эолой и в России регистрируется лекарство от лихорадки Эбола (эту новость объявляет Президент В.В. Путин). В последующие месяцы наблюдается спад интереса вплоть до января 2021 г., когда Эбола используется как прецедентный феномен для нагнетания страха на фоне распространения эпидемии COVID-19 («Обнаруживший Эболу ученый заявил о появлении смертельно опасной 'Болезни X', страшнее Эболы и COVID»). Мы видим, как даже на примере российских СМИ (Эбола для России осталась за пределами границы) Эбола из неизвестной болезни становится частью культурного пространства, прецедентным текстом, удобным для трансляции широкой аудитории страха, паники и неопределенности будущего.

Более детально описанные процессы интересно рассматривать не только на временной оси, а с включением пространственных локализаций, передаваемых с помощью ГИС. На рис. 5 представлен временной срез (октябрь 2014 г.) информационного поля распространения страха и надежды, вызванных началом эпидемии Эбола.

Информационная карта выполнена в среде визуально-аналитической системы SciVi и доступна по ссылке: <https://scivi.semograph.com/?preset=fearHope.json> (после перехода по ссылке нужно нажать на кнопку VISUALIZE).

На карте представлены страны, которые хотя бы раз были упомянуты в связи с распространением эпидемии. Красным цветом представляется поле СТРАХА, зеленым – НАДЕЖДЫ. Серый цвет означает отсутствие информации в данный временной срез. Под картой располагается временная шкала с дискретными состояниями, равными одному месяцу.

Карта дает информацию о масштабах распространения сообщений с тоналностью страха и надежды; первый же срез (2014_10) демонстрирует глобальный характер распространения эпидемии в информационной повестке (информационной эпидемии). Следующий месяц дает еще больший страновой охват – наибольший по сравнению со всеми месяцами освещения проблемы. Проблема получает статус глобальной, однако понимание локального характера распространения эпидемии (в том числе не подтвержденные диагнозы соотечественников) снижает интерес к Эболе, что проявляется не только в количестве публикаций, но и в страновом охвате (достаточно посмотреть на площадь «серой зоны» карты, характеризующей отсутствие упоминания стран в контексте этой повестки). Для России Эбола осталась вне пространства реальных проблем – об этом свидетельствуют и

символические \$20 млн, выделенные правительством на борьбу с эпидемией в сентябре 2015 г.

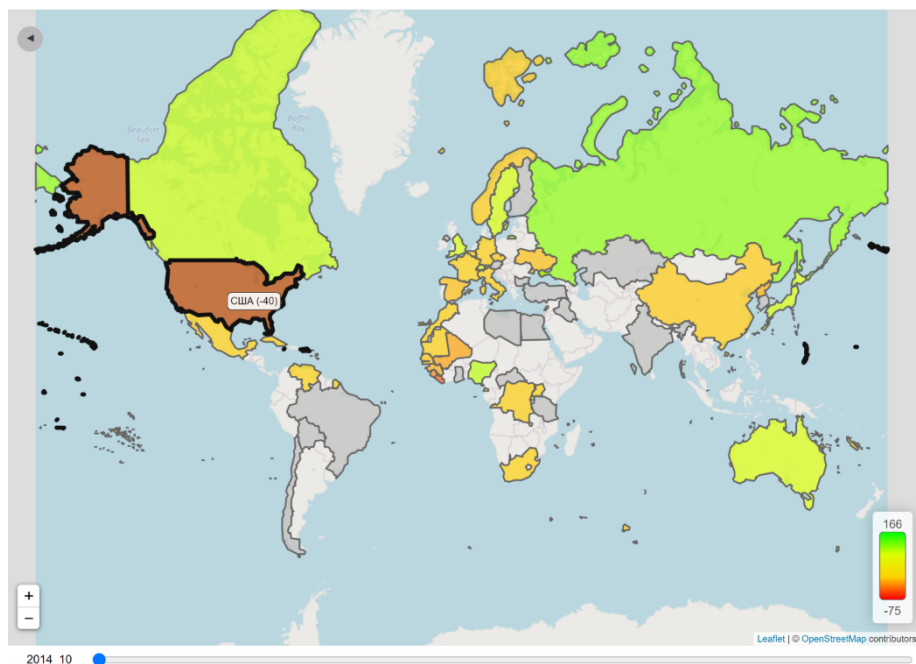

Рис. 5. Временной срез информационного поля распространения страха и надежды

Пиковые показатели надежды приходятся на январь 2016 г., когда ВОЗ объявила о победе над эпидемией, а В. Путин сообщил о разработке в России эффективной вакцины от Эбола. Однако позитивная повестка в российских СМИ затронула только восемь стран и никогда более не принимала характер глобальной. Отсутствие реальной угрозы для России привело к потере интереса к теме; в то же время Эбола уже получила статус культурного концепта в поле СТРАХА, активно используемого в СМИ.

Поскольку лихорадка Эбола не пересекла границы России, не все возможные дихотомии были рассмотрены в силу их непроявленности. Основным средством пробуждения интереса к теме стала апелляция к эмоциям Страх и Надежды (для них были сформированы семантические поля, представляющие концептуализированные эмоции в текстах СМИ). Было установлено, что освещение ситуации распространения эпидемии и борьбы с ней проходит несколько циклов, в которых страх сменяется надеждой и вновь погружается в пространство страха. Амбивалентное эмоциональное поле Эбола направлено на активизацию интереса к проблеме, поскольку такие колебания позволяют сюжетизировать проблему; они создают точки напряжения и решений (пусть и временных), вводят акторов и выводят их

из информационного поля, создают героев, используют разные форматы представления информации (например, описание единичных случаев и обращение к статистике) и др. Изучение медиатизации эпидемии как распространения страха и надежды было изучено с обращением к ГИС-модели, демонстрирующей глобальный характер распространения эпидемии в информационной повестке (информационной эпидемии) и её превращение в культурный концепт, который активно используется в СМИ уже на этапах значительного падения интереса к проблеме, а также настоящих рисков, с ней связанных.

Обобщение результатов исследования позволяет представить схему циклического амбивалентного дискурса, в которой помимо аффективного дифференциала (страх – надежда) предусматривается мониторинг возможных *когнитивных* дифференциалов (например, по шкалам самопроизвольность – искусственность, неумышленность – преднамеренность и др.), однако для этого предмет рассмотрения должен в большей степени присутствовать в социальном и медийном пространствах.

Выводы и перспективы

Тотальная медиатизация социальной реальности породила относительно автономную медиареальность с собственными медиафеноменами, включая медиасобытия и медиа-агентов. В результате простые граждане (обыватели) вне ближнего круга ориентируются в социальной реальности как медиа-юзеры, погруженные в медиасферу. Как минимум медиафеномены, которые во многом формируются скорее влиятельными медиа-агентами, чем социальными взаимодействиями, воспринимаются индивидами как подлинные социальные события, а не медиакультурные артефакты.

На поверхностном семиотическом уровне медиасобытия формируются из множества конкретно-событийных медиатекстов, а на концептуальном уровне представляют собой автономные кластеры концептов вокруг тематического ядра. Подобного рода *эпизодические медиасобытия* в публичном дискурсе с разной вероятностью формируют тематические, проблемные и каузальные конфигурации. Особый интерес представляют закономерности аффективно-когнитивного структурирования в медиасфере продленных во времени проблемных ситуаций, которые затягивают в себя медиафеномены (субъекты, объекты, обстоятельства, действия, происшествия), так или иначе ассоциированные с острой и многоаспектной социальной проблемой, требующей для своего решения не только координации усилий множества разнообразных акторов, но и пропагандистской мобилизации масс. Большая продолжительность и монотонность такого рода ‘мотивирующего дискурса’ (в частности, в условиях затянувшейся эпидемии) создает риски когнитивной усталости, рассеяния внимания и массового безразличия, поэтому требует от соответствующего, прежде всего, журналистского нарратива эпистемической неоднородности как эмоционального и когнитивного разнообразия.

Проведенное исследование показало, что эпидемический дискурс «Эбола» в русскоязычной зоне интернета, сформировавшийся благодаря усилиям российских журналистов, которые руководствовались сугубо медиалогикой, а не запросами влиятельных российских акторов (поскольку эпидемия как бедствие вообще не коснулась ни простых граждан, ни органов власти), породил вполне увлекательный эпидемический нарратив за счет трех структурных качеств.

1. Дискурсивная амплификация как непрерывная возгонка эмоционального состояния и эмоциональных реакций аудитории.

2. Дискурсивная амбивалентность как сохранение неоднозначности и мотивация интереса аудитории к развитию событий.

3. Дискурсивная цикличность как периодическая смена аффективной (страх – надежда) и/или когнитивной доминанты (возможно, природность – рукотворность), которая (как предполагается) усиливает склонность к выполнению предлагаемых профилактических мер.

Подчеркнем, что в данном пилотном исследовании медианарратив бедствия рассматривается как стохастический результат несогласованной журналистской деятельности, а не как запланированный продукт программных усилий заинтересованных политических акторов и медиа-агентов. Далее мы планируем при изучении публичного дискурса COVID-19 сменить этот «безакторный подход» на нарративную парадигму с учетом роли конкретных акторов, пересечения конкретных дискурсивных потоков, разнообразных аффективных, когнитивных и (возможно) моральных циклов и т.п.

Список источников

1. *Specter M.* A wasted land. 10 Years later, through fear, Chernobyl still kills in Belarus // *The New York Times*. 1996. March 31.
2. *Stromberg D.* Natural disasters, economic development, and humanitarian aid // *Journal of economic perspectives*. 2007. Vol. 21 (3). P. 199–222.
3. *Slovic P.* Trust, emotion, sex, politics and science: Surveying the risk-assessment battlefield // *Risk analysis*. 1999. Vol. 19 (4). P. 689–701.
4. *Beck U.* Risk society – Towards a new modernity. London : SAGE Publications, 1992.
5. *Beck U.* From industrial society to risk society: Questions of survival, social structure and ecological enlightenment // *Theory, culture and society*. 1992. Vol. 9. P. 97–123.
6. *Weingardt K.R.* Viewing ambivalence from a sociological perspective: Implications for psychotherapists // *Psychotherapy*. 2000. Vol. 37 (4). P. 298–306.
7. *Beck U.* Risk society – Towards a new modernity. London : SAGE Publications, 1992.
8. *Tsfati Y.* Media skepticism and climate of opinion perception // *International journal of public opinion research*. 2003. Vol. 15. (1). P. 65–82.
9. *Thomas W.I.* The child in America. N.Y. : Alfred Knopf, 1932.
10. *Weinberg A.* Is nuclear energy acceptable? // *Bulletin of the atomic scientists*. 1977. Vol. 33 (4). P. 54–60.
11. *Higgs R.* The foundation of every government's power // *The independent review*. 2005. Vol. X (3). P. 447–466.
12. *Infanti J., Sixsmith J., Barry M.M., Nunez-Cordoba J., Oroviogoicoechea-Ortega C., Guillén-Grima F.* A literature review on effective risk communication for the prevention and control of communicable diseases in Europe. Stockholm : ECDC, 2013.

13. Lakoff A. Unprepared: Global health in a time of emergency. Berkeley : University of California Press, 2017.
14. Leach M., Hewlett B. Haemorrhagic fevers: Narratives, politics and pathways // *Epidemics: Science, governance and social justice* / ed. by S. Dry, M. Leach. London : Earthscan, 2010. P. 43–69.
15. Jarymowicz M., Bar-Tal D. The dominance of fear over hope in the life of individuals and collectives // *European journal of social psychology*. 2006. Vol. 36 (3). P. 367–392.
16. Ruiter R.A.C., Abraham C., Kok G. Scary warnings and rational precautions: A review of the psychology of fear appeals // *Psychology and health*. 2001. Vol. 16 (6). P. 613–630.
17. Huang T.Y., Souitaris V., Barsade S.G. Which matters more? Group fear versus hope in entrepreneurial escalation of commitment // *Strategic management journal*. 2019. P. 1–30.
18. Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D. Bad is stronger than good // *Review of general psychology*. 2001. Vol. 5 (4). P. 323–370.
19. Jarymowicz M., Bar-Tal D. The dominance of fear over hope in the life of individuals and collectives // *European journal of social psychology*. 2006. Vol. 36 (3). P. 367–392.
20. Bar-Tal D. Why does fear override hope in societies engulfed by intractable conflict, as it does in the Israeli society? // *Political psychology*. 2001. Vol. 22 (3). P. 601–627.
21. Coker R. Hopeful fear and fearful hope: A polar perspective // *Proceedings of the 2nd Applied Positive Psychology Symposium*. Buckinghamshire New University. Saturday 21st May 2016. P. 88–97.
22. Cacioppo J.T., Gardner W.L. Emotion // *Annual review of psychology*. 1999. Vol. 50. P. 191–214.
23. Coker R. Hopeful fear and fearful hope: A polar perspective // *Proceedings of the 2nd Applied Positive Psychology Symposium*. Buckinghamshire New University. Saturday 21st May 2016. P. 88–97.
24. Baranov D.A., Belousov K.I., Erofeeva E.V., Leshchenko Y. Semograph information system as a platform for network-based linguistic research: A case study of verbal behaviour of social network users // *Smart Innovation, Systems and Technologies. Smart Education and e-Learning*. 2019. Vol. 144. P. 313–324.
25. Tausczik Y.R., Pennebaker J.W. The psychological meaning of words: LIWC and computerized text analysis methods // *Journal of Language and Social Psychology*. 2010. Vol. 29. P. 24–54.
26. Belousov K.I., Baranov D.A., Zelyanskaya N.L., Ponomarev N.F., Ryabinin K.V. Cognitive-information modeling of social reality: Concepts, events, priorities // *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*. 2021. Vol. 72. P. 5–26.

References

1. Specter, M. (1996) A wasted land. 10 Years later, through fear, Chernobyl still kills in Belarus. *The New York Times*. March 31.
2. Stromberg, D. (2007) Natural disasters, economic development, and humanitarian aid. *Journal of Economic Perspectives*. 21 (3). pp. 199–222.
3. Slovic, P. (1999) Trust, emotion, sex, politics and science: Surveying the risk-assessment battlefield. *Risk analysis*. 19 (4). pp. 689–701.
4. Beck, U. (1992) *Risk society – Towards a new modernity*. London: SAGE Publications.
5. Beck, U. (1992) From industrial society to risk society: Questions of survival, social structure and ecological enlightenment. *Theory, Culture and Society*. 9. pp. 97–123.
6. Weingardt, K.R. (2000) Viewing ambivalence from a sociological perspective: Implications for psychotherapists. *Psychotherapy*. 37 (4). pp. 298–306.
7. Beck, U. (1992) *Risk society – Towards a new modernity*. London: SAGE Publications.
8. Tsfati, Y. (2003) Media skepticism and climate of opinion perception. *International Journal of Public Opinion Research*. 15. (1). pp. 65–82.

9. Thomas, W.I. (1932) *The child in America*. N.Y.: Alfred Knopf.
10. Weinberg, A. (1977) Is nuclear energy acceptable? *Bulletin of the Atomic Scientists*. 33 (4). pp. 54–60.
11. Higgs, R. (2005) The foundation of every government's power. *The Independent Review*. X (3). pp. 447–466.
12. Infanti, J. et al. (2013) *A literature review on effective risk communication for the prevention and control of communicable diseases in Europe*. Stockholm: ECDC.
13. Lakoff, A. (2017) *Unprepared: Global health in a time of emergency*. Berkeley: University of California Press.
14. Leach, M. & Hewlett, B. (2010) Haemorrhagic fevers: Narratives, politics and pathways. In: Dry, S. & Leach, M. (ed.) *Epidemics: Science, governance and social justice*. London: Earthscan. pp. 43–69.
15. Jarymowicz, M. & Bar-Tal, D. (2006) The dominance of fear over hope in the life of individuals and collectives. *European Journal of Social Psychology*. 36 (3). pp. 367–392.
16. Ruiter, R.A.C., Abraham, C. & Kok, G. (2001) Scary warnings and rational precautions: A review of the psychology of fear appeals. *Psychology and Health*. 16 (6). pp. 613–630.
17. Huang, T.Y., Souitaris, V. & Barsade, S.G. (2019) Which matters more? Group fear versus hope in entrepreneurial escalation of commitment. *Strategic Management Journal*. 40(11), pp. 1852–1881. doi: 10.1002/smj.3051
18. Baumeister, R.F. et al. (2001) Bad is stronger than good. *Review of General Psychology*. 5 (4). pp. 323–370.
19. Jarymowicz, M. & Bar-Tal, D. (2006) The dominance of fear over hope in the life of individuals and collectives. *European Journal of Social Psychology*. 36 (3). pp. 367–392.
20. Bar-Tal, D. (2001) Why does fear override hope in societies engulfed by intractable conflict, as it does in the Israeli society? *Political Psychology*. 22 (3). pp. 601–627.
21. Coker, R. (2016) Hopeful fear and fearful hope: A polar perspective. *Proceedings of the 2nd Applied Positive Psychology Symposium*. Buckinghamshire New University. Saturday 21st May 2016. pp. 88–97.
22. Cacioppo, J.T. & Gardner, W.L. (1999) Emotion. *Annual review of psychology*. 50. pp. 191–214.
23. Coker, R. (2016) Hopeful fear and fearful hope: A polar perspective. *Proceedings of the 2nd Applied Positive Psychology Symposium*. Buckinghamshire New University. Saturday 21st May 2016. pp. 88–97.
24. Baranov, D.A. et al. (2019) Semograph information system as a platform for network-based linguistic research: A case study of verbal behaviour of social network users. *Smart Innovation, Systems and Technologies. Smart Education and e-Learning*. 144. pp. 313–324.
25. Tausczik, Y.R. & Pennebaker, J.W. (2010) The psychological meaning of words: LIWC and computerized text analysis methods. *Journal of Language and Social Psychology*. 29. pp. 24–54.
26. Belousov, K.I. et al. (2021) Cognitive-information modeling of social reality: Concepts, events, priorities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 72. pp. 5–26. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/72/1

Информация об авторах:

Пономарев Н.Ф. – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: aprioripr@gmail.com

Белоусов К.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия); профессор кафедры социальных коммуникаций Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: belousovki@gmail.com

Клочко К.А. – канд. филол. наук, заведующий кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: konstklochko@gmail.com

Рябинин К.В. – канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры математического обеспечения вычислительных систем Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: kostya.ryabinin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.Ph. Ponomarev, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: aprioripr@gmail.com

K.I. Belousov, Dr. Sci. (Philology), professor, Perm State University (Perm, Russian Federation); professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: belousovki@gmail.com

K.A. Klochko, Cand. Sci. (Philology), head of the Department of English Language and Intercultural Communication, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: konstklochko@gmail.com

K.V. Ryabinin, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), associate professor, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: kostya.ryabinin@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.07.2022;
одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 6.10.2023.*

*The article was submitted 27.07.2022;
approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 6.10.2023.*

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.17223/19986645/85/6

Падение в виртуальность и долгий путь наверх: концептуальные метафоры игровой зависимости в книгах жанра селф-хелп

**Константин Сергеевич Шиляев¹,
Екатерина Михайловна Кузнецова²**

*^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ shilyaevc@gmail.com

² evoinel@gmail.com

Аннотация. Представлен анализ концептуальных метафор зависимости от компьютерных игр, используемых авторами книг в жанре селф-хелп для описания проблемы игровой зависимости и путей ее преодоления. Выявлены две группы концептуальных метафор: описывающие ситуацию игры и ее участников и описывающие саму зависимость и работу с ней. С опорой на частотные показатели выявлены как общие для трех авторов концептуальные метафоры игровой зависимости, так и демонстрирующие вариативность.

Ключевые слова: концептуальная метафора, игровая зависимость, селф-хелп, метафоры в психотерапии, текстовое варьирование метафоры

Для цитирования: Шиляев К.С., Кузнецова Е.М. Падение в виртуальность и долгий путь наверх: концептуальные метафоры игровой зависимости в книгах жанра селф-хелп // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 107–132. doi: 10.17223/19986645/85/6

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/6

Falling into virtuality and climbing back up: Conceptual metaphors of gaming addiction in self-help books

Konstantin S. Shilyaev¹, Ekaterina M. Kuznetsova²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ shilyaevc@gmail.com

² evoinel@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of conceptual metaphors of addiction to computer games, which are found in three self-help books written in English. The authors give a brief description of gaming addiction, which is of particular interest for psychologists, psychotherapists, users and creators of computer games. Conceptual metaphor has been used as a practical means of clinical psychology and psychotherapeutic practice by representatives of various schools of psychology. Books that belong

to the self-help genre are often recommended as one of the means of rehabilitation for gaming addicts. They make heavy use of conceptual metaphor as a device for describing computer gaming addiction and ways of dealing with it. The three books chosen as sources for our analysis were written before the official diagnosis of computer gaming addiction was introduced. However, the symptoms and methods for help correspond to modern diagnostic criteria. The three books that were analyzed were written in the period from 2009 to 2012. Their authors tell about their personal experience of overcoming gaming addiction, and they use a comparatively similar quantity of metaphorically used words. Two groups of conceptual metaphors have been found. The first group includes metaphors for describing computer games, their parts and related phenomena. The second group includes metaphors for describing gaming addiction and the healing process. The following conceptual metaphors, common for all three books, describe the computer game: A GAME IS A PLACE, A GAME IS AN AGENT, A GAME IS A DRUG, A GAME IS AN AGENT OF PHYSICAL ACTION. The most frequent metaphor among those which describe addiction is ADDICTION IS A JOURNEY. Together, these two groups of conceptual metaphors provide the reader with a varied description of the phenomenon of computer games and show how a player interacts with the gaming world. This description has practical implication for therapy both for the addict and his family and friends. Conceptual metaphors dominate the texts and create a complete model of a computer game both in the text and, presumably, in the reader's cognition. Another conceptual metaphor which turned out to be very common is BRAIN OR MIND IS AN AGENT. The analysis, performed in the CMT framework, also helped to discover some clearly culture-specific metaphors, among which are A GAME IS A DRUG, BRAIN OR MIND IS AN AGENT, ADDICTION IS OVEREATING, A GAME IS SORCERY, ADDICTION IS A STORM, A GAME IS THEATER, A GAME IS A SKINNER BOX and THE BRAIN IS A MECHANISM.

Keywords: conceptual metaphor, gaming addiction, self-help books, metaphor in psychotherapy

For citation: Shilyaev, K.S. & Kuznetsova, E.M. (2023) Falling into virtuality and climbing back up: conceptual metaphors of gaming addiction in self-help books. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 107–132. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/6

Психические и физические зависимости являются одной из актуальных проблем современной психиатрии и психологии. Наряду с наиболее известными и исследованными зависимостями – алкогольной, наркотической – в настоящий момент обсуждаются и анализируются такие относительно новые виды, как зависимость от еды, интернета, сексуальные зависимости и игровая зависимость. В то время как последняя долгое время ограничивалась лудоманией (бесконтрольным увлечением азартными играми), стремительный рост индустрии развлечений в области компьютерных игр и совершенствование игровых технологий и механик привели к тому, что с 1999 г. (появление игры Everquest) участились свидетельства того, что игровая зависимость нарушает и даже разрушает жизни играющих. С расцветом MMORPG (Massive Multiplayer Online Role-playing Game) проблема усугубилась, что вызвало появление книг, которые описывают феномен зависимости от компьютерных игр и предлагают советы и помощь тем, кто хочет избавиться от нее.

Несмотря на то что проблема игровой зависимости начала обсуждаться еще в конце прошлого века [1], только в мае 2019 г. Всемирная организация здравоохранения добавила игровое расстройство (gaming disorder, GD) в одиннадцатую версию Международной классификации болезней (МКБ-11, ICD-11). Такое решение вызвало большие споры среди врачей, профессионалов в области психологии, игроков и представителей игровой индустрии. Тем не менее инструменты для диагностики игровой зависимости начали появляться задолго до ее признания авторитетными ассоциациями (см. их обзор в [2]). В 2014 г. в Южной Корее игровое расстройство (internet gaming disorder, IGD) было названо угрозой номер один для здоровья нации и были введены законы, ограничивающие время игры, и открыты десятки реабилитационных клиник для зависимых геймеров [3]. Озвучиваются мнения, что около 10% населения Китая и 9% населения США подвержены этому виду зависимости [4]. Пока нет достоверных данных о том, насколько пандемия COVID-19 повлияла на количество зависимых от видеоигр, но рост онлайн-продаж игр и посещаемости социальных медиа позволяет предположить более широкое распространение зависимости, чем до пандемии [5].

Игровая индустрия реагирует на сообщения о росте зависимости по-разному. Игры, которые хорошо продаются и имеют много участников, – это дорогостоящие коммерческие проекты, в реализации которых задействованы дипломированные психологи. Появление профессии гейм-дизайнера отвечает запросу на создание аддиктивных игр, которые заставляют игрока проводить по много часов перед экраном и/или тратить реальные деньги для покупки виртуальных предметов, привилегий и т.п. Успешные компьютерные игры используют как наработки бихевиористской психологии (в особенности механизм случайного подкрепления), так и более современных течений. Возможности виртуальной самоактуализации пользователя, введение его в состояние креативного транса (flow state), механизмы автоподстройки сложности и другие инструменты преследуют одну цель – привлечь и удержать как можно больше игроков.

Исследования и клинические рекомендации также отражают, на наш взгляд, существование двух лагерей – сторонников и противников видеоигр. Первые в своих публикациях подчеркивают положительные моменты увлечения видеоиграми – улучшение зрительно-моторной координации и визуального внимания, более высокие результаты в тестах на чтение [6, 7], – однако вынуждены отмечать, что переноса навыков из игровой ситуации в реальную жизнь чаще всего не происходит. Кроме того, за гранью обзоров и рассуждений нередко остается вопрос, можно ли потратить то же тренировочное время на более или столь же продуктивные виды деятельности. Существуют, однако, исследования, показывающие, что у детей школьного возраста игры вытесняют другую продуктивную внеурочную деятельность и в целом коррелируют с более низкой успеваемостью. Кроме того, игры развивают привычку к оперированию окружением в режиме многозадачности, что снижает способность к концентрации и общую продуктивность. До сих пор ведутся ожесточенные споры по поводу влияния насилия в

видеоиграх на поведение игроков [8]. Давление со стороны противоборствующих сторон привело к тому, что Американская психологическая ассоциация выпустила специальную резолюцию, где изложила достигнутый в настоящее время консенсус и обозначила дальнейшие направления работы над актуальной проблемой игровой зависимости [9]. Ассоциация Entertainment Software Rating Board, отвечающая за присвоение возрастных ограничений компьютерным играм, также разместила на своем сайте бесплатные советы и инструменты для родителей и специалистов, которые хотят узнать больше о возможностях контроля проводимого за играми времени и методиках работы со страдающими игровой зависимостью [10].

Очевидно, что игры бывают разные и обобщать их влияние, связанное с вредом, пользой или аддиктивным потенциалом, сложно. Большинство проведенных психологических исследований носят корреляционный характер и не позволяют однозначно установить каузацию вреда или пользы от видеоигр. Некоторые авторы предлагают расценивать игру в компьютерные игры так же, как и любую другую игровую деятельность, в том числе и для детей [7. Р. 46]. Существуют удачные образовательные игры или игры со значительным образовательным компонентом, хотя в обзорах [5, 7] отмечается, что исследований их эффективности пока немного. Игры, повышающие мотивацию, и игры, предполагающие активные физические действия (exergames), также удостоились позитивных оценок исследователей, однако промоутеры игровой индустрии нередко не обращают внимания на то, что все наиболее популярные игры представляют собой сугубо коммерческие продукты и с трудом могут быть отнесены к разряду креативных, обучающих и оздоравливающих игр, последние составляют лишь малую часть продаж.

В данной статье предпринимается попытка описания концептуальной метафоры как средства осмысления игровой зависимости, предлагаемого на страницах трех англоязычных книг в жанре селф-хелп. Такое описание подразумевает ответы на следующие вопросы: что использование концептуальных метафор подчеркивает в феномене игровой аддикции и компьютерных игр? Какие факторы обуславливают регулярное использование тех или иных метафор? Для ответа на данные вопросы будут исследованы как качественный аспект (выявляются и сравниваются формы языковой реализации концептуальных метафор в трех крупных текстах), так и количественный (описана их частота и ее корреляция с функциями концептуальных метафор игровой аддикции, участников ситуации формирования аддикции и ее лечения).

Для анализа языкового материала мы опираемся на теорию концептуальной метафоры (ТКМ). Хотя ТКМ неоднократно подвергалась критике, модификации и расширению [11–13], основной посыл Дж. Лакоффа и М. Джонсона был неоднократно проверен экспериментально: концептуальные метафоры оказывают влияние на то, как люди мыслят об определенных явлениях в зависимости от языкового оформления этих явлений [14, 15]. Дж. Грейди и П. Тибодо отмечают в своем обзоре, что наиболее эффективно влияют на осмысление различных явлений действительности (framing effects, рус. метафорический фрейминг) метафоры, у которых сфера-

источник знакома большому количеству людей, имеет четкие границы и богата образами (что соотносится с «конкретностью» сферы). При этом метафорические переносы (mappings, рус. связи, устанавливаемые между двумя концептуальными сферами) должны быть «удачными», т.е. точными и ясно приложимыми к сфере-цели – черта, предугаданная еще в античной риторике. Идеальные сферы-цели, в свою очередь, должны быть сложными, абстрактными и еще не связанными с сильными мнениями заинтересованных групп лиц [16].

Относительно болезни как сферы-мишени существует значительный объем литературы на тему импликаций различных метафор, например, метафор боли, диабета и рака [17], алкогольной зависимости [18]. В области клинической психологии и психотерапии метафора также представляет интерес в течение долгого времени как практический инструмент работы с клиентами [19]. Психотерапевты различных школ и теоретических убеждений с начала XX в. признавали, что умелое обращение и даже «управление метафорами» может принести пользу пациенту [20. Р. 13]. Метафора широко используется в юнгианской терапии, психодинамической межличностной терапии, АСТ-терапии. Публикации в профильных журналах иногда описывают отдельные клинические случаи использования метафоры клиентом и терапевтом, оценивают их эффективность и исход терапии [21]. Л. МакМюллен описывает психотерапию как «особо плодотворный контекст» для изучения метафоры [22]. С этим согласны и лингвисты-метафорологи [23; 24; 25. Р. 2–3].

Монография Д. Тэя подробно описывает концептуальные источники метафоризации психологических состояний, процессы поиска новых метафорических переносов и варьирование метафоры в зависимости от теоретических предпочтений психотерапевта. Д. Тэй предлагает различать следующие контекстуальные факторы, влияющие на формирование и использование определенных концептуальных метафор в психотерапевтическом дискурсе: контекст индивидуального случая пациента и его истории болезни; социокультурный контекст терапии и ее участников; теоретический контекст терапии; контекст взаимодействия между терапевтом и пациентом; ближайший окружающий контекст конкретной терапевтической сессии [20. Р. 14].

Одной из ключевых инноваций работы стало связывание психотерапевтической функциональной типологии метафор со структурной когнитивно-лингвистической типологией, а также анализ функционирования лингвистических реализаций концептуальной метафоры в зависимости от присутствующих в контексте дискурсивных маркеров типа *you know*, *I mean* и др. Книга также содержит прескриптивную часть: улучшенные автором психотерапевтические протоколы использования метафор во время бесед с пациентами [20. Р. 69, 96, 103]. Дальнейшие исследования Д. Тэя также используют психотерапевтический дискурс как поле для анализа концептуальной метафоры: проверка дискурсивной вариативности метафор, теории намеренной метафоры Г. Стейна [26], аспекты концептуализации соматики, в том числе на материале китайского языка [27, 28]. Другие исследования

посвящены концептуальным метафорам тревожных расстройств и депрессии как в терапевтическом дискурсе [29], так и в медиадискурсе [30].

В российской лингвистике изучению метафор в психиатрической практике уделено множество работ психологов и психотерапевтов [31, 32], ориентированных на типологизацию работы с метафорой и прикладную сторону проблемы. Наибольшее внимание лингвистов уделено психологическому дискурсу, как научному [33, 34], так и научно-популярному [35], в том числе медиадискурсу [36]. Для русского языка описаны базовые метафорические представления о психологии человека в наивной языковой картине мира (контейнер, верх-низ и другие параметры пространства) и их соответствия в профессиональных методиках психологов и психотерапевтов [33]. Исследуется влияние семантики метафоры на концептуализацию психических состояний у разных демографических групп и разных профессиональных сообществ психотерапевтов [37], в том числе экспериментальными методами [36].

В целом, поиск работ, посвященных изучению метафоры в психологии и психотерапии, показывает преобладание статей в научных журналах по психологии и психиатрии и книг, ориентированных на практикующих психологов и психотерапевтов. В то же время эти работы в последние годы учитывают достижения теории концептуальной метафоры [38].

В нашем исследовании одним из факторов, влияющих на то, какие метафоры используют авторы, может быть жанр произведений, составивших корпус исследования, – селф-хелп. Парадоксальным образом, хотя индустрия самосовершенствования изучается социологами, психологами и журналистами [39–42], исследователи отмечают недостаток внимания лингвистов к описанию этого жанра [43. Р. 2–3, 31]. Общим местом, выделяемым исследователями при описании этого жанра, является цель. Такие книги предоставляют читателю информацию, чтобы помочь ему изменить что-то в своей жизни или улучшить какую-то сторону своей личности без помощи других людей. Существует много категорий книг селф-хелп: книги о хобби, психологическая самопомощь, религиозная самопомощь, бизнес-учебники. Некоторые исследователи предлагают выделять два больших класса в жанре селф-хелп: обучающие книги (how-to books, рус. самоучители, обычно предполагающие самостоятельное освоение конкретных навыков – уход за домом, садом, игра на музыкальных инструментах и т.п.) и книги по самосовершенствованию (self-improvement books, рус. литература по саморазвитию, обычно рассказывающие о борьбе с вредными привычками или помогающие выработать полезные психологические и коммуникативные навыки) [43. Р. 16]. Б. Блюм пишет, что селф-хелп сливается со многими жанрами, в том числе с биографиями, художественной литературой [45]. В то же время большинство книг селф-хелп категоризируется как нон-фикшн [43. Р. 62], что ставит их вне поля научной терминологии психотерапии или научного дискурса.

Практикующие психиатры рекомендуют такие книги не в качестве замены, а в качестве поддержки психотерапии [46. Р. 59]. Библиотерапия

рассматривается как одна из форм самопомощи пациента. Существуют справочники апробированных книг, которые зарекомендовали себя в психиатрической практике – 85% клинических психиатров рекомендуют своим пациентам библиотерапию [47] с целью получения дополнительной информации о своей проблеме, помощи в принятии решений и более глубокой рефлексии.

Анализируемые нами книги написаны до официального признания медицинскими организациями диагноза интернет-зависимости и компьютерной игровой зависимости, однако описанные симптомы и методики помощи опередили свое время и коррелируют с теми, которые в настоящий момент упоминаются в официальных диагностических указаниях. «Точкой входа» для всех авторов стали собственные проблемы, справившись с которыми, они решили помогать другим зависимым и их семьям и распространять информацию об опасности неограниченного гейминга. Книги опубликованы в период с 2009 по 2012 г. и имеют сопоставимый объем и количество метафорической лексики (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Информация об источниках исследования¹

Название и автор книги	Количество слов	Количество метафорических фрагментов	Количество метафорических фрагментов, деленное на количество слов
Neils Clark, P. Shavaun Scott. <i>Game Addiction: The Experience and the Effects</i>	70 234	786	0,011
Kevin Roberts. <i>Cyber Junkie. Escape the Gaming and Internet Trap</i>	57 827	558	0,009
Andrew P. Doan, Brooke Strickland, Douglas Gentile. <i>Hooked on Games</i>	37 307	371	0,010

В дискурсе трех проанализированных книг используются две группы метафор. Первая группа – метафоры для описания непосредственно компьютерных игр, их частей и связанных с ними феноменов. Вторая группа – метафора для описания зависимости. В процессе выборки мы постарались исключить метафоры, описывающие другие, схожие типы зависимостей (интернет-зависимость). Там, где контекст позволял отнести метафору и к видеоигровой зависимости, и к другим зависимостям, мы учитывали его. В дальнейшем изложении в скобках после формулы концептуальной

¹ Clark N., Scott P.S. *Game Addiction: The Experience and the Effects*. McFarland & Company, 2009. 211 p.; Roberts K. *Cyber Junkie. Escape the Gaming and Internet Trap*. Hazelden Publishing, 2010. 205 p.; Doan A.P., Strickland B., Gentile D. *Hooked on Games: the Lure and Cost of Video Game and Internet Addiction*, 2012. 200 p.

метафоры или ее лингвистической реализации указывается количество встретившихся сочетаний или лексем суммарно в трех текстах.

ИГРА – ЭТО МЕСТО (620)

Самой частой реализацией описания игры является слово *world* в разных комбинациях (всего 227 вхождений). Участник компьютерной игры попадает в разнообразные миры: *digital world* (54), *secondary world* (29), *cyber world* (26), *virtual world* (15), *fantasy world* (7), *online world* (7), *the world of Everquest* (3), *gaming world* (3), *social world* (3), *another world* (3), *complex/interactive/make-believe/different world*. Наименование игры *World of Warcraft* встречается 68 раз: игра стала самым ярким примером компьютерного продукта с высоким аддиктивным потенциалом. Другие наименования встречаются реже и также чаще всего снабжаются определением, подчеркивающим метафоричность игрового мира: *space* (19), *place* (17), *(alternate) reality* (14), *electronic/parallel/alternate/different/cyber universe* (10), *land/cyberland* (8), *environment* (4), *venue/avenue* (3), *realm* (2), *a second home*, *refuge*, *dimension*, *surroundings*. При этом метафора матрицы, которую можно было бы ожидать из-за специфики материала, встретила всего один раз – *in a digital matrix*.

Описанию особенностей цифровых миров отведено значительное место в каждой книге. Наиболее частым приемом является подчеркивание сходства виртуального мира с реальным и их незаметное перетекание друг в друга: *like they might a real place, because in many respects they are real places* (Clark); *these worlds are complicated, just as complicated as you'd expect from a fully functional world* (Clark). Характеристика игровых миров часто дается с помощью пояснительных придаточных предложений, описывающих пространство: *the digital world, where I could save the princess and where I could matter as a person* (Doan); *a new world for the curious mind to explore, test, and conquer* (Doan); *keep us collected and happy in a world where every day is more complex than the day before* (Clark); *the world that cyber junkies find so compelling* (Roberts).

Сама лексема *game* приобретает метафорические характеристики пространства путем частого использования с пространственными предлогами и наречиями: *in*, *into*, *away from*, *within*, *inside a/the game*, *a/the game where*. Всего такие комбинации встретились 110 раз.

Излюбленной развернутой метафорой Нилса Кларка является «цифровая гостиная» – *the digital living room*. Само словосочетание встречается в книге 26 раз, еще 5 раз имеется в виду цифровая гостиная с другим эпитетом (например, *a new and improved living room*). Цифровая гостиная – будущее мира развлечений; мир, куда попадает геймер, или мир, который сам приходит к нему. Цифровая гостиная доступна везде (*some people can already step inside parts and parcels of the digital living room from wherever they want* (Clark)), она является продолжением реального мира и незаметно смешивается с ним, так что в самом авторском повествовании бывает сложно понять, о реальной гостиной идет речь или виртуальной (или об их смешении): *Tomorrow's "living room" might stretch across many different kinds of places;*

Hundreds of millions of people play games, and countless more are on the threshold of being ushered into the digital living room (Clark).

Также в книге Н. Кларка игра уподобляется другому пространству – минному полю, игрок – саперу, аддитивные особенности игры – минам и капканам, а сигнальные флажки сапера – осторожности в обращении с игрой: That game is a kind of minefield. Problematic structural characteristics of a game are like the mines. If a person can become familiar with those lures, we could expect him to play games as a kind of prepared minesweeper. He perceives the mines that he can mark, avoids them, and is less likely to lose a limb... The most common anecdote of “minesweeping” among gamers who claim to have learned balance is to flag specific a genre of games as a deadfall (Clark). В книге А. Доана пять раз употребляется схожая метафора игры-ловушки: the lure of the digital world is a bright and shining trap (6), а сама книга К. Робертса имеет подзаголовок *Escape the Gaming and Internet Trap*.

Регулярными проявлениями концептуальной метафоры ИГРА – ЭТО МЕСТО оказываются глаголы движения enter (26), lose (oneself, yourself, 15), escape (12), immerse (10), go into/back (7), get into (5), exit (4), dive (4), stepping inside (3), leave (3), fall (2), throw (2) oneself into, transport (2), come back, hop into, rush, visit, propel. Субъектом движения при этом выступает зависимый игрок, а предикаты движения в большинстве случаев описывают вход или выход из игрового пространства. Предикаты стативного характера в нашем материале встречаются значительно реже: live (8), exist (3), be part of (2), be in, stay.

Особое внимание авторы уделяют возможности погружения (immersion, 26) игрока и его бегства (escape (n), 14) в виртуальный мир. В исследованном материале чередуются фрагменты, где авторы повествуют об играх, и фрагменты, описывающие опыт глубокого погружения в игру, – взятые вне контекста соседних абзацев, они могли бы предстать перед читателем как описание реальности: In order to create armor and weapons for the guild, the guild needed a grandmaster blacksmith. ...But to achieve this title, I needed a lot of ore. I organized an ore train that mined ore from the mountains, far from the city (Doan).

Стирание граней и слияние с игрой – один из главных описательных приемов всех исследованных авторов: effectively blurring the lines between reality and ‘virtual’ reality. Одна из глав в книге Э. Доана (*The Melding of Worlds*) широко использует описываемую концептуальную метафору: melding (5) the digital world with the real world, [minds are being] melded with the digital world, blending of real-life play with online play. В книге К. Робертса используется метафора слияния, единения с игрой: They [kids] seem literally to merge (4) with the game; I did not want my union with my game or the cyber world interrupted; having his computer confiscated was like having a part of himself ripped out (Roberts).

Притягательность альтернативной реальности заключается в том, что она похожа на реальный мир, но в ней легче делать как возможные (explore (2), cultivate relationships, hang out, fly planes, search for love and acceptance, feel loved and accepted), так и невозможные вещи: living in a digital world with an ideal digital partner, pursuing a dream career in a digital world, tending to a

digital farm, or clearing a dungeon of all evil and then returning for a reward (Doan).

ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ (175)

В дискурсе исследованных книг игра часто предстает активным субъектом физического воздействия на игрока. Во многих контекстах присутствует метонимическая замена по принципу ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО – ЧАСТЬ/АСПЕКТ ИГРЫ ВМЕСТО ИГРЫ: art, imagery, story, design и т.п.

Самыми частыми оказались предикаты, обозначающие принуждение к физическому движению: pull (29) в сочетании с предлогами in, into, on; draw (16); take/maintain hold/to hold (10); grip (5); suck in (4); absorb. Эти реализации концептуальной метафоры во многих случаях пересекаются с метафорой ИГРА – ЭТО МЕСТО, так как игры метафорически притягивают зависимого не только к себе, но могут затянуть, засосать его во вторичные миры и удерживать его там. Игры часто приводят игрока туда: take (11) players inside, bring out/together/on (12).

В качестве объекта выступает зависимый игрок, иногда обозначаемый метонимическими заменами mind, brain. Игры тянут зависимого, как крюки и магниты: subtle, forceful, addictive pull; like magnets; magnetism seemed to draw me; the hooks that reach up to pull him under; hooks drawing people into contemporary media. Иногда лексема pull входит в состав идиом с исконно физической образностью: which can pull on psychology and physiology in many ways; pulling the rug out from under a person. Такого рода физическое воздействие иногда получает характеристику мощного – power/powerful (7).

Действия по уничтожению человека, его психики и его жизни предписываются играм с помощью разнообразных предикатов: destroy (7) и номинализованных описаний действий – destructive/destruction (7). Данная концептуальная метафора отличается значительным разнообразием глагольных лексем с семантикой причинения вреда: consume (3), damage (2), hurt, wreak havoc, take my life, carry the most destructive potential, rupture, bring disharmony, bombard, seem to be poking our brains, disrupt. Еще один набор предикатов метафорически представляет игру как преступника, грабителя и похитителя: rear its head, enter the home, sneak in, creep into my life, lurk, steal away, snatch away, grab, rope in, yank in, lock in, retain, overtake (3), take over (2) players' lives, blot out, replace (your life). Один из разделов книги Н. Кларка прямо называется *Games Might Kill You*.

Сравнимым по частотности метафорическим предикатом физического действия выступает give (33). Игры могут многое дать игрокам, и одна из важных сторон работы с аддикцией с точки зрения авторов – выяснить, что из того, что дают игры, вытесняет реальную жизнь: These video games, by removing the natural human fear of death, give players a sense of security (Doan). Это могут быть сильные эмоции (a thrill (3) of excitement, the bigger and badder thrills, a way to express it [anger], an outlet, a powerful jolt, hope, deep satisfaction, feelings of achievement), цели и мотивация к их достижению (a reason to live, a reason to have an identity, and a reason to have an ego, a sense of immortality, huge boosts to their egos, a sense of complete control, the only success,

a sense of power and purpose) или именно то, чего им не хватает в реальной жизни: some semblance of what we do not have in our real lives; a way to an escape from life; chance to test my skills; something, or someone, to fall in love with; something beyond normal gaming; experience (2), exactly what they want.

ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ НЕФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ (283)

Метафора включает широкий спектр предикатов разной семантики, большинство из которых связаны с оказанием влияния на игрока прямо или косвенно. Близки по значению к глаголу *give* глаголы *provide* (17) и *offer* (15), однако они были отнесены в данный раздел по причине более частой сочетаемости этих глаголов с нефизическими объектами и более абстрактным базовым значением, нежели *give*. Иллюстрации сочетаемости этих глаголов в *Oxford Advanced Learner's Dictionary 10* также подтверждают это: *Please provide the following information; The exhibition provides an opportunity for local artists to show their work; She did not provide any evidence to substantiate the claims*. В целом только 3 из 12 примеров употребления глагола *provide* имеют в качестве объекта существительное конкретного характера. Для глагола *offer* в релевантном значении *to provide the opportunity for something; to provide access to something* таких контекстов среди словарных иллюстраций не нашлось. Синонимичный глагол *supply* в текстах книг встретился только один раз, так как гораздо чаще встречается с конкретными существительными в объектной позиции (15 конкретных против 4 абстрактных употреблений в *OALD10*). Игры же дают зависимому нечто неосязаемое: *a sense of purpose, a purpose, a way, an environment for instant ego fulfillment, intrigue, camaraderie, companionship, stimuli, challenge, outlet, motivations, illusions, options, a second chance* и многое другое.

Игра часто выступает субъектом при сложных предикатах, включающих модальные глаголы *allow* (16), *make* (7), *let* (5) и близкие к ним по значению обороты с глаголами *keep sb Ving sth* (9), *help* (5), *get sb to V sth* (3), *prevent* (2), *impede*, *make it easy for sb to V* (2), *facilitate*, *afford*, *cause*, *have sb Ving sth*.

К этой группе примыкают метафорические предикаты, объединенные семантикой манипулятивного воздействия, заманивания, метафорического притяжения: *lure* (7), *engage* (5), *entice* (5), *attract* (3), *control* (3), *appeal* (2), *enchant* (2), *stimulate*, *compel*, *enthrall*, *involve*, *trick*, *tempt*, *hypnotize*, *possess*, *tantalize*.

Обе наиболее крупные группы предикатов подчеркивают пространство виртуальных возможностей, которые игры предоставляют игроку, а также спектр их влияния. С помощью модальных глаголов авторы подчеркивают совместный характер взаимодействия игры и игрока: игры позволяют, помогают, заставляют, препятствуют, но само действие совершает игрок. Можно видеть, что в метафорическом пространстве дискурса исследованных произведений тем не менее доминирует метафора игры как активного субъекта, в то время как на большей части текстового пространства все же доминирует игрок-деятель. Вероятно, стабильное присутствие метафоры игры-субъекта призвано дать более объективную картину зависимости, так как авторы произведений утверждают, что игры намеренно создаются с

использованием психологических закономерностей, эксплуатация которых создает предпосылки для формирования игровой зависимости у определенной группы пользователей.

Оставшиеся предикаты с трудом поддаются группировке, поэтому мы представим их в упорядоченном по частоте виде в качестве иллюстрации всего разнообразия действий, которыми авторы книг об игровой зависимости наделяют игры: challenge (7), create (6), grow (5), teach (4), speak (3), present (3), entertain (2), generate billions of dollars, own, connect, take on roles, tell, pair up, match, produce, shut down, become a friend, invest, describe, soothe, reward, crank up the brain's pleasure dial и др.

Во всех трех книгах встретила метафора игры как «цифровой соски» или «нянечки» (video games are also the perfect, albeit harmful, digital pacifiers for children (Doan); video games, like television, often function as a babysitter (Roberts)), но особенно часто она встречается в книге Н. Кларка, где проблеме «экранного воспитания» детей посвящена пятая глава, которая называется *Games Are Not Babysitters*. В каждой книге лексема *babysitter* встречается в применении к игре 1–2 раза, но авторы намеренно фокусируют внимание на данной метафоре, посвящая ей несколько абзацев пояснений или целую главу.

ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ (117)

Одной из распространенных метафор для описания зависимостей является метафора путешествия [48]. Исследованный материал не является исключением: концептуальная метафора АДДИКЦИЯ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ имеет 117 реализаций в трех текстах. Формулировка АДДИКЦИЯ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ была продиктована самим материалом и особенностями концептуализации, предлагаемой авторами книг. Альтернативой ей могла бы служить формулировка ИЗЛЕЧЕНИЕ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ (Recovery is a journey without a definite end (Roberts)), но в текстовом пространстве эти две метафоры регулярно пересекаются и имеют очень схожие реализации на лексическом уровне. Геймер может встать на путь к формированию зависимости и идти по нему: RTS games carry enormous risk of addiction and are often “gateway games,” those games that rapidly increase the pace toward addiction (Roberts). Уже ставший зависимым человек может попытаться избежать аддиктивного цикла, включающего триггер, потерю контроля, чувство вины и т.д. [49], выскочить из него: escape (2) this destructive cycle.

Успехи и неудачи зависимого в борьбе с болезненным состоянием чаще всего описываются с помощью лексем path (19), journey (14), road (4). Зависимый предпринимает определенные шаги (step, 15) и движется (move, 6; head off, 2, head for) к цели, причем движение может быть как позитивным (вперед – move forward, 3; progress, 3), так и негативным – slip back (3). Как правило, зависимый испытывает трудности – setback, roadblock, pitfalls in my own recovery, rough patches, hurdle.

Данная метафора взаимодействует в текстовом пространстве с метафорой ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ НЕФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ. Игры направляют зависимого по неверному пути или возвращают его к бесконтрольной игре (lead

(4) me down a very dark path; send them back into a binge). Авторы регулярно употребляют метафоры, описывающие человека, сбившегося с пути, направившегося не в ту сторону: *falling off the path, stumbling toward the path, way-laid, take sb back*.

Поскольку само по себе увлечение компьютерными играми не обязательно является предосудительным (ср. с наркотической зависимостью), авторы описывают начало пути к формированию зависимости как пересечение порога: *In other words, behaviors that end up becoming addictive do not start that way. At some point, a threshold is reached... Once a person crosses into addiction, it becomes extraordinarily difficult for him or her to turn back (Roberts)* также *move into the state of addiction, on the verge of going into the addictive zone*. Затем аддикция может развиваться стремительно: *small steps transform into a sprint*.

Аналогичным образом происходит и начало выздоровления – открывается дверь, происходит вход в другое пространство, совершается начало нового пути: *he unlocked his door to recovery; enter recovery (2), start (6) the journey to healing*. Часто это предполагает сознательный выбор на метафорической жизненной развилке, радикальный поворот в жизни: *a fork in the road of my life, I chose the path of purpose, I had finally turned a corner*. При этом метафора *cross (3)* используется авторами для обозначения перехода красной линии аддикции, т.е. всегда с негативным оттенком: *gamers who can grasp the lines that were crossed in the past can make warning signs more immediately apparent in the future (Clark)*.

На пути к избавлению от зависимости отдельное место занимает поддержка проводника, который направляет и поддерживает на пути: *steer my clients toward methods that worked for me; encourages and guides us on our own journeys; stay on track; many addicts come to a place where they think they can do it alone*. Однако в книге Н. Кларка зависимость метафоризируется как проводник, путеводитель по вторичным, игровым мирам: *Addiction, though it's worked as our sherpa, our guide through some problems and possibilities in secondary worlds, isn't the only issue that should give us pause*.

ИГРА – ЭТО НАРКОТИК (287 контекстов)

Выделение этой метафоры, в целом непротиворечивое, требует оговорки. Авторы всех трех книг дискутируют на тему того, является ли поведенческая аддикция зависимостью в медицинском смысле слова: *Even though video game addiction is not yet a medical diagnosis, it does not mean the addiction is not real (Doan)*. В данном анализе мы примем некоторые регулярно встречающиеся реализации в качестве метафорических на основании того, что наиболее базовое, в том числе хронологически первичное значение слова относится к сфере общепринятых зависимостей, имеющих выраженные специфические физические проявления.

Наиболее продуктивным в плане метафорического описания является корень *addict-*. Лексема *addiction* употребляется 65 раз в отношении игровой зависимости, *addictive* – 19, *addict (n)* – 49, *addicted* – 8 раз. Маркеры сравнения игровой зависимости и наркотической свидетельствуют в пользу

сознательный концептуализации злоупотребления играми как наркотической зависимости: Video games are a form of a digital drug that fills egos and makes people feel good; similar to drug abuse and other behavioral addictions, once an addict, always an addict (Doan) и множество других контекстов.

К зависимым от игры людям авторы применяют сленговое название наркоманов – junkie (21), в том числе в сочетаниях cyber junkie/videogame junkie. Игровому «наркоману» нужна регулярная «доза» (I needed my video game fix (10) in large amounts of time), приносящая «кайф» – high (7), euphoria (3), rush (2). Лексема drug, особенно в сочетании digital drug (22), также регулярно используется метафорически относительно компьютерных игр. Narcotics в этом же значении встретилась лишь один раз, но обращает на себя внимание употребление одним из авторов (Doan) метафоры digital heroin (5). Все авторы обращают внимание на сленговое название некогда популярной MMORPG Everquest – “Evercrack” (4).

Как и для других аддикций, для игровой зависимости характерны периоды долгого бесконтрольного употребления, обозначенные лексемой binge (27), часто в сочетании game/gaming binges. Хотя данная лексема устойчиво употребляется в значении «делать что-то с излишком, чрезмерно предаваться чему-либо», в том числе и с нематериальными значениями, ее базовое значение относится к алкоголю и еде: a short period of time when somebody does too much of a particular activity, especially eating or drinking alcohol (OALD10); a drunken revel : spree (Merriam-Webster’s Collegiate 11); If you binge, you do too much of something, such as drinking alcohol, eating, or spending money (Collins COBUILD Advanced Learner’s Dictionary 8); to eat too much of something (Cambridge Advanced Learner’s Dictionary 4).

Бесконтрольное потребление является проявлением зависимости, что описывается как нейтральными, так и сленговыми лексемами: depend/dependency (9), в том числе co-dependency (2) и hooked (13). Необходимость постоянно посвящать игре определенное время описывается как сильное неконтролируемое желание употребить наркотик – crave/cravings (13), compulsive/compulsion (4), temptations (2). Постоянное пребывание в игре способно выработать толерантность (tolerance, 3), привести к передозировке (overdose).

Процесс избавления от игровой зависимости концептуализируется как выздоровление (recover/recovery, 16), воздержание (abstinence, 3), при котором зависимый может переживать периоды возврата к употреблению, срывы (relapse, 15) и ломку (withdrawal, 4), в том числе withdrawal symptoms.

ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПАДЕНИЕ (33)

К концептуальным метафорам ИГРА – ЭТО МЕСТО, ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и ИГРА – ЭТО НАРКОТИК примыкает концептуализация зарождения и развития аддиктивного поведения через нахождение человека, страдающего зависимостью, внизу. В рамках стандартной теории концептуальной метафоры она может быть описана как развитие (elaboration [50]) метафоры GOOD IS UP, BAD IS DOWN [51. Р. 3]. Как правило, в исследованных текстах зависимость представлена как глубокая дыра, бездна: deep (3) in

their addiction; It took him three months to dig himself out of the hole (Roberts). Падению в нее предшествует нарушение равновесия – lose their sense of balance (5), lose their grip, imbalance. Всего же метафора баланса обнаруживается в исследованном материале 64 раза, из них 60 раз – в книге Н. Кларка.

Метафора достижения дна часто используется для концептуализации классических аддикций: достигнув низшей точки своей жизни, попав в сложные, подчас смертельно опасные обстоятельства, зависимый человек приходит в себя и начинает борьбу с зависимостью: Some gamers do keep playing, and playing, until they hit bottom (Clark; 7, в том числе hit absolute bottom). Чаще всего падение может быть обозначено лексемой fall (глаголом или существительным, всего 7 вхождений): falling into a perpetual digital hell; I fell into an “abyss of bliss”. Для обозначения продолжительного, глубокого падения авторы применяют лексему spiral (4): Video game addiction is a vicious downward spiral into deep depression (Doan), shame, denial, increased hunger for the game; spiral out of control, spiral down into cyber addiction.

Выздоровление концептуализируется как тяжелый путь наверх, который зависимому приходится преодолевать, карабкаясь: climbing (3) out of the hole of cyber addiction.

ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ОБЖОРСТВО (29)

Еще одна небольшая по количеству реализаций концептуальная метафора, примыкающая к метафоре ИГРА – ЭТО ЗАВИСИМОСТЬ, используется авторами, чтобы представить процесс бесконтрольной игры как переедание. Лексемы *crave/craving* могли бы быть отнесены сюда, так как некоторые словари уточняют, что чаще они используются с пищей в качестве объекта. Однако нам представляется, что в дискурсе рассмотренных произведений речь идет о двойной последовательной метафоризации: 1) из пищевой сферы *crave* было перенесено на сферу аддиктивных субстанций; 2) сфера химической зависимости была спроецирована на сферу игровой зависимости авторами исследуемых нами книг.

Игры представляют собой «цифровой шведский стол» (vast digital buffet (4) of video games) или кафе (24-hour café serving hot bliss; like walking into a 24-hour diner in the primary world), в котором можно найти разнообразные вкусы (different flavors, 2). В рамках данной концептуальной метафоры игроки поглощают игры в чрезмерном количестве: During the height of my gluttony for video games I gorged (2) my mind on more video games (Doan); These games provide... heavy helpings of an entertaining game (Clark). Игры выступают пищей для одержимых игроков и их эгоизма: feed (3) his obsession, в том числе feed the ego.

Авторы исследованных книг обвиняют создателей видеоигр в добавлении секретных ингредиентов – secret ingredients (7). Они устроены таким образом, что обостряют желание поиграть (whet players’ appetites for greater complexity of online interaction (Roberts)). В результате формирования зависимости игрока уже не интересует ничто другое: The person has lost the taste for other things (Clark).

ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПРОТИВНИК (27)

Вопреки нашим ожиданиям, данная концептуальная метафора не получила большого развития в исследованном материале. Наиболее распространенной лексемой является *struggle* (9). Борьба, как правило, идет непосредственно с зависимостью и представляется как битва длиною в жизнь: *addiction is a life-long battle* (5). Борьба с зависимостью может концептуализироваться как схватка, конфронтация (*fight*, 2; *confront*, 2), в том числе с террористами или с демонами: *I felt that terrorists had taken over a part of my brain. They refused to let go and were not open to negotiation* (Roberts); *to battle an inner demon until I struggled with this voice* (Roberts). Несколько раз борьба с зависимостью приобретает образ схватки с диким зверем (*beast*, 4): “*feed the beast*” of gaming obsession; *escape from the claws of gaming and Internet obsessions; feeding the beast will only make it more powerful* (Clark).

Победить в схватке с зависимостью помогает «вооружение» информацией о специфике игровой зависимости и воздействия игр на психику: *armed yourself with a great deal of information about cyber addictions* (Roberts).

ИГРА – ЭТО ВОЛШЕБСТВО (27)

Несмотря на возможную положительную окраску лексем, составляющих реализации данной концептуальной метафоры, в исследованных книгах игры околдовывают игрока только в негативном смысле: *fall under the gaming spell once again*. Наиболее частыми лексемами являются *magic/magical* (10) и *enchant* (10). Игрок оказывается околдован волшебством игры: *The game was magical; characters and events of our magical reality; It casts a spell* (5) *on us*. Результатом этого действия является впадение игрока в состояние транса: *game or Web site that entranced* (3) *me*; также *induce trance*.

ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО БУРЯ (12)

Еще более редкой концептуальной метафорой с большим разнообразием креативных проявлений является представление игрока как человека, терпящего кораблекрушение в опасных водах. Основой для такой метафоризации выступает устойчивое выражение *a perfect storm* (4): *the game experience hits everyone as a perfect storm* (Roberts). Она встречается в книге К. Робертса (*You told me that I had to find an anchor, but I still feel like a ship lost at sea*), но особое развитие получает у Н. Кларка, превращаясь в авторскую аллегорию зависимости: *The storm’s high seas and gusts are the many draws to gaming. The ship is the person playing, along with his or her many unique susceptibilities. Gamers who sail flimsy boats into treacherous waters will too often sink* (Clark). Многие элементы ситуации кораблекрушения эксплицитно проецируются на ситуацию человека, страдающего от игровой зависимости: игрок – корабль («*unsinkable*» ships), знания о закономерностях зависимости и построения игр – карты, знания приливов и отливов (*charts, knowledge of the tides*), предупреждения психологов и бывших зависимых – прогноз погоды (*advance warning on foul weather*).

ИГРА – ЭТО ТЕАТР (9)

Еще одной редкой концептуальной метафорой является концептуализация игры как цифрового марионеточного театра: *the theatre is digital*. Данная

концептуальная метафора описывает действия игрока с помощью лексем *puppeteer* (3), в роли которого выступает игрок, и *puppet* (3) – игровой персонаж. Целью этой метафоры является подчеркивание виртуальности и искусственности всего происходящего в виртуальном мире в противовес реальному: *some of the magic comes from not being able to see the man behind the curtain. On the other, the proverbial wizard behind everything isn't going to pop out and force you to take care of your life* (Clark). Данное противопоставление должно мотивировать игрока взять под контроль собственную жизнь вместо жизни виртуального персонажа.

В проанализированных произведениях встречаются три концептуальных метафоры, призванных описать игровую зависимость с нейрофизиологической и психологической точек зрения.

ИГРА – ЭТО ЯЩИК СКИННЕРА (21)

А.Р. Doan так описывает воздействие современного игрового процесса на игрока: *Similar to the behavioral conditioning experiments performed by B.F. Skinner with rats and pigeons, I was being trained to push buttons by playing video games for my digital reward*. В рамках данной концептуальной метафоры игроки уподобляются подопытным крысам (*rat*, 7), подвергающимся бихеовиористской модификации поведения: *reinforce* (*ment*, 7), *behavior* (*al*, 7), *reward* (6), *conditioning* (4). Данные лексемы имеют очень специфический характер и в применении к манипуляции людьми носят выраженный негативный оттенок. В то время как в рамках психологического дискурса бихеовиоризма представленные выражения относительно человека могут быть истолкованы буквально, в исследованных произведениях они явно уподобляют игрока подопытному животному.

МОЗГ – ЭТО МЕХАНИЗМ (30)

Эта метафора уподобляет мозг высокотехнологичному механизму, в котором используются микросхемы: *circuit/circuitry* (9). Данный механизм может быть жестко закодирован на определенную деятельность (*Our brains are hardwired* (4) *to pursue certain rewards*) или, напротив, перекодирован – *gaming can rewire* (4) *the brain*. Иногда нейронные связи объясняются в рамках авторского преломления этой распространенной метафоры как механические: *the circuits of our brains have become intertwined; addiction incorrectly links the addictive behavior with our drive to survive. Such linkage explains* (Roberts)...

МОЗГ ИЛИ РАЗУМ – ЭТО АКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ (45)

Регулярным проявлением этой концептуальной метафоры являются сочетания лексем *mind* и *brain* в субъектной позиции (7 и 29 соответственно) с предикатами, выражающими мышление, проявление воли, коммуникацию и другие действия, обыкновенно приписываемые человеку в целом: *My mind never stopped thinking about the games I was addicted to* (Doan). Данная концептуальная метафора отличается большим набором реализаций, каждая из которых повторяется 1–4 раза. В целях метафоризации авторы используют предикаты мышления и эмоций: *be obsessed*, *be preoccupied*, *zone out to reality*, *remember*, *experience*, *learn* (2), *catch up*, *think*, *understand*, *get used to*,

suck in, be on the lookout, collect information, rate, figure out, like, interpret, fit itself around a situation; воли: want (4), desire, control; коммуникации: tell (3), say, give the thumbs up.

Распределение метафор в текстах в процентах отражено в табл. 2. В данном случае, на наш взгляд, наиболее важны полученные ранги для каждого произведения, особенно в свете того, что нормализованный «уровень метафоричности» примерно одинаков (см. табл. 1, последняя графа).

Таблица 2

**Распределение концептуальных метафор в трех текстах в процентах
(упорядочено по сумме столбцов)**

Концептуальная метафора	Процент вхождений в книге A. Doan	Процент вхождений в книге K. Roberts	Процент вхождений в книге N. Clark
ИГРА – ЭТО МЕСТО	38,54	15,77	49,49
ИГРА – ЭТО НАРКОТИК	19,95	30,47	5,47
ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ НЕФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ	20,49	13,98	16,41
ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ	5,39	8,78	13,49
ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ	3,77	15,41	2,16
МОЗГ ИЛИ ТЕЛО – ЭТО АКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ	1,35	1,43	4,07
ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПАДЕНИЕ	1,08	3,94	0,89
МОЗГ – ЭТО МЕХАНИЗМ	1,35	4,48	0,00
ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПРОТИВНИК	2,15	2,87	0,38
ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ОБЖОРСТВО	2,70	0,36	2,16
ИГРА – ЭТО ЯЩИК СКИННЕРА	3,23	0,72	0,64
ИГРА – ЭТО ВОЛШЕБСТВО	0	1,43	2,42
ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО БУРЯ	0	0,36	1,27
ИГРА – ЭТО ТЕАТР	0	0	1,15
Итого	100	100	100

Проведенный анализ позволяет сделать выводы, расширяющие и подтверждающие уже обозначенные постулаты в области исследования концептуальных метафор болезни. Во-первых, все три автора прибегают к широкой метафоризации ключевых проблематизируемых явлений – видеоигр и видеоигровой зависимости. Стремясь раскрыть секрет высокого аддиктивного потенциала видеоигр, авторы метафорически концептуализируют одни и те же аспекты игр с помощью одних и тех же метафор: концептуальная метафора ИГРА – ЭТО МЕСТО в процентном соотношении занимает первое и второе места по количеству реализаций в трех книгах; ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ НЕФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ – второе и третье; ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ – третье, четвертое и пятое; ИГРА – ЭТО НАРКОТИК – второе, третье и четвертое места. Таким образом, первые пять упорядоченных по частотности концептуальных метафор в трех книгах ограничиваются следующими: ИГРА – ЭТО МЕСТО, ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ,

ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ НЕФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ, ИГРА – ЭТО НАРКОТИК и ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ.

Количество реализаций этих пяти концептуальных метафор отражено в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Первые пять наиболее частотных концептуальных метафор игровой зависимости

Концептуальная метафора	Количество вхождений в книге А. Doan	Количество вхождений в книге К. Roberts	Количество вхождений в книге N. Clark
ИГРА – ЭТО МЕСТО	143	88	389
ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ	20	49	106
ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ НЕФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ	76	78	129
ИГРА – ЭТО НАРКОТИК	74	170	43
ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ	14	86	17

К данным в этой таблице был применен критерий хи-квадрат (в статистическом пакете R) к трем столбцам ($X^2 = 344,9$, $df = 8$, $p\text{-value} < p < 0,0001$) и попарно (# 1,2: $X^2 = 91.929$, $df = 4$, $p\text{-value} < p < 0,0001$, # 2,3: $X^2 = 316.91$, $df = 4$, $p\text{-value} < p < 0,0001$, # 1,3: $X^2 = 78.366$, $df = 4$, $p\text{-value} = p < 0,0001$) при уровне альфа, равном 0,05. Все различия оказались значимыми. Таким образом, можно констатировать, что, хотя авторы используют одни и те же базовые метафоры, «метафорический профиль» каждой книги индивидуален. Так, в книге Н. Кларка почти половина метафор реализуют концептуальную метафору ИГРА – ЭТО МЕСТО, что можно интерпретировать как отражение авторской интенции «сориентировать» игрока в реальном мире и виртуальном мире, сравнить и противопоставить их в качестве альтернативных миров. В книгах Э. Доана и К. Робертса значительную массу метафорических реализаций составляет концептуальная метафора ИГРА – ЭТО НАРКОТИК. Данные книги заостряют внимание читателя на проблеме официального признания игровой аддикции в качестве психического заболевания, выстраивая осторожные и в то же время регулярные метафорические переносы между наркотической и игровой зависимостью и утверждая, что существуют значимые параллели между двумя явлениями. Игра в качестве СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ стабильно присутствует во всех трех исследованных произведениях, так как объяснение ее воздействия на игрока теми или иными способами является одной из главных целей авторов. Концептуальная метафора ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ имеет особенно большое количество вхождений в книге К. Робертса. В данном случае автор развивает устойчивую концептуальную метафору английского языка, выделенную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, ДОЛГОВРЕМЕННОЕ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ – ЭТО ПУТЬ (LONGTERM PURPOSEFUL CHANGE IS A JOURNEY). Метафора изображает процесс избавления от игровой

зависимости как преодоление болезни (согласно исследованиям Е. Семино, борьба с болезнями нередко описывается с использованием этой метафоры [17]), длительное и требующее усилий, однако с вероятностью успешного исхода.

Можно полагать, что в данном случае работают две тенденции, выделенные А. Мусолффом: успешное функционирование дискурсивной метафоры обеспечивается устойчивой семантической базой, выраженной в инвариантных образ-схемах, и концептуальной гибкостью, обеспечиваемой значимыми культурными образами [52. Р. 20–25]. Концептуальные метафоры ИГРА – ЭТО МЕСТО, ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ НЕФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ, ИГРА – ЭТО СУБЪЕКТ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ и ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ основаны на образ-схемах, выделенных М. Джонсоном (контейнер, силовая динамика, движение и др. [53. Р. 21–22, 53]). Эти метафоры лежат в основе описания, которое должно дать глубокое понимание феномена видеоигры зависимому человеку и его близким. Они доминируют на всем текстовом пространстве и создают когерентную модель абстрактного явления как в текстовом пространстве, так, предположительно, и в когниции заинтересованного читателя: формирование зависимости рассматривается как падение в физическом пространстве, а выздоровление – как долгий путь вперед и вверх. Концептуальные метафоры ИГРА – ЭТО НАРКОТИК и МОЗГ ИЛИ РАЗУМ – ЭТО АКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ являются более культурно-специфическими, равно как и менее частотные метафоры, представленные в анализе: ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО ОБЖОРСТВО, ИГРА – ЭТО ВОЛШЕБСТВО, ЗАВИСИМОСТЬ – ЭТО БУРЯ, ИГРА – ЭТО ТЕАТР, ИГРА – ЭТО ЯЩИК СКИННЕРА и МОЗГ – ЭТО МЕХАНИЗМ. Они служат для концептуализации отдельных аспектов игровой зависимости и могут носить индивидуально-авторский характер.

Каждая исследованная книга отличается своим набором деталей, конкретизирующих языковое воплощение концептуальной метафоры. Это сближает дискурс данных книг с дискурсом психотерапевтических сеансов: исследователи отмечают, что сознательное риторическое конструирование и развитие метафоры характерно для текстов-расшифровок терапевтических сеансов [20. Р. 25]. В исследованных книгах жанра селф-хелп авторы конструируют метафорические концептуализации зависимости, подкрепляемые как цитатами из научных работ, так и личными историями авторов и их знакомых, клиентов или подопечных. Биография и текущая деятельность авторов книг позволяет полагать, что использованные ими языковые средства могут быть полезны в работе с зависимыми: Э. Доан является дипломированным врачом и имеет степень PhD в области нейронаук [54]; К. Робертс профессионально занимается организацией и ведением групп поддержки людей, страдающих от различных психологических проблем [55]; книга Н. Кларка (исследователь в области психологии игр и гейм-дизайна [56], профессор частного университета DigiPen Institute of Technology) написана в соавторстве с лицензированным психотерапевтом Шовон Скотт, в настоящий момент специализирующейся на проблематике массовых убийств и насилия [57], в том числе на проблеме связи компьютерных игр и

насилия. В связи с этим мы полагаем, что экспликация языковых средств метафоризации игровой зависимости, предпринятая в данной статье, может быть полезна не только в теоретическом (аспект текстового варьирования метафоры), но и практическом смысле. Принятие окончательного решения о действенности данных метафор и необходимости их использования в ходе терапевтических сессий принадлежит профессиональным психотерапевтам. Возможно, в будущем исследованные книги будут включены в списки одобренных профессиональными ассоциациями для применения в практике консультирования – подобная практика существует как минимум с 2003 г. (ср.: [46, 47]).

Список источников

1. Young K., Pistner M., O'Mara J., Buchanan J. Cyber Disorders: the Mental Health Concern for the New Millennium // *CyberPsychology & Behavior*. 1999. Vol. 2 (5). P. 475–479.
2. Wölfling K., Beutel M., Müller K. Construction of a Standardized Clinical Interview to Assess Internet Addiction: First Findings Regarding the Usefulness of AICA-C // *Journal of Addiction Research & Therapy*. 2012. Vol. 6 (January). P. 1–7.
3. Kelly R.V. *Massively Multiplayer Online Role-Playing Games: The People, the Addiction and the Playing Experience*. USA: McFarland Publishing, 2004. 201 p.
4. Fam J.Y. Prevalence of Internet Gaming Disorder in Adolescents: a Meta-Analysis across Three Decades // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018. Vol. 59 (5). P. 524–531.
5. Sherer J. Video Games from Harmless Pastime to Internet Gaming Disorder // *Technological addictions* / ed. by P. Levounis, J. Sherer. Washington DC : American Psychiatric Association Publishing, 2022. P. 1–23.
6. Li R.J., Polat U., Makous W., Bavelier D. Enhancing the Contrast Sensitivity Function through Action Video Game Training // *Nature Neuroscience*. 2009. Vol. 12. P. 549–551.
7. Hodent C. *The Psychology of Video Games*. New York : Routledge, 2021. 117 p.
8. Ferguson C.J. Aggressive Video Games Research Emerges from Its Replication Crisis (Sort of) // *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 36. P. 1–6.
9. American Psychological Association. APA Resolution on Violent Video Games. URL: <https://www.apa.org/about/policy/resolution-violent-video-games.pdf>
10. Entertainment Software Rating Board. ESRB Tools for Parents. URL: <https://www.esrb.org/tools-for-parents/>
11. Gibbs R.W.Jr. Evaluating Conceptual Metaphor Theory // *Discourse Processes*. 2011. Vol. 48, is. 8. P. 529–562.
12. Ibáñez F.J.R. de M., Hernández L.P. The Contemporary Theory of Metaphor: Myths, Developments and Challenges // *Metaphor and Symbol*. 2011. Vol. 26, is. 3. P. 161–185.
13. Steen G. The Contemporary Theory of Metaphor – Now New and Improved! // *Review of Cognitive Linguistics*. 2011. Vol. 9, is. 1. P. 26–64.
14. Landau M.J. *Conceptual Metaphor in Social Psychology*. New York : Routledge, 2017. 240 p.
15. Thibodeau P.H., Hendricks R.K., Boroditsky L. How Linguistic Metaphor Scaffolds Reasoning // *Trends in Cognitive Science*. 2017. Vol. 21 (11). P. 852–863.
16. Grady J. Using Metaphor to Influence Public Perceptions and Policy: Or, How Metaphors Can Save the World // *Routledge Handbook of Metaphor and Language* / eds. by E. Semino, Z. Demjén. New York : Routledge, 2017. 542 p.
17. Potts A., Semino E. Cancer as a Metaphor // *Metaphor and Symbol*. 2019. Vol. 34, is. 2. P. 81–95.

18. *Нагорная А.В.* Метафорический ландшафт алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 120–147.
19. *Angus L.E., Rennie D.L.* Envisioning the Representational World: the Client's Experience of Metaphoric Expressiveness in Psychotherapy // Psychotherapy. 1989. Vol. 26. P. 373–379.
20. *Tay D.* Metaphor in psychotherapy // Metaphor in Psychotherapy. 2013. P. 1–219.
21. *McCurry S.M., Hayes S.C.* Clinical and Experimental Perspectives on Metaphorical Talk // Clinical Psychology Review. 1992. Vol. 12. P. 763–785.
22. *McMullen L.M.* Putting It in Context: Metaphor and Psychotherapy // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. by R.W. Gibbs. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 397–411.
23. *Kövecses Z.* Metaphor and Psychoanalysis: a Cognitive Linguistic View of Metaphor and Therapeutic Discourse // Journal for the Psychological Study of the Arts. 2001. URL: Available http://psyartjournal.com/article/show/kvecses-metaphor_and_psychoanalysis_a_cognitive
24. *Nayak N.P., Gibbs R.W.* Conceptual Knowledge in the Interpretation of Idioms // Journal of Experimental Psychology: General. 1990. Vol. 119 (3). P. 315–330.
25. *Semino E.* Metaphor in Discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 260 p.
26. *Tay D.* A variational approach to deliberate metaphors // Cognitive Linguistic Studies. 2016. Vol. 3, is. 2. P. 278–299.
27. *Tay D.* Exploring the Metaphor–Body–Psychotherapy Relationship // Metaphor and Symbol. 2017. Vol. 32, is. 3. P. 178–191.
28. *Tay D., Huang J., Zeng H.* Affective and Discursive Outcomes of Symbolic Interpretations in Picture-Based Counseling: A Skin Conductance and Discourse Analytic Study // Metaphor and Symbol. 2019. Vol. 34, is. 2. P. 96–110.
29. *Coll-Florit M., Climent S., Sanfilippo M., Hernández-Encuentra E.* Metaphors of Depression. Studying First Person Accounts of Life with Depression Published in Blogs // Metaphor and Symbol. 2021. Vol. 36, is. 1. P. 1–19.
30. *Moskaluk K., Zlatev J., van de Weijer J.* “Dizziness of Freedom”: Anxiety Disorders and Metaphorical Meaning-making // Metaphor and Symbol. Vol. 37, is. 4. P. 303–322.
31. *Христинина Н.В.* Опыт использования позитивно окрашенных метафор в психотерапии // Инновационные научные исследования в современном мире: теория, методология, практика : сб. ст. по материалам I междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 06 мая 2019 г. Уфа : Вестник науки, 2019. С. 37–44.
32. *Смирнов Д.О.* Мифологическая метафора в пространстве психотерапии // Будущее клинической психологии – 2014. Пермь, 2014. С. 109–116.
33. *Рахимова А.Р.* Метафорическое моделирование психической деятельности человека в научном психологическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2018. 248 с.
34. *Мишанкина Н.А., Рахимова А.Р.* Метафорическое моделирование структуры психики человека в научном психологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 57–72.
35. *Петрова Т.А.* Метафора как средство концептуализации эмоции гнева в научно-популярном психологическом дискурсе // Языки и литература в поликультурном пространстве. 2017. № 3. С. 53–57.
36. *Асланов И.А.* Метафорический фрейминг в медиатекстах и коммуникации о депрессии: результаты контент-анализа и эксперимента // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2020. № 6. С. 3–22.
37. *Алексеев К.И.* Метафоры психологического дискурса: психологические законы и психологические механизмы // Прологомены. 2015. № 1. С. 4–13.

38. *Cohen M.* Metaphor: Its therapeutic use and construction: A professional guide to using metaphor in psychotherapy and counseling. Wipf and Stock Publishers, 2018. P. 11–15.
39. *Furedi F.* Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age. London : Routledge, 2004. 256 p.
40. *Lichterman P.* Self-help Reading as a Thin Culture // *Media, Culture and Society*. 1992. Vol. 14 (3). P. 421–447.
41. *McGee M.* Self-help Inc: Makeover Culture in American Life. Oxford : Oxford University Press, 2005. 308 p.
42. *Salmenniemi S., Vorona M.* Reading Self-help Literature in Russia: Governmentality, Psychology and Subjectivity // *The British Journal of Sociology*. 2014. Vol. 65 (1). P. 43–62.
43. *Koay J.* Persuasion in Self-improvement Books. London : Palgrave Macmillan, 2019. 95 p.
44. *Askehave I.* If Language is a Game—These are the Rules: A Search into the Rhetoric of the Spiritual Self-help Book // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15 (1). P. 5–31.
45. *Blum B.* The Self-help Compulsion: Searching for Advice in Modern Literature. New York : Columbia University Press, 2019. 344 p.
46. *Harwood T.M., L'Abate L.* Bibliotherapy // *Self-Help in Mental Health*. New York : Springer, 2010. P. 59–77.
47. *Norcross J.C. et al.* Authoritative Guide to Self-help Resources in Mental Health. New York : Guilford, 2003. 479 p.
48. *Marlatt G.A., Fromme K.* Metaphors for Addiction // *Journal of Drug Issues*. 1987. Vol. 17, is. 1. P. 9–28.
49. *Right Path.* What Does “Cycle of Addiction” Mean? URL: <https://rightpathaddiction-centers.com/what-does-cycle-of-addiction-mean/>
50. *Lakoff G., Turner M.* More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago : University of Chicago press, 1989. 237 p.
51. *Kövecses Z.* Where Metaphors Come From. Oxford : Oxford University Press, 2015. 215 p.
52. *Musolff A.* The Embodiment of Europe: How do Metaphors Evolve? // *Body, Language and Mind* / eds. by R.M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, E. Bernárde. Vol. 2: Sociocultural Situatedness. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2008. P. 301–326.
53. *Johnson M.* Embodied Mind, Meaning, and Reason // *Embodied Mind, Meaning, and Reason*. Chicago : University of Chicago Press, 2017. 240 p.
54. *Dr. Andrew P. Doan, MPH, MD, PhD.* URL: <http://www.andrew-doan.com/>
55. *Roberts K.J.* Home – Academic, ADHD, and Cyber Addiction Support, Books, and Speaking Engagements. URL: <http://kevinjroberts.net/>
56. *Neils C.* Game Developer. URL: <https://www.gamedeveloper.com/author/neils-clark>
57. *P. Shavaun S.* Bio. URL: <https://www.pshavaunscott.com/bio.html>

References

1. Young, K. et al. (1999) Cyber Disorders: the Mental Health Concern for the New Millennium. *CyberPsychology & Behavior*. 2 (5). pp. 475–479.
2. Wölfling, K., Beutel, M. & Müller, K. (2012) Construction of a Standardized Clinical Interview to Assess Internet Addiction: First Findings Regarding the Usefulness of AICA-C. *Journal of Addiction Research & Therapy*. 6 (January). pp. 1–7.
3. Kelly, R.V. (2004) *Massively Multiplayer Online Role-Playing Games: The People, the Addiction and the Playing Experience*. USA: McFarland Publishing.
4. Fam, J.Y. (2018) Prevalence of Internet Gaming Disorder in Adolescents: a Meta-Analysis across Three Decades. *Scandinavian Journal of Psychology*. 59 (5). pp. 524–531.

5. Sherer, J. (2022) Video Games from Harmless Pastime to Internet Gaming Disorder. In: Levounis, P. & Sherer, J. (eds) *Technological addictions*. Washington DC: American Psychiatric Association Publishing. pp. 1–23.
6. Li, R.J. et al. (2009) Enhancing the Contrast Sensitivity Function through Action Video Game Training. *Nature Neuroscience*. 12. pp. 549–551.
7. Hodent, C. (2021) *The Psychology of Video Games*. New York: Routledge.
8. Ferguson, C.J. (2020) Aggressive Video Games Research Emerges from Its Replication Crisis (Sort of). *Current Opinion in Psychology*. 36. pp. 1–6.
9. American Psychological Association. (2020) APA Resolution on Violent Video Games. [Online] Available from: <https://www.apa.org/about/policy/resolution-violent-video-games.pdf>
10. Entertainment Software Rating Board. (n.d.) *ESRB Tools for Parents*. [Online] Available from: <https://www.esrb.org/tools-for-parents/>
11. Gibbs, R.W.Jr. (2011) Evaluating Conceptual Metaphor Theory. *Discourse Processes*. 48 (8). pp. 529–562.
12. Ibáñez, F.J.R. de M. & Hernández, L.P. (2011) The Contemporary Theory of Metaphor: Myths, Developments and Challenges. *Metaphor and Symbol*. 26 (3). pp. 161–185.
13. Steen, G. (2011) The Contemporary Theory of Metaphor – Now New and Improved! *Review of Cognitive Linguistics*. 9 (1). pp. 26–64.
14. Landau, M.J. (2017) *Conceptual Metaphor in Social Psychology*. New York: Routledge.
15. Thibodeau, P.H., Hendricks, R.K. & Boroditsky, L. (2017) How Linguistic Metaphor Scaffolds Reasoning. *Trends in Cognitive Science*. 21 (11). pp. 852–863.
16. Grady, J. (2017) Using Metaphor to Influence Public Perceptions and Policy: Or, How Metaphors Can Save the World. In: Semino, E. & Demjén, Z. (eds) *Routledge Handbook of Metaphor and Language*. New York: Routledge.
17. Potts, A. & Semino, E. (2019) Cancer as a Metaphor. *Metaphor and Symbol*. 34 (2). pp. 81–95.
18. Nagornaya, A.V. (2022) Metaphoric Landscape of Alcohol Addiction in Contemporary English-Speaking Culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 120–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/6
19. Angus, L.E. & Rennie, D.L. (1989) Envisioning the Representational World: the Client's Experience of Metaphoric Expressiveness in Psychotherapy. *Psychotherapy*. 26. pp. 373–379.
20. Tay, D. (2013) *Metaphor in Psychotherapy*. Hong Kong Polytechnic University. pp. 1–219.
21. McCurry, S.M. & Hayes, S.C. (1992) Clinical and Experimental Perspectives on Metaphorical Talk. *Clinical Psychology Review*. 12. pp. 763–785.
22. McMullen, L.M. (2008) Putting It in Context: Metaphor and Psychotherapy. In: Gibbs, R.W. (ed.) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 397–411.
23. Kövecses, Z. (2001) Metaphor and Psychoanalysis: a Cognitive Linguistic View of Metaphor and Therapeutic Discourse. *Journal for the Psychological Study of the Arts*. [Online] Available from: http://psyartjournal.com/article/show/kvecses-metaphor_and_psychoanalysis_a_cognitive
24. Nayak, N.P. & Gibbs, R.W. (1990) Conceptual Knowledge in the Interpretation of Idioms. *Journal of Experimental Psychology: General*. 119 (3). pp. 315–330.
25. Semino, E. (2008) *Metaphor in Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
26. Tay, D. (2016) A variational approach to deliberate metaphors. *Cognitive Linguistic Studies*. 3 (2). pp. 278–299.

27. Tay, D. (2017) Exploring the Metaphor–Body–Psychotherapy Relationship. *Metaphor and Symbol*. 32 (3). pp. 178–191.
28. Tay, D., Huang, J. & Zeng, H. (2019) Affective and Discursive Outcomes of Symbolic Interpretations in Picture-Based Counseling: A Skin Conductance and Discourse Analytic Study. *Metaphor and Symbol*. 34 (2). pp. 96–110.
29. Coll-Florit, M. et al. (2021) Metaphors of Depression. Studying First Person Accounts of Life with Depression Published in Blogs. *Metaphor and Symbol*. 36 (1). pp. 1–19.
30. Moskaluk, K., Zlatev, J. & van de Weijer, J. “Dizziness of Freedom”: Anxiety Disorders and Metaphorical Meaning-making. *Metaphor and Symbol*. 37 (4). pp. 303–322.
31. Khristinina, N.V. (2019) [Experience of using metaphors with positive connotation in psychotherapy]. *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire: teoriya, metodologiya, praktika* [Innovative scientific research in the modern world: theory, methodology, practice]. Conference Proceedings. Ufa. 06 May 2019. Ufa: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu “Nauchno-izdatel'skiy tsentr “Vestnik nauki”. pp. 37–44. (In Russian).
32. Smirnov, D.O. (2014) [Mythological metaphor in psychotherapy]. *Budushchee klinicheskoy psikhologii – 2014* [Future of clinical psychology – 2014]. Proceedings of the 8th International Conference. Perm: [s.n.]. pp. 109–116.
33. Rakhimova, A.R. (2018) *Metaforicheskoe modelirovanie psikhicheskoy deyatel'nosti cheloveka v nauchnom psikhologicheskom diskurse* [Metaphorical modeling of human mental activity in scientific psychological discourse]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
34. Mishankina, N.A. & Rakhimova, A.R. (2015) Metaphorical Modeling of Human Psyche Structure in Scientific Psychological Discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 57–72. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/35/6
35. Petrova, T.A. (2017) Metafora kak sredstvo kontseptualizatsii emotsii gneva v nauchno-populyarnom psikhologicheskom diskurse [Metaphor as a means of conceptualizing the emotion of anger in popular scientific psychological discourse]. *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve*. 3. pp. 53–57.
36. Aslanov, I.A. (2020) Metaforicheskii freyming v mediatekstakh i kommunikatsii o depressii: rezul'taty kontent-analiza i eksperimenta [Metaphorical framing in media texts and communication about depression: results of content analysis and experiment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 6. pp. 3–22.
37. Alekseev, K.I. (2015) Metafori psikhologicheskogo diskursa: psikhologicheskie zakony i psikhologicheskie mekhanizmy [Metaphors of psychological discourse: psychological laws and psychological mechanisms]. *Prolegomeny*. 1. pp. 4–13.
38. Cohen, M. (2018) *Metaphor: Its therapeutic use and construction: A professional guide to using metaphor in psychotherapy and counseling*. Wipf and Stock Publishers. pp. 11–15.
39. Furedi, F. (2004) *Therapy Culture: Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. London: Routledge.
40. Lichterman, P. (1992) Self-help Reading as a Thin Culture. *Media, Culture and Society*. 14 (3). pp. 421–447.
41. McGee, M. (2005) *Self-help Inc: Makeover Culture in American Life*. Oxford: Oxford University Press.
42. Salmenniemi, S. & Vorona, M. (2014) Reading Self-help Literature in Russia: Governmentality, Psychology and Subjectivity. *The British Journal of Sociology*. 65 (1). pp. 43–62.
43. Koay, J. (2019) *Persuasion in Self-improvement Books*. London: Palgrave Macmillan.
44. Askehave, I. (2004) If Language is a Game–These are the Rules: A Search into the Rhetoric of the Spiritual Self-help Book. *Discourse & Society*. 15 (1). pp. 5–31.
45. Blum, B. (2019) *The Self-help Compulsion: Searching for Advice in Modern Literature*. New York: Columbia University Press.

46. Harwood, T.M. & L'Abate, L. (2010) Bibliotherapy. In: *Self-Help in Mental Health*. New York: Springer. pp. 59–77.
47. Norcross, J.C. et al. (2003) *Authoritative Guide to Self-help Resources in Mental Health*. New York: Guilford.
48. Marlatt, G.A. & Fromme, K. (1987) Metaphors for Addiction. *Journal of Drug Issues*. 17 (1). pp. 9–28.
49. Right Path. (n.d.) *What Does "Cycle of Addiction" Mean?* [Online] Available from: <https://rightpathaddictioncenters.com/what-does-cycle-of-addiction-mean/>
50. Lakoff, G. & Turner, M. (1989) *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: University of Chicago Press.
51. Kövecses, Z. (2015) *Where Metaphors Come From*. Oxford: Oxford University Press.
52. Musolff, A. (2008) The Embodiment of Europe: How do Metaphors Evolve? In: Frank, R.M. et al. (eds) *Body, Language and Mind*. Vol. 2: Sociocultural Situatedness. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. pp. 301–326.
53. Johnson, M. (2017) Embodied Mind, Meaning, and Reason. In: *Embodied Mind, Meaning, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press.
54. Dr. Andrew P. Doan, MPH, MD, PhD. [Online] Available from: <http://www.andrew-doan.com/>
55. Roberts, K.J. (n.d.) *Home – Academic, ADHD, and Cyber Addiction Support, Books, and Speaking Engagements*. [Online] Available from: <http://kevinjroberts.net/>
56. Neils, C. (n.d.) *Game Developer*. [Online] Available from: <https://www.gamedeveloper.com/author/neils-clark>
57. Scott, P.S. (n.d.) *Bio*. [Online] Available from: <https://www.pshavaunscott.com/bio.html>

Информация об авторах:

Шилияев К.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shilyaevc@gmail.com

Кузнецова Е.М. – канд. пед. наук, Docteur Sciences de l'Education, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: evoinel@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.S. Shilyaev, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shilyaevc@gmail.com

E.M. Kuznetsova, Cand. Sci. (Pedagogics), Docteur Sciences de l'Education, associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evoinel@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2022;
одобрена после рецензирования 8.12.2022; принята к публикации 06.10.2023.*

*The article was submitted 10.10.2022;
approved after reviewing 8.12.2022; accepted for publication 06.10.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 808.1

doi: 10.17223/19986645/85/7

Ключевые концепты в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в.: к проблеме формирования культурного ландшафта региона

Ирина Александровна Айзикова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, wand2004@mail.ru*

Аннотация. Предпринята попытка выявления некоторых концептов в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в., которые можно назвать ключевыми, прежде всего, для мемуарных жанров (воспоминания, дневники, записки, автобиографические рассказы и очерки), где они наиболее органичны, ярко изображая имагинарное пространство Сибири. Проблема изучается с учетом особенностей не только художественного концепта, но и культурного ландшафта Сибири как социокоммуникативного пространства трансграничья. Данный подход позволяет показать его многомерность на одном из этапов функционирования.

Ключевые слова: концепты, сибирская литература, культурный ландшафт, трансгранижье, Сибирь, природа, образование, ссылка

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Айзикова И.А. Ключевые концепты в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в.: к проблеме формирования культурного ландшафта региона // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 133–160. doi: 10.17223/19986645/85/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/7

Key concepts in Siberian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries: On the problem of the region's cultural landscape formation

Irina A. Ayzikova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
wand2004@mail.ru*

Abstract. A significant number of studies have been dedicated to the cultural and linguistic landscape of Siberia. Some of them show interest in exploring the domain of concepts that reflect the region's natural and social world, and its transformation. In the article, the author focuses on literary concepts that are being formed in regional literature. This is of particular importance when studying regional cross-border territories, such as Siberia, which is distinguished by a variety of textual "carriers" of images of real and imaginary spaces. The article aims to identify and analyze some key concepts of the writings of the second half of the 19th – early 20th centuries related to the memoir genres and created by exiles, scientists, publicists, writers. This helps show the multidimensionality of the cultural landscape of Siberia at one of the stages of its functioning. The methodology of the research is determined by the idea of the cultural and linguistic landscape of Siberia as a historical, cultural and socio-cultural constructed space of a transborder; contextual and conceptual analyses in combination with semiotic and historical-literary ones reveal the authors' representations of concepts, their semantic diversity and dependence on the communicative nature of the text. The analysis has shown that the concepts of Siberian nature, education and exile occupy a significant place in the domain of concepts of Siberian literature of this period. The content of the concept of Siberian nature is predetermined by one of the key features of the Siberian transborder – the focal location of the population and the associated idea of Siberian nature as wild, practically untouched by man. The relationship between man and nature in the analyzed writings is defined as enjoyment of nature as pure harmony and eternal beauty, harmony of nature and soul, human intervention in the life of nature. The first two aspects of the concept are consonant with its perception in the all-Russian culture and are the absolute dominants in the memoirs of the exiled Decembrists N.V. Basargin, A.E. Rosen, M.A. Bestuzhev. The third aspect reflects its Siberian specificity to the greatest extent; it is actualized in the works of Siberian writers S.I. Cherepanov, A.A. Cherkasov and Tomsk professor A.M. Zaitsev, where the concept is enriched with social, moral and ethical features: natural wealth, hunting, gold, wine, crime, sin, punishment. Education in the analyzed memoirs is a conceptual space; when creating it, the authors took into account the all-Russian literary and cultural contexts and the region's historical and social context. Thus, in the memoirs of the Siberian regionalists (oblastniki) N.M. Yadrintsev and N.I. Naumov, the concept has a special hierarchical structure, including education, training, enlightenment, and is refracted through the prism of caricature narrative. The most important is the ambivalent sign of the environment. The concept of exile, like the concept of education, reflects the multilayered nature of the Siberian cultural landscape. Thus, in the memoirs of political exiles Rosen, Bestuzhev, Kuchelbecker, Basargin, Lvov, the content of the concept is revealed in reliance on the image of Siberia as a country of exile that developed in the all-Russian consciousness. At the same time, the concept, whose structure the author defines as procedural and

evaluative, was enriched with the following signs: Siberians, a new place, a new fatherland, cordiality, will, health, strength, acquisition, faith, creativity, friendship, etc. A native Siberian, the regionalist Yadrintsev became the exponent of the concept of Siberian exile as a form of colonization of Siberia. The overlapping of the identified concepts in a number of signs proves once again that they are included in the domain of concepts of one object – Siberian literature, which fixes a voluminous and systematic vision of the region's cultural landscape.

Keywords: concepts, Siberian literature, cultural landscape, transborder, Siberia, nature, education, exile

Acknowledgments: The study was performed as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ayzikova, I.A. (2023) Key concepts in Siberian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries: On the problem of the region's cultural landscape formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 133–160. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/7

Введение. Культурному и языковому ландшафту Сибири сегодня посвящено значительное количество исследований. В ряде из них проявляется интерес к изучению концептосферы, отражающей природный и социальный мир региона, его трансформации, происходящие под влиянием внешних и внутренних факторов. Однако понятие концепта прочно закрепилось в лингвистических работах, в то время как тенденция к междисциплинарности, характеризующая современные научные подходы к изучению транскультурных явлений, требует внимания к художественным концептам, формирующимся в региональной литературе, и к выработке методики соотношения этого методологического конструкта с лингвокультурным концептом. Особое значение имеет изучение в данном аспекте региональных трансграничных территорий, каковой является Сибирь, отличающаяся разнообразием текстуальных «носителей» образов реальных и воображаемых пространств. Новизна и актуальность представленной проблемы определяются также малой изученностью художественных концептов сибирской литературы (можно говорить даже о невыевленности ее ключевых концептов) и остротой научных дискуссий о концептах в литературе, о методологии их анализа.

В.Г. Зусман, включая понятие концепта в исследовательское поле современного литературоведения, отмечал, что «опора на концепт открывает новые возможности в представлении литературы в качестве коммуникативной художественной системы» [1. С. 11], что это «агент» иных, кроме литературного, социальных полей, и потому он «имеет “выход” на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [1. С. 14]. Другими словами, введение художественного образа в сеть культуры делает его, по мнению ученого, концептом. Отражая общую традицию и одновременно индивидуально-авторскую картину мира, художественный концепт, таким образом, запечатлевает

ключевые свойства культуры разных социальных групп территории и разных личных поведенческих моделей.

Материал и методы исследования. Внося свой вклад в представление концептосферы сибирской литературы, цель предлагаемой статьи видим в выявлении и анализе некоторых ключевых концептов сочинений второй половины XIX – начала XX в., относящихся к жанрам, в которых они (концепты) наиболее органичны, ярко изображая имагинарное пространство Сибири, – это воспоминания, записки, дневники, биографические и автобиографические рассказы, созданные ссыльными, учеными, публицистами, писателями, что позволит показать многомерность культурного ландшафта Сибири на одном из этапов его функционирования. Методологию исследования определяет, во-первых, представление о культурном и языковом ландшафте Сибири как историко-культурном и социокультурном конструируемом пространстве трансграничья. Такой подход дает возможность выявлять типы коммуникаций в зависимости от ситуации постоянно «движущихся границ», в их исторических трансформациях, в связи с действиями нормативных и властных институтов и в их обусловленности восприятием, мышлением и действиями социальных групп (см. об этом: [2–10]).

Во-вторых, методологическими основами исследования являются контекстуальный метод, который обнаруживает сквозные мотивы и образы в репрезентации концептов, и концептуальный анализ в комплексе с семиотическим и историко-литературным, обнаруживающий авторскую репрезентацию концептов, их семантическое разнообразие и зависимость от коммуникативной природы текста. Отметим, что в ходе концептуального анализа произведения важно было моделирование структуры концепта, т.е. выделение его ядра, приядерной зоны, периферии, а также осмысление его функционирования. Анализируемые художественные концепты в текстах, отобранных по жанровому признаку и по месту их автора в социокультурном поле, выявлены методом сплошной выборки и трактуются на фоне их лигвокультурологической интерпретации. Кроме того, подчеркнем, что в данной статье мы обратились к воспоминаниям только светских авторов¹.

Обсуждение результатов. Одним из ключевых признаков сибирского трансграничья является дискретность – следствие земледельческо-промыслового освоения края, активно реализуемого с середины XIX в., и очагового размещения населения (см.: [4]). В мемуарной сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в. это отразилось в актуализации концепта *сибирская природа*, входящего в приядерную зону более общего концепта русской культуры *природа*, который передает материальную и духовную стороны жизни человека. Внимание к этому концепту носит универсальный

¹ Мемуары сибирских духовных лиц представляют собой проблему, требующую специального рассмотрения. В последние годы они глубоко исследуются в статьях С.В. Мельниковой, Н.П. Матхановой (см.: [11–15] и др.).

характер, он обнаруживается практически во всех рассмотренных нами воспоминаниях.

Согласно словарям, природой называется окружающий нас материальный мир, все существующее, не созданное деятельностью человека. Анализируя концепт *сибирская природа* в мемуарных сочинениях, можно выделить такие его базовые репрезентанты, как *дикая, первозданная*, т.е. не нарушенная деятельностью человека и не контролируемая им. Эти базовые признаки синонимичны и раскрываются в описательно-оценочных признаках периферии: *рельеф, растительный и животный мир, климат, природные богатства, красота, мощь, вечность, человек, душа, будущее*.

Ссылный декабрист Н.В. Басаргин в своих «Записках» описывает природу за Байкалом с помощью таких индивидуальных периферийных признаков: *ароматы трав и цветов, благотворный воздух, бархатные луга, миллионы разнообразных цветов, приятные для глаз ландшафты, красиво расположенные прибрежные скалы, великолепна, изумительно красива, невольное восторженное удивление, особенное наслаждение* – все они отражают как объективные особенности рельефа, растительного мира, воздуха, так и переживание повествователем картин сибирской природы, которые заставляли его и других ссыльных забывать о разлуке с родными и близкими и о своей «неопределенной будущности».

Сосланный в Сибирь декабрист А.Е. Розен также описывает в своих воспоминаниях Байкал и обращает внимание на особенности его берегов: «высокие и волнистые тянутся грядами, то скалисты, кремнисты, то покрыты зеленью, где лесом, где травой, где песком и глиною», отмечает вулканические образования, особенности устья Ангары («где Ангара вытекает из Байкала, стоят два огромнейших камня по самой середине, которые служат как бы шлюзами») и «отсутствие следов труда человеческого»: «берега озера украшены одною только природою» [16. С. 273].

В «Воспоминаниях о ловле зверей в Сибири» сибирский писатель С.И. Черепанов сосредоточен на животном мире региона, называя его «зверинцем русского государства» и отмечая, что Сибирь «имеет это исключительное назначение, данное ей природою». Главная мысль автора заключается в том, что сибирская природа – это естественная система, в которой практически нет места человеку: она, «в попечении своем о зверях, лишила человека всякой возможности заселять эти места, назначенные для зверей, для пищи которых здесь растут особые травы и мхи... С тою же целью растут ягоды, орехи и разные древесные плоды... Сама местность точно приновлена к этой же цели. Все пространство прорезано большими реками <...>. Вся поверхность земли между этими реками состоит из отрогов главных хребтов... Весь зверинец покрыт густым лесом, доставляющим пищу своим диким жителям» [17].

Действия человека в этой системе Черепанов рассматривает исключительно с точки зрения их соответствия или противоречия законам природы. В связи с этим автор считает охоту противоречащей экосистеме «ловлей зверей для забавы, препровождения времени», в то время как звероловство,

исконное занятие сибиряков, это «народный¹ правильный промысел». Сибиряки занимаются им весь год, не нанося никакого урона природе, поскольку звероловы всегда исходят из того, что «для ловли каждого рода зверей назначены особое время и особые способы». Так концепт *сибирская природа* дополняется в воспоминаниях Черепанова признаками *охота* и *промысел*. Характеризуя звероловов, автор утверждает, что это люди кроткие, твердой нравственности и религиозности: «Преступления между ними неизвестны... Кража промысла у звероловов считается большим преступлением, ... и вы часто видите в лесу повешенный “бунт”² беличьих шкур, мимо которого проезжают сотни людей, не трогая его... Это отсутствие преступлений и проступков, и строгая честность в простом сословии, к которому принадлежат звероловы, – подчеркивает автор, – тем более замечательна, что люди эти... знают вкус в деньгах» [17].

Вместе с признаком *промысел* в концепт вводятся признаки *преступление*, *проступки*, *деньги*, но используются повествователем в отношении звероловов по принципу «от противного». Их «прекрасные качества» мемуарист объясняет тем, что душа зверолова, подвергающаяся постоянным испытаниям и искушениям, остается чистой благодаря Богу, дарующему им во время промысла право первенства над зверем. Этим правом они пользуются «благоразумно, с мыслью о будущем», в отличие от охотников, которыми движет «глубоко оскорбляющая» повествователя жадность: «Охотник только тогда был бы доволен охотой, когда истребил бы всех зверей и птиц, хотя иной, для удовлетворения своих потребностей имеет надобность лишь в одной паре штук» [17].

¹ В автобиографическом рассказе «Из записок сибирского охотника» писателя А.А. Черкасова, в 1886–1894 гг. барнаульского головы, сообщается о народных поверьях, запрещающих убивать некоторых птиц и зверей. Согласно одному из них, «если кто убьет лебедя, то с ним в скором времени непременно будет какое-нибудь несчастье», а если «тетерева садятся на крыши домов или надворных строений... это, по мнению народа, не хорошо и предвещает что-либо недоброе тому хозяину, который живет в том доме. Вот почему многие, заметя прилет нежданных гостей, тотчас спугивают птицу и не только не стреляют ее сами, но и другим ни за что не позволяют убить такую дичь на своем доме или усадьбе» [18. С. 29]. Мемуарист описывает, как однажды ему на стоянке под сани залетела копалуха (глухарь), «порядочно помятая и потеревленная собачонкой». Сопровождавший его ссыльнокаторжный Алексей Костин просит повествователя отпустить птицу: «...“не станем ее колоть, а лучше отпустим, пусть летит. Это не наша добыча, а притча какая-то, – картавил Алеха. – Полно ты вздор молоть, какая еще притча; коли, да и станем варить похлебку... уже волнуясь, проговорил я. – Правду, притча, – упорствовал Алексей, – лучше отпустим... она залетела под твои сани-то, тебе нехорошо будет. <...>. Худая это примета у нашего брата. Вот вы, господа, ничему этому не верите; все у вас вздор да пустяки”. Однако, копалуха была сварена в котелке, похлебка съедена. Как бы там ни было (не смейся, читатель), но вскоре наступило то время, что пришлось невольно вспомнить притчу Алексея», – сообщает повествователь, рассказывая далее о постигших его утратах [18. С. 34–35].

² Т.е. связи.

Признак *охота* раскрывается в авторской, индивидуальной, трактовке в рассказе А.А. Черкасова «Федот», имеющем подзаголовок «Из воспоминаний прошлого». Героем воспоминаний является Федот Спиридонович Тузовский. Крестьянин из Барнаульского округа, он работал на рудниках, «служил в заводах; работал кайлой и лопатой, долбил буравом и кирочкой <...>. Вся его служба как-то так слагалась, что он попадал под управление людей, которые любили охоту, и Федот, будучи сам не охотником, постоянно служил им на этом поприще чаще всего в роли конюха, кучера, гребца или рулевого на лодке» [19. С. 37].

Обратим внимание на признак *служба*, которым характеризуется Федот. Христианская, добрая душа, на одной из облавных охот он оказался в ситуации глобального для него выбора. Приставу Пазникову, у которого Федот находился в услужении, попалась «громкая медведица». Пристав убил ее, оставив без матери медвежат. Будучи «на взводе», он «не стал “мараться” охотой на них, а приказал бывшему с ним Федоту порешить их» [19. С. 41–42]. Федот, забыв о законах Бога, природы, добра, выполняет обязанности прислуги пристава и с топором идет «скрадывать (ловить. – И.А.) медвежат». Этот поступок, по словам повествователя, «вывернул» Федоту «всю душу и сердце». Как видим, совокупность признаков концепта *сибирская природа* обогащается в мемуарном рассказе Черкасова признаками *Бог, грех, преступление, раскаяние*. Параллельно повествователь приводит подобную историю, пережитую одним страстным охотником из Томска, который лично рассказывал ему, как «однажды на берлоге, застрелив большую медведицу, увидал двух небольших медвежаток, которые выползли из теплого гайна (логовище. – И.А.), взобрались на бездыханную уже мать и затащили такой раздирающий душу дуэт, что он тут же заплакал, бросил на снег штуцер и дал себе слово более не ходить за медведями на берлоги» [19. С. 42]. В рассматриваемом тексте синонимами глагола *охотиться* выступают глаголы *убить, застрелить*¹, активно используются слова с семантикой *смерть*, которую несет с собой в природу человек, превращая в *бездыханный труп* медведицу, делая медвежат *сиротами, горюющими и плачущими детьми*.

Концепт *сибирская природа* в научно-популярных статьях профессора минералогии Томского Императорского университета А.М. Зайцева также реализуется в приядерном признаке *особенности*, в его периферийных характеристиках *рельеф, природные богатства*. В статье «Озеро Ши́ра», на

¹ В мемуарном очерке Черкасова «А. Брэм», посвященном известному немецкому зоологу, глаголы *убить, застрелить* становятся синонимами не только глагола *охотиться*, но и глагола *познать*. Повествователь описывает несколько случаев, когда для коллекции Брема лесничий в запрещенное для охоты время убивает животных или когда ученый сам это делает. Что касается охоты, зверопромысла, то автор куда более жестко, по сравнению с С.И. Черепановым, пишет об этом как о варварском преступлении ради наживы, на которое «блудители порядка» закрывают глаза за взятку: «...зато многие отчеты по губерниям как красноречиво говорят о повсеместном уменьшении дичи и плачут об этом формальным порядком» [20. С. 61].

дневниковый характер которой указывает сам автор¹, подчеркивается, что природа живет здесь по своим законам: горные породы, поражающие своим многообразием и количеством, местами сами разрушаются, кое-где сами выходят на поверхность земли, складывая дорогу на озеро. В описании дороги к другим озерам, окружающим Ширу, главную роль также играют названия горных пород: авгитов порфирит, известняк, плитняк, порфир, мелафир и т.д. Даже степь на подъезде к Шира описывается прилагательными *твердая, каменистая, почти голая, лишенная растительности*. Эта *неприглядность* местности окупается лечебными природными свойствами воды Ширы и других озер, а также ее богатыми запасами.

Для профессора, посвятившего изучению камней свою жизнь, красота этой «неприглядности» раскрывается в полном объеме. Для него эти породы играют красками, складываются в целостную систему (даже на уровне их цветовой гаммы), органично входящую, в свою очередь, в глобальную систему природы. Его описания геологического строения берегов Ширы поэтичны настолько, насколько это позволяет научно-популярный текст: «можно наблюдать следующую смену пород. а) Нижний уступ сложен из пестрых (красных, пятнами, и полосами, зеленых) глин, затененных осыпями ...Таковые же прослойки в глинах заключают гнезда гипса. Верхний уступ состоит, по-видимому, также из пестрых глин. Восточнее, на упомянутых пластах залегают: б) Прослойки пестрого мергелистого известняка... с гнездами гипса. с) Пестрые глины. d) Карнизом выступает серый оолитовый известняк... Порода слоиста... содержит прожилки красноватого волокнистого гипса. е) Еще выше видны красные глины и слоистые мергелистые песчаники фиолетово-красные, пятнами, зеленовато-серые» и т.д. [19. С. 6].

В периферийную зону повествования вводится признак *усыхания* Ширы и других озер, что объясняется климатом и составом озерной воды, но и «обезлесением местности вследствие истребления человеком леса» [19. С. 8]. Автор обращается, в частности, к такому важнейшему признаку концептов *природа* и *сибирская природа*, как *человек*. Взаимоотношения человека и природы, двух живых сложнейших систем, представлены профессором в амплитуде семантики *разрушать / сохранять, изучать / понимать, добывать / беречь*.

В статье А.М. Зайцева «По золоторудному району», имеющей подзаголовок «Из дневника поездки 1903 г.», совокупность периферийных признаков концепта расширяется. В нее вводятся: *тайга, река*. Главными среди новых признаков оказываются также *золото, рудник, шахта*, что вновь обращает читателя к идее дикой природы и, вместе с тем, к дихотомии *природа / человек*. С одной стороны, тайга описана с помощью признаков *глухая, непроходимая*, реки *текут по красивым долинам, среди высоких гор*, сами меняют русло, впадают одна в другую. Даже дороги складываются в зависимости

¹ Сообщаемые ниже данные... носят характер дневника, в который заносились впечатления и заметки, по мере посещения местностей, из которых некоторые были осмотрены мною впервые [21. С. 1].

от местности: то идут широкими долинами, то направляются «развилкою между вершинами речки, составляющейся из падунов» [22. С. 2]. Рудное золото тоже описывается как природное богатство характеристиками *длина и толщина отвода, толщина жилы и ее конфигурация, окружающие жилу породы*. Даже рудник, по словам автора, напоминает «Богом дарованную местность» [22. С. 3].

С другой стороны, автором активно используются понятия *глубина шахты, путь к руднику, управляющий рудника*, повторяющие характеристики описания природных богатств, но относящиеся к деятельности человека, забирающего эти дары природы. На его пути к золоту встают тайга, покрытые в начале июля снегом горы, «неприветливость погоды». На шахте рабочих ждут казармы, а после тяжелой работы их ждет вино и «другие атрибуты таежной жизни» [22. С. 12]. Эту жизнь автор описывает, используя природную идею круговорота, лишённую, однако, своего истинного смысла: промышленник и рабочие находятся всегда в ожидании большой добычи золота, промышленник – чтобы расширить золотодобычу, рабочие – чтобы было чем заплатить спиртоносу.

Природное золото как ценностное явление рассматривается в «Воспоминаниях о сибирской золотопромышленности», напечатанных в «Сибирском сборнике» за 1887 г. (подписано: А. Б-а) [23]¹. Написанные от имени жены сибирского золотопромышленника, они строятся на связи признаков *золото и вино, богатство и отсутствие культуры*, которые сводятся в систему взаимодействующих понятий: сибирская природа / ее освоение / традиционная культура региона / деньги / европейская цивилизация. Повествование обращено к изображению жизни золотопромышленников. Первый же человек, с которым мемуаристке довелось познакомиться в Томске, богатейший золотопромышленник, отрекомендованный ей мужем как его «старый приятель», «милый и добрый человек», явился с визитом к ней, незнакомой ему даме, едва стоящим на ногах. Приехав в Енисейск, семья повествовательницы размещается в доме, где до них жили золотопромышленники З., которые, по рассказам, играли в карты на золото и «уже в 10 часов утра считали долгом поить шампанским всякого приходившего к ним даже по делу» [22. С. 170–171]. В Енисейске повествовательница познакомилась с еще одним золотодобытчиком, «чрезвычайно интересным» человеком, «рыцарской прямооты, честности, смелости», с хорошим образованием, но при этом, будучи пьян, он делался «дерзок до забвения всех приличий» [22. С. 172], ему не «хватало характера воздержаться от вина, и он умер от этого недуга» [22. С. 171].

Атрибутом отношений золотопромышленников с горными исправниками и их помощниками были «поборы» – еще одна характеристика признака природной руды, *золота* как ценностного атрибута жизни человека. За «поборы» золотопромышленникам прощались многие *преступления*:

¹ Все сборники вышли под редакцией Н.М. Ядринцева.

засыпанные в завалах люди, плохая еда для рабочих, работа в шахтах ночью, «лишь бы не забывали приносить должное и помогали округлять состояние» высшей полицейской власти [22. С. 174]. Владея «страшно богатыми приисками», золотопромышленники «жили безумно, пили много, бросали деньги» на ветер, иногда в буквальном смысле слова, при том что в городе не было возможности дать детям образование.

Концепт *образование*, один из самых востребованных в русской культуре¹, является важнейшим и в концептосфере рассмотренных нами воспоминаний в значении *обучение, воспитание, просвещение*. Он встречается в мемуарах, главным образом, областников, где трактуется как фактор, обеспечивающий развитие края, его светлое будущее. Однако его реализация требовала больших, долговременных и последовательных усилий, поскольку речь шла о внедрении в сибирский культурный ландшафт, в общем-то, чуждой ему системы, конструируемой по модели западноевропейской цивилизации, основанной, как известно, на антропоцентрических принципах мироздания.

Текстообразующую роль концепт играет в «Воспоминаниях о томской гимназии» Н.М. Ядринцева, подчеркивавшего трудность вхождения культуры, образования, творчества в европейском понимании в сибирский культурный ландшафт, трансграничный по своей природе и в силу этого отличающийся, помимо дискретности, многослойностью. Выражением последней является пересечение вертикальных и горизонтальных коммуникаций: имперская модель институциональных взаимоотношений общерусской и региональной культур, выработанная по схеме так называемого русского ориентализма, концепция европеизации русской культуры, принятия идей и ценностей европейской культуры как истинных, прогрессивных, этически оправданных и эстетически совершенных, накладывались на специфику сибирской культуры, диктуемой взаимодействием ее собственных культурных «полей» – инородцев, сибиряков-старожилов, вольных и невольных

¹ Л.М. Бузинова в своей статье «О концепте “образование” в российской лингвокультуре» отмечает: «Концепт “образование” реализует свой семиотический потенциал в рамках следующего синонимического ряда: воспитание, просвещение, культура, цивилизация, прогресс; образованность; выделка, изготовление, созидание, фабрикация, формирование (формировка), организация, устройство. Следующие словосочетания осуществляют вербализацию признаков глобального концепта на лексическом уровне: начальное образование; среднее образование; высшее образование; народное образование; дать образование; получить образование; техническое образование; последипломное образование; инновационное образование; непрерывное образование» [24. С. 75]. Признавая, что концепт «образование» является базовым в русской культуре и литературе, о чем говорит большое количество пословиц и поговорок: «Ученье – свет, неученье – тьма», «Не стыдно не знать, стыдно не учиться», «Век живи – век учись», фольклорных сочинений других жанров, произведения таких авторов второй половины XIX – начала XX в., как А.П. Чехов, И.С. Тургенев, Н.Г. Помяловский и другие, исследователи подчеркивают, что данный концепт, прежде всего, изучают в рамках лингвокультурологии (см., например: [25. С. 57]).

переселенцев из Центральной России, существовавших на своих идеях и ценностях.

В мемуарах публициста концепт с самого начала встает в следующий оценочный ряд: *патриархальность, глубокая жизненная печаль, меланхолия, огонь иронии*, который и определяет особенности мемуарного повествования, созданного, как указано в подзаголовке, к 50-летию юбилею гимназии, т.е. спустя более 30 лет со времени обучения автора в гимназии. Несмотря на прошедшие годы, концепт *образование* реализует свой семиотический потенциал преимущественно в рамках карикатуры на должное. Периферийные признаки концепта: *хаос жизни, разнузданность учителей и учеников, «налеты и подкарауливание», усмирение, экзекуции* и подобное, выступают у Ядринцева на уровне всех компонентов описания социокультурного ландшафта Сибири («физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие»), позволяющих проследить логику его складывания и степень его устойчивости в разных исторических обстоятельствах.

Так, один из образов, характеризующих жизнь в томской гимназии в воспоминаниях Ядринцева, – зоологический, дикарский мир («мир зверьков»), где господствует физическая сила, а «авторитет принадлежал сильнейшему» [26. С. 4]. Такой мир вызывает у мемуариста ассоциации с первобытным обществом, а его обитатели – с «детьми природы», регулирующими свои отношения чаще всего насилием: они воюют друг с другом и охотно «выходят на бои», на «войнишки» с чужими. «Слабые и хилые оставались в унижении» [26. С. 4], и мемуарист испытал это на себе, один вид его опрятности возмущал «демократический вкус» гимназистов.

Н.М. Ядринцев комментирует это явление следующим образом: «Плебс города вложил свои инстинкты в детей своих». Как видим, репрезентация концепта *образование* у Ядринцева получает в качестве важнейшего ядерного признак *среда*. Его логическим продолжением оказываются признаки *воспитание* и *перевоспитание* как необходимые действия, направленные на преодоление законов «мира зверьков», на развитие личности и создание условий для этого на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей, транслируемых русской (европейской) культурой, что напрямую связано с областнической идеологией автора воспоминаний. Веру в возможности воспитания, без которого само по себе обучение не давало результатов, мемуарист черпал в той же *дикарской среде*, где он находил себе не только врагов, но и защитников, и настоящих товарищей. Одним из них был Наумочка, будущий беллетрист Н.И. Наумов. Сила воспитания, на которую возлагал свои надежды Ядринцев, определялась еще и тем, какое место он отводил воздействию среды, влиянию ее изменения на человека, так что *среда* выступает в воспоминаниях Ядринцева особым признаком концепта *образование*.

Мемуарист неоднократно подчеркивает, что многие гимназисты были выходцами из *грубой среды*, приносившей им и недостатки, и пороки, но и богатый жизненный опыт. Признак *среда*, очевидно, амбивалентен в

воспоминаниях Н.М. Ядринцева: «...в этой среде... добро и зло имели одинаковое действие» [26. С. 6–7], причем «порча» и «разврат» быстрее привились не к беднякам, а к детям «состоятельных классов». Так, в семантическое поле *образование, воспитание* автором вводятся признаки *деньги, богатство, бедность, социальное и материальное неравенство*. «Более здоровую натуру» плебса, по мнению Ядринцева, защищают от быстротечного распада именно отсутствие роскоши и трудовая жизнь. В это же поле гимназической среды попадают признаки *духовное равенство, дружба, товарищи, уважение «честной бедности», поклонение труду и таланту*, что, как считает мемуарист, облегчало гимназистам восприятие *общечеловеческого идеала*.

Концепт *образование* раскрывается у Ядринцева и через признак *свобода*, которая, во-первых, по его мнению, есть врожденное свойство человека, во-вторых, она поддерживалась у гимназистов, несмотря на царившие в ней суровые нравы, сибирскими просторами и *природой*, помогая саморазвитию, открывая молодым людям «прекрасный мир для наслаждений и наблюдений» [26. С. 8].

Как лучшие минуты своей жизни мемуарист вспоминает окончание годовых экзаменов, все страхи, потрясения от которых сразу же смывались в «прекрасной Томи», а потом наступало лето – «жизнь среди природы», под влиянием которой «слагались нежные чувства и истинное стремление к прекрасному», к творчеству даже у тех, кто «славился только физическим развитием», кто был воспитан «грубой средой». Эта идея позднее выльется еще в один постулат областнической идеологии, согласно которому любовь к прекрасному, «поэтические мотивы души» доступны сибирякам, выступавшим в глазах многих представителей центральной России неразвитыми дикарями, обладающими только недюжинной физической силой. Именно природа закладывает в сибиряка и любовь к малой родине, преданность ей, и гражданственность, и «желание трудиться на пользу родного края» [26. С. 10]. Здесь тоже прочитываются основные положения областничества.

Наконец, воспоминания Н.М. Ядринцева о томской гимназии обращены еще к одному из признаков концепта *образование*, представляющих приядерными в лингвистических исследованиях. Речь идет об изображении в ядринцевских мемуарах собственно процесса обучения. Его контент формирует прежде всего галерея *учителей*, представляемых мемуаристом в основном устойчивыми компонентами как калейдоскоп карикатур. Все они плохо образованы (некоторые не имели никакого отношения к педагогике), сохранили только анекдотические воспоминания о своем обучении. Не готовые к «глухой, неприветливой жизни в провинции», в Сибирь они были «занесены» случайно. «Явившись в местную среду, – пишет мемуарист, – с своим казенным запасом знаний, без всякой силы и веры в свое призвание, они могли только затеряться и опуститься... усваивая жизнь и привычки невежественной среды» [26. С. 13]. В описании учителей Ядринцев возвращается к тем же признакам, с помощью которых описывал учеников, включая признак *идеал*, который гимназистов звал в будущее, а учителя «умерли слепцами у подножия того идеала, который мог согреть их жизнь и спасти ее» [26. С. 14–15].

В содержание признака *обучение* входит и изображение отношения учеников к учителям и преподаваемым ими дисциплинам, которое передается следующими словосочетаниями: *слабостями учителей пользовались, насмехались над ними, никогда не учили для него уроков*, всем учителям гимназистами были даны клички¹. Не менее показательны отношения к ученикам учителей, которые позволяли себе прийти на урок нетрезвыми, могли применить к гимназистам физическую силу и т.д.² Образ гимназии, по сути, становится в воспоминаниях Ядринцева символом невежества, невоспитанности, бескультурья и учеников, и учителей. «Старая добрая гимназия, – заключает мемуарист, – не тебе было суждено с твоими педагогами развить в нас жажду знания, пробудить ум и сердце» [26. С. 17].

Однако «всепоглощающая *страсть знания*, пробуждение, проникающее в молодую душу», открывающее «очи», охватывающее, «чарующее ум», заставляющее «осмысливать жизнь» [26. С. 17] как врожденные свойства человека пробивали себе дорогу и в такой среде. Именно в гимназии к Ядринцеву, Наумову, Поникаровскому пришла страсть к чтению, к литературному творчеству. Понимание идей свободы, равенства довольно быстро и легко скорректировал у гимназистов новый молодой учитель, сокашник Н.А. Добролюбова Н.С. Щукин, вокруг которого образовался кружок, где у учеников формировалось новое мировоззрение, их гражданская позиция, где они с жадностью впитывали прогрессивные идеи общественной жизни.

Конечно, жизнь товарищей Ядринцева по гимназии, да и его собственная жизнь сложились по-разному. Н.М. Ядринцев, как известно, в связи со своими областническими идеями прошел и через аресты, и через ссылку, и

¹ Н.И. Наумов в своих воспоминаниях «Н.М. Ядринцев в томской гимназии» перечисляет те же действия: «Мы могли только ненавидеть... наставников, и мы ненавидели их... Мы презирали их, потешались над ними и, копируя их с неподражаемым мастерством, заставляли, бывало, весь класс стонать от хохота. Мы пользовались каждым случаем, чтоб сделать им какую-нибудь пакость, и делали ее, не чувствуя угрызения совести» [27. С. 7].

² Об этом же пишет Н.И. Наумов: «Учились мы... не только скверно, но вернее сказать, ничему не учились, не потому что не хотели учиться или по неспособности. О, нет! Такой поражающей жажды знания, какая одолевала нас, трудно встретить. <...> При другой обстановке, условиях и составе преподавателей, которые сумели бы воспользоваться и направить проснувшуюся мысль у детей и любовь к знанию, мы были бы блестящими учениками, но мы не учились потому, что нам нечему было учиться у наших преподавателей, к которым нельзя даже и применять слово “преподаватель”. Это было что-то невозможное, состоящее из грязных, вечно пьяных драчунов, которые, как я думаю, и сами-то ничего не знали» [27. С. 3]. В своих воспоминаниях Наумов описывает урок грамматики: «Приходил... учитель... в класс, задавал урок – выучить из Грамматики Востокова наизусть страницу или две “отсюда и до сюда” и уходил в сторожку гимназии», куда вскоре сторож приносил «штоф вина, покупаемый нашими наставниками в складчину» [27. С. 4]. Обучение на уроке проходило в форме рассказа гимназистом заученного наизусть, учитель следил за его ответом по книге и ставил пятерку, если ученик отвечал без запинки, если же в ответе были запинки или ученик и вовсе молчал, его таскали за волосы, ставили в угол на колени и угрожали поркой.

через сибирский острог¹. Личные впечатления, вынесенные автором из этих жизненных событий, легли в основу ряда его статей и книги «Русская община в тюрьме и ссылке», которая, по словам Г.Н. Потанина, посвящена «самому кардинальному из сибирских вопросов» [28. С. 221].

В заключение мы остановимся на концепте *ссылка* как одном из самых востребованных в сибирской мемуарной литературе интересующего нас периода. Так же как и концепт *образование*, отражающий многослойность трансграничного сибирского пространства, он активно исследуется в лингвистике и констатируется как ключевой многими литературоведами. Степень и характер влияния невольных переселенцев на сибирский культурный ландшафт во многом зависела от того, к какой категории ссылочно-каторжных они принадлежали: были ли это «просвещенные люди, попадавшие в ссылку в Сибирь по политическим причинам», — Ядринцев писал о том, что «конечно, они оказали влияние в тех местностях, в которых были поселены, и многие отдельные личности обязаны им своим развитием»; или это были уголовные преступники, оказывающие, по словам того же Ядринцева, «растлевающее действие на местное общество» [29. С. 649].

Исследовавшая данный концепт как феномен сибирской лингвокультуры Т.А. Демешкина указывает, что к концу XIX в. он укоренился в сознании носителей русского языка. Его базовыми репрезентантами называются лексемы *ссылать*, *ссылка*, *каторга* и их дериваты. «Существительное “ссылка”, — отмечает исследователь, — многозначно и определяется как 1) действие по значению глагола сослать — ссылать; 2) вынужденное пребывание на поселении в качестве ссылочного; 3) место, куда сослан кто-то... В среднеобских говорах данная лексема функционирует во всех этих значениях» [30. С. 37]. Семантическое поле «ссылка», по наблюдениям Демешкиной, моделируется словоформами *ссылать*, *ссылочный*, *ссылка*, *каторга*, *каторжный*, *каторжник*, *репрессия*, *политссылочный*, *политический*, *репрессированный*, *раскулачивание*, *босйачество*, *лишинец*, *спецпереселенец*, *поселенец*, *надзиратель*, *стражник*, *варнак*, *взять*, *забрать* («*задержать*, *арестовать*»), *комендатура*, *враги народа*, *арест*, *Сибирь*, *Нарым*, *Нарымский край*, *Колпашевский берег (Яр)*, *Сталин*, *Свердлов*» [30. С. 38]. Толкование лексемы «каторга», по наблюдениям ученого, «нагружено историческими, идеологическими и социальными смыслами» и связано с царской Россией, тяжелым физическим трудом, суровым режимом содержания ссылочных. Анализ функционирования лексемы «каторга» в речи старожилов, отмечает Т.А. Демешкина, «также показывает, что она используется в рассказах о давно прошедших событиях в дореволюционной России» [30. С. 37].

¹ В 1865 г. Ядринцев, как известно, вместе с Н.С. Щукиным, Г.Н. Потаниным, с которым он познакомился благодаря Щукину, и другими был арестован по делу «Общество независимости Сибири» и три года провёл в омском остроге, позднее, признанный виновным в намерении отделить Сибирь от России, был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию.

Осмысление концепта *ссылка*, главным образом его базового с лингвокультурологической точки зрения репрезентанта *каторга*, в русской словесной культуре видим в выражениях *почетная ссылка; не житье, а каторга; август – каторга, да после будет мятовка и др.* В них воплощаются такие признаки концепта, как наказание, мука, страдание, маета, отчаяние. Эти и другие смыслы, вплоть до иронических, получили образное выражение и в русских народных песнях: «Ах ты доля, моя доля, / Доля-долюшка моя / Ах зачем же, злая доля, / До Сибири довела...», «Кибель мой, кибель мой, / Поднимается, опускается, / Тянем-ка, тянем-ка, / Раз, два, хватай», «Из Иркутска ворочуся / Счастливым, может быть» и др. (см.: [31]).

Во второй половине XIX в. концепт *ссылка (каторга)* входит в творчество Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, Н.Э. Гейнце, которые осмысливают его как один из важнейших элементов национальной культуры в ценностном плане. В рассмотренных нами сочинениях о сибирской ссылке, написанных ссылными декабристами, петрашевцами (Н.В. Басаргин, М.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, А.Е. Розен, Н.Ф. Львов, Н.М. Ядринцев) в жанре воспоминаний и изданных во второй половине XIX в., чаще всего во фрагментах с купюрами и, как правило, в периодических изданиях концепт получил особое осмысление, поскольку смоделирован был в опоре на личный ссылно-каторжный опыт.

На пристальное внимание авторов рассмотренных сочинений к концепту *ссылка* указывают прежде всего заглавия произведений и социальный статус авторов, который явствует из их «говорящих» имен и фамилий, введенных в заглавие: «Записки Николая Васильевича Басаргина», «Записки Михаила Александровича Бестужева. 1825–1840 гг.», «Дневник В.К. Кюхельбекера»; «Записки декабриста» А.Е. Розена, «Выдержки из воспоминаний ссылно-каторжного» Н.Ф. Львова, «Русская община в тюрьме и ссылке», «Положение ссылных в Сибири» Н.М. Ядринцева и др. В заголовках частей, глав и их расширенных подзаголовках перечисляются базовые репрезентанты концепта: *острог, тюрьма, поселение*, а также признаки, составляющие его ближнюю периферию: *арестанты, преступники, неволя, заключение, железы (кандалы, цепи), наказание, дорога, прощание, работа, болезнь, бунт, побег*, и дальнюю периферию: *сборы в дорогу, Петровский железный завод, Нерчинские заводы, Шилкинский завод, Александровский завод, А.Г. Муравьева, Е.П. Нарышкина, А.В. Ентальцева, Е.И. Трубецкая, М.Н. Волконская, Н.Д. Фонвизина, М.А. Назимов, И.И. Сухинов, И.Ф. Фохт, М.С. Лунин, Тобольск, Курган, Акатуй, Чита и др.*

Структуру концепта *ссылка*, подобно другим рассмотренным в данной статье концептам, в анализируемых воспоминаниях можно определить как процессуально-оценочную, что обусловлено природой мемуарного нарратива (во-первых, он реализует идею движения, носит сюжетный характер и, во-вторых, оценке в субъектном повествовании о сибирской ссылке подвергается всё) и что, конечно, увеличивает содержательный объем концепта.

Динамика и трансформация концепта раскрываются в большинстве анализируемых воспоминаний через описание происходящего (во внешнем и

внутреннем мире повествователя) во времени. Так, модель той или иной описываемой ситуации в «Записках...» Басаргина конструируется на постоянно фиксируемой смене места действия, фиксации всех этапов пути ссылки в Сибирь: Петербург, Тихвин, Ярославль, Кострома, Вятка, Пермь, Екатеринбург, Тобольск, Тара, Ишим, Каинск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск и т.д. Фиксируются и меняющиеся даты передвижения ссылных по дороге в Сибирь. В картину пребывания повествователя и движущихся с ним ссылных в той или иной географической точке входят более или менее подробные описания разнообразных действий самого повествователя и других участников событий, которые, кстати, тоже постоянно сменяют друг друга. Для примера сравним два фрагмента:

Выехав из Петербурга, где все было погружено во мрак, мы прибыли ночью на первую станцию и вышли обогреться в комнату смотрителя. Мне это в особенности было нужно, потому что легенький тулуп мой худо защищал меня от январского мороза. Товарищи мои тоже вышли. Фельдъегерь (он оказался мне знакомым и бывал прежде моим подчиненным, когда я был старшим адъютантом, а он приезжал с бумагами в Тульчин) обходился с нами очень вежливо, и действительно, как мы убедились впоследствии, был очень добрый человек. Железа нам очень мешали и не давали свободно ходить. Мы, по совету его, подвязали их и уладили, сколько возможно удобнее для ходьбы. Тут я вспомнил о данной мне плац-майором (при отправке из Петербурга. – И.А.) завернутой бумажке. Можно представить себе мое удивление, когда я нашел в ней, вместо оставшихся моих денег – десять серебряных гривенников. Вот все богатство, с которым я отправился, слабый и больной¹, в сибирские рудники, за шесть слишком тысяч верст от своего семейства» (выделено нами. – И.А.) [32. С. 62–63].

Второй фрагмент описывает пребывание повествователя в Красноярске:

В Красноярске губернатор угостил нас с искренним радушием. Во всех почти городах, где мы останавливались, чиновники приходили к нам: сначала не смели к нам приступить, заговорить с нами, но всегда кончали предложением услуг и изъявлением участия. На станциях являлись обыкновенно этапные офицеры с подобными же предложениями, а простой народ толпился около повозок и хотя видимо боялся жандармов, но нередко те, которые были посмелее, подходили к нам и бросали нам в повозку медные деньги. До сих пор храню как драгоценность медную денежку, которую я взял у нищей старухи. Она вошла к нам в избу и, показывая нам несколько мелких монет, сказала: «Вот все что у меня есть; возьмите, батьюшки, отцы наши родные. Вам они нужнее, чем мне». <...> Чем далее мы

¹ Этот признак, а вместе с ним и такие, как климат, семья, свобода, меняются на прямо противоположные в дальнейшем повествовании: «Местность Читы и климат были бесподобны. Растительность необыкновенная. <...> Воздух был так благотворен... что никогда и нигде я не наслаждался таким здоровьем. Будучи, как я уже говорил, слабого, тщедушного сложения, я, казалось, с каждым днем приобретал новые силы и, наконец, до такой степени укрепился, что стал почти другим человеком. <...> Отсутствие всяких телесных недугов имело необходимое влияние на расположение духа. Мы были веселы, легко переносили свое положение и, живя между собою дружно, как члены одного семейства, бодро и спокойно смотрели на ожидавшую нас будущность» [32. С. 79–80].

подвигались в Сибири, тем более она выигрывала в глазах моих. <...> Как страна ссылки, Сибирь снисходительно принимала всех без разбора. Когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали, за что и почему он подвергся каре законов. Никому и дела не было, какое он сделал преступление, и слово несчастный, которым звали сибиряки сосланных, очень хорошо выражает то понятие, которое они себе составили о них. От него требовалось только, чтоб на новом своем месте он вел себя хорошо, чтобы трудился прилежно и умел пользоваться с умом теми средствами, которые представляло ему новое его отечество» (выделено нами. – И.А.) [32. С. 66–67].

В обоих фрагментах динамика и трансформация концепта передаются периферийными признаками материально-объектной основы событий: *мрак, ночь, станция, комната смотрителя, тулуп, мороз, железа* (кандалы. – И.А.), *деньги, сибирские рудники, шесть с лишком тысяч верст*. Во втором фрагменте, описывающем пространство и события после преодоления этих верст, используются признаки, константные для всего повествования: *станция, повозки, деньги*, и новые, значительно расширяющие семантику концепта: *сибиряки, новое место, новое отечество, радушие*.

Во втором фрагменте расширяется и состав актантов – ср. в первом отрывке: *смотритель, товарищи, фельдъегерь, плац-майор* (последний запомнился вследствие своего подлого поступка по отношению к повествователю); во втором – *губернатор, чиновники, этапные офицеры, жандармы, простой народ, нищая старуха* – все они представляют единое целое, которое охватывается словом *сибиряки*, запомнившиеся повествователю состраданием к ссыльным, называемым ими не иначе, как *несчастные*.

В отрывке о пребывании в Красноярске актуализируются интеракции и действия, регулирующие взаимоотношения участников событий: ссыльных все, независимо от социального положения, чина и звания, стараются угостить, изъяснить им свое участие, предложить услуги, передать деньги, даже если это последние мелкие медные монеты. При этом их не спрашивают о содеянном, в них не видят преступников, им искренне сострадают; повествователь, в свою очередь, в своих воспоминаниях называет этих людей именно, хранит память о них в мельчайших подробностях.

Сравнение приведенных фрагментов показывает нарастание модуса оценки и складывание системы знаков, кодирующих глубинные смыслы приядерных и периферийных признаков. Во втором отрывке оценке, социальной и этической, подвергаются практически всё и вся: *радушие – искреннее, боялся – видимо, кто был посмелее, храню как драгоценность, батюшки, отцы наши родные, снисходительно принимала, чтобы вел себя хорошо, трудился прилежно, пользовался с умом*.

Символической кодировке здесь подвергается такой признак концепта, как металл: в первом фрагменте речь идет о железных кандалах и серебряных гривенниках, наделенных мемуаристом негативной коннотацией, во втором в центре повествования – история о медной монете, которую повествователь воспринял как символ сострадания и милосердия, «драгоценность», таковым он и пронес этот образ через года в своей памяти.

Поскольку концепт *ссылка* восходит к социальной дихотомии *преступление/наказание* и нравственно-этической *добро/зло*, постольку аксиологическое поле концепта лежит на пересечении этической и социальной плоскостей, и у всех авторов воспоминаний оценки амбивалентны. Причем ядро концепта (*ссылка*, *каторга*) во всех анализируемых текстах вызывает двойственное переживание в рамках одних и тех же противоположных признаков, таких как *воля/неволя*, *болезнь/здоровье*, *слабость/сила*, *утраты/обретения*. То же самое можно сказать о приядерной зоне: острог, тюрьма, поселение.

Оценка признаков ближней периферии концепта (*кандалы*, *дорога*, *прощание*, *работа*) и особенно дальней менее амбивалентна, но более индивидуальна. Так, например, *кандалы* (*железы*) во всех воспоминаниях обозначены как символ несвободы, унижения, неудобства. Однако в воспоминаниях Розена *кандалы* ассоциируются с понятиями *боль* и *смерть*: на подъезде к Чите «лошади понесли, переломился деревянный шкворень – в один миг мы были выброшены из повозки... я повис правой ногой на оглобле, левою на постромке и на шлее левой пристяжной и обеими руками ухватился за гриву коренной. В таком положении кони таскали меня две версты... в кандалах, запутавшись в тяж, я сам себе помочь не мог» [16. С. 219]. Подобная семантика признака *кандалы* встречается и в воспоминаниях Бестужева: еще в Шлиссельбургской крепости перед отправкой в Сибирь его заковали «впереверт», из-за чего «железа растерли» ему ноги так, что он не мог ходить. На Суксунском спуске в Томской губернии он едва не погиб: в результате неумелого управления шесть «сцепившихся коней, бесясь и обрывая упряжь, ...понесли под гору», нагнали и опрокинули телегу с Бестужевым, который, «падая, повис своими железами на задней оси», а кони «повлекли» его «как Гектора за колесницей Ахиллеса», после чего масса «сцепившихся коней и повозок» покатила на него. В отличие от Розена, Бестужев получил серьезное ранение головы, другой *ссылный*, И.И. Горбачевский, «страшно разбил лицо» [33. С. 178–179].

Наиболее показательно описание женщин в рассматриваемых воспоминаниях. Если в мемуарах Басаргина, Бестужева, Розена с необычайной теплотой и благодарностью описываются их жены и жены их товарищей, последовавшие за мужьями в Сибирь, стойко переживающие вместе с ними все невзгоды, выступающие для *ссылных* ангелами-хранителями, то в дневнике Кюхельбекера центральным женским образом является не любимая им жена, не равная ему по социальному положению, образованию, уровню культуры, не понимающая его ценностей и не принесшая ему ничего отрадного. Все его разговоры с женой, упомянутые в дневнике, – о нехватке денег, о болезни детей. Попытки обсудить с ней «Войну мышей и лягушек» Жуковского закончились, судя по дневниковой записи, следующим: «Жена à propos de* царевича Белая Шубка говорит, что белые мыши в Баргузине не редкость» [34. С. 265]. 26 мая 1840 г. Кюхельбекер с горечью подводит итоги: «Кто у меня остался? Матушка, некогда женщина необыкновенная, ныне развалина, и ей 84-й год. Сестра Юстина Карловна... у ней чувства много,

но нет этого удивительного, поэтического воображения... Другая сестра – доброе, милое существо, но и просвещением и умом слабее Юстины: нет, таких женщин, какова была моя матушка... я не знал ни одной подобной!.. Вот и все, и со всеми я разлучен!» [34. С. 255]. 9 января 1842 г. он пишет, обращаясь к сыну: «...научись из моего примера, не женись никогда на девушке, как бы ты ее ни любил, которая не в состоянии будет понимать тебя» [34. С. 283].

В сборнике «Русская община в тюрьме и ссылке» Н.М. Ядринцева изображена целая галерея ссыльных уголовных преступниц. Главные их характеристики выражаются такими признаками, как вино, разгул, разврат, профанация любви, извращение женской природы. Вот лишь один фрагмент: «...по всему острогу в окошках этажей и в разных укомных местах и щелях между обоими полами шли непрерывные разговоры, любезности, уверения в любви, обещания увидиться где-нибудь и т.п. – Милый, дорогой мой Ваня, ведь я, голубчик, только и думаю, что о тебе. Ты, Ваня, в карты-то не играй! – раздается сверху Бог знает из какого-то угла голос страстной любовницы. – Я очень верю вам, Амфиса Семеновна, и сам к вам в расположении чувств, потому четыре калача и заварку чаю... – отвечает из такого же укромного места снизу голос страстного любовника, какого-то фешенебельного поселенца» [29. С. 121–122].

Показательна оценка периферийного признака *работа*, воспринимаемого по-разному в зависимости от позиции автора-повествователя воспоминаний. В мемуарах политссыльных этот признак интерпретируется в амплитуде противоположных по своему значению характеристик *принуждение/свобода*. А.Е. Розен, например, так описывает работы, на которые выводили ссыльных: «Каждый день, исключая праздников, нас выводили за конвоем, на три часа поутру и на два после обеда, засыпать какой-то ров на конце селения. Мы были очень рады этим работам, потому что они позволяли нам видаться с товарищами нашими из другого каземата. Работать же нас не принуждали: свежая несколько тачек земли, мы обыкновенно садились беседовать друг с другом или читали взятую с собой книгу, и таким образом проходило время работы... Впоследствии придумали нам другую работу: устроили ручную мельницу в несколько жерновов и водили туда молотить хлеб. Но и там мы почти ничего ни делали, толковали, читали, играли в шахматы, и только для виду подходили минут на десять к жерновам и намалывали фунта по три такой муки, которая ровно никуда не годилась» [16. С. 77].

С одной стороны, признак *работа* вводится в семантическое поле *неволи* за счет использования глаголов в страдательном залоге: *нам назначены были, нас выводили, придумали нам другую работу, водили молотить*. Повествователь подчеркивает, что работа была для ссыльных обязательной, ежедневной (кроме праздников), ею они должны были заниматься в строго определенные часы, ссыльных водили на нее под конвоем, вид деятельности им выбирать не приходилось, делали то, что приказывали, выполняли бессмысленную работу. С другой стороны, работа приносила ссыльным радость, и не только потому, что никто их не принуждал работать, но и в связи с

обретаемой свободой общения с товарищами из другого каземата, свободным выбором своих занятий во время работы.

Вместе с тем Розен вспоминает о том, чем занимались ссыльные «в часы, досужные от работ». Запираемые в каземате с 9 вечера, при запрете пользоваться свечами, они, пока было светло, читали все журналы и газеты на русском, французском и немецком языках, дозволенные цензурой, книги из библиотек своих товарищей, которые были доставлены в места их ссылки. Когда становилось темно и читать было невозможно, они слушали лекции своих товарищей, имевших классическое образование, по стратегии и тактике, физике, химии и анатомии, высшей и прикладной математике. Они «беседовали в потемках или слушали рассказы М.К. Кюхельбекера о кругосветных его путешествиях и А.О. Корниловича из отечественной истории» <...> Некоторые из наших начали учиться иностранным языкам» [16. С. 234–235]. Эти занятия трудно назвать временем, свободным от работы, они определяются понятием *духовная работа*, которая выполняется душой, развивая ум и сердце.

К духовной работе ссыльных следует отнести и творчество. Так, В.К. Кюхельбекера в ссылке спасали от тоски и уныния, кроме веры, занятия литературой. Его дневник можно без преувеличения назвать сборником литературно-критических разборов сочинений русской и зарубежной литературы, в который включены и его собственные стихотворения. В нем вообще не нашлось места описаниям работы как физического труда ссыльных.

Свое свободное время ссыльные использовали и для общения с местными крестьянами. Так, Басаргин описывает в воспоминаниях свой долгий разговор со ссыльным из крестьян Ермолаем, рассказавшим ему на одной из станций обо всей своей жизни, что было очистительным и просветляющим действием для обоих участников диалога. Розен вспоминает, что «А.В. Поджою первый возрастил в ограде... острога огурцы на простых грядках, а арбузы, дыни, спаржу и цветную капусту и кольраби – в парниках, прислоненных к южной стене острога. Жители с тех пор с удовольствием стали сажать огурцы и употреблять их в пищу» [16. С. 223]. Гораздо труднее ссыльным было уговорить начальство позволить им учить детей, «делая пользу, занять и себя». По воспоминаниям Бестужева, ссыльные декабристы «придумали законную лазейку. Сначала им разрешили учить детей «церковному пению... Свистунов и Крюков (Николай), отличные певцы и музыканты, составили прекрасный хор певчих, а как нельзя петь, не зная грамоте, то разрешено» было «учить читать... Мы с братом взяли на себя обучение, и дело пошло так хорошо, что многие дети горных чиновников поступали первыми в высшие классы Горного института и других заведений» [33. С. 193].

В воспоминаниях областного Ядринцева, в основном сосредоточенного на уголовных ссыльных, такой периферийный признак концепта *ссылка*, как *работа*, воспринимается исключительно как изнуряющий подневольный физический труд, бессмысленное наказание, восстановление сил после которого происходит только благодаря пьянству и разгулу.

Областнической идеологией у Ядринцева определяется репрезентация концепта *ссылка* в целом. Понимая ссылку как самый непродуктивный способ колонизации Сибири, он конструирует концепт такими признаками: 1) *преступление и наказание*, трактуемые сквозь призму понятия *среды*: «Если история преступлений отражает внутреннюю жизнь народа с ее неустройствами, недостатками, с ее общественными болезнями, то история наказаний... указывает на репрессивные меры, которые... создавало общество и власть, стремясь подавить существующее зло» [29. С. 524]; 2) *жестокость, зверство наказания*, с помощью которого предпринималась безуспешная, по мнению автора, попытка истребить жестокость, зверство преступления; 3) *народный протест*, способ прекращения которого государство видит в ссылке; 4) *страх* («все власти и партии одинаково пользовались страхом, чтобы двигать массами и обеспечивать себе временное спокойствие» [29. С. 545]); 5) *беззаконие*, обеспечиваемое множеством указов и законов о ссылке; 6) *«экономическое средство*, заменявшее как краткосрочные, так и долгосрочные тюрьмы, полицейские наказания, надзор полиции за лицами подозрительными и сотни других наказаний» [29. С. 561]; 7) *даровая рабочая сила* («В прежнее время... преступников ссылали “на пашню”, теперь же их стали отсылать прямо в каторжные работы» [29. С. 540–541]); 8) *колонизация Сибири* («мы намерены рассмотреть сделанные у нас опыты колонизовать Сибирь ссылаемыми туда преступниками и, таким образом, насильственную колонизацию сделать подспорьем колонизации свободной, начавшейся с самых первых годов завоевания Сибири в XVI столетии» – так формулирует суть сибирской ссылки Ядринцев, определяя цель своего труда [29. С. 564]).

Именно с этими признаками концепта *ссылка*, формировавшимися государством, связано, считает Ядринцев, укоренившееся в общественном сознании представление о Сибири как «стране ссылки», «проклятом месте»: «“варначье происхождение” Сибири получило известную вероятность даже в глазах людей более образованных, имевших возможность ближе ознакомиться с этим вопросом, и они по-прежнему высказывают решительное убеждение, что прямое назначение Сибири – быть штрафной колонией России и что ссылка приносит столько же выгоды преступнику, делая его оседлым и исправляя его, как и стране, которую она заселяет, которой дает рабочие руки, обучает ремеслам и вообще «просвещает» [29. С. 564]. Не отрицая положительного влияния на развитие Сибири «просвещенных людей, попавших в ссылку в Сибирь по политическим причинам» [29. С. 550]¹, Ядринцев все же связывал преобразование Сибири в первую очередь с целенаправленным и последовательным просвещением и образованием сибиряков,

¹ «Поэтому, – пишет Ядринцев, – говоря о пользе ссылки для умственного развития Сибири, нельзя принимать в расчет подобные исключительные случаи и приходится вывести заключение, что ссылка принесла Сибири ничтожную пользу в умственном развитии; зато она дала иные результаты в нравственном отношении, оказывая растлевающее действие на местное общество» [29. С. 550].

что, по его убеждению, «воскресило бы силы этого края и придало бы ему совсем новую жизнь» [29. С. 654]. Неслучайно концепт «образование» является одним из самых востребованных в сочинениях Ядринцева, включая его воспоминания, о чем уже шла речь выше.

Как показывает анализ материала, концепт *ссылка* обрastaет в каждом рассмотренном мемуарном нарративе новыми признаками, обусловленными авторским взглядом на происходящее, авторским мировоззрением и, соответственно, образом повествователя, при том что фабула повествования, его узлы, задаваемые изображением во всех анализируемых сочинениях одного события, оказываются одинаковыми (отправка в Сибирь из одиночной камеры Шлиссельбургской крепости, сборы в дорогу, время отправки, дорога, прибытие к месту каторги, обустройство, работа и т.д.¹).

Так, в «Записках» Басаргина концепт обогащается признаком *страх*. Эта эмоция проистекала из ощущения неизвестности пространства, в которое его увезут, и одновременно из стереотипного знания о том, что ожидает ссыльного в Сибири. Свое состояние мемуарист характеризует как предчувствие конца жизни: «назначенный на жительство в Сибирь», он убежден, «что все... отношения и расчеты с миром кончены и что остальная жизнь... должна пройти в отдаленном мрачном краю... в постоянных страданиях и лишениях всякого рода». «Я не считал уже себя жильцом этого мира», – заключает повествователь [32. С. 54].

В дневнике В.К. Кюхельбекера концепт *ссылка* расширяется за счет такого признака, как *утрата*, одного из самых частотных в тексте. Цикл «Дневник поселенца» открывается «Посланием к брату», главным мотивом которого является «горькая, тяжелая» утрата светлых мечтаний, с которыми «свыклась душа» и «жизнь срослась». 12 февраля 1838 г. Кюхельбекер пишет о смерти племянника Н.Г. Глинки, 14 июня записывает в дневнике: «12-го вечером родился у меня сын-первенец, мертвый. Вчера я его похоронил» [34. С. 243]. За годы ссылки декабрист пережил смерть матери, еще одного сына и многих друзей. Неслучайно параллельным признаку *утрата* в дневнике Кюхельбекера оказывается концептуальный признак *одиночество*, которое восходит и к романтической эстетике его творчества.

В «Выдержках из воспоминаний ссыльно-каторжного» Ф.Н. Львова объем периферии концепта *ссылка* увеличивается за счет признаков *вино*, *карты*, *игра*: они имеют разные оценки и ставятся повествователем в один ряд с такими понятиями, как запрет, деньги, контрабанда, а также измена, предательство, чувство долга, гражданские обязанности, честь, совесть, власть «высоко поставленных» людей, отвечающих за порядок в жизни

¹ С этим связаны такие общие для всех воспоминаний константные признаки концепта, как холод (зима), ночь, теплые вещи (или их отсутствие), почтовые тройки (повозки), почтовые станции, теснота помещений в острогах, нары, плохая (непривычная) еда.

каторжан, а с другой стороны – «ум, ловкость и характер... ссыльных» [35. Т. 89. С. 123]¹.

Выводы. Проведенный анализ показал, что в концептосфере сибирской литературы второй половины XIX – начала XX в. значительное место занимают концепты *сибирская природа*, *образование* и *ссылка*. Они закономерно актуализируются в сочинениях, относящихся к жанру воспоминаний.

Содержание концепта *сибирская природа* предопределено одним из ключевых признаков сибирского транстраницья – очаговым размещением населения и связанным с этим представлением о сибирской природе как дикой, практически не тронутой человеком. Место человека в ней определяется в проанализированных сочинениях в трех аспектах: *наслаждение природой как чистой гармонией и вечной красотой* (человек вне экосистемы), *природа и душа* (слияние вечных законов природы и врожденных свойств внутреннего мира человека) и *природа и деятельность человека* (человек деятельный, внедрившийся внутрь экосистемы). Первые два аспекта концепта созвучны его восприятию в общерусской культуре и являются безусловными доминантами в воспоминаниях ссыльных декабристов Н.В. Басаргина, А.Е. Розена, М.А. Бестужева.

Третий аспект в наибольшей степени отражает его сибирскую специфику, актуализируясь в сочинениях сибирских писателей С.И. Черепанова, А.А. Черкасова и томского профессора А.М. Зайцева, где концепт обогащается такими социальными оценочными признаками, как *природные богатства*, *тайга*, *охота*, *промысел*, *звероловство*, *золото*, *рудник*, *шахта*, *деньги*, *вино*. В этих сочинениях расширяется и аксиологическое поле концепта нравственно-этическими признаками *проступок*, *преступление*, *нарушение народных примет*, *Бог*, *грех*, *наказание*, *раскаяние*. Взаимоотношения человека и природы представлены в данной группе воспоминаний в амплитуде семантики *разрушать*, *добывать/сохранять*, *изучать*.

В целом концепт воссоздает процесс формирования культурного ландшафта Сибири второй половины XIX – начала XX в., описываемого взаимодействием понятий: *сибирская природа* / *традиционная культура региона* / *европейская цивилизация*. Художественный концепт *сибирская природа* в концептосфере рассмотренных воспоминаний восходит прежде всего к традиционной сибирской культуре, где сущностными ценностями являются законы природы, патриархальность и традиция. Вместе с тем он отражает процесс «покорения» Сибири, сибирской природы, в первую очередь связанный с деятельностью человека, ориентацией в освоении края на западную культуру и цивилизацию.

Образование в проанализированных воспоминаниях – это концептуальное пространство, при создании которого авторы учитывали как

¹ Показательно и отсутствие/наличие некоторых периферийных признаков концепта в сочинениях разных авторов. Так, в воспоминаниях декабристов практически отсутствует такой признак, как *вина*, в то время как у Ядринцева и Львова он оказывается одним из важнейших.

общерусский литературный и культурный контексты, так и исторический и социальный контексты региона, представляя многослойность его культурного ландшафта, в частности внедрение в него чуждой ему образовательной модели, основанной на антропоцентрических принципах понимания мира и места человека в нем. В «Воспоминаниях о томской гимназии» Н.М. Ядринцева концепт *образование* имеет особую иерархическую структуру, включающую в себя *воспитание, обучение, просвещение*. Концепт соотносится с реалиями культурного ландшафта региона и преломляется сквозь призму карикатурного повествования, обогащаясь признаками *патриархальность, глубокая жизненная печаль, хаос жизни, разнузданность учителей и учеников, усмирение, экзекуции* и т.п. Важнейшим среди них в воспоминаниях областника Ядринцева оказывается амбивалентный признак *среда*, в спектр которого входят *ненависть, деньги, пьянство, драки, насмешки, зубрежка, жестокие наказания учеников*, а с другой стороны – *страсть знания, идеал, природа, равенство, дружба, воспитание, поклонение труду и таланту, гражданская позиция, любовь к родному краю*.

Концепт *ссылка*, как и концепт *образование*, отражает многослойность сибирского культурного ландшафта. Так, в воспоминаниях политических ссыльных – декабристов Розена, Бестужева, Кюхельбекера, Басаргина, петрашевца Львова, оказавших безусловное влияние на него, содержание концепта раскрывается в опоре на сложившийся в общерусском сознании образ Сибири как страны ссылки. Этими авторами традиционные признаки концепта *ссылка* (и образа Сибири) – вечные холод, мрак, неволя, одиночество, отсутствие надежды на лучшее будущее, болезнь, смерть – были конкретизированы (острог, тюрьма, поселение, рудник, жандармы, кандалы и др.) и нередко переосмыслены, получив, как правило, амбивалентное толкование. Концепт, структуру которого мы определяем как процессуально-оценочную, в целом обогатился признаками *сибиряки, новое место, новое отечество, радушие, воля, здоровье, сила, обретение, вера, творчество, дружба* и т.п.

Коренной сибиряк, радеющий за малую родину, областник Ядринцев стал выразителем концепции сибирской ссылки как формы колонизации Сибири. Мысли, которые писатель концентрирует в своем публицистическом дискурсе, восходят к областнической идеологии. В соответствии с ней он интерпретирует концепт, все его признаки, выведенные им из своих социально-политических убеждений и собственного ссылочно-каторжного опыта: *преступление, наказание, народный протест, беззаконие, даровая рабочая сила, вино, разгул, разврат, извращение человеческой природы* и др. – сквозь призму признака *среда*, который многое определяет и в его толковании концепта *образование*.

Переключка выявленных концептов в ряде признаков лишний раз доказывает, что они входят в концептосферу одного объекта – сибирской литературы, закрепляющую объемное и системное видение культурного ландшафта региона. Рассмотренные в статье концепты, входя в единую концептосферу, находятся по отдельным своим признакам в разного типа отношениях: иерархических, сходства или различия и др. Изучение этого аспекта

проблемы представляет собой одну из перспектив исследования наряду с дальнейшим выявлением и анализом ключевых концептов сибирской словесности.

Список источников

1. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Н. Новгород, 2001. 168 с.
2. Кучинская Т.Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=5045> (дата обращения: 07.08.2023).
3. Ярошенко А.В. Проблемные пути концептуализации трансграничья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 152. С. 41–47.
4. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.
5. Демешкина Т.А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып 7: Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ (Екатеринбург, 6–9 октября 2021 г.). СПб.: РОПРЯЛ, 2022. С. 122–126.
6. Литературное трансгранижье: русская словесность в России и Казахстане / отв. ред В.И. Габдуллина. Барнаул, 2017. 290 с.
7. Айзикова И.А. Культурный ландшафт Сибири в духовной литературе второй половины XIX в.: воображаемая и социальная география // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 103–125.
8. Гнюсова И.Ф. Модели социокоммуникативного пространства в фольклоре народов Сибири (на материале сборников под редакцией Г.Н. Потанина) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 234–255.
9. Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья / отв. ред. А.К. Тулохонов. Новосибирск: Наука, 2012. 426 с.
10. Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология / под ред. Е.Е. Дмитриевой, П.В. Алексеева, М. Эспаня. М., 2021. 496 с.
11. Матханова Н.П. Записки православных священников об изучении и освоении Сибири в XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 25–30.
12. Матханова Н.П. Мемуары сибирского духовенства XIX века. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/2_9.html
13. Мельникова С.В. «В корабле моем горит свеча...»: образ реки в «Путевых записках» архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича) // Проблемы исторической поэтики. 2022. № 20 (1). С. 320–330.
14. Мельникова С.В. Путь в Сибирь как опыт «пороговой» ситуации в мемуарах православного духовенства XVII–XIX веков // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 63–76.
15. Мельникова С.В. Богословское, публицистическое и мемуарное наследие протоиерея Ф.А. Стукова: казанский и якутский периоды // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2020. № 7. С. 119–134.
16. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. 480 с.
17. Черепанов С.И. Воспоминания о ловле зверей в Сибири. URL: <https://xn----dtbdfqbczhet1kob.xn--p1ai/2021/01/02/vospominaniya-o-lovle-zverej-v-sibiri/> (дата обращения: 19.07.2023).

18. Черкасов А.А. Из записок сибирского охотника // Природа и охота. 1883. Февраль. С. 29–36.
19. Черкасов А.А. Из воспоминаний прошлого. Федот // Природа и охота. 1887. Январь. С. 36–48.
20. Черкасов А.А. А. Брэм // Природа и охота. 1887. Январь. С. 48–70.
21. Зайцев А.М. Озеро Шира и его окрестности // Известия Императорского Томского университета. Кн. XXVII. Томск, 1905. С. 1–15.
22. Зайцев А.М. По золоторудному району (Из дневника поездки 1903 года) // Известия Императорского Томского университета. Кн. XXVII. Томск, 1905. С. 1–22.
23. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 168–186.
24. Бузинова Л.М. О концепте «образование» в российской лингвокультуре // Языкознание. 2018. Ч. 1, № 8 (86). С. 72–76.
25. Макашова В.В. Структурная модель концепта «образование» // Litera. 2022. № 5. С. 55–64.
26. Ядринцев Н.М. Воспоминания о томской гимназии // Сибирский сборник. 1888. Вып. 1. С. 1–32.
27. Наумов Н.И. Н.М. Ядринцев в томской гимназии. Иркутск, 1896. 16 с.
28. Литературное наследство Сибири. Т. 6: Г.Н. Потанин. Воспоминания. Новосибирск, 1983. 336 с.
29. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. М., 2015. 752 с.
30. Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.
31. Песни каторги. Песни сибирских каторжан, беглых и бродяг. Сборник В.Н. Гартевельд. Б.м., 2012. 197 с.
32. Записки Николая Васильевича Басаргина. М., 1872. 171 с.
33. Записки Михаила Александровича Бестужева // Русская старина. 1870. Т. II. СПб., 1870. С. 175–193.
34. Дневник В.К. Кюхельбекера. Л., 1929. 375 с.
35. Львов Ф.Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. 1861. Т. 89. Отд. 1. № 9. С. 107–127; Т. 91. Отд. 1. С. 205–240, 643–662.

References

1. Zusman, V.G. (2001) *Dialog i kontsept v literature. Literatura i muzyka* [Dialogue and Concept in Literature. Literature and music]. Nizhny Novgorod: DEKOM.
2. Kuchinskaya, T.N. (2011) Transgranichnyy region kak forma sotsiokul'turnogo prostranstva: v poiskakh kognitivnoy modeli issledovaniya [Transborder region as a form of sociocultural space: in search of a cognitive model of research]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5045>. (Accessed: 07.08.2023).
3. Yaroshenko, A.V. (2012) Problemnye puti kontseptualizatsii transgranič'ya [Problematic ways of conceptualizing transborder]. *Izvestiya Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena*. 152. pp. 41–47.
4. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/2
5. Demeshkina, T.A. (2022) [Cultural and linguistic landscape of a transborder region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia]. Proceedings of the

7th ROPRYAL Congress. Vol. 7. Yekaterinburg. 6–9 October 2021. Saint Petersburg: ROPRYAL. pp. 122–126. (In Russian).

6. Gabdullina, V.I. (ed.) (2017) *Literaturnoe transgranič'e: russkaya slovesnost' v Rossii i Kazakhstane* [Literary Transborder: Russian literature in Russia and Kazakhstan]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.

7. Ayzikova, I.A. (2021) The cultural landscape of Siberia in the spiritual literature of the second half of the 19th century: imaginary and social geography. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 27. pp. 103–125. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/27/6

8. Gnyusova, I.F. (2021) Models of the socio-communicative space in the folklore of the peoples of Siberia (based on materials of collections edited by Grigory Potanin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 234–255. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/74/13

9. Tulokhonov, A.K. (ed.) (2012) *Pozitsionirovanie territoriy Baykal'skogo regiona v usloviyakh transgranič'ya* [Positioning of the Territories of the Baikal Region in Transboundary Conditions]. Novosibirsk: Nauka.

10. Dmitrieva, E.E., Alekseev, P.V. & Espagne, M. (eds) (2021) *Sibir' kak pole mezhkul'turnykh vzaimodeystviy: literatura, antropologiya, istoriografiya, etnologiya* [Siberia as a Field of Intercultural Interactions: Literature, anthropology, historiography, ethnology]. Moscow: IWL RAS.

11. Matkhanova, N.P. (2016) Zapiski pravoslavnykh svyashchennikov ob izuchenii i osvoenii Sibiri v XIX v. [Notes of Orthodox priests on the study and development of Siberia in the 19th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3 (23). pp. 25–30.

12. Matkhanova, N.P. (n.d.) *Memuary sibirskogo dukhovenstva XIX veka* [Memoirs of the Siberian clergy of the 19th century]. [Online] Available from: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/2_9.html.

13. Mel'nikova, S.V. (2022) “V korablke moem gorit svecha...”: obraz reki v “Putevykh zapiskakh” arkhiepiskopa Nila (N. F. Isakovicha) [“A candle is burning in my boat...”: the image of a river in the Travel Notes of Archbishop Nile (N. F. Isakovich)]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 20 (1). pp. 320–330.

14. Mel'nikova, S.V. (2022) Put' v Sibir' kak opyt “porogovoy” situatsii v memuarakh pravoslavnogo dukhovenstva XVII–XIX vekov [The path to Siberia as an experience of a “threshold” situation in the memoirs of the Orthodox clergy of the 17th – 19th centuries]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 4. pp. 63–76.

15. Mel'nikova, S.V. (2020) Bogoslovskoe, publitsisticheskoe i memuarное nasledie protoiereya F.A. Stukova: kazanskiy i yakutskiy periody [The theological, journalistic and memoir heritage of Archpriest F.A. Stukov: Kazan and Yakut periods]. *Sbornik trudov Yakutskoy dukhovnoy seminarii*. 7. pp. 119–134.

16. Rozen, A.E. (1984) *Zapiski dekabrista* [Notes of a Decembrist]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

17. Cherepanov, S.I. (2021) *Vospominaniya o lovlе zverey v Sibiri* [Memories of catching animals in Siberia]. [Online] Available from: <https://xn----dtbdzdfqbczhel1kob.xn--plai/2021/01/02/vospominaniya-o-lovle-zverey-v-sibiri/>. (Accessed: 19.07.2023).

18. Cherkasov, A.A. (1883) Iz zapisok sibirskogo okhotnika [From the notes of a Siberian hunter]. *Priroda i okhota*. February. pp. 29–36.

19. Cherkasov, A.A. (1887) Iz vospominaniy proshlogo. Fedot [From the memories of the past. Fedot]. *Priroda i okhota*. January. pp. 36–48.

20. Cherkasov, A.A. (1887) A. Brem. *Priroda i okhota*. January. pp. 48–70. (In Russian).

21. Zaytsev, A.M. (1905) Ozero Shira i ego okrestnosti [Lake Shira and its surroundings]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 27. pp. 1–15.

22. Zaytsev, A.M. (1905) Po zolotorudnomu rayonu (Iz dnevnika poezdki 1903 goda) [On the gold mining region (From the diary of a trip of 1903)]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 27. pp. 1–22.

23. Vospominaniya o sibirskoy zolotopromyshlennosti [Memories of the Siberian gold industry]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection] (1887). Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova. pp. 168–186.
24. Buzinova, L.M. (2018) O kontsepte “obrazovanie” v rossiyskoy lingvokul’ture [On the concept of “education” in Russian linguistic culture]. *Yazykoznanie*. 8 (86). Part 1. pp. 72–76.
25. Makashova, V.V. (2022) Strukturnaya model’ kontsepta “obrazovanie” [Structural model of the concept “education”]. *Litera*. 5. pp. 55–64.
26. Yadrintsev, N.M. (1888) Vospominaniya o tomskoy gimnazii [Memories of the Tomsk gymnasium]. *Sibirskiy sbornik*. 1. pp. 1–32.
27. Naumov, N.I. (1896) N.M. Yadrintsev v tomskoy gimnazii [N.M. Yadrintsev in the Tomsk gymnasium]. Irkutsk: [s.n.].
28. Yanovskiy, N.N. (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo.
29. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur’mе i ssylke* [Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
30. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/56/3
31. Garivel’d, V.N. (2012) *Pesni katorgi. Pesni sibirskikh katorzhan, beglykh i brodyag* [Songs of Katorga. Songs of Siberian convicts, fugitives and vagabonds]. [S.l.]: Salamandra P.V.V.
32. Basargin, N.V. (1872) *Zapiski Nikolaya Vasil’evicha Basargina* [Notes of Nikolai Vasilyevich Basargin]. Moscow: Tip. F. Ioganson.
33. Russkaya starina. (1870) *Zapiski Mikhaila Aleksandrovicha Bestuzheva* [Notes of Mikhail Alexandrovich Bestuzhev]. *Russkaya starina*. 2. pp. 175–193.
34. Orlov, V.N. & Khmel’nitskiy, S.I. (ed.) (1929) *Dnevnik V.K. Kyukhel’bekera* [Diary of V.K. Kuchelbecker]. Leningrad: Priboy.
35. L’vov, F.N. (1861) Vyderzhki iz vospominaniy ssyl’no-katorzhnogo [Excerpts from the memoirs of an exiled convict]. *Sovremennik*. 9 (89). Part 1. pp. 107–127; 91. Part 1. pp. 205–240, 643–662.

Информация об авторе:

Айзикова И.А. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Ayzikova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General Literature Studies, Publishing and Editing, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.08.2023;
одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.

The article was submitted 11.08.2023;
approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/85/8

Мифологический субстрат поэмы Вячеслава Иванова «Сон Мелампа»

Леонид Геннадьевич Каяниди¹

¹ *Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия,
leonideas@bk.ru*

Аннотация. Анализируются мифологические подтексты поэмы Вяч. Иванова «Сон Мелампа», которая является первым систематическим выражением мистериально-дионийского сюжета в творчестве поэта. Мифологический субстрат произведения двусоставен. Он складывается из мифов о Мелампе и орфических легенд о растерзании Диониса титанами. Излагая историю Мелампа, Иванов опирается на Лексикон Рошера и Энциклопедию Паули. Сам сон Мелампа является космогоническим нарративом, основанным на «Рапсодической теогонии».

Ключевые слова: Серебряный век, символизм, античная мифология, мифопоэтика, подтекст, орфизм, дионисийство, Вячеслав Иванов, Меламп, Дионис

Для цитирования: Каяниди Л.Г. Мифологический субстрат поэмы Вячеслава Иванова «Сон Мелампа» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 161–184. doi: 10.17223/19986645/85/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/8

The mythological substratum of Vyatcheslav Ivanov's poem *Melampus' Dream*

Leonid G. Kaianidi¹

¹ *Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation,
leonideas@bk.ru*

Abstract. The poem *Melampus' Dream* is one of the most important works of the Russian poet Vyatcheslav Ivanov. Its significance is that here Ivanov for the first time systematically expounds the Dionysian-mysterial plot of the tearing of Dionysus by the Titans, which becomes a metatext that performs a paradigmatic function in Ivanov's work, that of modeling of various semantic structures (artistic space and time, the system of images, the structure of the plot). The aim of the study is to describe the poem's mythological subtexts, which have never been systematically considered in the literature. The research material was the text of the poem, Ivanov's research on Dionysianism, ancient myths associated with Melampus and systematized in Roscher's Lexicon and Pauli's Encyclopedia, as well as orphic theogonies. I applied comparative, hermeneutic, historical and mythological methods, the method of contextual and motivic-thematic analysis. First, I examined the composition of the poem, highlighting the frame

and the central part. The frame part, which motivates the initiation of Melampus, the founder of the Dionysian cult, is connected with the myth of how snakes clean Melampus' ears; the central part is a cosmogonic narrative. The mythological substratum of the poem by Ivanov is twofold. It consists of two groups of myths: the first is associated with Melampus, the second with the sacred orphic legend of Dionysus and the Titans. The motivic structure of the poem suggests that in the process of working on the plot Ivanov relied mainly on Roscher's Lexicon and Pauli's Encyclopedia. Ivanov does not reproduce in the poem the whole complex of myths associated with Melampus (the matchmaking of Melampus' brother Bias, the healing of Iphicles, Phylakus' cattle-raid, the healing of Proetus' daughters), but the motivic structure of his poem relates to this mythological complex. The content of Melampus' mystical dream is a theocosmogonic narrative imitating orphic poems. Ivanov explicitly relies on the *Rhapsodic Theogony*, from which he takes several key motifs: the transfer of power over the world from Zeus to Dionysus, the reflection of Dionysus in the mirror, which is associated with his fragmentation into pieces and death at the hands of the Titans, the very tearing of Dionysus, the preservation of his heart, the appearance of a new Dionysus. Ivanov weaves into the general outline of the *Rhapsodic Theogony* several motifs that are absent in it, but are an integral part of the orphic tradition: the serpentine morphism of not only Zeus, but also Persephone; the belonging of the world mirror to Persephone and the lethality of this mirror. These motifs are borrowed by Ivanov, apparently, from the *Dionysiaca* by Nonnus and the red-figure vase painting. The main result of my research is the determination of the relationship of Ivanov's poem with the complex of ancient myths about Melampus and with orphic theogony.

Keywords: Silver Age, symbolism, ancient mythology, mythological poetics, subtext, orphism, Dionysianism, Vyatcheslav Ivanov, Melampus, Dionysus

For citation: Kaianidi, L.G. (2023) The mythological substratum of Vyatcheslav Ivanov's poem *Melampus' Dream*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 161–184. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/8

Постановка проблемы

Поэма «Сон Мелампа» (1907) – одно из ключевых произведений поэта-символиста Вячеслава Иванова (1866–1949), возможно, не оцененное еще должным образом. Его значение состоит в том, что в нем впервые в своем творчестве Иванов целостно и систематически излагает мифологему растерзания Диониса титанами, которая разрастается в мистериально-дионисийский метатекст, единой сетью охватывающий художественный мир поэта¹. Под мистериально-дионисийским метатекстом мы понимаем такую сюжетно-мотивную систему, которая включает в себя восходящий к орфизму сюжет растерзания Диониса титанами и выполняет в творчестве Иванова парадигматическую функцию, моделируя разнообразные смысловые структуры (художественное пространство и время, систему образов, структуру сюжета и т.д.). «Сон Мелампа» – зрелый плод ивановского дионисийства, возникшего под влиянием «Рождения трагедии из духа музыки» Ницше и

¹ О мистериально-дионисийском метатекстуальном сюжете Иванова см.: [1, 2].

ставшего одной из философско-эстетических доминант русского модернизма.

«Сон Мелампа» становился предметом разнообразных интерпретаций. Так, российский классический филолог В.В. Петров назвал ивановскую поэму «вольной компиляцией и интерпретацией греческих мифов» [3. С. 33], а латвийский славист Р.И. Соколов окрестил ее сюжет «палимпсестом оргиастических древнегреческих мифов» [4. С. 102]. Как видим, оценки исследователей прямо противоположные и даже взаимоисключающие: «вольная компиляция» подразумевает авторскую свободу и даже некоторую долю произвола, а палимпсест – определенную структурированность, порядок, при котором сквозь один сюжет проступает другой. Так чем же на самом деле является ивановская поэма? Каково истинное соотношение между текстом Иванова и его мифологическими подтекстами? Выяснение этого вопроса и является целью данной статьи. Достижение этой цели возможно путем решения двух задач: 1) установление взаимосвязи между содержанием ивановской поэмы и мотивами, связанными с мифологической фигурой Мелампа; 2) исследование степени близости ивановского мистериально-дионисийского сюжета о растерзании Диониса титанами к орфическим теогониям.

Композиция и фабула поэмы «Сон Мелампа»

Ивановскую поэму можно условно разделить на две части – рамочную и центральную. Рамочная в свою очередь распадается на две – инициальную и финальную. В инициальной части рассказывается о событиях, предшествующих сновидению Мелампа и мотивирующих его мистико-инициальный характер; в финальной речь идет о последствиях инициального сна героя. Основной же массив произведения занимает сновидение Мелампа, которое представляет собой симбиоз космогонического нарратива и мистического посвящения¹.

Инициальная часть поэмы опирается на мифологический рассказ, содержащийся в «Мифологической библиотеке» Аполлодора (1, IX, 11). Здесь рассказывается, как Меламп хоронит умерших змей и откармливает юных, и в награду за это змеи наделяют Мелампа даром различения речи животных и даром прорицания [6. С. 16].

Содержанием сна Мелампа становится космогонический нарратив, описание структуры мироздания, разворачивающейся перед благоговейным эпиптом, мистагогами которого выступают благодарные змеи-медяницы. Модель космоса, развитая в «Сне Мелампа», включает в себя три сферы: эмпирическую, мистическую и метафизическую². Первые две устроены с помощью пространственной оппозиции «верх/низ», которая в эмпирической сфере выражается в противопоставлении чувственных, видимых неба

¹ Фабульная композиция поэмы подробно проанализирована нами ранее [5. С. 29–32].

² Подробнее о пространственной структуре, представленной в «Сне Мелампа», см.: [5. С. 32–42; 7].

и земли, а в мистической – невидимых, умозрительных Неба и Земли. Мистическая сфера как бы соткана из змей, которые символизируют цели и причины сущего, целевые (*causa finalis*) и действующие (*causa efficiens*) причины, в своей совокупности обуславливающие эмпирическое бытие, его пространственно-временную структуру:

...змеи те – звезды над Геей,
Нам – женихи глубоких небес, обрученные змии
Целей святых. Ибо каждой из нас уготован на ниве
Пламенной той, что кудрями главу облегает Кронида,
Ярый супруг.

...из грядущего Цели текут навстречу Причинам,
Дщерям умерших Причин, и Антиройя Ройю встречает.
В молнийном сил сочетание взгорается новое чадо
Соприкоснувшихся змей; и в тот миг умираем мы оба –
Змий и змея, – раждая на свет роковое мгновенье [8. С. 296, 298].

Метафизическую сферу Меламп не созерцает воочию, поскольку она трансцендентна явленному миру, будь то эмпирический или мистический. О его устройстве прорицатель узнает из рассказа змей-мистагогов. Вечное бытие символически представлено в виде двух змей – Зевса и Персефоны, которые, словно две окружности, охватывают одна другую:

В вечности змием себя ты сомкнул, – и кольцом змеевидным
Вкруг твоей вечности, Вечность-змея, обвилась Персефона.
Двум сопряженным змеям уподобился Зевс-Персефона
В оную ночь, когда зародил Диониса-Загрея [8. С. 297].

Плодом брака Зевса и Персефоны, т.е. сопряжения двух космогонических окружностей, становится Дионис-Загрей, *Младенец страдальный*, т.е. сыновняя, жертвенная ипостась божества. Следуя платоновскому «Тимею», где различается круг тождественного и круг иного, первообраз бытия Иванов представляет как Х-образное сочетание змеиных колец, проекция которой на плоскость дает крест¹.

Далее рассказывается, что Диониса-Загрея убивают титаны, порожденные Персефой и символизирующие начало индивидуации и греховной свободы. Зевс спасает огненное сердце Сына, символ его неистребимой сущности, и целью дальнейшего космогонического процесса становится теургия, привлечение с помощью праведной жизни сердца Диониса в эмпирический мир, интерпретируемое Ивановым в духе христианской эсхатологии, как языческий аналог Второго Пришествия Христа:

¹ О взаимосвязи «Сна Мелампа» и космологии Платона см.: [9].

Будет: на матернем лоне прославится лик Диониса
Правым обличьем – в тот день, как родителя лик изнеможет.
Браков святыня спаяет разрыв, и вину отраженья
Смоет, и отчее сердце вопьет Дионис обновленный.
Ибо сыновнее сердце в Отце: и свершится слиянье
В Третьем вас разлученных, о Зевс-Персефона и Жертва!.. [8. С. 298].

Завершается поэма преображением Мелампа, которое наступает вследствие инициации и соединения экзальтированного эпонта с Зевсом-Дионисом. Результат инициации состоит в радикальном изменении духовного существа Мелампа – обретении им дара очищения, врачевания и двойного мистического зрения, которое состоит в прозрении сокровенной сущности эмпирической реальности. Меламп становится первым воплощением нового, возрожденного Диониса и прикладывает все свои силы к преодолению греха раздельного существования, индивидуации, которая царит в мире.

Мотивная канва поэмы в свете античных мифов о Мелампе

Развертывание орфической, мистериально-дионисийской космогонии вверяется Ивановым легендарному прорицателю Мелампу. Г.В. Обатнин возводит сюжет ивановской поэмы к античному мифу, однако характеризует взаимосвязь литературного текста и мифологии крайне лапидарно: «Ее (т.е. поэмы. – Л.К.) сюжет восходит к греческому мифу, в котором повествуется о мистическом сне основателя жречества Мелампа» [10. С. 25]. В данном разделе мы постараемся ответить на вопрос: какие мифологические мотивы, связанные с Мелампом, использует Иванов в своем произведении?

К мифологической фигуре Мелампа Иванов обращается в четырех своих произведениях. Главным действующим лицом он становится в поэме «Сон Мелампа», второстепенную, но знаменательную роль играет в стихотворении «Цари» из книги лирики «Кормчие звезды». В «Эллинской религии страдающего бога» Меламп упоминается вскользь, а в монографии «Дионис и прадиионисийство» ему посвящен целый параграф.

Основным источником сведений о Мелампе для Иванова, по всей видимости, были «Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie» («Полный словарь греческой и римской мифологии») Рошера и Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft («Предметная энциклопедия классической древности» Паули), где обобщены все данные об этом мифологическом персонаже¹.

¹ О значимости Лексикона Рошера и Энциклопедии Паули для Иванова можно судить по эпизоду, связанному с работой над трагедией «Ниобея». 15 марта 1900 г. Иванов обращается к М.М. Замятниной: «Дорогой друг Маруся! Позвольте беспокоить Вас одним книжным порученьцем. § 1. Если у вас в библиотеке есть Röscher's Mythologisches Lexicon, то может случиться, что получен и 39-й выпуск его (продолжение буквы N) <...>»,

Один редкий мифологический мотив, с которого Иванов, собственно говоря, и начинает свою поэму, указывает на то, что, работая над фабулой «Сна Мелампа», во всяком случае Лексион Рошера Иванов читал крайне внимательно. Так, происхождение черных ног Мелампа и, стало быть, этимология его имени объясняются Ивановым таким образом:

Спал черноногий Меламп, возлелеянный в черной дубраве
Милою матерью, нимфой, – где Гелиос, влажные дебри
Жгучей стрелой пронизав, осмуглил ему легкие ноги:
Слыл с той поры Черноногим излюбленный Гелием отрок [8. С. 294].

Этот мотив взят из схолий к Аполлонию Родосскому и Феокриту, которые пересказываются в Лексиконе Рошера: «Seinen Namen “Schwarzfuss” erklärte man durch die Sage, dass er von seiner Mutter nach seiner Geburt an einem bewaldeten schattenreichen Orte ausgesetzt worden sei, wo die Sonne nur seine Füße getroffen und geschwärzt habe»¹ [12. S. 2569].

При изложении мифологической истории Мелампа авторы статей в Лексиконе Рошера и Энциклопедии Паули главным образом следуют за известным мифографом Аполлодором: «Diese ausführlichen Nachrichten verdanken wir vorzüglich dem Apollodor, der die dem Hesiod zugeschriebene Melampodie, den Akusilaos und <...> das siebte Buch des Pherekydes benützte»² [13. S. 1726], дополняя его сведениями из других источников (Геродот, Ферекид, Павсаний, Диодор, Овидий, схолии к Пиндару и др.). Аналитическое изложение мифов, связанных с Мелампом, содержится также в монографиях по классической филологии, с которыми Иванов был хорошо знаком: «Aglaphamus» Лобека, «Griechische Mythologie» Преллера, «Griechische Götterlehre» Велькера, «Psyche» Роде.

Опираясь на свидетельства Геродота (II, 49) и Диодора (I, 97), Иванов называет Мелампа «первоучителем религии Дионисовой и установителем ее обрядов» [14. С. 12]. Иванов дает такой перевод Диодора: «Меламп, – говорит Диодор, – занес из Египта очищения, приписываемые Дионису, и предание о богоборстве Титанов, и всю вообще священную легенду о

если бы словарь, паче чаяния, оказался – будьте столь сердечно – и по-товарищески добры и выпишите мне оттуда статью НИОБЕ <...> то, о чем прошу, очень для меня важно. § 2. Во всяком случае, перепишите мне, пожалуйста, статью Niobe из Pauli's Real-Encyclopädie des classischen Altertums. Это старая, но хорошая энциклопедия» [11. Т. 1. С. 657–658].

¹ Здесь и далее перевод иноязычных текстов принадлежит нам: «Его имя “черноногий” объясняется с помощью мифа о том, что после рождения Мелампа его мать положила его на поросшем лесом тенистом месте, где Солнце коснулось и осмуглило только его ноги».

² «Этими исчерпывающими сведениями мы обязаны преимущественно Аполлодору, который использовал приписываемую Гесиоду “Меламподию”, Акусила <...> и седьмую книгу Ферекида».

страстях богов» [15. С. 111; 16. С. 8]¹. «Danach erzählt *Diod.* 1, 97, dass er eine Reise nach Ägypten gemacht und von da ausser den bakchischen Sacra auch die Mythen von Kronos und der Titanomachie nach Griechenland gebracht habe»² [12. S. 1727]³.

«Диодор, называя Мелампа распространителем египетских страстных служений и легенд по Элладе и в этом смысле признавая его учение за первоисточник „всей эллинской священной истории о страстях богов“, исходит из утверждения Геродота, что „Меламп, от египтян научившись, и иное о богах раскрыл, и то, что узнал там о страстном служении Дионису, немного в услышанном изменив“ (II, 49)» [14. С. 196].

Иванов не зря уделяет первостепенное внимание характеристике Мелампа, данной Геродотом: в Энциклопедии Паули она названа «eine bedeutendere Stellung in der Religionsgeschichte»⁴ [13. S. 1727]. Меламп «soll der Gründer des Dionysoskultus in Griechenland gewesen sein, und zwar, wie Herodot 2, 49 glaubt, nach dem Vorbilde des ägyptischen Osirisdienstes, wovon er durch Kadmos und die Phoinikier Kunde erhalten <...> habe»⁵ [12. S. 2568].

Иванов дает три характеристики Мелампа: ведун, знахарь и очиститель [14. С. 12]. Это соответствует лейтмотивам статьи Вольфа из Лексиона Рошера: ведун – Seher, знахарь – Heilpriester, очиститель – Sühnpriester. «Melampus war nicht bloss Seher, sondern auch durch seine Seherkunst, durch mystische Opfer und Sühnungen *Heilpriester*, nach Apollod. 2,2,2 der älteste Seher überhaupt, der διὰ φαρμάκων καὶ καθαρμῶν die Heilkunst ausübte. <...> In *Argos* <...> erscheint er besonders als *bakchischer Sühn- und Heilpriester*»⁶ [12. S. 2568, 2570].

В «Эллинской религии» Иванов называет Мелампа «ипостасью самого Диониса» [15. С. 111; 16. С. 8]. В «Дионисе и прадионисийстве» эта характеристика уточняется, и Меламп трактуется как «ипостась Диониса-Аида» [14. С. 12]. В стихотворении «Цари» Меламп как раз и представлен в этой хтонической дионисийской ипостаси. Он является на пир семи царей (число семь – указание на их титаническую сущность, поскольку Дионис был разят титанами на семь частей) и разоблачается как Дионис, несущий смерть:

¹ Другой русский перевод см.: [17].

² «Диодор (1, 97) рассказывает о том, что он совершил путешествие в Египет и оттуда принес в Грецию, помимо вакхических святынь, также мифы о Кроносе и Титаномахии».

³ См. также: [18. Т. I. P. 298; Т. II. P. 1101; 13. S. 1727].

⁴ «Наиболее значимым утверждением в истории религии».

⁵ «Должен был быть основателем культа Диониса в Греции, и именно, как верит Геродот (2, 49), по образцу египетских обрядов в честь Осириса, о которых он получил сведения через Кадма и финикийцев».

⁶ «Меламп был не только прорицатель, но и *целитель* (благодаря своему искусству предсказания и мистическим жертвоприношениям), согласно Аполлодору (2,2,2), вообще самый древний прорицатель, который врачевал с помощью снадобий и очищений. <...> В *Аргосе* он является *вакхическим очистителем и целителем*».

«Входит в чертог Меламп, и возрадовались мужи на старца, и вскричали: «Привет, ухо чуткое! Радуйся, боговещий!».

Говорит Адраст: «Счастливы ты, что не венец золотой на челе твоём, а золотой вкруг чела облак».

И Амфиарай: «Тебе пить кубок, уготованный гостю, святой богу».

Поднял Меламп кубок восьмой, – и вот, облако золотое над кубком, и кубок держит Дионис влажноокий!» [19. С. 689].

Затем «цари гробниц» убивают друг друга, меняясь масками. Меламп-Дионис провоцирует трансценсус, выход титанический царей за грани индивидуальной обособленности и их палингенезию, возрождение в новых личинах.

Используя одинаковые характеристики Мелампа (чуткое ухо, боговещий), Иванов связывает стихотворение «Цари» с поэмой «Сон Мелампа», прочерчивая метатекстуальные связи.

Дионис-Аид отождествляется Ивановым с Дионисом-Загреем, который понимается как сыновняя ипостась Зевса-Аида [14. С. 17, 167–168]. Стало быть, Меламп в ивановской поэме должен соотноситься с Дионисом-Загреем. Так оно и происходит: во время инициации Меламп становится как бы его ипостасью в мистической сфере и, воссоединяясь с Зевсом-Дионисом через отождествление с сердцем Диониса, становится в результате инициации новым Дионисом. Дионис-Загрей имеет змеиное обличье, и Меламп, по мнению Иванова, тоже первоначально змееморфен: «Другом змеем стал он потому, что первоначально сам был змеем: чернота ног, означенная в его имени, говорит на символическом языке древнейшего мифа о том, что нижняя половина его тела оставалась как бы погруженной в подземное царство, что его человеческое туловище кончалось, как у Эрихтония, змеиным хвостом» (ДиП. С. 12).

Связь Мелампа с Дионисом-Загреем, как богом подземного мира, отмечается в Энциклопедии Паули: Меламп был «von Creuzer Symbol. IV S.34 als Schwarzfüssler, d. h. als Priester des schwarzen Gottes (Dionysos, von Aethiopien her) bezeichnet <...> dieser Dionysos aber sei zugleich der Dionysos Zagreus, der Unterweltsgott, wie schon der mit der Farbe der Trauer verwandte Name des Melampus andeute»¹ [13. S. 1727].

История инициации Мелампа, которой посвящена ивановская поэма, тоже имеет мифологические истоки. «Seine Sehergabe verdankte er jungen Schlangen, deren getötete Mutter er bestattet (verbrannt) und die er aufgezogen hatte; sie vergalt ihm diese Wohlthat, indem sie ihm mit ihren Zungen die Ohren reinigten, so dass er seitdem die Stimmen der Vögel, überhaupt aller Tiere, verstand»² [12. S. 2568]. Эта история развернуто представлена у Аполлодора

¹ «Крейцером (Символика IV. С. 34) описывается как черноногий, т.е. служитель темного бога (Диониса эфиопийского) <...>. Этот Дионис тождествен Дионису-Загрею, богу подземного мира, как указывает само имя Мелампа, осененное цветом скорби».

² «Своим пророческим даром он обязан молодым змеям, чью умершую мать он похоронил (сжег), а их самих вырастил. За это они отплатили ему благодарением, своими

(1,9,11) [6. С. 16]. Мистическая инициация Мелампа в ивановской поэме мотивируется этим мифологическим нарративом о спасении змей.

Ранее мы писали, что «Иванов оставляет без внимания историю сватовства брата Мелампа Бианта, исцеления Ификла, добывание стада царя Филака, а также историю о том, как Меламп исцелил от безумия аргосских женщин, дочерей царя Пройта» [20. С. 255]. Это утверждение необходимо скорректировать.

На прохождение Мелампом инициации, помимо эпизода со змеями, указывает также история добывания коров Филака [6. С. 16–17; 12. S. 2569; 13. S. 1726]. Брат Мелампа Биант сватается к дочери Нелея. В качестве свадебного дара Нелей требует стадо коров, принадлежащее Филаку. Бианту не удается выкрасть этих коров, и он обращается к своему брату. Меламп попадает в плен к Филаку, и его заточают в темницу. Когда год заточения подходит к концу, он слышит червей, которые грызут деревянные перекрытия и сообщают о скором разрушении здания, и требует, чтобы его перевели в другое место. Филак узнает, что Меламп – лучший прорицатель, освобождает его, Меламп же исцеляет его сына Ификла от бесплодия и получает заветное стадо коров. «Как ипостась Диониса-Аида, Меламп оказывается узником, заключенным на год в источенную червями деревянную темницу – домовину» [14. С. 12]. В Энциклопедии Паули тюрьма Мелампа названа «kleinen Haus»¹ [13. S. 1726]. Плен у Филака, предшествующий получению свадебного подарка, изображается как временная смерть Мелампа, его инициация.

История исцеления дочерей царя Пройта [6. С. 27; 12. S. 2570–2571; 13. S. 1726] косвенным образом соотносится с самим содержанием мистического сна Мелампа. Пройтиды впали в безумие, потому что отказались участвовать в дионисийских таинствах. Меламп исцеляет их «воздействием, усиливающим экстаз» [16. С. 73; 21. С. 49]²: он гонит «mit den stärksten Jünglingen unter Geschrei und begeisterten Tänzen die Frauen aus den Gebirgen nach Sikyon <...> und im Sikyon heilte er sie durch reinigende Sühngebräuche»³ [12. S. 2571]. После этого Пройт отдает двух своих дочерей Ифианассу и Лисиппу Мелампу и его брату Бианту в жены.

Таким образом, Меламп предстает как «организатор женского оргиазма и учитель здорового экстаза, неупорядоченность коего дотоле порождала разнобразные недуги и извращения» [14. С. 13].

языками прочистив ему уши, так что он с тех пор стал понимать язык птиц и вообще всех зверей».

¹ «Маленький дом».

² Достоинно внимания, что Эрвин Роде смотрит на действия Мелампа при исцелении дочерей Пройта как на усиливающие экстагическое состояние: «Die Heilung geschah durch eine Steigerung der dionysischen Erregung “mit Jauchzen und begeisterten Tänzen” und Anwendung gewisser kathartischer Mittel» («Исцеление происходит через усиление дионисийского возбуждения “с помощью возбужденных криков и воодушевленных танцев”, а также использование некоторых катартических средств») [22. S. 339].

³ «женщин гор к Сикиону вместе с сильным юношами покрики и возбужденные танцы <...>, и в Сикионе исцеляет он их с помощью очистительных обрядов».

Историю Мелампа и Пройтид Иванов интерпретирует как войну полов, которая, по его мнению, оказывается исконным явлением человеческой культуры и архаических оргиастических культов дионисийского типа.

«Религия разрыва и разлучения утверждала свою коренную идею в противоположении полов, основном и глубочайшем разъединении мира. Религия исступления, выхода из себя, разрушения личности и слияния с целым живой природы находила исход своим восторгам чрез погружение человека в хаотическую беспредельность пола. <...> В каждом отдельном соединении индивидуумов, весь пол ищет всего пола, идея рода торжествует над идеей особи, и любящиеся с изумлением и ужасом открывают в своей страсти символы и эмоции первобытной, первозданной вражды, положенной между двумя полюсами животной природы» [16. С. 133–134; 23. С. 187].

Трагическое разделение мужского и женского начала – один из лейтмотивов «Сна Мелампа». В ивановской поэме война полов получает метафизическое обоснование. Между Зевсом и Персефоной, премирный союз которых становится первоисточником всего сущего, задаются антиномические отношения: их любовь проявляется в рождении Диониса-Загрея, а их ненависть – в порождении Персефоной кровожадных титанов-мстителей. Они возникают из ее Зеркала (ипостась Персефоны как инобытия), в котором отражается лик Диониса-Загрея. Персефона, как мать титанов, оказывается первоисточником мирового зла, *Древней Виной*.

Антиномия Зевса и Персефоны обуславливает разделенность мироздания, возникновение пространственной оппозиции верх/низ. Так, в мистической сфере, в которой формируются идеальные первообразы эмпирической действительности, возникает Вечное Небо Змиев Целей и темная Нива Змей-Причин, от брака которых рождаются временные формы бытия.

Змии и змеи страдают от разделения и стремятся к соединению, потому что

Все, что в мире родится, и все, что является зримым,
Змеи Земли – мы родим от мужей текучего Неба.
Ибо ничто без отца из ложесн не исходит зачавшей [8. С. 296].

Однако это любовное соединение оборачивается гибелью:

В молнийном сил сочетанье взгорается новое чадо
Соприкоснувшихся змей; и в тот миг умираем мы оба –
Змий и змея... [8. С. 296].

Иванов отмечает связь Мелампа с Артемидой: «Упорядочение сферы женских исступлений обуславливает общение Мелампа с Дионисовой и пра-Дионисовой сопрестольницей Артемидою, – или им обусловлено» [14. С. 13]. Эта связь обоснована в Лексиконе Рошера: «*Die Reinigung und Heilung der Proitostöchter wurde an verschiedene Orte verlegt, besonders auch in das von Proitos gestiftete Heiligtum der Artemis Hemera oder Hemeresia (der*

Besänftigenden)»¹ [12. S. 2571], – и опирается на свидетельство Павсания: «За Нонакрией идут так называемые Ароанские горы; в них есть пещера. Говорят, что в эту пещеру убежали дочери Прета, сойдя с ума; впоследствии Мелампод таинственными жертвоприношениями и очищениями вернул их в местечко, называемое Лусы. <...> Когда Мелампод заставил дочерей Прета спуститься в Лусы, он исцелил их в храме Артемиды; вследствие этого клиторийцы называют эту Артемиду Гемерасией (Укрощающей)» [24. Т. 2. С. 105].

Опираясь на другое свидетельство Павсания [24. Т. 2. С. 139], Иванов утверждает тождество архаической Артемиды с Персефоной [14. С. 169].

Отношения между Мелампом и Артемидой-Персефоной Иванов описывает, давая аналитический экфрасис изображения на одной краснофигурной вазы, представленной в статье Вольфа: «По изображению на одной краснофигурной вазе, Меламп, облеченный в пестрый хитон, противопоставлен, как пожилой муж, Дионису-юноше, одетому в такой же хитон, повязанному митрой и держащему в руке вакхический канфарос с вином, подле кумира Артемиды-Лусии; у подножья кумира расположились исцеленные Пройтиды, между тем как заклятая Лисса, богиня безумия, владевшая прежде дочерьми Пройта, с искаженным лицом, прячется за колонну с треножником; поодаль сидит Силен; на стене святилища висят рельефные ex-voto, изображающие бешеную пляску сатиров, – намек на введенные Мелампом мужские пляски; в руках у одной Пройтиды и Диониса раскидистые ветви, у Мелампа и Силена – тирсы, так что стан преследуемых (женский) охарактеризован ветвями, а стан преследователей (мужской) тирсами, которым соответствует копье в руке исцелительницы Артемиды, – причем выдвинуто религиозное тождество обоих примирившихся, разоружившихся станом. Перед нами выдержанный в символах мифа исторический рассказ об укрощении обособленного и замкнутого женского оргазма прадионисийской эпохи новым заветом религии Дионисовой» [14. С. 13].

Женское начало, символизируемое Артемидой, представлено на этой вазе двойственно. С одной стороны, это богиня безумия Лисса. Если Пройтиды являются менадами, то, стало быть, они предстают как титанические личности, возникновение которых связано с отражением Диониса в Зеркале Персефоны. Лисса – это женское начало в своем губительном, разрушительном аспекте, ночная Персефона как первоисточник мирового зла. Артемидо-Лусия, напротив, предстает как женское начало в своем целительном, созидательном аспекте. Ее аналогом выступает Нива Змей-Причин, которая стирает Мелампа к Вечному Небу Зевса-Диониса и, подобно неоплатонической Гиппе, примиряет Мировую Душу с внутримировым умом, т.е. Дионисом как монадой вторичной демиургии – творения подлунного мира [25. Р. 280–281].

¹ «Очищение и исцеление Пройтид могло происходить в разных местах, особенно в основанном Пройтом святилище Артемиды Гемеры или Гемересии (Усмиряющей, Укрощающей)».

Таким образом, мы видим, что через экфрасис краснофигурной вазы, представленной в Лексиконе Рошера, Иванова устанавливает связь между культовыми взаимоотношениями Мелампа с Артемидой-Персефой и содержанием поэмы «Сон Мелампа» – мистериально-дионисийским сюжетом, подчеркивая амбивалентность женского начала.

Наконец, опираясь на Геродота, Иванов отмечает связь Мелампа с фаллагогиями: «Установление фаллагогий, как и насаждение Дионисова культа в Элладе вообще, приписывает “отец истории” Мелампу» [14. С. 12]¹. С фаллическим культом связан мотив исцеления Мелампом сына Филака, Ификла, который долгое время был бездетным. Мифологическое обоснование взаимосвязи Мелампа с фаллагогиями Иванов усматривает в том, что Мелампа был сыновней ипостасью Аида – Дионисом-Загреем.

Фаллическая образность проступает в эротической символике ивановской поэмы:

Все мы, утробы земли, сочетаемся с жалами Неба.

Все, что в мире родится, и все, что является зримым,
Змеи Земли — мы родим от мужей текучего Неба.
Ибо ничто без отца из ложесн не исходит зачавшей,
Оку же видимы всходы полей, невидимо семя... [8. С. 296, 298].

Мистериально-дионисийский сюжет в «Сне Мелампа» и орфические теогонии

Рассказ о метафизической сфере, или метафизической триаде Зевс – Персефона – Дионис-Загрей, в «Сне Мелампа» является, по выражению Иванова, «великим космогоническим мифом» [8. С. 537]. История рождения, растерзания и воскресения Диониса интерпретируется как космогенез – вполне в русле орфико-неоплатонического дискурса.

Валерий Петров придерживается убеждения, что «дионисийский миф – лишь внешний сюжетный слой “Сна Мелампа”» [3. С. 33]. С этим утверждением трудно согласиться, поскольку орфико-дионисийская мифологема выполняет здесь вовсе не орнаментально-служебную роль. На наш взгляд, она непосредственно связана с жанровым определением ивановской поэмы, которая не просто насыщена ритуально-мифологическим материалом, но имитирует «орфические поэмы», для которых было характерно совмещение космогонии и метафизики. Известный классический филолог и близкий друг Иванова Ф.Ф. Зелинский указывал на то, что появление космогоний в рамках античного дионисийства связано именно с орфизмом [27. С. 117–118].

Библиографический список литературы по орфизму, накопленной на 1897 г., дает выдающийся классический филолог Отто Группе [28. S. 430],

¹ Велькер отмечает, что фаллагогии были введены Мелампом в Греции вместо процессий с куклами, изображающими богов [26. S. 602–603].

чья «Griechische Mythologie und Religionsgeschichte» («Греческая мифология и история религии») была в личной библиотеке Иванова [29. С. 312]. По всей видимости, основными источниками, по которым Иванов знакомился с орфическими теогоническими и богословско-философскими воззрениями, были «Orphica» Абеля [30] и «Aglaophamus» Лобека. О чтении книги Абеля можно судить по переписке с женой Лидией Зиновьевой-Аннибал [11. Т. 2. С. 199, 233, 272, 292, 309]. В одном из писем к Ольге Шор Иванов назовет капитальный труд Лобека книгой «ценности исключительной» [31. С. 335].

Без тщательного сопоставительного анализа книг Абеля и Лобека с ивановскими произведениями, научными работами и философскими статьями до конца понять генезис дионисийства Иванова невозможно. Не ставя себе задачи исчерпать тему, отметим, однако, несколько орфико-дионисийских подтекстов «Сна Мелампа».

Исследователи выделяют три версии орфической теогонии. Самой древней считается Евдемова [32. Р. 116–175], более поздними являются Рапсодическая [32. Р. 227–258; 33. С. 719–730] и Иеронимова [32. Р. 176–226; 33. С. 713–718]. Краткий обзор орфических теогоний представлен у Афонасина [34]. С русскими переводами орфических теогонических фрагментов можно ознакомиться также по книге Лебедева [35].

Иванов явным образом опирается на «Рапсодическую теогонию», из которой он берет несколько ключевых мотивов: переход власти над миром от Зевса к Дионису, отражение Диониса в зеркале, с которым связывается его раздробление на части и гибель от рук титанов, само растерзание Диониса, сохранение его сердца, явление нового Диониса.

Мистерияльно-дионисийский космогонический сюжет начинается у Иванова с брака Зевса и Персефоны:

...заблуждаются смертные, мужем
Чтя Безначального в небе, и мнят неправо, что в Вечном
Женского нет естества. Ты же, Зевс, – мужеженский и змийный!
В вечности змием себя ты сомкнул, – и кольцом змеевидным
Вкруг твоей вечности, Вечность-змея, обвилась Персефона.
Двум сопряженным змеям уподобился Зевс-Персефона
В оную ночь, когда зародил Диониса-Загрея [8. С. 297].

Мотив брака Зевса и Персефоны засвидетельствован у многих античных авторов («Большой этимологик», «Этимологик Гудианов», «Прошения о христианах» Афинагора, «Мифы» Гигина, сочинения Татиана, «Схолии к Ликофрону» Цеца, Схолии к Истмийским одам Пиндара, «Орфические гимны» XXIX и LVI, «Деяния Диониса» Нонна). Русский перевод данных источников представлен в книге Лосева «Античная мифология в ее историческом развитии» [36. С. 162–163].

Зевс и Персефона у Иванова сочетаются особым образом: Персефона обвивается кольцом вокруг Зевса-Змея, который тоже сомкнут кольцом. Получается стереоскопический образ двойного уробороса, двух кругов,

внешнего и внутреннего. Эта структура восходит к образу Мировой Души из «Тимея» Платона [9].

Ивановский Зевс наделен двумя определяющими признаками – андрогинной, мужеженской, природой и змеевидностью. («Ты же, Зевс, – мужеженский и змийный»). По какой-то неясной причине андрогинность премирного Зевса В.В. Петров сводит к влиянию «Великих посвященных» Эдуарда Шюре [3. С. 34], признавая, однако, что змеиное обличие Зевса есть наследие орфизма [3. С. 35]. Небезосновательным кажется задаться вопросом: если мы можем найти в орфических фрагментах Зевса-Змея, нет ли там также Зевса мужеженского? И оказывается, что он там есть. И в «Рапсодической теогонии», и в теогонии Иеронима и Гелланика Фанес-Протогон-Зевс, которого можно отождествить с Зевсом премирным, устойчиво именуется мужеженским.

Приведем соответствующие фрагменты.

«Зевс мужчиной стал, и Зевс – бессмертной девой» [35. С. 54].

У Дамаския мужеженским является Хронос-Змей [35. С. 61]. Эта мифологическая фигура является третьим элементом первой («отчей») уопостигаемой триады, и Протогон-Зевс, третий член третьей («умной») триады, становится его совершенным выражением. Хронос-Змей является мужеженским не сам по себе, а поскольку он соединен с Ананке-Андрастеей, «бестелесной, распростертой по всему космосу» [35. С. 61]. В ивановском мистериально-дионисийском метатексте абсолютом является Зевс-Персефона. Причем Персефона отождествляется с Душой мира. Примечательно также, что Зевс-Персефона, представляя собой две скрещенные змеевидные окружности, обнаруживает родство с кругами тождественного и иного из «Тимея» Платона, по которым простирается как раз Мировая Душа¹.

«Внутри шара промышлением содержащейся в нем божественной пневмы формируется некое мужеженское живое существо, которое Орфей называет Фанесом» [35. С. 63].

«Женщина и отец-родитель, могучий бог Эрикпей» [35. С. 61] (по Дамаскию, Эрикпей – ипостась Фанеса. Группе отмечает, что имя «Эрикпей» встречается только в «Рапсодической теогонии» и что его возможные значения – «Жизнодатель» либо «Жизнь» [28. S. 431]).

Дамаский указывает на смысл андрогинности первого Зевса: он является «производящей причиной всех вещей» [35. С. 61]. Ивановская перводиада Зевс-Персефона тоже становится первоисточком бытия, так как от них возникает первое множество – титаны.

Брака Зевса с Персефой, как отправная точка космогонического процесса, имеет у Иванова одну характерную особенность – змееморфность: Зевс и Персефона сочетаются в змеином обличье. Этот мотив не встречается в орфических теогониях и восходит, по всей видимости, к «Деяниям Диониса» Нонна (V, 563–571; VI, 155–164):

¹ Подробнее о сходстве мистериально-дионисийского метатекста Иванова с космологией Платона см.: [9].

Нового Диониса миру дать он замыслил,
Древнего Диониса, явленного в облике бычьем...
Ибо высокогремящий Зевес сожалел о Загрее!
Со злосчастной судьбой родила его Персефонейя
Зевсу с обличем змеиным, мужем имея владыку
Черноплащного... Зевс же тогда был плотью извилист,
Змея облик прияв, свивавшего кольцами тело,
В сладостной страсти в покои тайные вполз к Персефоне
Для любви [37. С. 64].

Юная Персефонейя! Нет от страсти спасенья!
Ибо девичество будет отъято в змеином объятье.
Зевс, волнуясь змеиным телом, в облике гадя,
Страстной любовью пылая, кольцом извиваясь в желанье,
Доберется до самых темных покоев девичьих,
Помавая брадатой пастью драконам у входа.
Обликом схож со змеем, сомкнет им дремотою очи,
Полный томленьем страстным, лижет он нежное тело
Девы, от жарких змеиных объятий небесного змея
Плодное семя раздуло чрево Персефонейи [37. С. 69].

Необходимо отметить важную деталь: не сохранилось прямых античных свидетельств о том, что Зевс и Персефона рождают Загрея, будучи оба в змеином обличе: змеем является только Зевс. Соломон Райнах, на труды которого Иванов ссылается в «Дионисе и прадионисийстве», считает змеевидность Персефоны следствием наложения образа Реи на Персефону у Афинагора.

«Zeus eut commerce avec sa fille Perséphone, en la violant sous l'aspect d'un dragon. Athénagore – qui cite expressément Orphée comme la source de son récit – ne dit pas que Perséphone elle-même se fût métamorphosée en serpent. Mais il vient d'attribuer cette métamorphose à Rhéa, en relatant une scène toute pareille. <...> Zeus et Perséphone avaient pris, l'un et l'autre, la forme de serpents et c'est du commerce de ces deux serpents que naquit Zagreus»¹ [38. Р. 60].

После рождения Диониса-Загрея следует его отражение в зеркале Персефоны и гибель от рук титанов:

В лике сыновнем открылось Отца сокровенное солнце:
Лик чешуей отсветила глубокая Персефонейя.
К зёркальной бездне приник, на себя заглядевшись, Младенец:
Буйные встали Титаны глубин, – растерзали Младенца [8. С. 297].

¹ «Зевс сочетается со своей дочерью Персефой, овладевая ею в виде дракона. Афинагор, который выразительно цитирует Орфея как источник своего рассказа, не говорит о том, что сама Персефона была превращена в змею. Но он относит эту метаморфозу к Рее, описывая похожую сцену (т.е. брак Зевса с Реей в змеином обличе. – Л.К.) <...> Зевс и Персефона приняли форму змей, от союза которых и рождается Загрей».

Рассматривая этот фрагмент, прежде всего отметим, что, следуя «Рапсодической теогонии», Иванов отождествляет Диониса с Солнцем: *В лике сыновнем открылось Отца сокровенное солнце*. В 207-м орфическом фрагменте читаем: «Дионис есть монада всей вторичной демиургии, поскольку Зевс поставляет его царем всех внутримировых богов и наделяет первейшими почестями. По этому же самому, следовательно, они обыкновенно называют новым богом Гелиоса, – и Гераклит (frg. 6) говорит: «...солнце каждый день новое, – поскольку оно причастно дионисийской силе» [36. С. 173]. «Царем их [новых богов] Платон считает Солнце, которое тесно связано с Дионисом через Аполлона согласно Орфею» (фрагмент № 212) [35. С. 59].

Обратим внимание, что Зевс назван у Иванова «сокровенным солнцем». Это также связано с отождествлением Зевса и Протогона-Фанеса, который оказывается первым мировым светом [33. С. 770]. Иванов вполне осознает как умопостигаемо-световую природу Фанеса, так и тождество Диониса с Зевсом, Фанесом и Солнцем: «...орфики искали утвердить представление о Дионисе-солнце, как новом лике изначального света, Фанеса: “Солнце, чье божество именуют в мольбах Дионисом”» [14. С. 166]. Группе очень четко формулирует тождество Фанеса именно с Дионисом-Загреем, в котором «*der ungeteilt verbliebene Rest des Phanes wiedergeboren wird*»¹ [28. S. 732].

Ключевой для ивановского мистериально-дионисийского сюжета в целом и поэмы «Сон Мелампа» в частности является символика космического зеркала. Эта символика имеет платонические и неоплатонические истоки, о чем необходимо говорить в особых исследованиях.

У Иванова космическое зеркало принадлежит Персефоне. В «Рапсодической теогонии» такого мотива не встречается. У неоплатоников зеркало принадлежит либо самому Дионису, либо Гефесту как демиургу чувственного мира. Приписывая принадлежность космического зеркала Персефоне, Иванов опирается, по всей видимости, на краснофигурную вазопись и «Деяния Диониса» Нонна (V, 594–600; VI, 169–173):

...юная дева взяла блестящую бронзу
Зеркала, чье отражение судит смотрящего, облик
Вверила вестнику, правду безмолвно рекущему, дабы
Мнимый образ во мраке зеркала явно увидеть –
И своему отражению смеялась. Так Персефона
Облик свой отраженный пред зеркалом созерцала,
Призрачное подобье призрачной Персефонеи! [37. С. 65].

Только недолгое время Дия трон занимал он –
Белым медом измазав лик злоковарный, Титаны,
Подстрекаемы гневом Геры тяжкоразящим,
Тартарийским ножом младенца в куски истерзали:
В зеркало детка смотрела, любуясь своим отраженьем! [37. С. 69].

¹ «оставшаяся неделимой часть Фанеса снова возрождается».

У Нонна (VI, 206–208) встречается один связанный с отражением Диониса-Загрея мотив, который отсутствует у неоплатоников, но играет важную роль у Иванова, – мотив взаимосвязи отражения в зеркале со смертью:

Зевс же Отец, как яденье свершилося Диониса,
Понял, что в зеркале хитром темный призрак причина
Смерти и матерь Титанов предал мстящим зарницам [37. С. 70].

Ср. в «Сне Мелампа»:

Отвека обман – отраженное влагой,
Чары – металлом, и смертный полон – Персефоной ночью [8. С. 297].

Этот мотив указывает на значимость поэмы Нонна для конструирования Ивановым мистериально-дионисийского сюжета.

В предисловии к трагедии «Прометей», которая наряду со «Сном Мелампа» является частью мистериально-дионисийского метатекста, Иванов осмысляет мотив отражения Диониса в зеркале явлений с помощью неоплатонического термина *μερίσθη δημιουργία* – «делимая демиургия» (Иванов переводит как «разделенное мироздание»): «Младенец глядится в зеркало, и оно отражает его черты по закону зеркальности, – извращая отражаемый образ, перемещая правое налево и левое направо, – разлагая его целостность на отдельные атомы света. Лучеиспускание Диониса в зеркало есть отдача зеркалу истекающей из него жизненной силы: «пьет зеркальность душу». Это – его первая жертва, первое саморасточение – и начало «разделенного мироздания» (*μερίσθη δημιουργία*) неоплатоников [39. С. XX]¹. Космическое зеркало в контексте делимой демиургии возникает в комментарии Прокла на «Тимея» (цитата из Прокла дана в «Орфическом фрагменте» № 209): «У богословов зеркало издавна было усвоено в качестве символа годности для умозрительного объяснения Всего. Поэтому они говорят, что Гефест сделал зеркало для Диониса, отразившись в котором и рассмотревши в котором свое изображение этот бог эманировал во всецелую делимую демиургию» [36. С. 172].

В делимой демиургии, или разделенном мироздании, Иванов как раз и усматривает сущность Диониса: «Растерзание (*diaspasmos*) и расчленение (*diamelismos*) первого Диониса не есть только отрицательный момент в мировом процессе. Эта вольная жертва есть божественное творчество; она именно и создала этот мир <...> Зевс – отец дел (*patêr ergôn*) и вещей,

¹ Д.В. Баландин удивительным образом проходит мимо всей неоплатонической традиции интерпретации орфической мифологии, но отмечает сходство этих конструкций с каббалистическими: уход мифологических первоначал бытия Зевса и Персефоны исследователь сопоставляет с каббалистическим цимцум, «погружение Бога в глубины собственного бытия ради “освобождения места” для творения, действие, противоположное эманации», а младенца Диониса-Загрея – с ршиму, «остатком божественного света на месте ушедшего Бога» [40. С. 54].

понятых как идеи; „творец же единый разделенного мироздания“ (poietês monos ho tês meristês dêmiurgias), виновник наличного круговорота возникновений, или индивидуаций, и уничтожений, или упразднений разделенности, животворящий двигатель мира обособляющихся, враждующих и снова тонущих в едином целостном сознании монад – есть Дионис-Загрей» [14. С. 178].

При этом Иванов ссылается на Прокла (Procl. in Tim, V, 303, откуда он берет цитату про Зевса как отца дел и Диониса как творца разделенного мироздания¹) и на императора Юлиана (Julian. Or., 179b): «...разделенное мироздание из единообразной и нераздельной жизни великого Зевса великий Дионис приял и, из него выйдя, посеял во все явления» [14. С. 178; 36. С. 170].

Мотив растерзания Диониса-Загрея не нуждается в обстоятельном анализе. Достаточно указать, что он присутствует в ряде фрагментов, относящихся к «Рапсодической теогонии» (№ 34, 35, 210, 211, 216, 220).

За растерзанием Диониса у Иванова следует сохранение его неделимого сердца:

Сердце ж твое огневое, Загрей, нераздельное сердце –
Змий, твой отец, поглотил и лицом человекоподобным
В недрах ночных воссиял, и нарек себя Зевс Дионисом,
Сам уподобясь во всем изначальному образу Сына [8. С. 298].

Мотив спасения сердца Диониса-Загрея также присутствует в «Рапсодической теогонии» (фр. № 210) [35. С. 58]. Этот фрагмент является цитатой из Комментария Прокла на Тимея (II, 145.26–146.6): «Только одна умозрительная сущность и умозрительное число осталось, говорит он (т.е. Орфей. – Л.К.), спасенным Афиной:

...Только умное сердце одно оставили...

говорит он, прямо называя его «умным» (или умозрительным – νοηταν). Поэтому, если недоступное делению сердце умозрительно, то, очевидно, оно есть ум и умозрительное число, – однако не всецелый ум, но внутримировой. Ибо этот последний есть неделимое сердце, поскольку относящийся к нему демиург есть бог-разделитель. Поэтому он и называет неделимый ум сущностью Диониса, а то, что в нем способно к порождению, – делимой, соответственно с телами, жизнью [36. С. 168].

Сердце Диониса соотносится, таким образом, с внутримировым умом, который управляет делимой демиургией подлунного мира.

Завершается ивановская космогония сотериологически: от союза Зевса с Землей (*матернее лоно*) должен родиться новый Дионис, который восстановит нарушенный порядок мироздания:

Будет: на матернем лоне прославится лик Диониса
Правым обличьем
<...>

¹ Эта цитата в «Орфических фрагментах» имеет № 218.

и отчее сердце вопьет Дионис обновленный.
Ибо сыновнее сердце в Отце: и свершится слиянье
В Третьем вас разлученных, о Зевс-Персефона и Жертва!.. [8. С. 298].

Этот мотив тоже восходит к «Рапсодической теогонии», элементы которой сохраняются в прокловском гимне VII «К многомудрой Афине»:

Ты, что смогла уберечь уцелевшее сердце владыки
Вакха, на части разъятого силой титанов, и скрыла
В глуби эфира его, и родителю после вручила,
Дабы по замыслу неизреченному отчему новый
В мир снизошел Дионис, порожденный отцом от Семелы [41. С. 278].

Выводы

1. Поэма Иванова действительно является компиляцией античных мифов, но отнюдь не вольной, как это утверждает В.В. Петров. Сквозь историю мистического посвящения Мелампа проступает главный оргиастический античный миф о растерзании Диониса титанами, трактуемый как космогенез. В этом смысле прав Р.И. Соколов, называя «Сон Мелампа» палимпсестом.

2. Мифологический субстрат поэмы «Сон Мелампа» двусоставен. Он складывается из двух групп мифов: первая связана с Мелампом, вторая – со священной орфической легендой о Дионисе и титанах.

3. Мотивная структура поэмы (в особенности мотив происхождения черных ног Мелампа и его взаимосвязь с Дионисом-Загреем) позволяет предполагать, что в процессе работы над сюжетом Иванов опирался главным образом на Лексикон Рошера и Энциклопедию Паули.

4. Меламп предстает у Иванова как прорицатель, врачеватель и очиститель, что соответствует основным характеристикам Мелампа в Лексиконе Рошера.

5. Мотив инициации Мелампа восходит к мифологическому нарративу о том, как змеи прочищают уши своему любимцу; инициальный характер (временная смерть) имеет также заточение Мелампа в маленьком доме (=гробе) у Филака.

6. Мифологическая история исцеления Мелампом священного безумия дочерей царя Пройта соотносится с одним из лейтмотивов ивановской поэмы – трагическим разделением мужского и женского начала, которое оказывается исконным явлением человеческой культуры и архаических оргиастических культов дионисийского типа.

7. Через экфрасис краснофигурной вазы, представленной в Лексиконе Рошера, Иванов устанавливает связь между культовыми взаимоотношениями Мелампа с Артемидой-Персефой и мистериально-дионисийским сюжетом, подчеркивая амбивалентность женского начала (Персефона как источник мировой вины и Змеи-Причины как мистагоги Мелампа).

8. Содержание мистического сна Мелампа представляет собой теокосмогонический нарратив, имитирующий орфические поэмы. Иванов явным образом опирается на «Рапсодическую теогонию», из которой он берет несколько ключевых мотивов: переход власти над миром от Зевса к Дионису, отражение Диониса в зеркале, с которым связывается его раздробление на части и гибель от рук титанов, само растерзание Диониса, сохранение его сердца, явление нового Диониса.

9. В общую канву «Рапсодической теогонии» Иванов вплетает несколько мотивов, которые в ней отсутствуют, но являются неотъемлемой частью орфической традиции: змеемorfность не только Зевса, но и Персефоны; принадлежность зеркала, в котором отражается Дионис-Загрей, Персефоне и смертоносность этого зеркала. Эти мотивы заимствуются Ивановым, по-видимому, из «Деяний Диониса» Нонна и краснофигурной вазописи.

Список источников

1. Каяниди Л.Г. Пространственно-мифологическая модель и ее трансформации в поэзии Вячеслава Иванова: «Сон Мелампа» и «Прометей» // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 231–246.
2. Каяниди Л.Г. Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» и поэма «Сон Мелампа»: явные и «тайные» точки соприкосновения // *Studia litterarum*. 2019. Т. 4, № 2. С. 206–227.
3. Петров В.В. Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / сост. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М. : ИМЛИ РАН, 2018. С. 13–65.
4. Соколов Р.И. «Глубинного сердца биенье»: «Сон Мелампа» Вяч. Иванова // *Славянские чтения*. II. Даугавпилс-Резекне: Издательство Латгальского культурного центра, 2002. С. 102–107.
5. Каяниди Л.Г. Структура пространства и язык пространственных отношений в поэзии Вячеслава Иванова : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2012. 188 с.
6. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л. : Наука, 1972. 216 с.
7. Каяниди Л.Г. Пространственная структура поэмы Вячеслава Иванова «Сон Мелампа» // *Известия Смоленского государственного университета*. 2009. № 3 (7). С. 39–52.
8. Иванов В.И. Собрание сочинений. Т. II. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1974. 852 с.
9. Каяниди Л.Г. Мифопоэтика русского символизма и космология Платона: поэма Вячеслава Иванова «Сон Мелампа» в свете диалогов «Тимей» и «Государство» // *Platonic investigations*. [Принята к публикации].
10. Обатнин Г.В. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М. : Новое литературное обозрение, 2000. 240 с.
11. Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903. М. : Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.; Т. 2. 568 с.
12. Wolff O. Melampus // Roscher W.H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Band II. Abteilung II. Leipzig : Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1894–1897. S. 2567–2573.
13. Melampus // Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Band IV. Stuttgart : Verlag der J.B. Metzler'schen Buchhandlung, 1846. S. 1725–1728.
14. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. Баку : 2-я государственная типография, 1923. VII+304 с.

15. Иванов В.И. Эллинская религия страдающего бога. Введение. Глава I // Новый путь. 1904. № 1. С. 110–124.
16. Иванов В.И. Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. Москва ; Париж, 2014. № 64. 224 с.
17. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека // Симпозион. URL: <https://simposium.ru/ru/node/9860> (дата обращения: 09.03.2022).
18. Lobeck C.A. Aglaophamus sive De theologiae mysticae graecorum causis. Regimontii Prussorum. MDCCCXXIX. Т. I. 784 p.; Т. II. 785–1392 pp.
19. Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель : Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. I. 872 с.
20. Каяниди Л.Г. Закон золотого сечения в интерпретации Павла Флоренского и его приложение в поэзии Вячеслава Иванова // Science et littérature. Inspirations réciproques. Europe centrale et orientale (XIXe–XXIe siècles). Paris : Editions Le Manuscrit, 2020. С. 245–271.
21. Иванов В.И. Эллинская религия страдающего бога. Глава III // Новый путь. 1904. № 3. С. 38–61.
22. Rohde E. Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen. Freiburg im Breisgau, Leipzig : Akademische Verlagsbuchhandlung von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1894. 712 S.
23. Иванов В.И. Религия Диониса. Главы I–III // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 185–220.
24. Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. М. : АСТ: Ладомир, 2002. Т. 1. 492 с.; Т. 2. 503 с.
25. Proclus. Commentaire sur le Timée. Traduction et notes par A.J. Festugière. Т. II, livre II. Paris : Librairie philosophique J. Vrin, 1967. 343 p.
26. Welcker F.G. Griechische Götterlehre. Band II. Göttingen : Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1860.
27. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. СПб. : Mapc, 1995. 380 с.
28. Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München : C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1906. 1924 S.
29. Обатнин Г.В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Europa Orientalis: Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo. VIII Международная конференция «Вячеслав Иванов : Между Св. Писанием и Поэзией». 2002. XXI. 2. С. 261–343.
30. Abel E. Orchica. Lipsiae : G. Freytag ; Pragaе : F. Tempsky, MDCCCLXXXV. 320 p.
31. Переписка В.И. Иванова и О.А. Шор / Публикация А.А. Кондюриной, Л.Н. Ивановой, Д. Рицци, А.Б. Шишкина // Русско-итальянский архив. III. Вячеслав Иванов – новые материалы / сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно : Университет Салерно, 2001. С. 151–455.
32. West M. The Orphic Poems. Oxford : Clarendon Press, 1983. XII + 275 p.
33. Лосев А.Ф. Теогония и космогония // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М. : Мысль, 1996. С. 681–881.
34. Афонасин Е.В. Демидург в античной космогонии // СХОЛН. 2013. Vol. 7(1). С. 69109.
35. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / издание подготовил А.В. Лебедев. М. : Наука, 1989. 576 с.
36. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. 620 с.
37. Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. СПб. : Алетея, 1997. 540 с.
38. Reinach S. Zagreus, le serpent cornu // Reinach S. Cultes, mythes et religions. Т. II. Paris : Ernst Leroux, Editeur, 1906. P. 58–65.
39. Иванов Вячеслав. Прометей. Трагедия. Петербург: Алконост, 1919. XXV + 82 с.

40. Баландин Д.В. Космогония в творчестве Вячеслава Иванова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. № 3. С. 48–58.
41. Античные гимны / под ред. А.А. Тахо-Годи. М. : МГУ, 1988. 362 с.

References

1. Kayanidi, L.G. (2018) Prostranstvenno-mifologicheskaya model' i ee transformatsii v poezii Vyacheslava Ivanova: "Son Melampa" i "Prometei" [Spatial-mythological model and its transformations in the poetry of Vyacheslav Ivanov: "Melampus' Dream" and "Prometheus"]. In: Fedotova, S.V. & Shishkin, A.B. (eds) *Vyacheslav Ivanov: issledovaniya i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Research and materials]. Vol. 3. Moscow: IWL RAS. pp. 231–246.
2. Kayanidi, L.G. (2019) Tragediya Vyacheslava Ivanova "Prometei" i poema "Son Melampa": yavnye i "taynye" točki soprikosnoveniya [The tragedy of Vyacheslav Ivanov "Prometheus" and the poem "Melampus' Dream": obvious and "secret" points of contact]. *Studia litterarum*. 2 (4). pp. 206–227.
3. Petrov, V.V. (2018) Teleologiya, chetvertoe izmerenie i obratnyy khod vremeni v rabotakh Andreyana Belogo, Vyach. Ivanova i M. Voloshina [Teleology, the fourth dimension and the reverse course of time in the works of Andrei Bely, Vyach. Ivanov and M. Voloshin]. In: Fedotova, S.V. & Shishkin, A.B. (eds) *Vyacheslav Ivanov: issledovaniya i materialy* [Vyacheslav Ivanov: Research and materials]. Vol. 3. Moscow: IWL RAS. pp. 13–65.
4. Sokolov, R.I. (2002) "Glubinnogo serdtsa bien'e": "Son Melampa" Vyach. Ivanova ["The beating of the deep heart": "Melampus' Dream" by Vyach. Ivanov]. In: *Slavyanskije chteniya. II* [Slavic Readings. II]. Daugavpils-Rezekne: Izdatel'stvo Latgal'skogo kul'turnogo tsentra. pp. 102–107.
5. Kayanidi, L.G. (2012) *Struktura prostranstva i yazyk prostranstvennykh otnosheniy v poezii Vyacheslava Ivanova* [The structure of space and the language of spatial relations in the poetry of Vyacheslav Ivanov]. Philology Cand. Diss. Smolensk.
6. Borovskiy, Ya.M. (ed.) (1972) *Apollodor. Mifologicheskaya biblioteka* [Apollodorus. Mythological library]. Leningrad: Nauka.
7. Kayanidi, L.G. (2009) Prostranstvennaya struktura poemyy Vyacheslava Ivanova "Son Melampa" [Spatial structure of Vyacheslav Ivanov's poem "Melampus' Dream"]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (7). pp. 39–52.
8. Ivanov, V.I. (1974) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.
9. Kayanidi, L.G. Mifopoetika russkogo simvolizma i kosmologiya Platona: poema Vyacheslava Ivanova "Son Melampa" v svete dialogov "Timei" i "Gosudarstvo" [Mythopoeitics of Russian symbolism and Plato's cosmology: Vyacheslav Ivanov's poem "Melampus' Dream" in the light of the dialogues Timaeus and Republic]. *Platonic investigations*. (In print).
10. Obatnin, G.V. (2000) *Ivanov-mistik (Okkul'tnye motivy v poezii i proze Vyacheslava Ivanova (1907–1919))* [Ivanov the Mystic (Occult motifs in the poetry and prose of Vyacheslav Ivanov (1907–1919))]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Ivanov, V.I. & Zinov'eva-Annibal, L.D. (2009) *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903]. Vols 1–2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Wolff, O. (1894–1897) Melampus. In: Roscher, W.H. *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Band II. Abteilung II. Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner. pp. 2567–2573.
13. Anon. (1846) Melampus. In: *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Vol. 4. Stuttgart: Verlag der J.B. Metzler'schen Buchhandlung. pp. 1725–1728.
14. Ivanov, V.I. (1923) *Dionis i pradiionisiystvo* [Dionysus and pre-Dionysianism]. Baku: 2-ya gosudarstvennaya tipografiya.

15. Ivanov, V.I. (1904) Ellinskaya religiya stradayushchego boga. Vvedenie. Glava I [Hellenic religion of the suffering god. Introduction. Chapter I]. *Novyy put'*. 1. pp. 110–124.
16. Ivanov, V.I. (2014) Ellinskaya religiya stradayushchego boga [Hellenic religion of the suffering god]. *Simvol. Zhurnal khristianskoy kul'tury*. 64.
17. Diodorus Siculus. (n.d.) Istoricheskaya biblioteka [Historical Library]. Translated from Ancient Greek. *Simpozion*. [Online] Available from: <https://simposium.ru/ru/node/9860>. (Accessed: 09.03.2022).
18. Lobeck, C.A. (1829) *Aglaophamus sive De theologiae mysticae graecorum causis*. Vols 1–2. Regimontii Prussorum. pp. 785–1392.
19. Ivanov, V.I. (1971) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.
20. Kayanidi, L.G. (2020) Zakon zolotogo secheniya v interpretatsii Pavla Florenskogo i ego prilozhenie v poezii Vyacheslava Ivanova [The golden ratio law in the interpretation of Pavel Florensky and its application in the poetry of Vyacheslav Ivanov]. In: Fiszer, S. & Nivière, A. (eds) *Science et littérature. Inspirations réciproques. Europe centrale et orientale (XIXe–XXIe siècles)*. Paris: Editions Le Manuscrit. pp. 245–271.
21. Ivanov, V.I. (1904) Ellinskaya religiya stradayushchego boga. Glava III [Hellenic religion of the suffering god. Chapter III]. *Novyy put'*. 3. pp. 38–61.
22. Rohde, E. (1894) *Psyche. Seelencult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen*. Freiburg im Breisgau, Leipzig: Akademische Verlagsbuchhandlung von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck).
23. Ivanov, V.I. (1905) Religiya Dionisa. Glavy I–III [Religion of Dionysus. Chapters I–III]. *Voprosy zhizni*. 6. pp. 185–220.
24. Pausanias. (2002) *Opisanie Ellady* [Description of Hellas]. Translated from Ancient Greek. Vols 1–2. Moscow: Izdatel'stvo AST: Lodomir.
25. Proclus. (1967) *Commentaire sur le Timée*. Translated from Ancient Greek by A.J. Festugière. Vol. 2. Book 2. Paris: Librairie philosophique J. Vrin.
26. Welcker, F.G. (1860) *Griechische Götterlehre*. Vol. 2. Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung.
27. Zelinskiy, F.F. (1995) *Istoriya antichnoy kul'tury* [History of Ancient Culture]. Saint Petersburg: Mars.
28. Gruppe, O. (1906) *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
29. Obatin, G.V. (2002) Materialy k opisaniyu biblioteki Vyach. Ivanova [Materials for the description of the Vyach. Ivanov's library]. In: *Europa Orientalis: Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo*. Vol. 2. Salerno; Roma: [s.n.]. pp. 261–343.
30. Abel, E. (1885) *Orchica*. Lipsiae: G. Freytag; Pragae: F. Tempsky.
31. Kondyurina, A.A. et al. (eds) (2001) Perepiska, V.I. Ivanova i O.A. Shor [Correspondence of V.I. Ivanov and O.A. Shor]. In: Rizzi, D. & Shishkin, A. (eds) *Russko-ital'yanskiy arkhiv. III. Vyacheslav Ivanov – novye materialy* [Russian-Italian Archive. III. Vyacheslav Ivanov – new materials]. Salerno: University of Salerno. pp. 151–455.
32. West, M. (1983) *The Orphic Poems*. Oxford: Clarendon Press.
33. Losev, A.F. (1996) *Mifologiya grekov i rimlyan* [Mythology of the Greeks and Romans]. Moscow: Mysl'. pp. 681–881.
34. Afonasin, E.V. (2013) Demiurg v antichnoy kosmogonii [Demiurge in the Ancient Cosmogony]. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 1 S (7). pp. 69–109.
35. Lebedev, A.V. (1989) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments of Early Greek Philosophers]. Part 1. Moscow: Nauka.
36. Losev, A.F. (1957) *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii* [Ancient Mythology in Its Historical Development]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR.
37. Nonnus of Panopolis. (1997) *Deyaniya Dionisa* [Dionysiaca]. Translated from Ancient Greek. Saint Petersburg: Aletyya.

38. Reinach, S. (1906) *Cultes, mythes et religions*. Vol. 2. Paris: Ernst Leroux, Editeur. pp. 58–65.

39. Ivanov, V.I. (1919) *Prometey. Tragediya* [Prometheus. Tragedy]. Petrograd: Alkonost.

40. Balandin, D.V. (2015) *Kosmogoniya v tvorchestve Vyacheslava Ivanova* [Cosmogony in the works of Vyacheslav Ivanov]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 3. pp. 48–58.

41. Takho-Godi, A.A. (ed.) (1988) *Antichnye gimny* [Ancient Greek Hymns]. Moscow: Moscow State University.

Информация об авторе:

Каяниди Л.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). E-mail: leonideas@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.G. Kaianidi, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: leonideas@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.03.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2022; принята к публикации 06.10.2023.*

*The article was submitted 17.03.2022;
approved after reviewing 25.05.2022; accepted for publication 06.10.2023.*

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/85/9

Литература, музыка и театр в переписке В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова 1841–1852 гг.

Виталий Сергеевич Киселев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, kv-uliss@mail.ru*

Аннотация. На материале подготовленной к изданию переписки В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова реконструируется история их творческих контактов. Прослеживается взаимная рецепция произведений и творческих планов, выявляются отклики на литературные новинки и происшествия, в том числе скандальные. Отдельному рассмотрению подвергнут материал сообщений А.Я. Булгакова о событиях музыкальной и театральной жизни Москвы 1840-х гг.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, А.Я. Булгаков, переписка, биография, творческие отношения, литература, музыка, театр

Благодарности: исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

Для цитирования: Киселев В.С. Литература, музыка и театр в переписке В.А. Жуковского и А.Я. Булгакова 1841–1852 гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 185–202. doi: 10.17223/19986645/85/9

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/9

Literature, music and theater in the correspondence between Vasily Zhukovsky and Alexander Bulgakov in 1841–1852

Vitaly S. Kiselev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kv-uliss@mail.ru*

Abstract. The quarter-century-long correspondence between Alexander Bulgakov and Vasily Zhukovsky, which includes 261 surviving documents (167 letters remain unpublished), is closely inscribed both in the history of their personal relationship and in the epochal events of our time, in the development of Russian and European literature, in the context of social thought and ideological searches. The correspondence has an encyclopedic character: it reflects creative plans and literary news, events of

theatrical and musical life, secular and court news, and, since the revolutionary year of 1848, political events and responses to them in Germany and Russia. The article dwells only on the literary, theatrical and musical topics of the correspondence. Mutual reception of the works is traced (*Biography of Konstantin Yakovlevich Bulgakov, Privy Councilor, Director of the Postal Department, St. Petersburg Postal Director, Knight of various orders*, “Conversation of Neapolitan King Murat with General Count M.A. Miloradovich at the Outposts of the Army on October 14, 1812: (An excerpt from the memoirs of 1812)”, “Feelings of Moscow’s General Respect for the Memory of Late Prince Alexander Nikolayevich Golitsyn”, “A List in Moscow”, “Sophia Schoberlechner in Moscow”, “Fanny Elsler” by Bulgakov; translation of *Odyssey*, “To the Russian Giant”, “Letter from a Russian from Frankfurt”, “Letter to Prince P.A. Vyazemsky about His Poem ‘Holy Russia’”, “About the Incidents of 1848. Letter to Count Sh-k”, “Joseph Radowitz”, “Russian and English Politics”, “Poems Dedicated to Pavel Vasilyevich and Alexandra Vasilyevna Zhukovsky” by Zhukovsky) and creative plans (the idea of the prose collection by Zhukovsky in 1850), responses on literary novelties and incidents, including scandalous ones (Lermontov’s duel and death; deaths of Baratynsky, Yazykov, Alexander Turgenev and Gogol; publication of the memoirs of Xavier Marmier, Dolgoruky’s French publication *Notice sur les Principales Familles de la Russie* in Paris under the pseudonym “Count Almagro”; the publication of Adolphe de Custine’s book *La Russie en 1839*; the publication in *Severnaya pchela* of Rostopchina’s verse “Forced Marriage”, allegorically representing the relations between Poland and Russia; Samarin’s punishment for his “Letters from Riga”; the scandal with the production of Aksakov’s play *Liberation of Moscow in 1612*). The article separately considers Bulgakov’s material about the events of the musical life of Moscow in the 1840s (tours of the St. Petersburg German Theatre; visits to St. Petersburg and Moscow by Rubini, Liszt, Taglioni; tours of the Italian Theater; tours of the ballerina Elsler and the actress of the Alexandrinsky Theater Samoilova). The rich correspondence between Bulgakov and Zhukovsky in the 1840s is a true chronicle of the literary, theatrical and musical life of Russia rendered through the prism of individual interests, without losing its novelty and informativeness.

Keywords: Vasily Zhukovsky, Alexander Bulgakov, correspondence, biography, creative relations, literature, music, theater

Acknowledgments: The research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00083: Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication.

For citation: Kiselev, V.S. (2023) Literature, music and theater in the correspondence between Vasily Zhukovsky and Alexander Bulgakov in 1841–1852. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 185–202. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/9

В истории русской культуры переписка В.А. Жуковского – явление уникальное. В ней – отзывы из Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Англии, зарисовки европейской природы, достопримечательностей, бытовой жизни и рефлексы общения с виднейшими представителями культуры, политики, науки, картина общественной и интеллектуальной жизни александровского и николаевского царствования, разнообразие взглядов и идеологий, широкая панорама империи от Лифляндии, Малороссии и Крыма до Тобольска и мест сибирской ссылки, жизнь царского двора и перипетии дворцовых отношений, история общения с большинством русских

литераторов первой половины XIX в. от самых известных (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, П.А. Вяземский) до ныне почти забытых, личные драмы и общественные катастрофы, как российские, так и европейские, наконец, судьбы дружбы, прошедшей все испытания или оборвавшейся из-за каких-то причин...

В этой переписке, включающей более 3 000 писем Жуковского к около 450 адресатам и более 4 000 писем к Жуковскому около 600 корреспондентов, эпистолярное общение с А.Я. Булгаковым занимает особое место. Из их переписки сохранилось 261 письмо (140 писем Жуковского и 121 письмо Булгакова), из которых две трети (167) еще не известны в печати. Она входит в четверку самых объемных в наследии Жуковского, наряду с перепиской с А.И. Тургеневым, П.А. Вяземским и А.П. Елагиной, и начинается с 1828 г., хотя корреспонденты познакомились еще в 1809 г. К тому моменту Булгаков успел послужить сержантом в лейб-гвардии Преображенского полка, юнкером в Московском архиве Коллегии иностранных дел, секретарем посольства в Неаполе и Вене, откуда вернулся в Москву в 1808 г. и с тех пор служил в архиве Министерства иностранных дел и затем, с 1832 г., руководил московской почтой. Переписка Булгакова и Жуковского имеет энциклопедический характер: свое место здесь занимают творческие планы и литературные новости, события театральной и музыкальной жизни, разговор светских и придворных вестей, а с революционного 1848 г. – политические происшествия и отклики на них в Германии и России. В настоящей статье мы остановимся только на литературных, театральных и музыкальных темах.

Булгаков, будучи причастным литературе, писателем или знатоком словесности себя не считал, что иронически подчеркнул в письме от 10 августа 1835 г.: «Будь здоров и помни твоего товарища, ты поэт, а я и брат, как говорил покойный Ланжерон, мы *des hommes de lettres*¹» [1. Л. 6]. Именно поэтому для него было важно получить одобрение своих немногочисленных творческих опытов со стороны Жуковского («вить Жуковский-то первый писака на Руси!» [1. Л. 5]). Так, из ответного письма Жуковского от 26 апреля 1838 г. мы узнаем, что Булгаков отправил ему свою брошюру «Биография тайного советника, директора почтового департамента, Санкт-Петербургского почт-директора, разных орденов кавалера Константина Яковлевича Булгакова» [2], вызвавшую острое ностальгическое чувство: «Ты прав, я большая скотина, что не поблагодарил тебя за присланный мне тобою экземпляр биографии брата Константина; я читал эту биографию с особенным чувством: жизнь твоего брата заставила оглянуться и на собственную; мы ведь в одни годы начали жизнь, и жили если не вместе, то как-то все заодно. Друзья у нас были общие. Жизнь его, как милейшего родного; добрее души не встречалось мне на свете» [3. Л. 1].

¹ Литераторы (*франц.*). Поскольку почти все письма Булгакова до настоящего момента не публиковались, а публикации писем Жуковского имели значительные текстологические погрешности, цитаты из них приводятся по архивным автографам.

Самым значительным произведением Булгакова был его дневник под условным названием «Современные записки и воспоминания»¹, который он вел с молодости до конца жизни. 1 / 13 мая 1843 г. он писал Жуковскому: «У меня есть 10 огромных томов записок моих (из коих я и этот эпизод почерпнул), как бы не были они ничтожны, все-таки можно многое любопытное и полезное из них извлечь, но где взять мне время этим заняться? Я за то глажу уже себя по головке, что не перестаю заниматься продолжением этой работы, которая когда-нибудь пригодится детям моим» [1. Л. 32 об.]. Из дневника Булгаков иногда извлекал и публиковал примечательные фрагменты, в частности статью «Разговор Неаполитанского короля Мюрата с генералом графом М.А. Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года: (Отрывок из воспоминаний 1812 года)» [6]², которую отправил Жуковскому 16 / 28 февраля 1843 г., а ранее, 21 января / 2 февраля, предупредил: «Я написал, или, лучше сказать, выписал из моих записок один эпизод из 12-го года, переправил, пополнил, и вышла статейка довольно занимательная» [1. Л. 24 об.]. Подобные опыты вызывали непереносимое одобрение Жуковского, писавшего 11 / 23 апреля 1843 г.: «Прочитал с большим удовольствием: этот отрывок напомнил живо о великом для России времени. Особенно в нем замечателен Карамзин, который с такою верностью, накануне падения Москвы, предсказывает падение Наполеона и с таким вдохновением верит славному спасению отечества, тогда как все вокруг него кажется погибающим. Ты прилежно записывал все, что видел и слышал в течение своей жизни; верно, у тебя запас порядочный записок. Хорошо бы ты сделал, когда бы сам сделал из них выбор и выдал в свет то, что годится для выдачи» [8. Л. 12–12 об.].

Булгаков был вполне согласен с мнением поэта и, хотя опубликовал из своего дневника немного, часто сетовал, что известные люди своего времени не оставляют мемуаров и лишают потомство важных сведений: «Грех, точно грех таким людям, как, напр<имер>, Волконский, кн<язь> Ал<ександр> Н<иколаевич>, Ростопчин, Аракчеев, Сперанский, Бенкендорф, умирать, не оставляя записок или полезных материалов для нашей истории» [1. Л. 33] (письмо от 1 / 13 мая 1843 г.). Особенно оба друга сожалели, что пропадают втуне истории, которые прекрасно умел рассказывать о былых временах князь А.Н. Голицын. Узнав о его смерти, Жуковский писал другу 11 / 23 января 1845 г.: «Из присланной мне расписки Шевырева я вижу, что ты написал статью о кончине кн<язя> А.Н. Голицына. Я хотел просить тебя, чтобы ты мне сообщил ее подробности; но в твоей статье, вероятно, заключается все главное. Пришли мне ее или в списке или печатную» [9. Л. 1 об. – 2]. 30 января / 11 февраля 1845 г. Булгаков отвечал, прилагая статью «Чувства общего уважения Москвы к памяти покойного князя Александра Николаевича Голицына» [10]: «Я особенных подробностей о кончине кн<язя>

¹ Дневники Булгакова в составе 17 томов [4, 5] до сих пор опубликованы лишь в небольшом объеме усилиями С.В. Шумихина.

² Ее оттиск сохранился в библиотеке Жуковского [7. № 29 а].

А<лександра> Н<иколаевича> Голицына не имею, а Шевырев в записке своей упоминает о статейке моей, касающейся до панихиды, которую служил у нас в Почтовой церкви преосвященный Филарет. Я порчу для тебя экземпляр свой, вырезаю из моего № статью и посылаю оную тебе при сем» [1. Л. 53].

Московский почт-директор также был в курсе творческих замыслов Жуковского, получая о них сведения из разных источников, от самого поэта, от П.А. Вяземского, А.И. Тургенева, других друзей и даже от дочери Ольги, поделившейся с отцом колоритным эпизодом масленицы, отпразднованной Жуковским, цесаревичем и его свитой в Риме во время карнавала 1839 г. и ознаменованной шуточными неопубликованными стихами: «Это напоминает мне русские ваши блины в Риме, о коих рассказывала мне Ольга не один раз, выхваляя стихи твои¹ при этом случае у цесаревича» [1. Л. 217] (письмо от 15 / 27 февраля 1851 г.). Правда и то, что развернутой рефлексии они не удостоивались ни у самого Жуковского, ни у Булгакова, ограничивавшегося, как правило, вполне лапидарным одобрением. Единственным отступлением от этого правила стало письмо Жуковского от 27 сентября / 9 октября 1848 г., посвященное правкам, которые П.А. Вяземский и Ф.И. Тютчев самовольно внесли в текст стихотворения «К русскому великану»: «Скажи ему <П.А. Вяземскому>, что я совсем не благодарен ему за ту поправку, которую он (вероятно, он) сделал в моих стихах, напечатанных в “С<анкт>-П<етербургских> ведомостях” и перепечатанных в “Скверной пчеле”. И это не от авторского самолюбия, а просто от того, что из смысла сделалась бессмыслица» [12. Л. 25 об.]. На это Булгаков 12 / 24 октября 1848 г. откликнулся вполне симптоматично: «À propos de cela², письмо твое посылаю к Вяземскому. Я ничего не знаю о поправках, о коих ты пишешь. Знаю я Воробьевы и Валдайские горы, а на Геликон никогда не карабкался, ездая я в мою жизнь на ослах, даже на коровах, а на Пегасе никогда. Вяземский будет тебе, вероятно, сам отвечать, объяснять и оправдываться, а твои резоны, кажется, основательны» [1. Л. 142 об.].

Красной нитью через переписку 1840-х гг., безусловно, проходят упоминания о работе над переводом «Одиссеи», начиная от совместного письма Булгакова и А.И. Тургенева от 17 / 29 ноября 1842 г. Жуковский не комментировал другу эстетику своего перевода, но с этими рефлексиями московский почт-директор был знаком благодаря проходившим через его руки или пересылаемым к нему письмам Жуковского к А.П. Елагиной (последнее в сокращении было опубликовано И.В. Киреевским в «Москвитянине» [13], внимательно прочитываемым Булгаковым), А.И. Тургеневу и, особенно, П.А. Вяземскому. Однако даже лапидарные упоминания складывались в некую хронику: «У меня на руках старуха “Одиссея”; она идет хорошим, но еще весьма медленным шагом; не раскачалась еще» [8. Л. 10 об.] (10 / 22 февраля 1843 г.); «<...> наконец я кончил свою одиссею и остаюсь

¹ Их публикацию см.: [11. С. 27].

² Кстати, об этом (*франц.*).

на месте и принялся за “Одиссею” Гомерову, с которою мне так же трудно ладить, как самому Одиссею с сердитым Нептуном» [8. Л. 15] (10 / 22 октября – 9 / 21 ноября 1843 г.); 26 сентября / 8 октября Жуковский просил прислать перевод «Одиссеи» И.И. Мартынова [14]; «если бы не надобно было готовиться к отъезду, опять бы усердно принялся за “Одиссею”» [12. Л. 8] (13 / 25 мая 1847 г.); «Целый месяц не примусь за перо потому, что все время хочу посвятить “Одиссее”, которую надеюсь, с Божиею помощью, кончить к половине апреля н<ового> с<тиля>» [12. Л. 27 об.] (7 / 19 марта 1849 г.); «“Одиссея” кончена и отпечатана, и едет на долгих в Россию» [12. Л. 30] (17 / 29 мая 1849 г.).

Особым моментом здесь выступила гордость за европейское признание перевода: в приложении к газете *Allgemeine Zeitung* в 1849 г. был опубликован пространный хвалебный отзыв немецкого писателя и критика К.А. Фарнгагена фон Энзе, который Жуковский не преминул переслать 31 октября / 12 ноября 1849 г. («А печатную статью, прочитав, передай от меня Шевыреву. Ему, который взял на себя дружеский труд сказать несколько слов о моей “Одиссее” русским людям¹, будет интересно прочитать то, что о ней сказал немец немцам» [12. Л. 34]). На это Булгаков отвечал 21 ноября / 3 декабря 1849 г.: «Шевырев сказывал мне, что у него была уже мысль передать русским то, что немец говорит немцам о твоей “Одиссее”. Мы увидим это, вероятно, в первой книжке “Москвитянина”. Но ты большой чудак! Неужели ты думаешь, что никто не получает здесь “*Allgemeine Zeitung*” и никто не знал о статье, которую ты прислал мне вырезанною? Для меня, по крайней мере, это не новость. Я давно это читал» [1. Л. 177]. Участие Булгакова выразилось и в том, что он организовал получение, хранение и распространение, в том числе подарочных экземпляров, «Одиссеи» в составе «Новых стихотворений Василия Жуковского» и «Стихотворений Василия Жуковского», отпечатанных в Карлсруэ и отправленных в Россию, о чем отчитывался в письмах 1848 (30 ноября / 12 декабря) и 1849 г. (21 марта, 12 / 24 октября). Дружеская ирония над образом Жуковского-переводчика, накрепко связавшимся с образами Одиссея и Гомера, неизменно сопровождала его письма 1840-х гг.

Знаком особой доверенности выступило и регулярное ознакомление Булгакова с политической прозой 1848–1850 гг. Лишь две статьи Жуковского из этого корпуса были опубликованы в России – «Письмо русского из Франкфурта» [16] и «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”» [17], с ними московский почт-директор был знаком и писал 20 марта / 1 апреля 1848 г.: «Много говорили о “Письме русского из Франкфурта”, напечатанном в “Северной пчеле”. Полагали, что оно от тебя и письмо ко мне, но я уверяю, что нет, что тут ум и чувства Жуковского, но что во всяком случае письмо не ко мне. Теперь стали говорить, что писано письмо это Карамзиным. Честь и слава ему. Письмо прекрасное!» [1. Л. 133 об.].

¹ Подразумеваются развернутые обзоры перевода в статьях: [15].

Остальные же предназначались Жуковским для немецкой публики и немногочисленных русских друзей: они печатались в переводе в газетах, из которых извлекались отдельные оттиски-брошюры, или в немецких издательствах. Так, поэт писал Булгакову 9 / 21 августа 1848 г., высылая немецкий перевод статьи «О происшествии 1848 года. Письмо к графу Ш-ку»: «Вместо длинного письма посылаю тебе, душа моя, коротенькую брошюрку, мною здесь напечатанную для немногих русских, здешних и домашних. Два экземпляра – пошли из них один Вяземскому, другой оставь себе. Но прошу тебя, никому не давай в руки печатного; если тебе захочется, чтоб другие читали, то вели сделать список, и пускай ходит по рукам манускрипт; иначе могут подумать, что я печатаю за границею для раздачи экземпляров на Руси. Я всего на все напечатал 40 экземпляров, из которых не более десятка пойдет на родину» [12. Л. 24–24 об.]. На нее Булгаков отозвался единственным во всей переписке критическим замечанием в письме от 23 августа / 4 сентября 1848 г.: «Я осмелюсь сделать только одно замечание: на 3-ей странице, говоря о Екатерине и о разделе Польши, ты называешь это *преступною* ошибкою великой этой царицы. Положим, что это ошибка (последствия это доказывают), но слово *преступная* слишком жестко, особенно в устах русского, в пере Жуковского» [1. Л. 138]. Получение других статей-брошюр (немецкие варианты «Письма к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”», «Иосиф Радовиц», «Русская и английская политика») неизменно вызывало одобрение: «Да помилуй, братец! Что же ты думаешь об нас? Что мы пошлые дураки? Что мы не читаем газет? Не выдывали в глаза “Allgemeine Zeitung”? Не знаем по-немецки? <...> Я читал в свое время и с особенным наслаждением статью из Beilage¹, которую ты мне прислал, ломал себе тогда голову и признаюсь, что скотина, не догадавшись, что ты должен был быть автором этой статьи: умной, основательной и беспристрастной. Тут точно одна правда, против которой возражать нечего» [1. Л. 187 об.] (24 апреля / 7 мая 1850 г.); «Присланные тобою брошюрки я получил исправно, и все розданы или разосланы. Я сам не успел еще прочитать, но давал читать живущему со мною молодому студенту берлинскому по имени Бабергейл, который два года посещал университет с сыном моим Павлом и теперь должен поступить в доктора. Он в восхищении от твоей брошюрки. Не говоря уже об основательности суждений, он удивляется прекрасному немецкому слогу в сочинении, написанном русским» [1. Л. 194] (1 / 13 августа 1850 г.).

Не прошли мимо внимания Булгакова, вероятно, через посредничество П.А. Вяземского и известия о планах Жуковского напечатать сборник своих политических и нравственно-религиозных статей, уже отправленный друзьями в цензуру, но остановленный самим автором. Эти цензурные затруднения очень удивили московского почт-директора: «Мне кто-то (не вспомню, но общий наш знакомый) сказывал, что будто присланная тобою какая-то

¹ Приложение (нем.).

книжка твоего сочинения будто удержана была цензурою в Петербурге, я расхохотался и уверял, что или ты не присылал никакой книги, или что ежели присылал, то уж, конечно, цензуре не было нужды втыкать тут нос свой. Скажи мне словечко об этом» [1. 214 об.] (письмо от 5 / 17 февраля 1851 г.). Последним же творческим подарком Жуковского стала поэтическая брошюра «Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским» [18], пересланная при письме от 27 февраля / 10 марта 1852 г. 11 / 23 марта 1852 г. Булгаков отвечал: «Стихи твои к детям прелестны. Это пылкость воображения, чувства, нежность 18-летнего юноши. Внук мой Долгоруков, мальчик редких дарований, так в стихи твои влюбился, что сочиняет на них музыку» [1. 242 об.].

В энциклопедическом репертуаре писем Булгакова свое место занимали и литературные новости. Московский почт-директор не вел хроники текущей словесности, его внимание, как правило, привлекали случаи экстраординарные, часто скандальные, как смертельная дуэль М.Ю. Лермонтова 15 июля 1841 г. О ней 4 августа писал Булгакову П.А. Вяземский: «Мы все под грустным впечатлением о смерти бедного Лермантова. Большая потеря для нашей словесности. Он уже много исполнил, а еще более обещал. В нашу поэзию стреляют удачнее, нежели в Лудвига Филиппа. Второй раз не дают промаха. Грустно! <...> На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целиться в Лермантова, особенно когда он сознавался в своей вине» [19. С. 245–246]. 31 октября / 12 ноября Булгаков лапидарно сообщал об этом Жуковскому: «Ты знаешь уже также, что Лермонтов был убит на Кавказе Мартыновым за карикатуру и стихи, сочиненные им на Мартынова. Жалкая участь наших поэтов славнейших» [1. Л. 12]. Схожую реакцию вызвала у него и смерть Е.А. Баратынского 29 июня / 11 июля 1844 г., о которой сообщил С.Д. Полторацкий: «<...> теперь такая фатальная полоса на поэтов. В Неаполе умер Евгений Боратынский, не то чтобы не смел отступить от итальянского приговора: *Vedi Napoli e poi muori!*¹ Но так было написано на небе в доказательство, что и в прекрасных климатах умирают молодыми, а в нашем скверном прославляемом живут и до глубокой старости. <...> когда поедешь в Неаполь, не кидайся на фрукты и на устерсы¹ надобно думать, что Боратынский был не воздержан, потому что умер от ужасной рвоты, которую ничем остановить не могли» [1. Л. 43 об. – 44] (письмо от 15 / 27 августа 1844 г.). 1 / 13 февраля 1847 г. Булгаков подтверждал дошедшие до Жуковского слухи о смерти Н.М. Языкова: «Языков точно умер, но здоровье его видимо упало с некоторого времени. Все очень жалеют об нем в обоих столицах, ибо это потеря общая для знавших и не знавших его» [1. Л. 103 об.].

В отдельный сюжет развернулись в письмах московского почт-директора обстоятельства смерти давнего общего друга А.И. Тургенева. Еще 17 / 29 ноября 1845 г. он сообщал о хорошем самочувствии товарища и его

¹ Увидеть Неаполь и умереть! (*итал.*).

неутомимой деятельности («Он все тот же, рыскает, хлопочет, пишет, читает, лакомится, спорит, филантропствует и политикует» [1. Л. 64]), а уже на следующий день после его гибели в письме от 4 / 16 декабря рассказывал о последних минутах, завершив словами: «Т<ургенев>, по связи наших отцов и по нашей 45-летней дружбе, большая и для меня потеря. Тебе известна была его добрейшая душа, всякий, кто его знал и кто, может быть, не так его любил, как мы с тобою, всякий о нем будет сожалеть» [1. Л. 66 об.]. К сожалению, не сохранилось письмо Булгакова от 8 / 20 декабря, в котором, вероятно, содержался более развернутый очерк обстоятельств смерти и похорон друга, но уже 15 / 27 декабря он выслал Жуковскому некрологическую статью М.П. Погодина «В память об Александре Ивановиче Тургеневе» [20] со своими комментариями: «Никто не может оспаривать доброй души, коею украшался покойник, но что касается до умственных качеств Тургенева, то я нахожу, что Погодин слишком оные превознес. Он сделал из него какого-то *homme universel*¹. Уж как будто по его сигналу во Франции сменяли министров, а в Англии толковали с ним о преобразовании парламента!» [1. Л. 67]. Ответом выступило большое некрологическое письмо Жуковского от 20 декабря 1845 г. / 1 января 1846 г., рисовавшее образ доброго и нравственно чистого человека. Постскриптумом здесь явился еще один обмен некрологическими статьями (5 / 17 января 1846 г. Жуковский выслал французский некролог, написанный графом Адольфом де Сиркуром [21] и высоко оцененный Булгаковым в письме от 19 / 31 января: «Статья написана с умом, вкусом и чувством» [1. Л. 74]) и забота о судьбе тургеневского архива, а также высылка заверенного официального свидетельства о смерти, необходимого для оформления Н.И. Тургеневым прав на наследство (письма от января–марта 1846 г.).

Такой же сюжет развернулся в переписке по поводу Н.В. Гоголя. С ним Булгаков познакомился только в 1848 г., о чем сообщал другу 30 ноября / 12 декабря: «В “Северной пчеле”, вчера нами полученной, большая статья о твоих книгах², кои ужасно Булгарин превозносит. Он к этому придрался, чтобы поругать Гоголя, с коим я намерен познакомиться. Он много у меня расспрашивал о тебе. Я ожидал видеть в нем человека живого, пылкого, болтливое, резкое и нашел совершенно противное» [1. Л. 144 об.]. Знакомство продолжилось в начале следующего года: «Я недавно обедал с Гоголем у П.П. Новосильцева, тут я с ним познакомился. Мне бы в голову никогда не пришло, что это тот-то Гоголь. Фигура, и обращение, и разговоры его не соответствуют совсем его творениям. Речь тотчас зашла и о тебе, он много о тебе расспрашивал, жаль, что я тогда не имел твоего письма. Он собирался ехать в Петербург» [1. Л. 158] (письмо от 21 марта / 2 апреля 1849 г.). Как водится, знакомство быстро стало сопровождаться дружескими услугами, и через Булгакова стала проходить переписка Жуковского и Н.В. Гоголя, почт-директор сообщал Н.В. Гоголю и письма баденского

¹ всемирного человека (*франц.*).

² Статья в рубрике «Журнальная всякая всячина» [22].

корреспондента, адресованные себе. Так, в письме от 25 марта / 7 апреля 1850 г. Булгаков делился содержанием нескольких записок Н.В. Гоголя, написанных после прочтения письма Жуковского от 3 / 15 марта 1850 г.¹ Два письма Булгакова с описанием обстоятельств смерти Н.В. Гоголя 21 февраля 1852 г. и его похорон были в свое время опубликованы А.В. Петровым [24. С. 511–513]². Не сообщая существенно новых деталей, поскольку к кругу автора «Мертвых душ» московский почт-директор близок не был, они давали выжимку самых главных событий, что сопровождалось вырезкой статьи Е.П. Ростопчиной о похоронах [26] и приложением литографии сначала с портрета Н.В. Гоголя в гробу, а затем литографии с прижизненного портрета Э.А. Дмитриева-Мамонова. В последнем сохранившемся письме всей переписки от 5 / 17 апреля 1852 г. Булгаков препроводил к Жуковскому еще одну статью М.П. Погодина «Кончина Гоголя» [27].

Московский товарищ исправно снабжал переводчика «Одиссеи» и другими животрепещущими околелитературными историями или оценками произведений, привлечших его внимание. Так, в 1842 г. Москву посетил *Ксавье Мармье*, французский писатель и путешественник, по возвращении он опубликовал статьи о своих впечатлениях [28, 29], которые вызвали скептическую оценку Булгакова в письме от 21 января / 2 февраля 1843 г.: «Читал я в “Revue des deux monde” статью Marmier о Москве. Я ожидал что-нибудь лучшее от его пера» [1. Л. 24 об.]. В письме от 27 февраля / 11 марта 1843 г. Булгаков пересказывал мнение П.А. Вяземского о новой пьесе Н.А. Полевого «Ломоносов, или Жизнь и поэзия»: «Ломоносов <...> коего Полевой вывел на сцену совершенным вралем, а не таким, какой он был. Он играет на балалайке и заставляет плясать вприсядку Тредьяковского! Он (т<о> е<сть> Вяз<емский>) говорит, что нынешние театральные произведения наводят на него жалость, скуку и досаду» [1. Л. 27 об.]. Князь П.В. Долгоруков издал в 1843 г. в Париже под псевдонимом «граф Альмагро» на французском языке «Notice sur les principales familles de la Russie» («Заметку о главных фамилиях в России»), повлекшую вызов его в Россию и ссылку в Вятку. На А.И. Тургенева пало подозрение, что он снабжал князя историческими сведениями для «Заметки», в результате он был вызван на ковер к А.Х. Бенкендорфу, где, однако, вполне оправдал себя. Вся эта история стала предметом большого письма Булгакова от 1 / 13 мая 1843 г. 10 / 22 октября – 9 / 21 ноября 1843 г. Жуковский интересовался мнением друга о скандальной книге Астольфа де Кюстина «La Russie en 1839», вызвавшей гнев и возмущение русского общества, и о ее наиболее odioзных героях: «Читал ли ты собаку-Кюстина? Верно, читал. Я не хочу знать, что ты думаешь о его похвальном слове русскому народу в 4 томах in 8°. Но вот что желаю знать, видел ли ты его самого, когда он был в Москве. Я сам был в Москве в его

¹ Одна из цитируемых записок в печати не известна, в том числе не учтена она и в академическом «Полном собрании сочинений» Н.В. Гоголя, вторая – записка к Булгакову от 24 марта 1850 г. [23. С. 173].

² К сожалению, эти свидетельства не были учтены в изд.: [25].

время, ибо это было в эпоху Бородинской годовщины; но я об нем не слышал. Кого описывает он под именем *Lovelace du Kreml*?¹» [8. Л. 15 об.]. 21 декабря 1843 / 2 января 1844 г. Булгаков разразился гневной рецензией: «Я добился наконец Кюстина, читал его лжи и гнусности. Я с ним обедал здесь раза три, и слышал своими ушами, как он называл Россию *le pays hospitalier par nonchalance, peuplé par une aristocratie éclairée, aimable et générale*². Я не читывал книги, в коей было бы столько противоречий, то мы умнейший, то глупейший народ. Сначала у меня желчь шевелилась, а потом читал я, питая к автору одно сострадание и презрение. <...> Мы сами не догадываемся, кто может быть этот *Lovelace du Kremlin*³, иные думают, что это Барятинский, женившийся на Каблуковой, а другой – что это повеса *der Gagarine*, сын покойного кн<язя> Андрея Павловича» [1. Л. 38 об.].

18 / 30 января 1847 г. Булгаков делился скандальной историей, закончившейся высочайшей опалой, с публикацией в «Северной пчеле» стихотворения Е.П. Ростопчиной «Насильный брак» [30], аллегорически представлявшей отношений Польши и России: «Читал ли ты стихи Ростопчиной, напечатанные в “Северной пчеле”? Они чрезвычайно занимают публику обеих столиц, с тех пор что открыли истинный их смысл. Дай-ка велю списать и приложу их здесь. В Петербурге это тотчас расчухали, потому что на другой день появления “Пчелы” с этими стихами на дверях Булгарина явилась надпись большими буквами: завтра будут сечь Булгарина!» [1. Л. 102]. 6 / 18 марта 1847 г. случилось продолжение: «Я тебя слишком, право, балую, да уж так и быть: посылаю тебе в дополнение стихи, сочиненные в ответ на те, кои написала Ростопчина. Эти последние нигде не напечатаны, не так *erhaben*⁴, как те, но имеют свое достоинство. Говорят, что сочинитель их – молодой человек, некто Казадаев. В первом *письме твоём желаю знать твоё* мнение насчет обоих стихотворений» [1. Л. 106]. Жуковский на призыв отозвался только 13 / 25 мая 1847 г.: «Благодарствую за балладу и за антибалладу. Первая написана прекрасно; у Ростопчиной истинный талант, но она взбалмошное творение, и ее поэзия принадлежит к чудовищной породе поэзии нашего века, разрушающей всякую святыню» [12. Л. 8 об.].

Не менее скандальная история произошла с Ю.В. Самариным. Слухи о насильственном присоединении к православию эстов и латышей и о возбуждении их православным духовенством против помещиков побудили его написать в 1849 г. «Письма из Риги», в которых обсуждалось отношение к России прибалтийских немцев. Письма эти, получившие распространение в рукописи, вызвали неудовольствие властей. Ю.Ф. Самарин был привлечен к ответственности по обвинению в разглашении служебных тайн. 17 марта состоялась его встреча с императором Николаем I, который сделал ему

¹ кремлевский ловелас (*франц.*).

² страной гостеприимной до нерадивости, населенной аристократией просвещенной, любезной и главенствующей (*франц.*).

³ кремлевский ловелас (*франц.*).

⁴ возвышенны (*нем.*).

строгое внушение. Об этой истории Булгаков писал 21 марта / 2 апреля 1849 г.: «Молодой Самарин Юрий Ф<едорович> посажен в Петербургскую крепость. Признаться, я не знаю твердо вины его, но как слышно, он написал какие-то письма, наполненные смелыми политическими рассуждениями с преувеличенными чувствами пристрастия к России и славянским племенам и большим негодованием на немцев. Как говорят, наказан он не за мнения свои, а за огласку вещей, кои должны были оставаться сокровенными и ему были известны по комиссии, которую имел в Риге от министра внутренних дел. Как уверяют, кн<язь> Суворов настоял в наказании Самарина гласно» [1. Л. 160 об.].

В конце 1850 г. Булгаков подробно рассказывал другу о скандале с постановкой пьесы К.С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году»: «У нас было здесь довольно странное событие. Аксаков написал драму “Освобождение Москвы в 1612 году”. Драма эта напечатана, прошла, следовательно, в цензуре – этого мало – не все то, что читается, представляется на Императорском публичном театре, а драму эту представили намеренно в бенефис актера Леонидова, он играл Ляпунова. Во время представления были различные изъявления одобрения и неудовольствия, иные шикали, другие хлопали. Меня не было в театре в тот вечер, но, когда при конце начали вызывать автора, который и вышел, и благодарил публику, полиция вмешалась в дело, и многие были ею взяты, не только пьеса по приказанию Закревского была отобрана от Дирекции, но даже и все экземпляры, бывшие в продаже у книгопродавцев. Большие идут о том теперь толки. Говорят, что пьеса напитана демократическими чувствами, что автор поносит дворян, бояр, ставит их ни в грош, прославляя народ русский. Очень поразило всех, что он Сигизмунда называет старою собакою, а сына его Владислава щенком! Положим, что они были враги России, но государя на сцене называть старою собакою, – это что-то чересчур смело. Не знаю, как посудят об этом в Питере, а цензорам и здешней Дирекции не миновать беды» [1. Л. 211 об.] (письмо от 25 декабря 1850 г. / 6 января 1851 г.).

Дополнением к литературным новостям являлись новости музыкальные. Булгаков страстно любил музыку, в особенности оперу. Как вспоминал П.А. Вяземский, «музыке он не обучался и, следовательно, не был музыкальным педантом. Любил Чимарозе и Моцарта, немецкую, итальянскую и даже французскую музыку, в хороших и первостепенных ее представителях» [31]. Эта страсть вполне отразилась и в письмах к Жуковскому, которому Булгаков сообщал о каждом приехавшем в Москву музыканте или артисте. Так, 20 октября / 1 ноября 1842 г. он писал о выступлениях петербургского Немецкого театра: «У нас все сходят с ума от немцев, которые дают нам весьма хорошо “Роберта”, “Фенеллу”, “Норму” и все прочие *шедевры* новейших времен. Театр всякий раз битком набит» [1. Л. 18 об.], а 13 / 25 ноября продолжал: «<...> мы восхищаемся немецкою труппою, которую нам прислали из Петербурга. Они дают отлично “Фрейшица”, “Жидовку”, “Норму”

и все главные оперы нынешних времен. <...> Петербург ожидает Рубини¹ с тем же нетерпением, с коим мы ожидаем сюда Листа²» [1. Л. 19].

Приезд Д.Б. Рубини в Петербург стал предметом большого письма от 19 / 31 марта 1843 г., в котором Булгаков изумлялся фантастическим гонорарам певца и его успехом при дворе. Ференц Лист вызвал искреннее восхищение московского почт-директора, сведшего с ним короткое знакомство через посредничество дочери О.А. Долгорукой, знавшей исполнителя с конца 1830-х гг.: «В короткое время имели мы три знаменитости: Талиони³, Рубини и Лист. Последний нас теперь с ума сводит. Что это за гений. Я думал найти в нем фигляра. Это главная черта нашего века. Фантазмагория входит во все: в финансы, политику, науки, искусства. Каталани и Паганини ввели это и в музыку. Есть немного этого добра и у Листа, но он дал душу и бездушному инструменту, каково фортепиано. Я слышал его раза четыре и в восхищении от него. Я слышал Мошелеса, Стейбелта, Гумеля, Дрейшока, Талберга, Гензельта – они меня не пленили. Я выше всех их ставил Фильда – Лист обратил их всех в прах. К большому искусству, силе, проворству он более еще Фильда высыпает из-под пальцев нежнейшие перлы, кои падают на душу как огненные капли. Удивительный человек» [1. Л. 34] (письмо от 1 / 13 мая 1843 г.). Ф. Лист в период с 22 апреля до 16 мая 1843 г. дал 8 концертов в Москве и 20 мая возвратился в Петербург. Булгаков оставил в своем дневнике пространные записи о концертах Листа, которые посетил все [34].

Продолжением темы стало письмо от 18 / 30 июня 1843 г., с которым Булгаков послал свою статью «Лист в Москве» [35]: «Познакомясь с ним короче, слыша много раз его игру и разные разности о душевных его качествах, я в упоении моем написал об нем нечто, но по-французски, читал ему и обещал оригинал. Он очень был доволен и благодарил меня. Шевырев, коему я также читал это, просил меня поместить в “Москвитянин” перевод этой статьи. Нечего делать! Взял на себя скуку сделать этот перевод сам, другой бы и лучше перевел, но не так близко к мыслям моим. Это напечатано в 5 № “Москвитянина”. Я выговорил несколько экземпляров особенно и посылаю тебе, душа моя, один на суд твой» [1. Л. 35]. Жуковский, как оказалось, Листа не знал: «<...> должен признаться, что еще не слышал Листа; а это тем непостижимее, что я *мог* его слышать, ибо он проезжал через Дюссельдорф; давал здесь концерт, а я, варвар, не полез из кожи, чтобы услышать его» [8. Л. 14] (письмо от 10 / 22 октября – 9 / 21 ноября 1843 г.).

Следующим предметом увлечения Булгакова стал Итальянский театр. О его успехе в Петербурге почт-директор сообщал 21 декабря 1843 / 2 января 1844 г.: «В Петербурге все просто с ума сходят от итальянской оперы.

¹ Итальянский певец Дж.Б. Рубини, выступил с гастрольями в Петербурге в апреле-мае 1843 г. См. подробнее: [32].

² В Москву Ференц Лист в рамках вторых российских гастролей прибыл 22 апреля 1843 г. См. подробнее: [33].

³ М. Тальони по контракту танцевала в составе Петербургской императорской труппы в 1837–1842 гг.

Вяземский пишет мне: у гр<афа> Киселева нервы расстраиваются от Виардо Гарции, гр<аф> Алек<сей> Ф<едорович> Орлов, который вечно смеется, от нее плачет, Несельроде щиплет соседа своего Северина, очки у него прыгают на носу, он забыл Катаказия, Грецию, знает только о Рубини и Италии. Мест нельзя добиться, даже раек занят заранее, и там даже гвар<дейские> офицеры сидят» [1. Л. 40 об.]. 11 / 23 марта 1844 г. Булгаков писал о новых гастролях знаменитостей: «Мы наводнены певцами и певицами. Теперь у нас поют Рубини и Тамбурины, был скрипач Гауман, певица Шоберлехнер, старинная приятельница моя и покойного брата. Ее приняли отлично здесь, ты, я чаю, ее знал, слышал под именем Mll Dall'ossa, крупнейший голос и большое искусство. Я по просьбе Шевырева сделал для нее статейку в жур<нале> “Москвитянин”¹, послал бы тебе, но не думаю, чтобы это тебя интересовало» [1. Л. 42]. Наконец Итальянский театр добрался и до Москвы в лице оперного тенора Л. Сальви: «У всех голова идет кругом от итал<иян-ской> оперы, или, лучше, от Salvi, который, конечно, первейший теперь тенор в Европе, не исключая, может быть, и самого Рубини, и, кроме того, он молод, видный мужчина и прекрасный актер» [1. Л. 52 об.] (письмо от 19 / 31 декабря 1844 г.).

Новая волна гастролей последовала весной 1847 г., о чем Булгаков уведомлял 14 / 26 апреля: «У нас мад<емуазель> Plessy². Мало тебе? Так у нас Каратыгин! Мало еще? Ну, у нас Берлиоз» [1. Л. 110]. Однако подлинным праздником стала для него поездка в Петербург, где он не был 15 лет. Три месяца, проведенные здесь, в значительной степени были посвящены театру и опере: «Какое великолепие! Какая роскошь! Какой Итальянский театр! Grizi! Mario! Frezzolini! Tamburini! Fanny Elßler!» [1. Л. 179] (письмо от 3 / 15 января 1850 г.); «Я ужасно наслаждался здесь Итал<иянскою> оперою, не пропустил ни одного представления» [1. Л. 181 об.] (7 / 19 марта 1850 г.); «Наслаждался я до сыту прекрасными театрами один другого лучше: французский, русский, балет, цирк, к коем 33 раза сряду давали “Блокаду Ахты”³ – а уж об Итальянской опере нечего и говорить. Ежели были бы по два представления в день, я ни одного бы не пропустил. Я привез с собою из благодарности портреты Гризи, Фреццолини, Марио, Тамбурины, Фанни Элслер, Самойловых, Мартынова, Федоровой, Плесси и пр<очих> и пр<очих>. Потешили они меня, зато и я дам им почетное место в своем кабинете» [1. Л. 183–183 об.] (25 марта / 7 апреля 1850 г.).

¹ Статья «Софья Шоберлехнер в Москве» [36].

² Жанна Сильвани Арну-Плесси, популярная французская театральная актриса, игравшая в 1845–1856 гг. во французской труппе петербургского театра.

³ С 14 по 22 сентября 1848 г. возле аула Ахты в Дагестане развернулись военные действия между мюридами имама Шамиля и русскими войсками, ставшие известными как битва за Ахты, завершившаяся победой русских войск и отступлением Шамиля из Самурского округа. Спустя два года после сражения на сцене императорского цирка в Петербурге была поставлена первая отечественная историческая конно-батальная пантомима П.К. Мёрдера, бывшего участником обороны крепости, «Блокада Ахты», пользовавшаяся большим успехом публики.

Особым событием для Булгакова стали московские гастроли балерины Ф. Эльслер, о которых он уведомлял друга 12 / 24 октября 1850 г.: «У нас пляшет славная Фанни Эльслер. Она ангажирована на 40 представлений и до сих пор восхитительна» [1. Л. 201 об.]. Впечатления о ее искусстве вдохновили почт-директора на написание восторженной статьи, которая была переслана Жуковскому 15 / 27 марта 1851 г.: «Восхищаемся мы прелестною Фанни Эльслер, но, увы, на этой Масленице кончится сделанное с нею условие, и она уезжает. Сказала мне, что Москвою оканчивает свое театральное поприще. Она нас очень полюбила, а мы ее. Я написал в честь ее статейку¹, которую пришло, может быть, тебе. Нашлись какие-то препятствия напечатать это в наших журналах, а, право, не касаюсь нимало политики, говоря о прыжках и грациозности Фанички. Уж подлинно *Фанички*, потому что несмотря на ее 40 (иные говорят даже 44) лет, право, в балете “*La fille mal gardée*”² нельзя дать ей более 18 лет. Эта, брат, и нас с тобою перешеголяла. Я перевел статейку на французский язык и ей отдал на память, чем очень и доволен, не искав ни корысти, ни авторской славы» [1. Л. 217] (письмо от 15 / 27 февраля 1851 г.). О прощании с Ф. Эльслер, когда она покидала Москву и завершала карьеру, Булгаков писал 15 / 27 марта 1851 г., сопроводив рассказ экзальтированной брошюрой Е.П. Ростопчиной «Фанни Эльслер» [38], на которую Жуковский откликнулся иронической репликой в письме от 8 / 20 апреля 1851 г.: «Но то, что написала моя любезная графиня Ростопчина, есть чистое, гениально выраженное сумасшествие. Какая шаликовская сентиментальность в этой златоглавой Москве, которая так взрыд, гуртом плачет, прощаясь, с устарелую немецкую грацию, только оттого ей милою, что она с восхитительною легкостью ножку свою выше головы подымает и так нежно целует бриллианты, ей подаренные. Дорого бы я дал за то, чтоб видеть эту сцену всеобщего, первопрестольного плача и рыдания» [39. Л. 8 об.].

Эстафету продолжили гастроли актрисы Александринского театра В.В. Самойловой: «Теперь Москву занимает очень петербургская актриса Самойлова 2-ая. Вчера был ее бенефис, и она собрала кучу денег, кучу корон, венков и букетов, давали новую пьесу актера Григорьева “Житейская школа”³, комедия в 4 актах и стихах. Много есть хорошего, но ужасно растянута, много очень можно бы выкинуть, и пьеса не потеряла бы ничего. После комедии этой Самойлова прочла, т<о> е<сть> продекламировала прекрасно, твою балладу “Людмилу”, которая была принята с большими рукоплесканиями, требовали повторения, но нельзя было исполнить желания публики. За этим следовали еще три представления, я поехал домой в

¹ Статья Булгакова «Фанни Эльслер» была напечатана в: [37].

² Тщетная предосторожность (*франц.*). Популярный балет в двух действиях французского хореографа Жана Доберваля.

³ Петр Иванович Григорьев (также известный как Григорьев 1-й), актер и драматург, в начале 1820-х гг. был принят на сцену Императорского драматического театра, где прослужил почти 50 лет. Среди его сочинений – и комедия «Житейская школа».

12 часов, и еще не было кончено» [1. Л. 225–225 об.] (письмо от 25 апреля / 7 мая 1851 г.).

Таким образом, насыщенная переписка Булгакова и Жуковского 1840-х гг. является подлинной хроникой литературной, театральной и музыкальной жизни России, пропущенной сквозь призму индивидуальных интересов, но не теряющей от этого новизны и информативности.

Список источников

1. РО ИРЛИ. № 27942.
2. Булгаков А.Я. Биография тайного советника, директора почтового департамента, Санкт-Петербургского почт-директора, разных орденов кавалера Константина Яковлевича Булгакова. М., 1838. 29 с.
3. НИОР РГБ. Ф. 41. Карт. 82. № 23.
4. ОР РНБ. Ф. 536. Оп. 1. № 1313.
5. РГАЛИ. Ф. 79. № 4-19.
6. Москвитянин. 1843. Ч. 2. № 4. С. 499–520.
7. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / сост. В.В. Лобанов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 420 с.
8. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 83.
9. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 84.
10. Москвитянин. 1844. Ч. 6. № 12. С. 528–529.
11. Русская старина. 1903. № 4. С. 27.
12. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 85.
13. Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. С. 37–42.
14. Гомер. Одиссея / пер. И.И. Мартынова. Ч. 1–4. СПб. : Тип. Департ. народ. просвещения, 1826–1828.
15. Шевырев С.П. Стихотворения В. Жуковского. Изд. пятое. Том осьмой. Одиссея. I–XII песни. СПб., 1849. Статьи I и II // Москвитянин. 1849. № 1. Отд. критики и библиографии. С. 41–48; № 2. С. 49–56; № 3. С. 91–117.
16. Северная пчела. 1848. № 57. 12 марта. С. 225–226.
17. Русский инвалид. 1848. № 207. 21 сентября. С. 825–827.
18. Жуковский В.А. Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. Карлсруэ, 1852. 16 с.
19. Письма Александра Тургенева Булгаковым. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 376 с.
20. Погодин М.П. В память об Александре Ивановиче Тургеневе. М., 1845. 8 с.
21. Le Semeur. 1846. 14 января.
22. Северная пчела. 1848. № 268. 27 ноября. С. 1069–1071.
23. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 14. 487 с.
24. Жуковский: исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 1. 544 с.
25. Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852) : в 7 т. М. : ИМЛИ РАН, 2018. Т. 7. 640 с.
26. Ростопчина Е.П. Похороны Гоголя // Ведомости Московской городской полиции. 1852. № 47. 27 февраля. С. 201.
27. Москвитянин. 1852. Ч. 2. № 5. Отд. VII. С. 47–50.
28. Marmier X. La Russie en 1842 // Revue des Deux Mondes. 1842. Vol. 32. P. 701–755.
29. Marmier X. La Russie en 1842. II. Moscou // Revue des Deux Mondes. 1843. Vol. 1. P. 95–123.
30. Северная пчела. 1846. № 284. 17 декабря. С. 1135–1136.

31. *Русский архив*. 1868. № 9. Стб. 1441.
32. *Пезенти М.К.* Тенор Дж.Б. Рубини в Петербурге: успехи, встречи, переписка // *Мир русского слова*. 2007. № 3. С. 88–92.
33. *Уколова Е., Уколов В.* Гастроли Листа в России. Иллюстрированная хроника. М. : Изд-во Международного фонда гуманитарных инициатив, 2011. 294 с.
34. *Булгаков А.Я.* Листомания: Из неизданного дневника московского почт-директора А.Я. Булгакова // *Наше наследие*. 2002. № 61. С. 72–75.
35. *Москвитянин*. 1843. Ч. 2. № 5. С. 299–315.
36. *Москвитянин*. 1844. Ч. 1. № 2. С. 644–651.
37. *Москвитянин*. 1851. Ч. 1. № 4. Отд. V. С. 241–243.
38. *Ростопчина Е.П.* Фанни Эльслер. М., 1851. 24 с.
39. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 86.

References

1. Manuscripts Department of the Pushkin House. No. 27942.
2. Bulgakov, A.Ya. (1838) *Biografiya taynogo sovetnika, direktora pochtovogo departamenta, Sankt-Peterburgskogo pocht-direktora, raznykh ordenov kavallera Konstantina Yakovlevicha Bulgakova* [Biography of Konstantin Yakovlevich Bulgakov, Privy Councilor, Director of the Postal Department, St. Petersburg Postal Director, Knight of various orders]. Moscow: [s.n.].
3. Manuscripts Research Department of the Russian State Library. Fund 41. Card File 82. No. 23.
4. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 536. List 1. No. 1313.
5. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 79. No. 4-19.
6. *Moskvityanin*. (1843) 2 (4). pp. 499–520.
7. Lobanov, V.V. (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie* [Library of V.A. Zhukovsky: Description]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 286. List 2. No. 83.
9. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 286. List 2. No. 84.
10. *Moskvityanin*. (1844) 6 (12). pp. 528–529.
11. *Russkaya starina*. (1903) 4. p. 27.
12. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 286. List 2. No. 85.
13. *Moskvityanin*. (1845) 1 (1). pp. 37–42.
14. Homer (1826–1828). *Odisseya* [Odyssey]. Translated by I.I. Martynov. Parts 1–4. St. Petersburg: Tip. Depart. narod. prosveshcheniya.
15. Shevyrev, S.P. (1849) *Stikhotvoreniya V. Zhukovskogo* [Verses by V. Zhukovsky]. 5th edition. Vol. 8. St. Petersburg. *Moskvityanin*. 1. pp. 41–48; 2. pp. 49–56; 3. pp. 91–117.
16. *Severnaya pchela*. (1848) 57. 12 March. pp. 225–226.
17. *Russkiy invalid*. (1848) 207. 21 September. pp. 825–827.
18. Zhukovskiy, V.A. (1852) *Stikhotvoreniya, posvyashchennye Pavlu Vasil'evichu i Aleksandre Vasil'evne Zhukovskim* [Poems dedicated to Pavel Vasilievich and Alexandra Vasilievna Zhukovsky]. Karlsruhe: [s.n.].
19. Turgenev, A.I. (1939) *Pis'ma Aleksandra Turgeneva Bulgakovym* [Letters from Alexander Turgenev to the Bulgakovs]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
20. Pogodin, M.P. (1845) *V pamyat' ob Aleksandre Ivanoviche Turgeneve* [In memory of Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: [s.n.].
21. *Le Semeur*. (1846) 14 January.
22. *Severnaya pchela*. (1848) 268. 27 November. pp. 1069–1071.
23. Gogol', N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 14. Moscow: USSR AS.

24. Yanushkevich, A.S. (ed.) (2010) *Zhukovskiy: issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: research and materials]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
25. Vinogradov, I.A. (2018) *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolya (1809–1852): v 7 t.* [Chronicle of the life and works of N.V. Gogol (1809–1852): in 7 volumes]. Vol. 7. Moscow: IWL RAS.
26. Rostopchina, E.P. (1852) Pokhorony Gogolya [Gogol's funeral]. *Vedomosti Moskovskoy gorodskoy politsii*. 47. 27 February. p. 201.
27. *Moskvityanin*. (1852) 2 (5):VII. pp. 47–50.
28. Marmier, X. (1842) La Russie en 1842. *Revue des Deux Mondes*. 32. pp. 701–755.
29. Marmier, X. (1843) La Russie en 1842. II. Moscou. *Revue des Deux Mondes*. 1. pp. 95–123.
30. *Severnaya pchela*. (1846) 284. 17 December. pp. 1135–1136.
31. *Russkiy arkhiv*. (1868) 9. Column 1441.
32. Pezenti, M.K. (2007) Tenor Dzh.B. Rubini v Peterburge: uspekhi, vstrechi, perepiska [Tenor J.B. Rubini in St. Petersburg: successes, meetings, correspondence]. *Mir russkogo slova*. 3. pp. 88–92.
33. Ukolova, E. & Ukolov, V. (2011) *Gastroli Lista v Rossii. Illyustrirovannaya khronika* [Liszt's tour in Russia. An illustrated chronicle]. Moscow: izd-vo Mezhdunarodnogo fonda gumanitarnykh initsiativ.
34. Bulgakov, A.Ya. (2002) Listomaniya: Iz neizdannogo dnevnika moskovskogo pocht-direktora A.Ya. Bulgakova [Lisztomania: From the unpublished diary of Moscow postal director A.Ya. Bulgakov]. *Nashe nasledie*. 61. pp. 72–75.
35. *Moskvityanin*. (1843) 2 (5). pp. 299–315.
36. *Moskvityanin*. (1844) 1 (2). pp. 644–651.
37. *Moskvityanin*. (1851) 1 (4):V. pp. 241–243.
38. Rostopchina, E.P. (1851) *Fanni El'sler* [Fanny Elsler]. Moscow: [s.n.].
39. Manuscripts Department of the National Library of Russia. Fund 286. List 2. No. 86.

Информация об авторе:

Киселев В.С. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022;
одобрена после рецензирования 28.01.2023; принята к публикации 06.10.2023.

The article was submitted 20.10.2022;
approved after reviewing 28.01.2023; accepted for publication 06.10.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/85/10

Москва как представление о современной реальности в пьесе Н. Садур «Мальчик-небо»

Юлия Сергеевна Красноухова¹, Марина Альбертовна Хатямова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *oriental-v@yandex.ru*

² *khatyamovama@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается образ Москвы в пьесе Н.Н. Садур «Мальчик-небо» (2018). В соответствии с пониманием важности пространственного аспекта в пьесах доказывается, что принцип создания образа города отражает особенности авторского мировидения и представления о реальности. Показано, что художественный мир пьесы включает в себя несколько пространственно-временных планов: героическое прошлое, прозаическое настоящее и план символический, вневременной; так создается сложная многоуровневая структура образа Москвы.

Ключевые слова: современная драматургия, образ Москвы, образ города, Н. Садур

Для цитирования: Красноухова Ю.С., Хатямова М.А. Москва как представление о современной реальности в пьесе Н. Садур «Мальчик-небо» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 203–219. doi: 10.17223/19986645/85/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/85/10

Moscow as a Representation of modern reality in Nina Sadur's play *Mal'chik-Nebo*

Yulia S. Krasnoukhova¹, Marina A. Khatyamova²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *oriental-v@yandex.ru*

² *khatyamovama@mail.ru*

Abstract. The article examines the image of Moscow in Nina Sadur's play *Mal'chik-Nebo* [Sky Boy] (2018). The choice of the research aspect is justified by the importance of the spatial aspect in Sadur's plays as a whole and the symbolic significance of Moscow for the writer. This study aims, firstly, to identify different principles of creating the image of the city compared to its earlier incarnation in Sadur's plays,

and, secondly, to prove the thesis that the multilevel semantics of the topos of Moscow is a sign of a change in the writer's worldview and ideas about modern reality. In Sadur's literary world, different time and space segments exist inseparably, which is a necessary condition for understanding the modern era. Symbols of the previous era and the metaphysical, the unreal are gradually beginning to penetrate into the real space Sadur describes. Thus, the space is fluctuating. The space of real Moscow is manifested in the structural organization of the play: each scene is associated with a certain Moscow locus. These loci can be both specific, recognizable and generalized (Novy Arbat, Red Square, courtyard, lane). In the course of the development of the action, the spatial-temporal unity opens, and the past epoch begins to show through modernity. This happens at different levels: from a real staging of military events (on the Victory Day), resembling a costumed performance, to a phantasmagoric mixture of real and unreal paintings. The boy, in turn, acts as a creator: Moscow, seen through his eyes, loses its real outlines, and signs of another time appear through them. Special spatial relations are built in the writer's consciousness, a symbolic worldview is created. The epigraph establishes a specific time frame for the action (May 9 is the Victory Day) and simultaneously transfers it to the plane of the sacred and mythological. The epigraph defines a three-level model of the world (heavenly forces, earth, and forces of darkness); its duality is the interaction of two opposing forces inextricably linked with each other. Owing to the presence of the sacred plane, the earthly merges with the heavenly, the earthly time-space is endowed with the properties of another sphere. In particular, the place of action (Moscow) becomes a platform for a battle developing to a cosmic scale, and the characters exist as if in two dimensions. The world of the play thus includes several planes: the heroic past (the events of the Great Patriotic War), the prosaic modernity and, finally, a symbolic, timeless plane associated with the opposition of abstract categories of good and evil and the battle of good and evil forces. The space of Moscow does not disintegrate, does not displace people, and the world appears as a multilevel unity.

Keywords: modern drama, image of Moscow, image of city, Nina Sadur

For citation: Krasnoukhova, Yu.S. & Khatyamova, M.A. (2023) Moscow as a representation of modern reality in Nina Sadur's play *Mal'chik-Nebo*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 203–219. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/10

Творчество современного драматурга Н.Н. Садур (род. в 1950 г.) рассматривается исследователями с разных точек зрения, сводящихся в целом к мысли о том, что в пьесах автора фантастическое и непознаваемое проникает в реальный мир повседневной жизни и нарушает ее естественный ход. Так, Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий считают, что творчество Садур следует рассматривать в русле эстетики постмодернизма и называют ее драматургию «фантазмагорическим театром» [1. С. 516–520]. Н.Е. Лихина вписывает ее творчество в эсхатологическое или апокалиптическое направление русской постмодернистской литературы [2. С. 17]. М.И. Громова употребляет словосочетание «драматургия авангардизма» [3. С. 199–225]. Е.В. Старченко рассматривает творческую манеру Н. Садур в контексте магического реализма (термин обычно употребляется в связи с латиноамериканскими писателями – Г.Г. Маркесом, Х.Л. Борхесом, Х. Кортасаром), эстетика которого предполагает сближение в произведении реальной и

ирреальной сфер, причем ирреальность рационально не познаваема, но не относится к области фантазии [4. С. 28]. Проявление «магичности» текстов Е.В. Старченко видит, прежде всего, в обращении автора к народным верованиям и в использовании фольклорно-мифологических элементов. И.И. Плеханова видит в драматургии Н. Садур общие для ее поколения танатологические мотивы. Исследователь полагает, что обращение к теме распада, смерти, засилья зла в мире обусловлено в драматургии 1980–1990-х гг. кризисной ситуацией в обществе. Н. Садур пишет об этом так: «Произошло такое накопление зла, что оно себя само поедает. Страдают даже те, кто носители зла, даже те, кто делает нам, нашему народу, стране нашей беззащитной больно» [5. С. 8]. В «Чудной бабе» и других ранних пьесах («Уличенная ласточка», 1982, «Панночка», 1986) Садур исследует вопрос о духовной регенерации и сохранении человечности на фоне всеобъемлющего разрушения.

Сама Нина Садур считает себя самым «консервативным» писателем России, не соглашаясь, когда ее ставят в один ряд с драматургами-абсурдистами: «...это неправильно. Театр абсурда весь выстроен на жесткой логике. А мои пьесы совершенно иные, на импульсе. На импульсе чувствования, которое родит мысль. Поэтому никакой холодно-мозговой логики там искать нельзя. Мои пьесы совершенно не западные. Уж если и говорить о близости и родстве – это обзриуты» [6. С. 10]. Драматург отделяет себя и от представителей Новой драмы рубежа XX–XXI вв., категорично отзываясь об их пьесах.

Обращение к поздним драмам Садур может способствовать лучшему пониманию эстетики автора, эволюции творчества. Поэтому материалом данной статьи стала пьеса Н. Садур «Мальчик-небо» (2018), место действия в которой – Москва. Выбор аспекта исследования обусловлен значением категории художественного пространства в пьесах автора. Образы пространства в пьесах Н. Садур приобретают значительную семантическую нагруженность. Таковы, например, образы пространства в уже классических для автора пьесах «Чудная баба», «Панночка», где количество описанных образов пространства ограничено, а каждый из них глубоко символичен и одновременно полисемантичен (так, например, образы поля, дороги, комнаты конструкторского бюро в «Чудной бабе»). Категория пространства в целом является одной из основных категорий, формирующих картину мира автора. В двух поздних пьесах («Летчик» и «Мальчик-небо») местом действия является Москва, которая не может быть заменена на другой город, поскольку с ее культурно-исторической основой связано действие, а сам город становится субъектом пьесы.

Несмотря на различие подходов к созданию образа города и городского текста, все исследователи так или иначе сходятся в одной точке – город как сверттекстовое единство опирается на миф о городе, который учитывает все относящиеся к теме тексты. Но далеко не все тексты, в которых воссоздается образ города, относятся непосредственно к городскому сверттексту. Так, у исследователей (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров) не возникает сомнений по поводу статуса петербургского текста, поскольку Петербург обладает

значительной текстопорождающей способностью. Существование же Московского текста часто ставится под сомнение. Не отрицая обширный культурно-мифологический контекст, сложившийся вокруг образа столицы, исследователи считают, что структурно тексты о Москве не сводятся к единому свертхтексту. Петербургский текст, по мысли В.Н. Топорова, не есть сумма описаний Петербурга, в отличие от «описаний Москвы от Карамзина до Андрея Белого, не образующих, однако, особого “московского” текста русской литературы» [7. С. 26]. Цельность Петербургского текста определяется единством идеи, проходящей через все его отдельные элементы: это идея пути «к нравственному спасению, к духовному возрождению в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром» [7. С. 28]¹. С Москвой же связан не один миф: Москва выступает как город-спаситель, город-храм². В XX в. в литературе актуализируется миф творения (Москва – город на крови), миф о Москве как третьем Риме и эсхатологический миф, связанный с гибелью старой Москвы и старого мира, разрушением традиций [9. С. 20–27]. Протеизм, свойственный лику Москвы, порождает неоднородность порождаемых ей текстов. Только в XX в. ряд «московских текстов» приобрел идейное и художественное единство и стало возможно говорить о едином Московском тексте.

Н.Е. Меднис замечает, что в начале XX в. «вполне определились три литературных лика Москвы: Москва сакральная, часто выступающая семиотическим заместителем Святой Руси; Москва бесовская; Москва праздничная» [8. С. 26]. Воплощение этих образов мы находим в поздней пьесе Н.Н. Сакур «Мальчик-небо» (2018)³. Пьеса включается в ряд произведений автора, объединенных особым отношением к художественному пространству: для пьес Сакур в целом характерна сложная пространственная организация, условность и символичность места действия. Однако в последних пьесах (отметим, например, пьесу «Летчик») создается особое городское пространство, где действие выносится за пределы комнаты и квартиры. Город становится героем пьесы, наделяется субъектностью, при этом акцентируется его самоценность.

¹ Н.Е. Меднис приводит следующую точку зрения: сакрализация городского пространства в целом способствует формированию особой мифопоэтики города, влияние которой сказывается и в современности. Таким образом, «города всегда обладали некоей ослабевающей или усиливающейся со временем метафизической аурой. Степенью выраженности этой ауры <...> во многом определяется способность или неспособность городов порождать связанные с ними свертхтексты» [8. С. 23]. Только при условии наличия метафизического компонента появляется единая идея города, необходимая для формирования свертхтекста.

² Формирование этого столичного мифа относится к XIV–XVI вв.: именно тогда Москва, став центром государства, получает большое значение и ее образ наполняется символическими смыслами.

³ Текст пьесы был впервые опубликован в литературно-художественном журнале «Менестрель» (Омск, 2018), однако сюжет перекликается с более ранней повестью «Мальчик в черном плаще» (2010).

Город в пьесе «Мальчик-небо» предстает в различных своих обликах, трансформированных согласно времени (время действия – современность, 2010-е гг.). Художественное пространство играет важную роль в создании образа Москвы. Автор в некотором смысле делает срез современности: приметы времени, существующие в изображенном мире, характеризуют город и его обитателей, однако не определяют его полностью. В реальное пространство начинает постепенно проникать другое: с одной стороны, символы предшествующей эпохи, с другой, метафизическое, ирреальное. Так возникает зыбкость художественного пространства; его многослойность создается с помощью образов реальности той Москвы, в которой живут персонажи, взаимодействующие между собой¹. Нераздельное существование в художественном мире Садур разных временных и пространственных отрезков является необходимым условием для осмысления современной эпохи. В условиях, когда локальное изображение реального города еще может претендовать на соответствие действительности и использоваться как своеобразная точка опоры для выстраивания реальности, иллюзорность пространства, испытывающего на себе влияние иррационального, метафизического планов, позволяет говорить о замене объективной реальности пространством авторского конструирования.

Композиция действия и Москва как реальное пространство

Сюжетную основу пьесы составляют две пересекающиеся линии: первая – история встречи Мальчика и Дедушки, ветерана войны (они обозначаются автором именно так), вторая – история группы девочек, которые разыгрывают спектакль-мистерию для фотосессии. К финалу эти линии объединяются, и на первый план выходит борьба со злом, заключенном в образе Демона. Объединяющим стержнем выступает именно образ Мальчика. В списке действующих лиц почти все герои заявлены без имен, исключение составляют только девочки, изображающие звезды, но их реальные имена практически не употребляются, заменяясь «звездными» названиями. Девочки, таким образом, становятся условно-символическими фигурами. У Мальчика, центрального (даже заглавного) персонажа, имя есть (Степа), но по имени его не называют. Пару с ним образует Дедушка, ветеран войны.

Структурная организация пьесы основана на пространственном принципе: каждая (назовем ее условно) сцена связана с определенным московским локусом. Эти локусы могут быть как конкретными и узнаваемыми, так и обобщенными. Приведем последовательность пространственных топосов,

¹ Отметим, что, в сравнении с прозаическим претекстом, именно в пьесе создается многозначный и сюжетообразующий образ города. Сюжет повести «Мальчик в черном плаще» в основном посвящен социальной проблематике, и Москва здесь является фоном событий и местом действия, а не равноправным субъектом. Характерная для Садур-драматурга фантазмагоричность, как и многослойность пространственной организации, являются именно в пьесе.

которая во многом отражает логику развития действия: комната мальчика – двор – Новый Арбат – переулок – траншея – соседний двор – переулок – двор + переулок – кусты – переулок – город – двор мальчика – халабуда – двор мальчика – Красная площадь. Можно говорить о том, что действие подчинено логике путешествия, а квартира является отправной точкой странствия героя, в котором он проходит некоторые испытания. В этом смысле пространство реального города представляет собой совокупность отдельных, действительно существующих локусов. Однако городская реальность воспринимается каждым героем по-своему и, соответственно, становится для каждого индивидуальной.

Большая часть действия сосредоточена в относительно замкнутом пространстве двора и переулка. Это места частной жизни, которые характеризуются ограниченностью и вызывают у человека ощущение психологического комфорта. Действие начинается в пространстве комнаты мальчика и больше, кроме открывающей пьесу сцены, туда не возвращается. Это единственное закрытое пространство, принадлежащее дому, однако оно не осмысливается как родное и выступает скорее как отправная точка, переходный пункт. Герои недостаточно сильно привязаны к дому: мама мальчика торопится уйти в университет праздновать с коллегами 9 мая, а сам мальчик, оставшись в одиночестве, стремится выйти за пределы квартиры. Через поведение матери проявляется социальное пространство Москвы, остающееся за рамками действия.

Далее действие перемещается во двор, образ которого намечен только несколькими деталями: это указание на цветущие во дворе яблони и описание киргиза – работника ЖЭКа, который разделяет судьбу трудовых мигрантов позднего советского и постсоветского времени. Киргиз занят разметкой деревьев, которые нужно срубить. Сцена построена на контрасте: с одной стороны, во дворе цветущие яблони (время действия – май), с другой – яблони старые и больные, требующие спиливания. С этим процессом связана как семантика нового времени, вытесняющего реликты старого, так и разрушение – даже вырождение – прежней эпохи, уход которой символически выражается в вырубке старых яблонь. Но мальчик, узнавший о судьбе яблонь, потрясен: «Мальчик. Сегодня День Победы. Сегодня нельзя убивать! Киргиз. Убивать будем» [10. С. 148]¹. Вырубка деревьев символически приравнивается к убийству. На это накладывается семантика Дня Победы: действие происходит 9 мая, в день окончания Великой Отечественной войны. Здесь же, в московском дворе, война и убийство метафорически переносятся на современность, а киргиз выступает орудием в чужих руках («Мальчик. Они склоняют вас к убийству? Киргиз. О, да!» (с. 148)). Москва для дворника-киргиза – пространство чужое, *не-дом*, поэтому он без сожаления делает то, что мальчику кажется непозволительным преступлением. Однако благодаря мальчику, выступающему своеобразным мирным

¹ Садур Н.Н. Мальчик-Небо // Менестрель. 2018. № 10. С. 148. Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

агентом, равновесие восстанавливается. Он обращается к природной сути киргиза: выросший среди гор и степей киргиз мечтает вернуться на родину, жениться на красивой девушке. То место, где он находится сейчас, вынуждает его забыть о своей природе, мальчик же напоминает о ней («Мальчик трясет руку Киргизу. <...> Мальчик. Ну, мне пора! Ну, вы поняли – как действовать! (о яблонях). Вы сами справитесь? Киргиз. Сами справимся! Наконец Мальчик вихрем уносится. Киргиз густо обмакивает кисть и напевая киргизское, начинает замазывать цифры на яблонях» (с. 149)).

Двойственным символическим значением в этом контексте обладают цветы яблони. Например: «Киргиз <...> пишет на старых больных яблонях цифры. Кривые яблони в цвету» (с. 148); «Мальчик оборачивается – Дедушка укатывает на своих колесах. За ним змеится яблонева поземка» (с. 149). «Нестерухина гогочет и дает автоматную очередь по верхам яблони. Подрезанные ветки в цветах падают на ребенка» (с. 162). Цветущая яблоня связана с весной, обновлением, новой жизнью. Стремление же избавиться от нее можно рассматривать как попытку ограничить эту жизнь, погубить ее. Мотивы, связанные с яблоневыми цветами, проходят через весь текст пьесы: уже в финале действие снова возвращается во двор, к дворнику-киргизу, который передумал рубить яблони («Шибелкин широким жестом окидывает двор. И вдруг замечает не срубленные яблони. А какого лучшего яблони цветут?!» (с. 164)). Цветущая яблонева ветка неизменно ассоциативно связана с советским временем и атрибутом первомайских демонстраций – веткой с бумажными цветами.

В системе пространственных локусов пьесы высока частотность появления переулков и дворов, они безымянны, но важен сам факт происходящих там событий и их семантическая значимость в сопоставлении с событиями, связанными с иным местом действия (улица, площадь). Названия имеют лишь старые московские переулки, которые мальчик упоминает в речи: «Мы сейчас на Хлебный поедem. Потом на Столовый, Ножовый, потом на Скатертный...» (с. 150). Это наследие старой Москвы XVII в., царской, купеческой. Названия они получили от обитателей нескольких дворцовых слобод, обслуживающих царскую семью. Сложная система переулков, каждый из которых обладает своей историей, – характерная черта любого старинного города, в более молодых городах такого уже не наблюдается. Несмотря на то, что большей известностью и исторической значимостью обладают главные улицы и площади, маленькие переулки и переходы – неотъемлемая часть городской истории. Так, старая Москва с ее запутанным лабиринтом переулков проявляется в современном городе, и она – тот живой, стоящий над временем Город, который обладает своим неповторимым лицом. Старая купеческая Москва соединяется в изображаемом автором мире с Москвой советской и современной, образуя в итоге видоизмененный сложный образ Москвы праздничной с ее народными традициями массовых гуляний, переплетенными с современными парадами и шествиями.

Для подобного времени и пространства выбран символический локус – Новый Арбат: улица прокладывалась на месте старинного района,

хранившего память о Москве купеческой, патриархальной и, с одной стороны, соединяла отдаленные друг от друга эпохи, с другой, разрушала исторический лик самого центра города. Новый Арбат – один из участков традиционного парада, приуроченного к 9 мая, но сам парад не показан прямо: он существует за пределами действия (сначала, в комнате, слышно его трансляцию, позже, на улице, мальчик застает только окончание парада). Семантика массовых шествий, парадов изменилась с течением времени, особенно резкий слом произошел во время установления советской идеологии. Направленные на формирование советского общества и выражающие его идеологические принципы массовые шествия были эстетическим способом воздействия на людей. Всеобщность, масштабность, строгая организованность как отличительные черты демонстраций и парадов были и государственным идеалом общества. Направление движения участников также имело значение: движение должно было производиться только вперед, что метафорически соотносилось с идеей пути советского народа к «светлому будущему». В военное время традиция прервалась (исключением стал парад 7 ноября 1941 г., когда враг стоял под Москвой, а военные части с парада отправлялись прямо на передовую), и самым масштабным мероприятием после окончания Великой Отечественной войны стал Парад Победы в 1945 г., явившийся символом духовного объединения, окончательной победы и имевший яркую эмоциональную выразительность.

Для любого парада характерна театральность, основанная на выполнении некоторых ритуальных действий. В большей степени это свойственно массовым мероприятиям, связанным с государственными праздниками СССР, в меньшей – Параду Победы 1945 г. Однако все последующие парады, посвященные победе в Великой Отечественной войне, основаны на повторении, некой симуляции действительности. Роль театральности как социально-культурного феномена возрастает в конце XX в.: видимый, вымышленный мир приобретает все большее значение. Это происходит на фоне ценностного кризиса, тотального разрушения привычной картины мира. Визуализация жизни, открывающая новые возможности для существования мира симуляции, также играет здесь немалую роль. Происходит характерная для постмодернистской эпохи потеря духовной, культурной идентичности человека, окруженного миром тотальной игры.

Парад, на фоне которого происходит действие в пьесе, можно отнести, как уже говорилось, примерно к 2010-м гг. Мальчик застает самый его финал – возвращение техники и военных с Красной площади. Эта деталь символична: мы наблюдаем не движение вперед, метафорически означавшее историческое развитие, путь к лучшему будущему, но возвращение, в контексте времени трактуемое как переворачивание смысла, деконструкция. В условиях новой эпохи символическая значимость парада, даже Парада Победы, профанируется: из массового всенародного мероприятия, имеющего большое значение для нации, он превращается в игру, инсценировку. Мама мальчика торопится уйти «праздновать», выполняя некий социальный ритуал. Самого мальчика в параде занимает внешняя зрелищность: техника,

переодетые военные («Мальчик жадно разглядывает ее (технику. – Ю.К., М.Х.). Восторженно машет каждому танку, каждой зенитке, но гордые военные не смотрят на мальчика...» (с. 149)). Таким образом, символическая значимость советского праздника в современности пропадает.

В последующих сценах пространственно-временное единство окончательно размыкается, будто исчезают последние связи, соединяющие мир, и сквозь современность начинает просвечивать прошедшая эпоха. Это происходит на разных уровнях: от реальной инсценировки военных событий (в День Победы), напоминающей костюмированное представление, до фантазмагорического смешения реальных и ирреальных картин. Мальчик, в свою очередь, выступает как бы творцом: увиденная его глазами Москва теряет реальные очертания, а сквозь них проявляются знаки другого времени.

Демоническое и мистериальное: Москва как пространство авторского конструирования

С игровой природой пространственных образов связано авторское жанровое определение – пьеса-мистерия, а также контекст, заданный названием, эпиграфом и списком действующих лиц. Мистериальный образ мира основывается на трехчастной структуре (ад – земля – рай), и по этому же принципу сакрализуется окружающее человека природное пространство: горы соотносятся с верхним миром, пропасти, овраги и прочее – с нижним миром [11. С. 6].

В авторском сознании выстраиваются особые пространственные отношения, создается символическая картина мира. Эпиграф («9 мая особенный день в году, когда Небесные силы спускаются на землю, чтоб сразиться с силами тьмы за наши жизни» (с. 148)) устанавливает конкретные временные рамки действия (9 мая – День Победы) и одновременно переносит в плоскость сакрально-мифологическую. Эпиграфом задается трехъярусная модель мира (небесные силы, земля и силы тьмы), его дуальность – взаимодействие двух противоположных сил, неразрывно связанных друг с другом. В земном мире отмечается победа в Великой Отечественной войне; это обращение к героическому, мифологическому времени, каким являлся военный период. Но и проводится некая параллель между войной в земном мире и мифическим сражением сил света и тьмы. Именно благодаря присутствию сакрального плана земное смыкается с небесным, земное время-пространство наделяется свойствами иной сферы. В частности, место действия (Москва) становится площадкой для сражения, развернутого до космических масштабов, а герои существуют как бы в двух измерениях.

Название пьесы и список действующих лиц отсылают к астральным мифам (солнечно-лунно-астральные образы характерны для мистериального хронотопа [11. С. 7]). Метафорическое обозначение, относящее Мальчика к небесному, высшему миру, делает его условной фигурой (мальчик-небо), и, следовательно, он становится проекцией трансцендентного, соотношенного в некоторой степени с божественным созидательным началом. В то же

время символическое обозначение снимается в самом тексте пьесы («Миа. Ты – небо!!!<...> Мальчик – небо!» (с. 158). Здесь Мальчик становится небом в прямом смысле, исполняя роль неба для фотографии.

К астральным образам относятся образы девочек, имеющих «звездные» имена. Сюжет, связанный с девочками, разворачивается в двух планах: с одной стороны, в современном московском дворе девочки разыгрывают средневековую мистерию, с другой – мистериальный сюжет преподносится на сниженно-бытовом уровне: девочки проводят фотосессию, чтобы попасть на фестиваль косплееров. Происходит явная театрализация жизни: уход в фантастику, игра в другую жизнь, потому что настоящая не устраивает. Вместе с этим подобная игра-симуляция включает и переворачивание ролей в духе карнавала, и своеобразное двойничество, и, в итоге, неразличение реального и вымышленного. Высокий, мифологический замысел постановки и желание героинь полностью отказаться от себя и притвориться другими (они договариваются даже не называть друг друга по именам: «Альбирео. Виндемиатрикс, мы отказались от своих имен ради этой игры. Мы теперь звезды» (с. 157)), театрализуют действие: героини играют роли и осознают это. Они, таким образом, отказываются от себя и реальности. На это же указывают множественные упоминания игры, постановки в речи героинь («Нестерухина! Ты не в игре. Убирайся отсюда. Иди, реквизиты штопай» (с. 156); «Мы играем. Игра для подростков»; «Что там по сценарию?» (с. 157). Кроме того, используются следующие бытовые детали, разрушающие фантастичность действия: стремянка, изображающая небо; комически изображенная Таня-Сerpентис с жалобами на нехватку страз и блесков для костюмов; одетые в костюмы собак Маша и Даша, изображающие Гончих Псов. В итоге автором создается пространство особого рода: являясь изначально совершенно реальным пространством обычного московского двора, оно приобретает элементы фантастической условности и мыслится уже как ирреальное. Однако мистериальный сюжет проявляется на уровне авторского конструирования, для самих же героев это реальность, в которой они существуют: для девочек этот сюжет – исключительно игра, мальчик же, с одной стороны, включен в символический уровень пространства, с другой – в театральную игру девочек. В итоге персонажи существуют в пространственно-временных координатах, не равных ни реальному, ни вымышленному мирам. В этих условиях создается локальная трехчастная модель мира: героини ставят стремянку, верх которой символизирует небо, перекладыны, соответственно, – земной мир, а земля – нижний мир. Слияние реального и ирреального пространства-времени усиливается, и появляется сложность в их четком различении.

Именно в этих условиях появляется персонаж, обозначенный автором как Демон («и тут Мальчик увидел красивого прохожего в дорогом спортивном костюме для пробежки. Это Демон» (с. 151)). Мальчик видит его как привлекательного человека, хочет одолжить у него сигареты для Дедушки, не замечая ничего подозрительного. Старик, напротив, сразу замечает Демона и пугается, предупреждая мальчика. Демон, воплощение абстрактного

зла, обладает притягательной силой, поэтому мальчик так к нему стремится. Здесь, как и в других пьесах автора («Чудная баба», «Панночка» и др.), происходит персонификация зла, оно принимает человеческий облик, но не на долгое время. Так, Демон «сбрасывает» образ человека, как только на него обращают внимание («Демон словно сдувается. Спортивный костюм его ветшает вонючими ремками. Демон вяло болтается вдоль забора, никого и ничего не замечая. Демон повисает на них (прутьях решетки. – Ю.К., М.Х.) грязноватой тряпкой, готовой, без подпорки, обмякнуть и безжизненно лечь на асфальт» (с. 152)). Он непременно хочет завладеть невинной душой, но сил сделать это самостоятельно у него нет, он ждет первого знака от жертвы и не может сам, без «приглашения», распространить свое влияние. Символичен тот образ, который принимает Демон: физкультурник в дорогом красивом костюме. Это – модный знак 90-х гг. XX в., показывающий уровень достатка и, кроме того, указывающий на определенный тип – неинтеллигентных – людей.

Спасаясь от Демона, Мальчик и Дедушка оказываются в раскопанной траншее, где проложены трубы. В плане военного времени, связанного с настоящим, траншея символически соотносится с окопом и служит для этой же цели. Однако это и *бездна*; и тогда локус траншеи становится чем-то вроде перехода к небытию или иному миру – в координатах Рай – Ад он отправляет к аду. Кроме того, падение в яму можно считать отголоском ритуального действия, связанного со смертью и последующим возрождением.

Образ Демона двойственен. Если сначала он предстает в человеческом облике, причем, выбирает вид неброский («красивый прохожий в дорогом спортивном костюме»), то постепенно подвергается физической трансформации, теряя свой человеческий вид. Истинный облик Демона здесь – безликое, бессловесное существо, которое лишается субъектности, превращаясь в бесформенную массу: «Демон хрустнул, булькнул, кувыркнулся, хлеща гнилыми тряпками во все стороны, и заскулил невоплощенным звуком. Демон шмякнулся наземь и, жидковатый, пробует слиться в траншею, пользуясь своей пакостной пластичностью» (с. 152). Подчеркиваются пластичность демона, черты, характерные не для живого существа, а для какого-либо вещества (хрустнул, булькнул, жидковатый). Он не может сам навредить жертве или непосредственно повлиять на кого-то. Демон – развоплощенное безликое существо, близкое скорее не к персонифицированному злу, имеющему свой образ, характер, способному в полной мере взаимодействовать с окружающим миром, а к знаку, символическому заместителю. Он изначально указан автором и воспринимается героями как злое начало, что-то жуткое, вызывающее иррациональный страх. Однако сам по себе он не может предпринимать активных действий: Демон не разговаривает (невнятно шипит), не может напасть на свою жертву и оказывается повержен без особых усилий.

Развоплощенность этого образа существенно отличает его от демонических образов в более ранних пьесах автора. Так, например, Баба в пьесе «Чудная баба» (1982) – образ, полностью персонализированный, она

наделяется речью, характером, определенной манерой поведения и является полноценным героем пьесы. В ранних пьесах Н. Садур картина мира строится на бинарных оппозициях (добро – зло, живое – мертвое), при этом добро и зло часто меняются местами или настолько тесно переплетаются, что становятся неотличимы друг от друга. Похожую ситуацию видим в пьесе «Панночка» (1985), написанной по мотивам повести Н.В. Гоголя «Вий»: здесь продолжается характерная для Н. Садур тема вторжения в земной мир инфернального, стремящегося оказать на него губительное влияние. Можно говорить о том, что в «Панночке» Н. Садур наследует и в своей творческой манере развивает гоголевские особенности изображения демонического. Повесть Гоголя затрагивает онтологические проблемы: для позднего творчества Гоголя очевиден трагический раскол бытия, находящегося во власти темных демонических сил. Его герой отчаянно старается постичь суть этого мира, природу бытия, сам находясь в состоянии раскола. Н. Садур отчасти наследует это мировосприятие, изображая мир, утративший гармонию и единство. У Садур мир зла проникает в обычный мир, сплетаясь с ним, а демоническое (в образе Панночки) является как бы оборотной стороной обыденного. В ранних пьесах, таким образом, ярче проявлен дуализм картины мира: добро и зло в нем сосуществуют нераздельно, зло при этом имеет природу космическую, а его образ персонифицирован – зло становится выразительным. Однако со временем природа изображаемого зла в пьесах Садур претерпевает изменение: если в ранних пьесах оно двойственно, сочетает в себе начала созидательные и разрушительные, и имеет фольклорный генезис, то в более поздней пьесе «Летчик» (2009) типичная для автора коллизия активного столкновения двух миров заменяется констатацией полного распада мира и его нежизнеспособности, а демоническое теряет свое инобытийное происхождение, воплощаясь в образе предприимчивого дельца. В пьесе «Мальчик-небо» демонический образ теряет свою субъектность, перестает быть самоценным, превращаясь в бесплотное нечто, и потому воспринимается как большая опасность. Демонический образ лишается своих народных языческих корней и не является более силой амбивалентной: в нем пропадает созидательное начало и сам Демон как порождение современного мира и современного города становится, с одной стороны, однозначно отрицательным, с другой – бесцветным.

Обыденность образа зла переносит внимание с него самого на окружающее пространство и на образы людей. Так же, как и в ранних пьесах, продолжается поиск героя, обладающего большой духовной силой и готового пожертвовать собой. Однако в разобщенном бездуховном мире, по Садур, такому герою существовать сложно. В пьесе «Мальчик-Небо» создается образ зла, захватывающего души людей: не имея возможности действовать активно, зло пользуется податливостью людей, готовых легко склониться под его пагубным влиянием. Изменяется и образ городского пространства: современную Москву Садур, подобно Москве Булгакова, населяют пустые люди с низменными интересами, а сам ее фантастически-ирреальный образ говорит о нежелании Города мириться с этим.

Все действие пьесы, по сути, представляет собой разыгрывание персонажами определенных сцен, балансирование между игрой и реальностью. И если в его начале каждое представление было локальным и включало в себя лишь нескольких персонажей, взаимодействующих на ограниченном участке пространства, то финальная сцена становится массовой и собирает всех персонажей. Пространство, на котором разворачивается действие, символическое – Красная площадь. Финальная сцена вбирает в себя традиции средневековых мистерий с их библейско-мифологическими сюжетами, советских массовых мероприятий и современных игр, связанных с исторической реконструкцией (в данном случае – реконструкцией событий Великой Отечественной войны). Сражение на Красной площади объединяет три временных плана: героическое прошлое (события Великой Отечественной войны имели большое символическое значение, и в этом контексте военные годы определяются как героическое время), прозаическая современность (обращение к событиям героического времени здесь возможно только как к образцу) и, наконец, план символический, вневременной, связанный с противопоставлением абстрактных категорий добра и зла и сражением добрых и злых сил. При этом современность не пересекается с остальными планами: люди не замечают ничего, погруженные в свой мир: «Посреди всей этой войны каким-то непостижимым образом гуляет праздничный народ, совершенно не соприкасаясь с миром войны, не видя и не ощущая его – лица запрокинуты вверх – ждут салюта» (с. 166).

В финале действия Мальчик умирает, однако действие заканчивается, символично астральным мифам, его превращением в звезду: он удостоивается чести перерождения за свой подвиг. Мальчик становится символической фигурой, сливается с небом, шире – начинает существовать в другом плане – в контексте вечности. Его смерть становится в некотором роде искупительной жертвой, влияющей на остальных героев. Через его самопожертвование (единственный способ, доступный для современного мира, забытого героического времени) происходит обращение к героическому сакральному времени. В то же время поднимается вопрос: была ли нужна эта жертва в современном мире, который живет по другим законам и не соприкасается со сферами иного порядка? Мальчик, определенным образом встраиваясь в русскую классическую традицию, является рефлексирующим героем. Он берет «свою судьбу в собственные руки» («Мальчик (победно захохотав). Отныне я беру свою судьбу в собственные руки! Ибо я Гений Ночь! Я вижу все. Меня же не видит никто!» (с. 147)) и пытается жить так, как подсказывает ему совесть. При всей оторванности от реального мира, неловкости, устремленности в небо, Мальчик в то же время тесно связан с материальным миром (в частности – с едой: хочет стать поваром, в разговоре с Дедушкой упоминает названия любимых блюд, сам является довольно полным). Он был не встроен в современный ему мир – и поэтому легко ушел из него. Отчасти Мальчик и Дедушка являются отражениями друг друга: старик-инвалид, так же как и Мальчик, является изгоем в обществе, но по другой причине; он так же живет в большей степени не в

современной реальности. Свою жертву он уже принес и, кажется, должен быть образцом, но таковым не является.

Автор не создает целостного образа города, практически исключая описания внешнего вида (при большой тенденции в пьесе к эпизации в целом). Эпизация проявляется в большей степени в авторских ремарках, отражающих действия героев (особенно много их во втором действии), при этом уменьшается длина реплик и они начинают произноситься хором, без указания конкретного героя. Несмотря на отсутствие подробного описания сцен действия, создается достаточно объемный образ города: с одной стороны, упоминаются ключевые пространственные топосы, имеющие символическое значение, с другой – безымянные дворы и переулки, которые наделяются не меньшим смыслом. Таким центральным топосом оказывается Красная площадь – сердце Москвы. Являясь местом пересечения различных временных отрезков и храня историческую память, она не может не быть единственно верным местом решающего сражения. Упоминается также храм Василия Блаженного, вид которого пугает демонические силы; храм играет роль источника праведной силы. В соответствии с авторской логикой вся Москва в особенный день становится ареной борьбы высших сил, и центром этой арены является Красная площадь. Реальные московские дворы и переулки теряют конкретные очертания, становясь скорее локусами, существующими вне определенных пространства-времени. Из этих же локусов складывается город, располагающийся также в нескольких измерениях. Подобная зыбкость и неопределенность пространства как будто облегчают проникновение в мир зла – так и происходит в мире Садур. Злое, *бесовское*, в изображаемой автором Москве приобретает сообразный времени облик. Не проявленное четко, оно не совершает активных действий, но существует скорее незримо. Поэтому из города исчезают все сакральные точки, остается лишь упоминание храма Василия Блаженного. Москва здесь более не город церквей, светская жизнь становится важнее духовной.

Картина современного мира представляет собой характерную для Н. Садур фантазмагорию, наслаивание нескольких пространственно-временных планов. Время и место действия (9 мая, Москва) наделяются сакральным смыслом: в контексте пьесы – это мифологическое время, когда «небесные силы спускаются на землю, чтоб сразиться с силами тьмы за наши жизни». Площадкой для их сражения выбрана Москва, как город, хранящий память о многих битвах. Библейско-мифологический мистериальный сюжет подается в контексте современности особым образом. В борьбе небесных сил и сил тьмы добро представлено размыто и неопределенно, а зло само по себе как бы бесцветно, безвольно и действует чужими руками. Мальчика, безусловно, можно назвать положительным героем, но он одинок – на что он опирается, какие ценности утверждает? В этих условиях именно Город, наделенный таким спектром наслаивающихся друг на друга смыслов, как Москва, становится последним рубежом, последней константой, имеющей символическое значение, той традиционной системой координат, которая наполняется новым содержанием в соответствии с законами времени.

На протяжении всего действия ищется ответ на вопрос: на что опирается современный мир, в чем его духовная основа? Современность деконструируется автором и начинает напоминать фантасмагорическую картину, причем нереальность изображаемого повышается к финалу пьесы. Кроме соединения современного мира с мифологической вневременной сферой происходит соотнесение современности и времен Великой Отечественной войны. Тем самым ставится проблема сохранения памяти, диалога времен и поколений, и Город становится ареной борьбы невидимых сверхъестественных сил добра и зла. Сражение добра и зла, света и тьмы за земной мир осмысливается в плоскости изображаемой автором реальности в сниженном варианте: как игра, симуляция. С этим связана мистериальность поэтики пьесы, проявляющаяся двойственно: с одной стороны, сюжетно, с другой – в организации действия, превращающей город в театральную площадку. Образ мира Садур в целом характеризуется разобщенностью на всех уровнях (в первую очередь, на социальном): утратой связей между людьми, между поколениями; повсеместной игрой, театрализацией. Это проявляется и в создании образа города, который, несмотря на фрагментарное изображение, является центральным в пьесе.

Герои видят разную Москву, они взаимодействуют с той ее частью или с тем уровнем, которые им необходимы и которые открываются в соответствии с их сущностью. Москва предстает многоликой и наделяется субъектностью: в сознании и жизни каждого из ее обитателей участвует свой образ города. Так, сам Мальчик живет на пересечении реальности и фантастического мира, старик-ветеран – полностью в военном прошлом, девочки-звезды – в своем виртуальном (лучшем, «звездном») мире. Пространство Москвы моделируется, таким образом, самим существованием персонажей, их судьбами. Историческое прошлое, культурные ценности важны и доступны Дедушке как лишнему в современном мире носителю другого мировоззрения, мальчику – как одинокому и ищущему приложение своим силам. Автор же создает пространство таким образом, что Москва становится одновременно отражением и своего/чужого, и прошлого/настоящего, и пространства социального существования, и пространства символического.

Изображаемая в последней пьесе Н. Садур Москва значительно отличается от более раннего своего воплощения. Если в пьесе «Летчик» (2009) показан буквальный распад города и всего мира (Москва, являясь центром мира, не собирает людей, а отторгает их; люди стремятся уехать из Москвы, полностью охваченной стихией холода), то в пьесе «Мальчик-небо» Москва предстает в виде многоуровневого единства разных планов реальности и существований. Однако происходящее в пространстве реального города оказывается незначимым: объективная, непосредственно воспринимаемая реальность отходит на второй план, а реальный город заменяется представлениями о городе – образами пространства прошлого или не существующего фантастического. В соответствии с этим изменяется сам принцип создания образа Москвы, которая перестает быть просто городским топосом как

местом действия, а наделяется семантикой сложных представлений автора о современной российской реальности.

Список источников

1. Лейдерман Н.Л. Современная русская литература 1950–1990-е годы : в 2 т. М. : Academia, 2003. Т. 2. 686 с.
2. Лихина Н.Е. Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм : учеб. пособие. Калининград : КГУ, 1997. 56 с.
3. Громова М.И. Русская драматургия конца XX – начала XXI века. М. : Флинта, 2017. 364 с.
4. Старченко Е.В. Пьесы Н.В. Коляды и Н.Н. Садур в контексте драматургии 1980–90-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 22 с.
5. Плеханова И.И. Новая драма: имена и тенденции : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 400 с.
6. Заболотная М. Искусство – дело волчье // Петербургский театральный журнал. 1993. № 3. С. 11–15.
7. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство, 2003. 614 с.
8. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : ИГУ, 2003. 170 с.
9. Селеменова М.В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 2. С. 20–27.
10. Садур Н.Н. Мальчик-Небо // Менестрель. 2018. № 10. С. 147–168.
11. Ибатуллина Г.М. Мистериальные миры в русской литературе XIX–XX веков. М. : Директ-медиа, 2020. 99 с.

References

1. Leyderman, N.L. (2003) *Sovremennaya russkaya literatura 1950–1990-e gody* [Modern Russian Literature 1950–1990s]. Vol. 2. Moscow: Academia.
2. Likhina, N.E. (1997) *Aktual'nye problemy sovremennoy russkoy literatury: Postmodernizm* [Current Problems of Modern Russian Literature: Postmodernism]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
3. Gromova, M.I. (2017) *Russkaya dramaturgiya kontsa XX – nachala XXI veka* [Russian Dramaturgy of the Late 20th – Early 21st centuries]. Moscow: Flinta.
4. Starchenko, E.V. (2005) *P'esy N.V. Kolyady i N.N. Sadur v kontekste dramaturgii 1980–90-kh gg.* [Plays by N.V. Kolyada and N.N. Sadur in the context of dramaturgy of the 1980s – 1990s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Plekhanova, I.I. (2017) *Novaya drama: imena i tendentsii* [New Drama: Names and trends]. Irkutsk: Irkutsk State University.
6. Zabolotnyaya, M. (1993) *Iskusstvo – delo volch'e* [Art is a wolf's business]. *Peterburgskiy teatral'nyy zhurnal*. 3. pp. 11–15.
7. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected works]. Saint Petersburg: Iskusstvo.
8. Mednis, N.E. (2003) *Sverkhteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
9. Selemenova, M.V. (2009) “Moskovskiy tekst” v russkoy literature XX v. (na materiale khudozhestvennoy prozy 1910–1950-kh gg.) [“Moscow text” in Russian literature of the 20th century (based on literary prose of the 1910s – 1950s)]. *Vestnik rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. 2. pp. 20–27.
10. Sadur, N.N. (2018) *Mal'chik-Nebo* [Sky Boy]. *Menestrel'*. 10. pp. 147–168.

11. Ibatullina, G.M. (2020) *Misterial'nye miry v russkoy literature XIX–XX vekov* [Mysterious Worlds in Russian Literature of the 19th – 20th centuries]. Moscow: Direkt-media.

Информация об авторах:

Красноухова Ю.С. – аспирант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: oriental-v@yandex.ru

Хатямова М.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: khatyamovama@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.S. Krasnoukhova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: oriental-v@yandex.ru

M.A. Khatyamova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khatyamovama@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2022;
одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 06.10.2023.*

*The article was submitted 26.06.2022;
approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 06.10.2023.*

Научная статья
УДК 821.161.1.09
doi: 10.17223/19986645/85/11

Концепт «бесовство» на пространственно-временном уровне романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Статья вторая

Ольга Викторовна Седельникова¹, Наталья Олеговна Булгакова²

¹ Томский политехнический университет, Томск, Россия, sedelnikovaov@tpu.ru

² Университет Пуатье, Пуатье, Франция, bulgakovano@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена актуализация базового концепта романа Ф.М. Достоевского «Бесы» на уровне пространства и времени. Во второй статье цикла представлены два из пяти признаков концепта «бесовство», выявляющих присутствие концепта в пространственно-временных признаках «кружение» и «срыв». Эти признаки обеспечивают актуализацию историософских аспектов романного содержания, вписывая происходящее в пространство русской истории и делая их одним из этапов вечной борьбы Бога и Дьявола за господство в человеческих душах.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Бесы», художественный концепт, бесовство, поэтика, пространство и время, система образов

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-512-23008) и в рамках программы развития ТПУ.

Для цитирования: Седельникова О.В., Булгакова Н.О. Концепт «бесовство» на пространственно-временном уровне романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 220–235. doi: 10.17223/19986645/85/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/85/11

The concept *besovstvo* at the time and space level in Fyodor Dostoevsky's *The Devils*. Article 2

Olga V. Sedelnikova¹, Natalia O. Bulgakova²

¹ Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, sedelnikovaov@tpu.ru

² University of Poitiers, Poitiers, France, bulgakovano@gmail.com

Abstract. The second article of the cycle dwells on two of the five features of the concept *besovstvo* in Dostoevsky's *The Devils* – *spinning* and *rush-down*, which reveal the presence of the concept in the time and space of the novel. The *rush-down* feature is introduced with the metaphorical image of the sleigh rushing down the hill. One of the five excerpts revealing the feature is located at the beginning of the novel, the others – in the climax, in the description of the governesses' ball, where *besovstvo* absorbing the society is represented most actively. All the excerpts play an important role in the plot

organization. Representing the concept of *besovstvo* with the feature of *rush-down* the author denotes the largest scale of *besovstvo* as a social disease, indicates the characters' responsibility for this, and emphasizes the frowziness of the space. The feature of *spinning* is an important feature of the concept of *besovstvo* in the Russian literary culture. In *The Devils*, it forms the basis that connects the other features of *besovstvo* in the novel (*end of time*, *chaos* and *rush-down* as a result of *spinning*, loss of the values). It is represented less often than the others (in three fragments of the introduction and the climax), but it is represented implicitly revealing the source of the false ideas and actions leading to the tragic consequences. At the same time, represented at the beginning, it "tunes" in the readers for the adequate perception of the events in the novel through the epigraph from Pushkin's *The Captain's Daughter*. It helps the readers see the novel's events through the Russian historical and social disturbance. The further verbalization of the feature in Petrusha's words and in the episode of the ball reveals the mechanisms of spreading disturbance via the ill-will of particular characters and by the crowd's need for bread and circuses. Two manifestations of the diabolic spinning are related to episodes characterizing the generation of the fathers and the main revolutionary ideologist of *besovstvo*. Here the feature of *spinning* turns out to be the most important characteristic of some characters of the novel, emphasizing their responsibility for spreading *besovstvo*. The last episode revealing the feature of spinning – the governesses' ball – demonstrates the scale of the final tragedy where *besovstvo* brings all the members of the town community under control. Unlike the features of the concept of *besovstvo* discussed in the first article of the cycle (*end of time*, *extinction* and *chaos*), mainly specifying metaphysical aspects of the writer's idea, the features of *rush-down* and *spinning* are related to the actualization of historical and philosophical aspects of the content. They insert the events in the space of the Russian history by turning them into one of the stages of the struggle between Devil and God in people's souls. Thus, the representation of the concept *besovstvo* in the space and time of *The Devils* has a complex structure including five features that contribute to the axiological content in the poetics of the novel.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, *The Devils*, literary concept, *besovstvo*, poetics, space and time, system of characters

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-512-23008 and performed as part of the TPU Development Programme.

For citation: Sedelnikova, O.V. & Bugakova, N.O. (2023) The concept *besovstvo* at the time and space level in Fyodor Dostoevsky's *The Devils*. Article 2. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 220–235. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/11

Настоящая статья является продолжением изучения концепта «бесовство» в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» на уровне пространства и времени. В первой статье были рассмотрены три из пяти признаков этого концепта *конец времени*, *угасание* и *хаос*, которые, воплощаясь в данном произведении на уровне слова, раскрывают грани метафизической природы бесовства как явления, разрушающего общество и нравственные ценности формирующих его людей [1]¹.

¹ Обзор научной литературы о романе Достоевского «Бесы», в том числе о специфике пространства и времени в этом произведении, представлен в первой статье цикла [1].

Выявленные признаки концепта «бесовство», проявляющие на пространственно-временном уровне романа «Бесы», можно условно разделить на три смысловые группы: признаки, описывающие модель времени персонажей (*конец времени* и *угасание*), относящиеся к пространству (*угасание* и *хаос*), а также описывающие характер движения персонажей в этом пространстве (*кружение* и *срыв*).

Признак *срыв*

Ключевым признаком концепта «бесовство», ярко воплощающимся на уровне пространства романа, является *срыв*. Б.Н. Тарасов указал на значительное количество «срывающихся», «визжащих», нарочито противоречивых людей в этом произведении [2. С. 540]. На организующую роль срыва в поэтике романа «Бесы» указывал также французский славист Л. Аллен [2]. Подобно тому, как признак *кружение* вводится в эпиграфе из стихотворения Пушкина, признак *срыв* представлен в эпиграфе из притчи об исцелении бесноватого: «Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и **бросилось** стадо **с крутизны** в озеро, и потонуло» [4. Т. 10. С. 5]. Данный признак отражает способ передвижения героев в пространстве, а также их эмоциональное состояние и душевное здоровье. Такое движение определяет поведение Лизы. В последней главе второй части «Флибустьеры. Роковое утро» в предкульминационном фрагменте она с вызовом сообщает Ставрогину, что Лебядкин в письмах к ней называет Николая Всеволодовича своим родственником. Этим заявлением она побуждает Князя раскрыть свою роковую тайну, сообщив о браке с Марьей Тимофеевной:

Страшный вызов послышался в этих словах, все это поняли. **Обвинение** было **явное**, хотя может быть и для неё самой **внезапное**. Похоже было на то, когда человек, **зажмуря глаза, бросается с крыши**¹ [4. Т. 10. С. 352].

Реплика-вызов, брошенная Лизой Ставрогину, уподобляется образу добровольного падения с крыши, который возвращает читателей к евангельскому эпиграфу о стаде свиней. Обращение писателя к этому ситуативному элементу позволяет обозначить максимальный уровень психоэмоционального напряжения героини, обусловленный её болезненной одержимостью Ставрогиным. Достигнув предела, символом которого является крыша как наивысшая точка в сотворённом человеком пространстве, она обрекает себя на гибель. Признание героем Марьи Тимофеевны законной женой становится роковым для Лизы. Оно окончательно лишает её здравого смысла и самообладания, побуждает пойти на губительный шаг – приехать к Ставрогину.

Признак *срыв* ярко проявляется в кульминационном фрагменте при описании состояния губернатора фон Лембке, пытающегося остановить бунт работников Шпигулинской фабрики. В этом эпизоде автор использует образ сорвавшихся с горы санок:

¹ В цитатах из романа «Бесы» жирным шрифтом нами выделены единицы, обеспечивающие воплощение разбираемого признака в тексте. – О.С., Н.Б.

– Шапки долой! – проговорил он едва слышно и задышавшись. – На колени! – взвизгнул он **неожиданно, неожиданно** для самого себя, и вот в этой-то **неожиданности** и заключалась, может быть, вся последовавшая развязка дела. Это **как на горах на масленице**; ну можно ли, чтобы **санки, слетевшие сверху, остановились посредине горы**? Как назло себе, Андрей Антонович всю жизнь отличался ясностью характера и ни на кого никогда не кричал и не топал ногами; а с таковыми опаснее, если раз случится, что их **санки почему-нибудь вдруг сорвутся с горы**. Всё пред ним **закружилось** [4. Т. 10. С. 342].

Для актуализации признака *срыв* в данном фрагменте используется яркий образ слетевших с горы санок, которые невозможно остановить. Он представляет особую значимость для характеристики русского национального характера. Сани – традиционный со времён Древней Руси транспорт, позволявший русским людям передвигаться по заснеженным непроходимым дорогам. Они стали частью любимого русским человеком времяпрепровождения – катания с горок и в русской тройке, которое, в свою очередь, отражает свободолобие и силу русского человека, метафорически выражая широту русского национального характера. Однако автор «Бесов» актуализирует другие грани этого амбивалентного образа: чрезмерная широта и необузданность душевных движений приводят героев романа к гибели. Укажем также на присутствие в данном фрагменте признака *кружение*, поддерживающего реализацию авторской идеи.

В творчестве Достоевского образ срывающихся с горы санок встречается и в романе «Игрок» при описании проигрыша бабуленьки, случившегося из-за охватившего её приступа одержимостью игрой:

На другой день она проигралась вся окончательно. Так и должно было случиться: кто раз, из таких, попадает на эту дорогу, тот – точно **с снеговой горы в санках катится, всё быстрее и быстрее** [4. Т. 5. С. 282].

Подобный срыв происходит с Алексеем Ивановичем («Чёрт знает, что меня подтолкнуло? Я точно **с горы летел**» [4. Т. 5. С. 234]), Иваном Ильичом из «Скверного анекдота» («Он никогда прежде не пил водки. Он чувствовал, что как будто **катится с горы, летит, летит, летит**, что надо бы удержаться, уцепиться за что-нибудь, но нет к тому никакой возможности» [4. Т. 5. С. 28]), Фёдором Карамазовым («И хотя он отлично знал, что с каждым будущим словом всё больше и нелепее будет прибавлять к сказанному уже вздору ещё такого же, – но уж сдержать себя не мог и **полетел как с горы**» [4. Т. 14. С. 83]), Дмитрием Карамазовым («Решился и решения своего испугался! Не ушёл от меня твёрдым шагом, а **полетел с горы**» [4. Т. 14. С. 135]). Таким образом, в романах Достоевского образ срывающихся с горы героев обозначает пик переживаемого ими эмоционального кризиса и ведет к нелепой или трагической развязке.

В соответствующем эпизоде романа «Бесы» Лембке неожиданно и стремительно теряет душевное равновесие. На это указывает характер реплики: не предприняв попытки договориться с бунтующими и нейтрализовать конфликт своим спокойствием, Лембке начинает с приказов, адресованных холопам, лишая себя возможности стабилизировать ситуацию и, таким

образом, снимая с себя ответственность за происходящее. В словах рассказчика с помощью двукратного повторения наречия «неожиданно» и последующего за ним существительного «неожиданности», а также слов «едва слышно» и «задыхаясь», характеризующих бессилие героя, которое затем сменяется противоположным эмоциональным состоянием, выраженным глаголом «взвизгнул», актуализируется срыв героя. С одной стороны, в этом фрагменте проиллюстрирован личный срыв губернатора, чьим пороком является одержимость идеей административной власти, которую он не смог удержать в руках. Указание на привычное спокойствие Лембке в контрасте с его эмоциональным срывом демонстрирует высокую степень беснования и полную потерю контроля над собой. За чрезмерным спокойствием, характерным для этого персонажа, скрывается также безразличие и безответственное отношение к долгу, к которому его обязывало положение губернатора, и непонимание серьезности последствий деятельности Петра Верховенского.

Если принять во внимание, что в перспективе проблематики пушкинского творчества стихотворение «Бесы», строки из которого Достоевский делает эпиграфом к роману, органически связаны с осмыслением ключевых проблем русской истории (в том числе мудрой власти, самозванства и бунта), можно говорить о том, что поведение Лембке во время бунта актуализирует историософские аспекты проблематики романа «Бесы»¹. Проекция ситуации на события русской истории, связанные со столкновением интересов государства и народа, и их осмысление в художественной словесности (в пушкинском творчестве в движении от «Бориса Годунова» к «Капитанской дочке» и другим произведениям [6. С. 185]), заостряет вопрос о состоянии власти, которая допускает бунт, не пытаясь найти иные способы решения конфликта. Таким образом, аранжировкой данного эпизода Достоевский апеллирует к наследию Пушкина и указывает, что одной из причин охватившего Россию кризиса является беснование власти, отказавшейся от национальных традиций, поддавшейся тлетворному влиянию западных идей, утратившей нравственные идеалы, не обремененной мудростью и презревшей исторический опыт. Достоевский рисует остросатирическую картину: слабовольный и недальновидный губернатор под влиянием неумной, но эгоцентричной и деятельной супруги заигрывает с бесами, позволяя одурачить себя «мошеннику», но не умеет вести себя мудро с народом, сделав его своим союзником, срывается там, где, опираясь на исторический опыт, можно было разрешить проблему полюбовно². Верховенский же умело

¹ На соотношение мотивов самозванства и убийства в пророческих снах Гринева и Хромоножки указал Н.Д. Тамарченко [5].

² Вопрос о любовных отношениях между народом и царской властью в преддверии работы над «Бесами» Достоевский обсуждал в эпистолярном диалоге с А.Н. Майковым [7. С. 348; 4. Т. 28 (2). С. 280–281]. Находясь под впечатлением от поэмы Майкова «Стрелецкое сказание о царевне Софье Алексеевне» (писатель называет ее «совершенной прелестью» [4. Т. 28 (2). С. 259]) и изложенных поэтом планов создания «русской истории в

пользуется обстоятельствами и добивается своих целей. Недееспособность власти подчеркивается и введением мотива сумасшествия, которое избавляет от ответственности Андрея Антоновича фон Лембке.

Примечательно и время, на которое указывает хроникёр, характеризуя срыв губернатора: Масленица. Вплоть до второй половины XVIII в. русская православная церковь воспринимала данный изначально языческий праздник как «бесовский» [10. С. 166]. С 1722 г. неотъемлемыми атрибутами этого дня были катания с горок и маскарад. Согласно отзывам иностранцев, бывавших в России на Масленицу, в этот день происходили «обжорство, пьянство, разврат и убийства, так, что ужасно слышать всякому Христианину» [11. С. 23]. Так и праздник, организованный Юлией Михайловной, становится местом разгула бесовства и беспорядка, обусловленного отступлением от христианских ценностей, «языческим» беснованием героев.

Образ саней, срывающихся с кручи, намеренно повторяется хроникёром для обозначения состояния Степана Трофимовича во время беспорядков на балу в честь гувернанток:

<...> смотрю, Степана Трофимовича уж нет подле меня. **По инстинкту** тотчас же бросился я искать его в **самом опасном месте**; мне **почему-то предчувствовалось**, что и у **него санки полетели с горы** [4. Т. 10. С. 343].

Необходимо отметить, что в данном эпизоде проявление признака срыв единственный раз в романе ведет не к катастрофе, но к нравственному прозрению героя.

Как и в случае с Лембке, хроникёр отмечает внезапный характер срыва мещанина, принявшего участие в убийстве Лизы:

Выходили из себя лишь пьяные горланы да люди **«срывающиеся»**, вроде как тот махавший руками мещанин. Его все знали как человека даже **тихого**, но он **вдруг как бы срывался и куда-то летел**, если что-нибудь известным образом поражало его [4. Т. 10. С. 412].

В этом фрагменте срыв персонажа воспроизводится с помощью повтора слова с корнем -рыв- («срывающиеся» и «срывался») и противоположного ему по смыслу прилагательного «тихий». На неожиданность резкой смены его состояния указывает наречие «вдруг».

Очевидно, что признак *срыв*, изначально относящийся к категории пространства, в романе «Бесы» представляется в описании героев, раскрывая их психоэмоциональное и душевное состояние. Такое явление можно считать типичным для поэтики романов Достоевского. По наблюдению

десяти или двенадцати рассказах» [8. С. 142–143], Достоевский в письме из Флоренции от 15 (27) мая 1869 г. предлагает другу свою концепцию создания «ряда былин», изображающих, «как сердечную поэму», важнейшие события русской истории [25. Т. 29 (1). С. 38–40]. По указанию Р.Г. Назирова, в период работы над «Бесами» острые проблемы политической жизни как России, так и Европы под влиянием событий Франко-прусской войны и Парижской коммуны постепенно меняют особенности романного замысла [9. С. 54–56]. Этот контекст заостряет в романе проблему состояния современной власти по отношению к коренным традициям национального бытия.

А.Е. Кунильского, в произведениях писателя «сама система ценностей как бы материализуется, принимая пространственный характер» [12. С. 19].

Признак *срыв* актуализируется не только в описании беснования отдельных персонажей, но и при характеристике общего состояния общества во время праздника: «Каламбуры сороковых годов! – послышался чей-то, весьма, впрочем, **скромный**, голос, но вслед за ним всё **точно сорвалось; зашумели и загалдели**» [4. Т. 10. С. 372]. Всё пространство заполнил шум, и его главной характеристикой стал срыв. Как и в рассмотренных ранее эпизодах, этот признак выражен с помощью семантической оппозиции: «скромный» голос повлѣк за собой шум и галдѣж.

Особым случаем проявления признака *срыв* является самоубийство Ставрогина (срыв в петлю), представляющий финал личной трагедии героя.

Итак, признак *срыв* раскрывается в тексте романа с помощью метафорического образа летящих с горы санок, лексем *срываться, катиться, лететь*. Другим способом его актуализации становятся использование контрастных характеристик (*ясностью характера, ни на кого никогда не кричал и не топал ногами и взвизгнул; тихого и срывался*), а также лексические повторы (*неожиданно*). Примечательно, что этот признак не проявляется в начале романа. Срыв Лизы находится в предкульминационной части произведения, остальные располагаются в кульминации – в описании праздника, на котором захлестнувшее общество бесовство проявляется наиболее активно. Особое значение имеет финал романа, в котором описан результат срыва как печальное окончание бесплодных поисков истины гражданином кантона Ури. Все эти фрагменты выполняют сюжетобразующую функцию. Объективация концепта «бесовство» с помощью признака *срыв* позволяет автору обозначить высшую степень распространения бесовства как социальной болезни, создать дисгармоничное кризисное пространство, охваченное этим явлением, указать на ответственность героев за его распространение, акцентировать финальную точку духовной трагедии Ставрогина.

Признак *кружение*

Взаимодействие категорий «бесовского» времени и пространства в романе «Бесы» осуществляется с помощью движения героев. Особое значение в обозначении действия приобретает такая его характеристика в романном пространстве, т.е. микромире, представляющем модель России, как *кружение*. Этот признак в целом характерен для вербализации концепта «бесовство» в русской картине мира, на что указывают пословицы «Вертеться, как бес перед заутреней», «Бесовская свадьба». В русской культуре вихрь представляет собой одну из наиболее распространѣнных форм воплощения чѣрта: «в виде вихрей черти летают, танцуют, женятся» [13. С. 439]. Признак *кружение* изначально актуализирован автором пушкинским эпиграфом к роману.

Сюжетно-композиционная организация «Бесов» напоминает вихревое, «лихорадочное» движение, которое хроникѣр пытается «поймать» [14.

С. 316]. Главные действующие лица стремительно съезжаются в город как в центр событий, где с нарастающей скоростью разворачиваются происшествия, составляющие сюжетную канву произведения. Если в начале романа время растягивается с помощью вставных историй из прошлого персонажей, то к концу темп его течения значительно увеличивается: события приобретают все большую плотность, непредсказуемость и разрушительную силу, с необычайной скоростью сходят с ума и гибнут люди – картина все больше напоминает Апокалипсис. Главный бес – Пётр Верховенский – путает и кружит жителей города, которые беснуются, теряют разум и утрачивают связь с реальностью. Апогеем стремительного развития этих событий становится всеобщий срыв: начавшись пожаром на Шпигулинской фабрике, он продолжается масштабными беспорядками, в которые, по продуманной Петрушей схеме, ловко вовлечены все жители города, и чередой страшных смертей.

В тексте романа можно выделить ряд фрагментов, в которых ярко актуализирована характеристика движения в пространстве – бесовское кружение. Оно является хаотичным, беспорядочным, нарушающим структуру этого микромира, приводит к его крушению.

Впервые кружение обозначено в завязке, в истории Степана Трофимовича, который давно сбился с пути, а также в жизни Варвары Петровны, которая вместо воспитания сына хотела вершить судьбами окружающих её людей.

О том, что по прошествии лет ничего не изменилось, свидетельствует одна из сцен завязки, в которой Варвара Петровна неожиданно явилась к Степану Трофимовичу и заявила о намерении непременно женить его на Даше. При этом, отмечая духоту и сор в доме Верховенского, Варвара Петровна приказывает прислуге мести: «Отвори, матушка, окна, форточки, двери, всё настежь <...> Да **подмети** ты хоть раз в жизни, матушка! <...> А ты **мети, пятнадцать раз** в день **мети!**» [4. Т. 10. С. 69]. Распоряжение Варвары Петровны раскрыть окна и двери и мести в момент разговора о женитьбе можно воспринимать как проявление начала бесовского кружения. Именно решение Ставрогиной устроить этот брак послужило завязкой, определившей последующее развитие романной интриги. Оно подтолкнуло Степана Трофимовича отправить письма сыну и Ставрогину, что ускорило приезд последних в город и обеспечило их совместное пребывание в нем. Признак *кружение* вербализуется с помощью форм глагола «мести» и усиливается благодаря его повторению и использованию числительного «пятнадцать». Эти приемы создают образ непрерывной метели как общего состояния мира, потерявшего опоры, и смятения, в которых пребывают герои романа. Таким образом, уже в завязке «Бесов» автор настойчиво указывает на близость состояния мира и положения в нем человека той картине, которая представлена в пушкинском эпиграфе, и задает проекцию сопоставления поведения героев стихотворения Пушкина и романа Достоевского, в котором последние очевидно проигрывают внутренней силе первого.

Требование Варвары Петровны определяет характер восприятия окружающего мира Верховенским-старшим. Описывая состояние героя, автор актуализирует признак *кружение*: «У Степана Трофимовича **закружилась**

голова; стены **пошли кругом**» [4. Т. 10. С. 61]. Верховенского потрясает перспектива женитьбы на Даше. Так, уже во время объявления о грядущем событии в пространстве романа начинает нарастать кружение, символизирующее грядущую катастрофу и подчеркнутое автором с помощью глагола «кружиться», а также перифразы устойчивого выражения «голова пошла кругом». Писатель акцентирует *кружение* посредством образной избыточности использования двух фразеологизмов, означающих одно и то же состояние: головокружение, потерю способности «ясно соображать от множества дел, забот, переживаний» [15. С. 112].

В кульминации романа признак *кружение* реализуется в словах главного беса Петра Верховенского. Именно он организует преступления, убийства, воздействует на окружающих людей, заставляя их совершать выгодные для него и для воплощения его замысла поступки. Так, пока Кириллов готовится совершить самоубийство, в соседней комнате он размышляет о своих дальнейших планах, ищет лучшие способы сбить с толку весь город:

Надо, чтобы на время совсем их **сбить с толку** и тем **отвлечь**. **Парк?** В городе нет **парка**, ну и **дойдут** своим умом, что в Скворешниках. **Пока** будут **доходить**, пройдёт **время**, **пока** искать – опять **время**, а отыщут труп – **значит**, правда написана; **значит**, и всё *правда*, **значит**, и *про Федьку правда*. А что такое **Федька**? *Федька* – это пожар, это Лебядкины: **значит**, всё отсюда, из дому Филипповых и выходило, а они-то **ничего не видали**, а они-то всё **проглядели**, – это уж их совсем **закружит!** [4. Т. 10. С. 474].

Верховенский четко формулирует задачу – *закружить*, запутать, сбить с пути жителей города, исказить их восприятие действительности, чтобы никто не сумел догадаться о его причастности к свершившимся преступлениям и помешать его разрушительным планам.

Размышление Верховенского выстроено логично, с помощью лаконичных, мало распространенных предложений, часто с опущением подлежащего. Его внутренний монолог полон чётко организованных лексических повторов: рема предыдущего предложения становится темой каждого следующего («надо», «парк», «дойдут») либо используется параллельно в каждой последующей синтаксической структуре («время», «значит», «они-то»). Герой пять раз употребляет слово «значит» для логического соединения причины и следствия. Так характер речи Верховенского отражает и способ воздействия им на окружающих людей, и приводит почти к физическому ощущению атмосферы кружения, окутавшей город.

Особым случаем проявления признака *кружение* становится в романе «Бесы» сцена «бала гувернанток», завершающаяся «кадрилью литературы». Как в действе, основным элементом которого является танец [16. С. 92], в бале присутствует семантика кружения. Исследователи неоднократно указывали на амбивалентность феномена бала в русской литературе: являясь, с одной стороны, воплощением радости и полноты жизни, он становится и местом концентрации психологических и социальных противоречий, источником которых могут быть как объективные факторы, так и воздействие inferнальных начал [16. С. 91–102; 17. С. 181, 289; 18–22]. В «Бесах»

маргинальный хронотоп бала оказывается важнейшим способом выражения нравственно-философского осмысления происходящего, кульминацией бесовского наваждения, представляет собой закономерный результат тщательно продуманных действий Петра Верховенского, в прямом смысле запутавшего всех, притупившего своими манипуляциями остроту восприятия сути происходящего, предлагая каждому «больному» вождественное лекарство. Уже в описании подготовки праздника хроникёр указывает на Петра Степановича и Лямшина, которые **«вертелись бессменно»** подле Юлии Михайловны, организовывавшей вечер [4. Т. 10. С. 248]. Глагол с семантикой быстрого хаотичного кружения, нагруженный в переносных значениях рядом негативных коннотаций, усиливает акцент на присутствии бесовских сил, стремящихся «закружить» людей. Петруша настоял на проведении бала вопреки сомнениям Лембке о его целесообразности после неудачи первой половины праздника и стал тем самым катализатором развернувшегося беспорядка: «ему самому надо было изо всех сил, чтобы бал состоялся сегодня...» [4. Т. 10. С. 378], «Напортили чтением, скрасим балом» [4. Т. 10. С. 378–379]. Бальное кружение представляет собой деструктивное, хаотическое движение и становится эквивалентным содержанию пушкинского эпиграфа в масштабах жизни города. Однако в отличие от лирического героя стихотворения Пушкина никто из горожан вовремя не догадывается о подлинной природе происходящего.

Являясь одним из важнейших признаков концепта «бесовство» в русской словесной культуре, признак *кружение* весьма однозначно воспринимался её представителями. В связи с этим в тексте «Бесов» этот признак, актуализированный одним из эпиграфов, выполняет функцию основы, прочной нити, скрепляющей воедино другие признаки проявления *бесовства* в романной действительности (*конец времени, хаос и срыв* как следствие *кружения*, утраты ориентиров и т.д.), обеспечивая сюжетно-композиционную цельность произведения. В результате данный признак непосредственно актуализирован реже других (в пушкинском эпиграфе, в представленных эпизодах завязки и кульминации), но приобретает высокую латентную частотность, присутствуя в качестве причины появления ложных идей и совершения поступков, приводящих к трагическим последствиям. При этом, будучи актуализированным в завязке, он подготавливает читателя к адекватному восприятию романских событий, заставляя посредством аллюзивной отсылки через эпиграф из пушкинских «Бесов» к роману «Капитанская дочка» прочитывать происходящее в чреде известных эпизодов русской социально-исторической смуты. Последующая объективация признака в словах Петруши и сцене бала раскрывает механизмы распространения смуты, связанные как с проявлением злой воли отдельных индивидов, зомбирующих массы, и заостряет внимание читателя на мотиве самозванства, обдуманной деятельности мастера социальной манипуляции (этот аспект был явственно обозначен еще в портрете Петра Верховенского в первой части романа), так и с потребностью толпы в хлебе и зрелищах (многим горожанам пришлось пойти на серьезные издержки, «забрав вперед жалование», «заложив даже семейное белье» или продав «необходимый скот» [4. Т. 10. С. 358]) при

общем равнодушии к сути происходящего. Примечательно, что два акцентированных Достоевским проявления бесовского кружения связаны с эпизодами, характеризующими, с одной стороны, поколение отцов, в котором непосредственно касается безответственного учителя молодого поколения и беспечной и властной матери, которая добровольно и осознанно доверила такому учителю свое дитя, а с другой – «недосиженного» [4. Т. 10. С. 29] отцами идеолога революционного бесовства. Так, признак *кружение*, непосредственно проявляясь в пространственных деталях, оказывается важнейшим средством характеристики ряда героев произведения, указывая на их вину в распространении бесовства. Наконец, последний из эпизодов завершает картину, демонстрирует масштабы финальной трагедии, в которой бесовство подчиняет себе всех представителей городского общества.

Таким образом, концепт «бесовство» как базовый смыслообразующий элемент романа Ф.М. Достоевского «Бесы» активно проявляется на пространственно-временном уровне текста. При этом значительную роль в процессе его осмысления играют признаки *кружение* и *срыв*, характеризующие движение героев. Указанные признаки обеспечивают в романе «вихревое движение событий», которое, по мысли Л.П. Гроссмана, обуславливало специфику «романической композиции» Достоевского [23. С. 174]. Они дополняют признаки *конец времени*, *угасание* и *хаос*, создавая масштабную картину проявления бесовства и последствий этого явления. На уровне слова данные признаки воплощаются с помощью характерных для автора романа приёмов, включающих в себя лексические повторы, порядок слов, оформление ритмического рисунка фраз, лаконичные мрачные пейзажные зарисовки, отражающие социально-психологическое состояние общества.

В отличие от представленных в первой статье цикла признаков концепта «бесовство» *конец времени*, *угасание* и *хаос*, уточняющих по преимуществу метафизические аспекты авторской идеи, рассмотренные в настоящей статье признаки *срыв* и *кружение* в большей степени связаны с актуализацией историко-философских аспектов романного содержания, вписывая события в пространство русской истории и делая их одним из этапов вечной борьбы Бога и Дьявола за господство в человеческих душах.

Необходимо отметить, что пространство и время романа «Бесы» не носят исключительно бесовский характер. Размышляя о природе социально-нравственного кризиса, в котором оказалось современное ему общество, Достоевский пытается предложить способ выхода из этой ситуации. Возможный путь спасения для сбившихся с пути поколений русских людей обозначен в словах старца Тихона: «Всю гордость свою и беса вашего посрамите! Победителем кончите, свободы достигнете!» [4. Т. 11. С. 29]. В романе обозначена и дорога, уводящая Степана Трофимовича из погрязшего в хаосе города в место, название которого указывает на возможность светлого будущего: «Да, я в Спасов. Il me semble que tout le monde va à Spassof... (Мне кажется, что все направляются в Спасов... (франц.))» [4. Т. 10. С. 484]. Однако эти фрагменты не входят в поле концепта «бесовство», поэтому не являются предметом изучения в рамках данной статьи.

Выявленные признаки концепта «бесовство», актуализированные в тексте романа в темпоральных представлениях героев и пространственных действиях, объединяет ярко выраженный эсхатологический характер. Они непосредственно связаны с глубинными пластами философской проблематики романа «Бесы» и акцентируют в тексте важнейшие для автора философские аспекты осмысления проблемы, указанные в эпиграфах к роману, направляя читательское восприятие. Посредством их воплощения в словесной ткани романа осуществляется взаимодействие смыслового поля произведения и поэтики, обеспечивается цельность крупной поэтической формы, раскрывается сущность героев. Следует обратить внимание на особое распределение рассматриваемых признаков в тексте романа. Так, признак *конец времени* объективируется, главным образом, в завязке, раскрывая важные причины происходящего, связанные с тем, что люди позволяют гаснуть животворным идеям [24. С. 233] и остаются без опоры в жизни. Параллельно с ним в завязке объективируется и признак *угасание*, переносящий метафизические аспекты первого в реальность, воплощая угасающую жизнь без одухотворяющих идей. Признак *хаос* наиболее ярко проявляется в эпизоде ночной прогулки Ставрогина, в ходе которой он встречается с Федькой-каторжным. При этом на протяжении всего текста от экспозиции до эпилога автор последовательно вводит многочисленные детали, указывающие на полное нарушение гармонии во всех сферах жизни. Признак *кружение* проявляется в тексте непосредственно три раза: в завязке и дважды в кульминации обозначая важнейшие узлы романной истории и организуя в силу своей специфики все остальные признаки. Наконец, признак *срыв* объективирован за единственным исключением в кульминации, демонстрируя неизбежность трагического финала истории.

Таким образом, указанные признаки, распределенные особым образом по композиционным частям «Бесов», поддерживают важнейшие составляющие проблематики романа и обеспечивают их последовательную реализацию в тексте, объединяя в единое целое отдельные сюжетные линии. Последовательность актуализации пространственно-временных признаков концепта «бесовство» позволяет Достоевскому изучить природу явления, выявить в сознании героев причины его распространения (*отказ от веры, следование ложным идеям, забвение традиционных ценностей, беспечность, отсутствие уважения к историческому опыту*) и показать неизбежные и закономерные трагические результаты всеобщего беснования.

Представленные признаки формируют дальнюю периферию концепта «бесовство». Признаки *конец времени* и *хаос* закреплены в сознании носителей русского языка: они тесно связаны с религиозными концепциями, согласно которым отказ от Бога ведёт к концу света и беспорядку. Признаки *угасание*, *кружение* и *срыв* характеризуют восприятие представителями русской культуры окружающего их пространства, что закреплено во фразеологическом фонде, а также в фольклорных и литературных произведениях. В романе «Бесы» эти признаки были переосмыслены Достоевским в связи с особенностями авторского замысла.

Структура пространственно-временного континуума в романе имеет сложный характер: бесовский мир прорастает в мир обыденный. Единство и последовательность реализации в тексте пространственно-временных признаков концепта «бесовство» позволяют установить взаимосвязанность событий, поддержать ассоциативные континуумы, выстраиваемые хроникером, уловить намеченный автором аксиологический фарватер.

Таким образом, характер воплощения концепта «бесовство» в романе «Бесы» на пространственно-временном уровне отличается сложной структурой, включающей пять признаков, которые способствуют выражению особенностей аксиологического содержания произведения в поэтике романа. В процессе вербализации концепта в романном пространстве и времени происходит смысловое развёртывание его признаков, как универсальных для русской картины мира, так и индивидуально-авторских, обогащающих его ценностное наполнение в романе. Тонкая авторская аранжировка пространственно-временных акцентов углубляет нравственно-этическую и историософскую проблематику романа, активизирует культурно-исторический подтекст, обеспечивающий полное восприятие авторской идеи, характеризует социальные механизмы, используемые идеологами бесовства для осуществления задуманного. Апелляция Достоевского к набору пространственно-временных признаков, закреплённых в русской и европейской культурах, позволяет создать в романе тонкую сеть аллюзивных отсылок к ряду важнейших текстов мировой культуры, на которую неоднократно указывали исследователи. Этот приём служит важным средством преодоления изначально несколько настораживающей автора тенденциозной ограниченности замысла рамками романа-памфлета [4. Т. 29 (1). С. 111–112], обеспечивает органическое сплетение первоначальной идеи с метафизическими акцентами «Жития великого грешника», способствует актуализации поэтики романа-трагедии и, сплетаясь с другими авторскими открытиями¹, обеспечивает «Бесам» статус уникального произведения мировой литературы, вызывающего пристальное внимание читателей и исследователей на протяжении полутора веков.

Список источников

1. Булгакова Н.О., Седельникова О.В. Концепт «бесовство» на пространственно-временном уровне романа Ф.М. Достоевского «Бесы». Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 70. С. 212–232.
2. Тарасов Б.Н. Вечное предостережение // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 18 т. Т. 9: Роман «Бесы» (1871–1872). М. : Воскресенье, 2004. С. 525–543.
3. Allain L. Роман «Бесы» в свете почвенничества Достоевского // Dostoevsky Studies. 1984. Vol. 5. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/05/071.shtml> (дата обращения: 23.10.2016).
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.

¹ Обзор этих особенностей см. в статье Б.Н. Тихомирова [25].

5. Тамарченко Н.Д. Русский бунт у Пушкина и Достоевского («Капитанская дочка» и «Бесы») // Новый филологический вестник. 2009. № 4 (11). С. 18–24.
6. Фомичев С.А., Виролайнен М.Н. «Литературный фон трагедии «Борис Годунов» // Пушкин А.С. Сочинения: Комментированное издание / под общ. ред. Дэвида М. Бетеа. Вып. 2: Борис Годунов. М.: Новое издательство, 2008. С. 168–191.
7. Майков А.Н. Письма к Ф.М. Достоевскому // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник II / под ред. А.С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. С. 332–365.
8. Майков А.Н. Письма к Достоевскому 1867–78 // Ашимбаева Н.Т. Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 91–170.
9. Назиров Р.Г. <Материалы к монографии о романе Ф.М. Достоевского «Бесы»> // Назировский архив. 2013. № 2. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_6-83_besy.pdf (дата обращения: 05.06.2019).
10. Захарова С.О. Проводы зимы в Германии и России. Традиции, обычаи, поверья // III Авдеевские чтения: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящённой 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. С. 165–169.
11. Дубровский Н. Масляница. М.: Тип. С. Селивановского, 1870. 46 с.
12. Кунильский А.Е. Ценностный анализ литературного произведения (роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»): учеб. пособие. Петрозаводск: ПГУ, 1988. 317 с.
13. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 526 с.
14. Галкин А.Б. Пространство и время в произведениях Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 316–322.
15. Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей. М.: Советская энциклопедия, 1986. 543 с.
16. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). М.: Искусство, 1994. 599 с.
17. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.
18. Юрченко Т.Н. Мифологема бала в русской литературе 20–40-х гг. XIX века // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3. 2003. С. 47–54.
19. Маркин П.Ф. Мифопоэтика губернского бала как бесовского шаша в «Мертвых душах» Гоголя // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 3 (6). С. 102–105.
20. Шпилевая Г.А. Язык бала» и «музыка жизни» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 2 (28). С. 142–149.
21. Леоновичус А.В. Хронотоп бала в русской литературе (к истокам традиции) // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35). С. 32–43.
22. Сараскина Л.И. Балы русской литературы как территория любви и смерти // Художественная культура. 2017. № 4 (22). URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-4-22/prikladnaya-kulturologiya/5279.html> (дата обращения: 21.01.2020).
23. Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. М.: Гос. Академия художественных наук, 1925. 190 с.
24. Кроо К. «Творческое слово» Ф.М. Достоевского – герой, текст, интертекст. СПб.: Академический проект, 2005. 286 с.
25. Тихомиров Б.Н. Репетиция русского апокалипсиса // Достоевский Ф.М. Бесы: роман в трех частях / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Б.Н. Тихомирова; ил. С.М. Шор. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. Кн. 1. С. V–VXXX.

References

1. Bulgakova, N.O. & Sedel'nikova, O.V. (2021) The concept besovstvo at the time and space level in Fyodor Dostoevsky's *The Devils*. Article 1. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 70. pp. 212–232. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/70/12
2. Tarasov, B.N. (2004) Vechnoe predosterezhenie [Eternal warning]. In: Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 9. Moscow: Voskresen'ye. pp. 525–543.
3. Allain, L. (1984) Roman “Besy” v svete pochvennichestva Dostoevskogo [The novel *The Devils* in the light of Dostoevsky's pochvennichestvo]. *Dostoevsky Studies*. 5. [Online] Available from: <http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/05/071.shtml>. (Accessed: 23.10.2016).
4. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Leningrad: Nauka.
5. Tamarchenko, N.D. (2009) Russkiy bunt u Pushkina i Dostoevskogo (“Kapitanskaya dochka” i “Besy”) [Russian revolt in Pushkin and Dostoevsky (*The Captain's Daughter* and *The Devils*)]. *Novyye filologicheskiy vestnik*. 4 (11). pp. 18–24.
6. Fomichev, S.A. & Virolaynen, M.N. (2008) “Literaturnyy fon tragedii “Boris Godunov” [Literary background of the Boris Godunov tragedy]. In: Pushkin, A.S. *Sochineniya: Kommentirovannoe izdanie* [Works: Commented edition]. Vol. 2. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 168–191.
7. Maykov, A.N. (1924) Pis'ma k F.M. Dostoevskomu [Letters to F.M. Dostoevsky]. In: Dolinin, A.S. (ed.) *F.M. Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [F.M. Dostoevsky. Articles and materials]. Vol. 2. Leningrad; Moscow: Mysl'. pp. 332–365.
8. Maykov, A.N. (2005) Pis'ma k Dostoevskomu 1867–78 [Letters to Dostoevsky of 1867–1878]. In: Ashimbaeva, N.T. *Dostoevskiy. Kontekst tvorchestva i vremeni* [Dostoevsky. Context of creativity and time]. Saint Petersburg: Serebryanyy vek. pp. 91–170.
9. Nazirov, R.G. (2013) Materialy k monografii o romane F.M. Dostoevskogo “Besy” [Materials for the monograph about the F.M. Dostoevsky's novel *The Devils*]. *Nazirovskiy arkhiv*. 2. [Online] Available from: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2013_2_6-83_besy.pdf. (Accessed: 05.06.2019).
10. Zakharova, S.O. (2015) [Farewell to winter in Germany and Russia. Traditions, customs, beliefs]. *III Avdeevskie chteniya* [III Avdeev Readings]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference. Penza. 15 April 2015. Penza: Penza State University. pp. 165–169. (In Russian).
11. Dubrovskiy, N. (1870) *Maslyanitsa*. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo. (In Russian).
12. Kunil'skiy, A.E. (1988) Tsennostnyy analiz literaturnogo proizvedeniya (roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie”) [Value analysis of a literary work (F.M. Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*)]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
13. Levkieskaya, E.E. (2000) *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian People]. Moscow: Astrel'.
14. Galkin, A.B. (1996) Prostranstvo i vremya v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo [Space and time in the works of F.M. Dostoevsky]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 316–322.
15. Voynova, L.A. et al. (1986) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
16. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture: Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. Moscow: Iskustvo.
17. Mann, Yu.V. (1995) *Dinamika russkogo romantizma* [Dynamics of Russian Romanticism]. Moscow: Aspekt Press.
18. Yurchenko, T.N. (2003) Mifologema bala v russkoy literature 20–40-kh gg. XIX veka [Mythologem of the ball in Russian literature of the 1820s – 1840s]. *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 47–54.

19. Markin, P.F. (2007) Mifopoetika gubernskogo bala kak besovskogo shabasha v "Mertvykh dushakh" Gogolya [Mythopoetics of the provincial ball as a demonic Sabbath in Gogol's Dead Souls]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 3 (6). pp. 102–105.

20. Shpilevaya, G.A. (2014) "The language of the ball" and "music of life" in L.N. Tolstoy's Anna Karenina. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (28). pp. 142–149. (In Russian).

21. Leonavichus, A.V. (2015) Khronotop bala v russkoy literature (k istokam traditsii) [Chronotope of the ball in Russian literature (to the origins of tradition)]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 4 (35). pp. 32–43.

22. Saraskina, L.I. (2017) Baly russkoy literaturey kak territoriya lyubvi i smerti [Balls of Russian literature as the territory of love and death]. *Khudozhestvennaya kul'tura*. 4 (22). [Online] Available from: <http://artculturestudies.sias.ru/2017-4-22/prikladnaya-kulturologiya/5279.html>. (Accessed: 21.01.2020).

23. Grossman, L.P. (1925) *Poetika Dostoevskogo* [Poetics of Dostoevsky]. Moscow: Gos. Akademiya khudozhestvennykh nauk.

24. Kroó, K. (2005) "Tvorcheskoe slovo" F.M. Dostoevskogo – geroy, tekst, intertekst ["Creative Word" of F.M. Dostoevsky – hero, text, intertext]. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.

25. Tikhomirov, B.N. (2018) Repetitsiya russkogo apokalipsisa [Rehearsal of the Russian apocalypse]. In: Dostoevskiy, F.M. *Besy: roman v trekh chastyakh* [The Devils: A novel in three parts]. Book 1. Saint Petersburg: Pushkinskiy Dom.

Информация об авторах:

Седелникова О.В. – д-р филол. наук, профессор Отделения русского языка Школы общественных наук Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

Булгакова Н.О. – преподаватель, научный сотрудник научно-образовательного подразделения «Литературы и языки» Университета Пуатье (Пуатье, Франция). E-mail: bulgakovano@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Sedelnikova, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

N.O. Bulgakova, Cand. Sci. (Philology), Teaching and Research Associate, University of Poitiers (Poitiers, France). E-mail: bulgakovano@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.07.2023; принята к публикации 06.10.2023.

The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 01.07.2023; accepted for publication 06.10.2023.

Научная статья

УДК 82-144

doi: 10.17223/19986645/85/12

Записка Пушкина А.И. Тургеневу 1834 г.: уточнение датировки

Наталья Александровна Хохлова¹

¹ *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия,
irliran@mail.ru*

Аннотация. Записку принято датировать декабрем 1834 г., приурочивая ее написание к отъезду А.И. Тургенева из Петербурга. Эта точка зрения закреплена в издании «Пушкин. Письма последних лет». Основываясь на результатах своих предшествующих исследований, посвященных археографической деятельности Тургенева, а также на малоизученных материалах архива братьев Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309), автор заключает, что записка относится не к фактическому, а к предполагаемому отъезду Тургенева, а именно ко второй половине октября 1834 г.

Ключевые слова: Письма последних лет Пушкина, Пушкин и А.И. Тургенев в 1830-х гг., А.И. Тургенев и А.Н. Голицын, архив бр. Тургеневых

Для цитирования: Хохлова Н.А. Записка Пушкина А.И. Тургеневу 1834 г.: уточнение датировки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 236–246. doi: 10.17223/19986645/85/12

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/12

Pushkin's note to Alexander Turgenev in 1834: Clarification of dating

Natalya A. Khokhlova¹

¹ *Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation, irliran@mail.ru*

Abstract. The article aims to clarify the dating of Pushkin's note to Alexander Turgenev in 1834, which is traditionally dated as of December 1834 (in Pushkin's *Complete Works*, *Letters of the Last Years*, and *Chronicle of Life and Works*). According to the content, the text of the note is divided into two parts. In the first part, in response to Turgenev's request for sending him scribes, Pushkin replies he has no *French* scribes, but has a lot of Russian ones, so he will send them the next day. In the second part, Pushkin asks Turgenev to deliver him the essay "On the Pope" by Joseph de Maistre. Appealing to this Paris "commission", researchers timed the note to Turgenev's departure from St. Petersburg (and then abroad), that is to December 1834. However, he would hardly start work, for which he needed scribes at that time. The reason for the unpersuasiveness of the commentary is the lack of biographical material about

Turgenev, about his official activities of the late period (1831–1841). Based on the results of previous research on Turgenev's archeographic activity, on his correspondence with prince Alexander Golitsyn and other archival material from the Turgenev Brothers Fund (Institute of Russian Literature, Fund 309), the author draws up the chronology of the events in October – early December 1834, which is the period of Turgenev's stay in St. Petersburg when he communicated closely with Pushkin. The author describes the purpose of Turgenev's trip to the capital (to get the highest approval of the archeographic project to search for materials on Russian history in foreign archives) and his plans for 1835 related to the implementation of this project: staying in St. Petersburg, Turgenev was making some spadework in October; therefore, he needed scribes. The analysis of his letters to his brother, Nikolay Turgenev, dairy notes dedicated to Pushkin, and other materials leads to the following conclusions. Already at the first meeting with the poet, on October 15, Turgenev could tell about his intention to leave St. Petersburg soon (departure was planned during October), about his plans for 1835, which assumed a long trip to Paris, about the need for scribes – “French” and “Russian”. At the same time, de Maistre's essay became the subject of their discussion. Based on these facts, the author infers that the most likely date of the note writing should be the second part of October 1834. It really concerns Turgenev's departure, not the real one as thought before, but the presumable one. The author also explains the reasons of the delay of his departure from St. Petersburg.

Keywords: Pushkin's letters of last years, Pushkin and Alexander Turgenev in 1830s, Alexander Turgenev and Alexander Golitsyn, archive of Turgenev brothers

For citation: Khokhlova, N.A. (2023) Pushkin's note to Alexander Turgenev in 1834: Clarification of dating. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 236–246. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/12

В истории отношений Пушкина и А.И. Тургенева 1830-е гг. – особый, содержательно целостный период, при том что их непосредственное общение было непродолжительным. Речь идет о трех эпизодах, относящихся ко времени пребывания Тургенева в России: конец 1831 г. – первая половина 1832 г., середина октября – начало декабря 1834 г., конец ноября 1836 г. – январь 1837 г.

Известны три записки Пушкина Тургеневу 1834 г. Две из них относятся к их кратковременной встрече в Москве (8–10 сентября); одна – к довольно длительному петербургскому периоду, обозначенному выше. В это время потребность в переписке благодаря частым встречам была минимальной¹.

Сравнительно недавно сентябрьские записки получили подробный комментарий в исследовании Н.А. Тарховой [1]. Иначе обстоит дело с

¹ По сведениям М.И. Гиллельсона, по крупицам собравшего сведения о Пушкине из дневников и писем Тургенева, в этот период состоялось не менее 20 его встреч с Пушкиным, главным образом светских (Максимов М. <Гиллельсон М.И.>. По страницам дневников и писем А.И. Тургенева // Прометей. [Вып.] 10. М., 1975. С. 373–380 (статья опубликована под псевд. М. Максимов.)). Существенный недостаток этой работы, построенной на неопубликованных материалах из архива братьев Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309), состоит в том, что автор не указывал их шифры. В ряде случаев мы приводим цитаты из тех же, опубликованных М.И. Гиллельсоном, документов, но с указанием шифров.

недатированной запиской, которая в «Полном собрании сочинений» Пушкина, в «Письмах последних лет», в «Летописи жизни и творчества» отнесена к декабрю. Именно она и будет предметом нашего внимания.

Приведем ее текст:

«Письца у меня *французского* нет, российских сколько угодно. Завтра же пригоню. Мне покамест из Парижа ничего не надобно; разве Папу Мейстера» [2. Т. 15. С. 202].

Впервые записка была опубликована А.А. Фоминым в «Русском библиофиле» в 1911 г. со следующим комментарием:

«...из Парижа... – Куда отправился Александр Ив. Тургенев.

...разве Папу Мейстера. – Речь идет, очевидно, о сочинении Жозеф де Местра “Du Rare”, вышедшем в 1819 году» [3. С. 20].

Записка написана на листе почтовой вержированной бумаги с водяным знаком «1834» – следовательно, не ранее 1834 г. Датировка и ее обоснование, предложенные В.Э. Вацуро в издании «Письма последних лет», таковы: «Первая половина (не позднее 11) декабря 1834 г.»; «Датируется предположительно на том основании, что с половины октября по начало декабря 1834 г. Тургенев, будучи в Петербурге, особенно часто общался с Пушкиным <...>, а 11 декабря выехал в Москву, чтобы оттуда отправиться за границу <...>. Записка Пушкина написана незадолго до отъезда Тургенева из Петербурга» [4. С. 76, 251].

Итак, по мнению А.А. Фомина и В.Э. Вацуро, записка относится ко времени отъезда Тургенева. Отъезда, как прямо указывает А.А. Фомин, в Париж. В.Э. Вацуро сообщает детали: «Поездка его (Тургенева. – Н.Х.) состоялась лишь в феврале 1835 г. <...> июнь-июль этого года он провел во Франции» [4. С. 251]. Ближайшая цель поездки, как видим, не названа. Между тем известно, что в феврале 1835 г. Тургенев отправился не в Париж, а в Рим. (После Июльской революции 1830 г. русским подданным запрещено было жить во французской столице.) Он приехал сюда спустя 5 лет, в мае 1835 г. и неожиданно для себя задержался в Париже на целый год, до июня 1836 г. (а не на два месяца, как сообщается в комментарии)¹.

В «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина» датировка записки конкретизирована («Декабрь, не позднее 9») на том основании, что Пушкин и Тургенев в последний раз виделись 10 декабря на прощальном ужине у Жуковского [6. С. 255 (1684)].

Проанализированный комментарий нельзя признать удовлетворительным не столько из-за частных неточностей, о которых еще будет сказано ниже, сколько по причине нарушения логического смысла. Последняя фраза записки по поводу книги Ж. де Местра действительно очень похожа на просьбу в связи с отъездом Тургенева за границу. Но зачем в таком случае накануне отъезда ему понадобились писцы? Ведь Пушкин мог предложить

¹ Подробнее см.: [5. С. 68–71].

своих писцов только для какой-то работы в Петербурге. Чтобы разрешить недоумения, нам потребуется экскурс в биографию Тургенева.

Почти вся его служебная деятельность прошла под начальством кн. Александра Николаевича Голицына (1773–1844). Она продолжалась с 1810 по 1842 г., исключая «бессрочный» отпуск (1825–1831 гг.). Будучи одним из первых лиц государства, Голицын стал для своего подчиненного могущественным покровителем; отношение князя к Тургеневу было окрашено глубокой личной симпатией.

Вершиной карьеры Тургенева стала должность директора Департамента духовных дел в голицынском Министерстве духовных дел и народного просвещения. Падение министерства (1824 г.) повредило карьере князя, но отнюдь не означало ее краха. Отныне и до самой отставки (1842 г.) он состоял главноуправляющим над Почтовым департаментом.

Посвятив свою жизнь брату Николаю Ивановичу, «декабристу без декабря», осужденному на смертную казнь и навсегда оставшемуся за границей, Тургенев обеспечивал не только собственное состояние, но и состояние брата и его семьи (Н.И. Тургенев женился в 1833 г.). Русский подданный, камергер, крупный помещик Тургенев, находясь за границей и числясь «в отпуску» с августа 1825 г. по январь 1831 г., получал должностные оклады. К началу 1830-х гг. назрела необходимость «дать твоей заграничной жизни, – как писал ему Жуковский, – некоторую официальность» [7. С. 262]¹.

Служебная деятельность Тургенева при Голицыне, главе Почтового департамента, началась в 1831 г. и имела до 1839 г. статус «высочайших» поручений. По сути, это были проекты самого Тургенева, получившие монаршее одобрение при посредничестве князя. Первый из них состоял в том, чтобы «давать сведения Министерству просвещения и внутренних дел по благотворительной части»².

Под влиянием ряда обстоятельств к концу 1833 г. Тургенев решил изменить род своих занятий. В январе 1834 г. он начал планомерно выявлять и копировать документы по русской истории в Секретном Ватиканском архиве и в ряде других хранилищ Италии. Вступив на новую стезю, которая удовлетворяла его интересам как историка и сулила желанные перемены в житейском плане, Тургенев должен был получить высочайшее одобрение задуманного им масштабного археографического проекта³. Именно с этой целью он и приехал в Россию в 1834 г.

В Москве в августе-сентябре при близком участии Н.А. Полевого Тургенев составил записку с обоснованием своего проекта. Тогда же, напомним, произошла его первая по приезду в Россию встреча с Пушкиным.

¹ Согласно «Положению Комитета министров о живущих за границей» (1834 г.), в случае отсутствия в течение более чем пяти лет пенсии и аренды прекращались.

² Из письма Голицына Тургеневу от 31 января 1832 г. (ИРЛИ. Ф. 309. Ед. хр. ст. 2123. Л. 2 об.). Далее ссылки на Ф. 309 (бр. Тургеневых) даются в тексте (с пометой «ст.», т.е. по старому описанию).

³ Подробно о проекте см.: [5. С. 63–68].

Вопрос был окончательно решен в самом начале октября, ради чего Тургенев приехал в Петербург. Его проект получил полную поддержку. 23–24 октября в обширном письме П.А. Вяземскому, который находился в то время в Германии, он дал своего рода отчет о последних событиях: «...кружась в большом свете, я нашел нечаянную препону к скорому отъезду из Петербурга: ушиб кость ноги под коленом, садясь в коляску, и вот уже четвертый день, изнуряемый пиявками и скукою, лежу в постели. <...> Ты знаешь, что я представлял о приобретении Ватиканских рукописей. Из Москвы, устроив прекрасно деревенские дела мои, <...> я прискакал справиться о моем представлении в Петербург, но уже князь Голицын писал ко мне в Москву и послал и отношение графа Нессельроде. Все для меня сделано, и лучше, нежели я ожидал: рукописи найдены заслуживающими внимания, проект мой также; начальнику папского архива дана 2-я Анна; на писцов велено по моему распоряжению выдать 5 000 рублей. Чиампи-профессор подчинен мне по сему делу, и флорентинская и римская миссии наши о сем уже предварены. Я могу ехать в Рим и довершать начатое. Собираю здесь и собрал много сведений и повезу все в Рим, заехав за коляской, книгами и бумагами в Москву. <...> Я надеюсь ехать или на Вену, или на Минхен и потом прямо во Флоренцию и Рим, ибо далее конца мая в Италии не останусь, а дела у меня в Риме много будет» [8. С. 259–260]¹.

Итак, «прискакав» в Петербург 1 октября², Тургенев обнаружил, что для него уже «все сделано», и он может «вернуться в Рим и довершать начатое». О своем намерении вернуться в Москву Тургенев сообщал брату на протяжении всего октября. Например, 13 октября он писал: «Неделя прошла незаметно в разъездах и в справках в Румянцевском музее, в библиотеке <...> Мое дело кончено; я только буду отвечать К. Гол<ицыну>. Сберусь и поеду. Я не ожидал чтобы в П.бурге мне так понравилось» (Ед. хр. ст. 313. Л. 132).

И Фомин, и Вацуρο были правы, утверждая, что записка написана незадолго до отъезда. Но какого – предполагаемого или фактического?

Узнав об одобрении проекта, Тургенев сразу же занялся некоторыми подготовительными работами в соответствии с заранее обдуманном планом. Из писем Вяземскому и Н.И. Тургеневу видим, что в первой половине октября он работал в Румянцевском музее. Подробно о своих занятиях Тургенев сообщал 30 октября Голицыну: «...полагаю отправиться немедленно во Флоренцию <...> надеюсь осмотреть некоторые книгохранилища и

¹ Ссылаясь на это письмо и на комментарий к нему В.И. Саитова, В.Э. Вацуро писал по поводу пушкинской записки: «Поиски переписчика Тургеневым были связаны с подготовкой к печати материалов по русской истории, найденных им в иностранных архивах» [4. С. 251]. В действительности в 1834 г., как мы знаем, правительством был одобрен не проект издания, а проект по выявлению и копированию в итальянских архивах документов, относящихся к русской истории. План издания был утвержден Николаем I в 1839 г.; печатание «Актов исторических...» относится к 1841–1842 гг. (подробнее см.: [5. С. 74–76]).

² Дата устанавливается на основании первого письма Тургенева брату, отправленного из Петербурга. Оно датировано 3 октября (Ед. хр. ст. 313. Л. 128–129 об.).

архивы, и если найдется в оных что-либо <...> еще не сообщенное сюда покойному Канцлеру Графу Румянцеву, то постараюсь приобрести список с сих документов. Для сего в бытность мою здесь (в Петербурге. – Н.Х.) пересматривал я собрание рукописей, до Российской истории касающихся, и списал реестр тем, кои были доставлены Канцлеру как из Флоренции, так и из Рима» (Ед. хр. ст. 1102. Л. 32–32 об.). Весьма вероятно, что в связи с этими занятиями ему мог понадобиться «французский писец».

Ревностное отношение Тургенева к собственной переписке, ее полноте и сохранности, хорошо известно. Переписке же с Голицыным (она началась в 1832 г.) он придавал особое значение. В своих письмах-отчетах из Италии 1832–1833 гг. Тургенев сообщал о богоугодных заведениях, больницах, монастырях, различных училищах, университетах, библиотеках; присылал их уставы, регламенты, объявления, проспекты и пр. Лично для своего патрона он приобретал редкие книги исторического и религиозно-мистического содержания. К 1834 г. назрела необходимость привести в ясность всю эту «передвижную библиотеку». В письме Жуковскому из Рима от 1 (13) января 1834 г. есть строки, адресованные Вяземскому: «Вяземский! Можешь ли ты сделать мне большого одолжения и поручить Татаринову списать для меня копию со всех писем моих к К<нзю> Гол<ицыну> <...>. Мне нужно будет по приезде в Москву иметь эти документы, дабы знать, где и что у меня осталось. – Я бы желал, чтобы Татар<инов> нанял для сего копииста, если в канцелярии К<нзя> А<лександра> Н<иколаевича> нельзя этого сделать. Если же письма трудно переписывать, то хотя реестр книгам и бумагам, мною посланным в разное время»¹.

По-видимому, Вяземский, вскоре уехавший за границу, не успел выполнить поручение. Во всяком случае, оказавшись в Петербурге, Тургенев немедленно запросил из Почтового департамента десять «собственноручных писем». Они были доставлены ему с приложением сопроводительных писем-извещений. Эти письма сохранились в архиве; они датированы 9 и 15 октября (Ед. хр. ст. 1102_к. Л. 4, 6). В первом сообщается о посылке «восьми собственноручных писем» и «четырех каталогов»; во втором – о двух письмах. «По миновании надобности» подлинники надлежало возвратить.

Даты подлинников в сопроводительных письмах не указаны; между тем на первом из них (от 9 октября) имеется приписка Тургенева в виде следующего перечня:

- «1) из П.бурга с реэст<ром>
- 2) Венеция. 2 листа
- 3) Флор<енция>. <2 листа>
- 4) <Флоренция>. 1 лист

¹ Ед. хр. ст. 4714_к. Л. 30 об. Татаринов Александр Николаевич (1810 – ок. 1862), двоюродный племянник Тургенева (сын двоюродной сестры, ур. А.С. Аржевитиновой, от брака с Н.И. Татариновым). Выпускник Дерптского университета, он служил в Департаменте уделов; впоследствии – член Комитета по освобождению крестьян. Тургенев очень его ценил и принимал близкое участие в его судьбе.

5) Рим. 1 лист» (Ед. хр. ст. 1102. Л. 4).

Нет сомнения, что это неполный перечень полученных из Почтового департамента писем или уже снятых с них копий. Судя по местам отправок, речь идет о письмах из Италии за период с сентября 1832 г. по апрель 1833 г. Для их копирования Тургеневу необходим был «русский писец» (официальная переписка с Голицыным велась исключительно по-русски).

Письмо «из П.бурга с реест<ром>», означенное в первом пункте, относится к самому началу заграничной деятельности Тургенева. В апреле 1832 г., находясь в Петербурге, он отправил Голицыну свои иностранные приобретения: «до пятидесяти книг и тетрадей при особенных реэстрах», сопроводив посылку пояснительным письмом (Ед. хр. ст. 1102. Л. 16). Это были книги на французском, английском, немецком языках. «Французский писец» мог понадобиться для копирования реестров.

Копии десяти писем от апреля 1832 – января 1834 г., а также копия реестров были изготовлены, бережно сохранены и дошли до нас в виде комплекса, озаглавленного «Копии писем Дейст. ст. советника А. Тургенева к князю А.Н. Голицыну с реэстрами книг, пересылаемых из-за границы по части народного просвещения, Министерства внутренних дел и по части филантропической» (Ед. хр. ст. 1102. Л. 1). Мы изучили этот комплекс с целью идентифицировать почерк кого-либо из писарей, услугами которых пользовался Пушкин (образцы их почерков и даже отдельные имена известны)¹, однако, безрезультатно. Очевидно, получив от Пушкина не удовлетворивший его ответ («Письца у меня *французского* нет, российских сколько угодно»), Тургенев тут же обратился за помощью к своему давнему знакомцу – Б.М. Федорову, как делал это не раз². Именно он скопировал иностранные реестры и прилагавшееся к ним письмо; копии остальных девяти писем выполнены неуставленными лицами, некоторые – явно писарским почерком; почти все они заверены Федоровым. Следов работы пушкинских писарей, повторим, нет.

Из записки Пушкина ясно, что Тургеневу *одновременно* понадобились и французский, и русский писцы. Именно так обстояло дело с бумагами из Почтового департамента. Потребность в их копировании представляется наиболее вероятным поводом, побудившим Тургенева обратиться к Пушкину за помощью.

Изучение дневника за октябрь – начало декабря 1834 г., переписки с братом, а также с кн. Голицыным – т.е. всего того круга источников, который

¹ В этом отношении наиболее репрезентативным является объемный конволют, содержащий копии произведений Пушкина, выполненные в связи с подготовкой посмертного издания (ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 8. Ед. хр. 93).

² Б.М. Федоров (1798–1875), литератор и журналист, в молодости принадлежал к кружку помощников Карамзина в его работе над «Историей государства Российского». По его рекомендации в 1818 г. он поступил на службу в Департамент духовных дел, под руководство Тургенева. После отъезда последнего за границу неизменно выполнял его поручения; был ему глубоко лично предан.

подробно отражает «труды и дни» Тургенева, не дало никаких сведений, актуальных для нашей темы.

14 октября 1834 г. Пушкин приехал в Петербург (из Болдина). Первая встреча с Тургеневым состоялась на следующий же день, о чем известно из дневника последнего: «15 октября. Федор<ов> принес ко мне бумаги мои и читал стихи свои <...> вечер у Пушкина: читал мне свою поэму о П.<етер>бургском потоке. Превосходно. Другие отрывки...» (Ед. хр. ст. 305. Л. 16 об.). Более подробно о чтении «Медного всадника» Тургенев сообщал брату: «Пушкин читал мне новую поэму на наводнение 824. Прелестно; но цензор его, Государь, много стихов зачернил, и он печатать ее не хочет. Если не успею послать книгу его отсюда («Историю Пугачевского бунта». – Н.Х.), то привезу с собою или пошлю после» (Ед. хр. ст. 313. Л. 136). Те же впечатления переданы и в письме Вяземскому, на которое мы ссылались выше: «Пушкин вчера (23 октября. – Н.Х.) навестил меня. Поэма его о наводнении превосходна, но исчерчена и потому не печатается. Пугачевщина уже напечатана и выходит» [8. С. 262].

Концепция всех трех сообщений одинакова: фиксируя важнейшее – чтение «Медного всадника», Тургенев не раскрывает содержание своих бесед с Пушкиным. Для подобного умолчания были особые причины.

Принимая у себя в доме старшего друга, Пушкин, разумеется, не мог не расспросить его о делах, не поинтересоваться положением Н.И. Тургенева, к судьбе которого проявлял неизменный интерес. Весьма вероятно, что об археографическом проекте Тургенева он узнал еще в Москве, в одну из сентябрьских встреч 1834 г. Проект, несомненно, должен был заинтересовать Пушкина-историка. Теперь Тургенев мог подробнее рассказать о его содержательной и формальной стороне, о своей новой «должности»: «Высочайше назначен, – записано в его формуляре, – для производства в иностранных государствах ученых изысканий, до российской истории относящихся» (Ед. хр. ст. 1234. Л. 8 об.). Пушкин оказался в некотором смысле предшественником Тургенева, так как работа над «Историей Петра I» тоже имела статус высочайшего поручения (дано в 1831 г.).

Легализовав свое пребывание за границей, Тургенев, разумеется, надеялся на скорую встречу с братом. В письме от 19 октября он сообщил ему план на предстоящий 1835 г.: пробыв в Италии до мая, ехать затем в Англию, где провести «только с месяц», а остальное время – в Париже (Ед. хр. ст. 313. Л. 135 об.). Преисполненный надежд на долгожданную встречу с братом, на манящую перспективу жизни во французской столице, Тургенев, конечно, не мог не поделиться с Пушкиным своими планами, а заодно и не поинтересоваться тем, что ему «надобно» из Парижа. Возможно, он обмолвился и о текущих делах – о необходимости скопировать столь нужные ему письма (вспомним дневниковую запись от 15 октября: не их ли принес ему Федоров в первой половине дня)?

На следующий день, 16 октября, Пушкин и Тургенев встретились в салоне А.О. Смирновой-Россет, «где говорили о “Философических письмах”»

Чаадаева: Тургенев отмечал в них влияние идей “Мейстера <...> и Ламенне”» [6. С. 241 (1670)]¹.

Итак, уже 15 октября при первой встрече с Пушкиным Тургенев мог рассказать о намерении в скором времени уехать из Петербурга, о плане на 1835 г., предполагавшем длительную поездку в Париж, наконец, о потребности в переписчиках – «французском» и «российском». Предметом их обсуждений становится в эти дни сочинение Ж. де Местра. Все это подводит нас к очевидному выводу: наиболее вероятной датой написания записки следует считать вторую половину октября 1834 г. Поводом для корреспонденции действительно послужил отъезд Тургенева, но не фактический, как считали ранее, а предполагаемый, не состоявшийся.

Почему он задержался в Петербурге до декабря? Планируя дату отъезда, в том же письме брату от 19 октября Тургенев сообщал: «У нас уже и снег. Недели через 4 или 5 установится первый путь» (Ед. хр. ст. 313. Л. 135 об.). Предположения не сбылись, осень оказалась затяжной, и это отсрочило отъезд. Помешало его планам и происшествие, о котором уже упоминалось: под 20 октября в дневнике записано: «сядась в коляску, – ушиб кость ноги, поехал домой» (Ед. хр. ст. 305. Л. 17). Из последующих записей явствует, что у больного ежедневно бывало множество посетителей. Пушкин навещил его дважды: 23 октября и 1 ноября.

30 октября Тургенев написал Голицыну официальное письмо с подробным планом работ в итальянских архивах, которое князь должен был довести до сведения императора². Ответ Голицына последовал только 7 декабря³. В ожидании монаршего одобрения Тургенев вынужден был оставаться в Петербурге.

В начале статьи отмечалось, что дата написания записки (1834 г.) устанавливается исключительно по бумаге, по водяному знаку. Закономерно может возникнуть вопрос: не относится ли она к концу 1836 – началу 1837 г., к наиболее известному и плодотворному периоду общения Пушкина и Тургенева?⁴

Если в 1834 г. последний приехал в Петербург с целью утвердить свой археографический проект, то в 1836 г. – представить отчет Николаю I о результатах работы. Для подготовки отчета (над ним Тургенев работал именно в Петербурге), несомненно, требовались писцы⁵.

Просьба Пушкина о приобретении книги Ж. де Местра могла быть адресована и Н.И. Тургеневу в Париж (тема присылки книг и бумаг – сквозная в

¹ Эта же мысль высказана Тургеневым в письме Пушкину от 15 июля 1831 г., где «предтечами» Чаадаева он называет Ж. де Местра, Л. Бональда, Ф.-Р. Ламенне, С.П. Свечину [9].

² Ед. хр. ст. 1102а. Л. 32.

³ Там же. Л. 8–8 об.

⁴ Об этом периоде см.: [10, 11].

⁵ Отчет состоялся 14 февраля 1837 г. Ранее Тургенев не мог и не предполагал покинуть Петербург.

переписке братьев)¹. Основания для подобного предположения дает письмо Тургенева Пушкину от 15 декабря 1836 г. Оно заканчивается так: «Завтра ввечеру едет курьер (в Париж. – Н.Х.), и я бы желал им воспользоваться. Что выписать для тебя?» [2. Т. 16. С. 198].

Однако в дневнике Тургенева, в котором фиксировались подобные «комиссии», а также в его письмах брату рубежа 1836–1837 гг. нет никаких упоминаний о книге «Du Rare» – о ее покупке или получении. Из этого следует заключить, что Пушкин адресовал свою просьбу Тургеневу *лично* ввиду его отъезда за границу. Он мог это сделать только в 1834 г. Как известно, в 1837 г. Тургенев уехал из Петербурга, похоронив Пушкина.

Факт наличия книги в библиотеке Пушкина (№ 896 по описанию Б.Л. Модзалевского), несмотря на отсутствие помет его руки, также свидетельствует в пользу 1834 г. «Происхождение этого экземпляра, – писал В.Э. Вацуро, – неизвестно – возможно, что его прислал или привез из Парижа А.И. Тургенев» [4. С. 251].

История взаимоотношений, интеллектуального сотрудничества Пушкина и Тургенева в 1830-е гг. до сих пор до конца не выяснена. Она будет открываться новыми гранями по мере углубленного изучения биографии Тургенева, тех аспектов его деятельности и тех духовных, мировоззренческих приоритетов, осмысление которых в силу разных причин остается на периферии исследовательского внимания.

Список источников

1. Тархова Н.А. Записки Пушкина к А.И. Тургеневу в сентябре 1834 г.: Уточнение датировок // СТЕФАНΟΣ : сб. науч. тр. Воронеж, 2008. С. 232–239.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 15, 16. М.; Л., 1949.
3. Фомин А.А. Новые рукописи А.С. Пушкина // Русский библиофил. 1911. № 5. С. 20.
4. Пушкин А.С. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969.
5. Хохлова Н.А. Об археографической деятельности А.И. Тургенева (материалы к биографии). Ч. 2 // Русская литература. 2021. № 2. С. 63–77.
6. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина : в 4 т. / сост. Н.А. Тархова. Т. 4. М., 1999.
7. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
8. Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с прим. В.И. Сaitова. Т. 3. СПб., 1899.
9. Переписка А.С. Пушкина : в 2 т. Т. 1. М., 1982. С. 74.
10. Фейнберг И.Л. Парижские бумаги // Фейнберг И.Л. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 6. М., 1976. С. 129–148.
11. Хохлова Н.А. Неизвестный автограф А.С. Пушкина – пометы на рукописи «Хроники русского» А.И. Тургенева // Русская литература. 2022. № 2. С. 5–27.

¹ Например, 28 ноября 1836 г. Тургенев писал брату: «Постарайся непременно отыскать книгу в двух частях <...> L'intérieur de Jésus et de Marie. 1829 и мне скорее сюда доставь. Справься за Сеней в книжных лавках...» (Ед. хр. ст. 950з. Л. 50 об.). Книга, очевидно, предназначалась для Голицына; она была получена с «русской оказией», как следует из письма от 13 (25) янв. 1837 г. (Ед. хр. ст. 950з. Л. 56 об.).

References

1. Tarkhova, N.A. (2008) Zapiski Pushkina k A. I. Turgenevu v sentyabre 1834 g.: Utochnenie datirovok [Pushkin's notes to A.I. Turgenev in September 1834: Clarification of dating]. In: ΣΤΕΦΑΝΟΣ: Sbornik nauchnykh trudov [ΣΤΕΦΑΝΟΣ: Collection of scientific works]. Voronezh: [s.n.].
2. Pushkin, A.S. (1949) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols. 15–16. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Fomin, A.A. (1911) Novye rukopisi A.S. Pushkina [New manuscripts by A.S. Pushkin]. *Russkiy bibliofil*. 5.
4. Pushkin, A.S. (1969) *Pis'ma poslednikh let. 1834–1837* [Letters from the Last Years. 1834–1837]. Leningrad: Nauka.
5. Khokhlova, N.A. (2021) Ob arkheograficheskoy deyatel'nosti A.I. Turgeneva (materialy k biografii). Ch. 2 [About the archaeographic activities of A.I. Turgenev (materials for the biography)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 63–77.
6. Tarkhova, N.A. (1999) *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina* [Chronicle of the Life and Works of Alexander Pushkin]. Vol. 4. Moscow: Slovo.
7. Russkiy arkhiv. (1895) *Pis'ma V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters from V.A. Zhukovsky to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: Russkiy arkhiv.
8. Saitov, V.I. (ed.) (1899) *Ostaf'evskiy arkhiv knyazey Vyazemskikh* [Ostafev archive of the Vyazemsky princes]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha.
9. Pushkin, A.S. (1982) *Perepiska A.S. Pushkina* [Correspondence of A.S. Pushkin]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. p. 74.
10. Feynberg, I.L. (1976) *Nezavershennyye raboty Pushkina* [Unfinished Works of Pushkin]. 6th ed. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 129–148.
11. Khokhlova, N.A. (2022) Neizvestnyy avtograf A.S. Pushkina – pomety na rukopisi “Khroniki russkogo” A.I. Turgeneva [Unknown autograph of A.S. Pushkin – notes on the manuscript Chronicles of the Russian by A.I. Turgenev]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 5–27.

Информация об авторе:

Хохлова Н.А. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: irliran@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Khokhlova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: irliran@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 06.10.2023.

The article was submitted 15.09.2022;
approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 06.10.2023.

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 004.55

doi: 10.17223/19986645/85/13

Консенсус, «новый патриотизм» и эффект ностальгии в российской медиакультуре (опыт изучения молодежных сообществ в VK)

Денис Владимирович Дунас¹, Елена Александровна Салихова²,
Дарьяна Александровна Бабына³

^{1, 2, 3} МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ denisdunas@gmail.com

² ekostyuk19@gmail.com

³ daribabyna@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования, в рамках которого изучены первый и второй уровни установления повестки дня молодежных сообществ в социальной сети VK. Сделаны выводы о сложном устройстве цифровой медиакультуры: ее содержание соответствует традиционным отечественным духовным ценностям, а форма – глобальным. При этом риск двоемыслия и поляризации нивелируется консенсусом как особым состоянием, в котором находится изученная медиакultura. Формируемый медиадискурс использует инновационные инструменты работы с коллективной памятью, прежде всего с коммуникативной, а также нацелен на создание эффекта ностальгии. Такие подходы ориентированы на формирование «нового патриотизма» у молодых цифровых россиян.

Ключевые слова: медиадискурс, медиапотребление, медиасоциализация, «цифровая молодежь», «новый патриотизм», память, ностальгия

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00398).

Для цитирования: Дунас Д.В., Салихова Е.А., Бабына Д.А. Консенсус, «новый патриотизм» и эффект ностальгии в российской медиакультуре (опыт изучения молодежных сообществ в VK) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 247–268. doi: 10.17223/19986645/85/13

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/13

Consensus, “new patriotism”, and the nostalgia effect in Russian media culture (based on the experience of studying youth communities on VK)

Denis V. Dunas¹, Elena A. Salikhova², Dariana A. Babyna³

^{1, 2, 3} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *denisdunas@gmail.com*

² *ekostyuk19@gmail.com*

³ *daribabyna@gmail.com*

Abstract. The article presents the results of an empirical research in which first and second levels of agenda setting of youth communities on the VK social media platform were studied. The research sample included three most popular VK communities among the “digital youth” (Rifmy i panchi [Rhymes and Punches], Leonardo Dayvinchik, Ovsyanka, ser). The content analysis was aimed at identifying the main topics in social media content that were covered and that resonated the most with the potential audience, the “digital youth”. We studied not only the “editorial” content produced by the editors of the community or the authors of the channel, but also the space of public communication (comments, reposts, likes, hashtags, etc.) of the “digital youth”. Moreover, the analysis paid attention to the evaluability, values, and key characters of the publications. This kind of approach made it possible to identify the main attributive characteristics of the topics (the particular aspects of the topic that received more attention, as well as the type of evaluability – neutral, negative, positive, and the sociocultural context of the topic). We study drew conclusions about the complex structure of modern digital media culture. We found that the content corresponds to traditional Russian spiritual values, while the form corresponds to the global ones. The constructed digital media culture relies on black humour as one of the crucial tools for assimilating contradictory social experience. Hip-hop singers, celebrities, and influencers in the mirror of editorial culture become transmitters of values familiar to Russians or, conversely, objects of irony over idleness, self-destructive behaviour. At the same time, traditional values of Russian culture such as patriotism, family values and loyalty in relationships, strong national economy and prosperity of Russia, historical memory of the exploits of the Russian people are also actualized. Ideology as a system of ideas, attitudes and values fundamental for the country, as well as the governmental ideology in the discourse itself, dominates in the content to be transmitted to the youth. Thus, the media culture studied smoothes the risk of double-mindedness and polarisation by consensus as a special state of culture. The formed media discourse uses innovative tools for working with collective memory, primarily with its communicative memory. Thus, the memory of the recent past, which embeds a representative of the “digital youth” in a context linking the past with the present, in the process of discussing and exchanging nostalgic memories in the comments, creates a local memory of the group resembling an “information bubble” and an “echo chamber”. Such media discourse also aims to create a nostalgia effect. The study concludes that the approaches described are aimed at forming a “new patriotism” among young digital Russians.

Keywords: media discourse, media consumption, media socialization, digital youth, new patriotism, memory, nostalgia

Acknowledgments: The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00398).

For citation: Dunas, D.V., Salikhova, E.A. & Babyna, D.A. (2023) Consensus, “new patriotism”, and the nostalgia effect in Russian media culture (based on the experience of studying youth communities on VK). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 247–268. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/13

Введение

Практики медиапотребления «цифровой молодежи» качественно отличаются от медиапаттернов людей старшего возраста. Кроме того, они постоянно демонстрируют динамику, что обусловлено экстенсивным развитием цифровых медиакоммуникационных технологий и решительным подходом молодежи к их использованию. Именно представители молодёжи, по данным исследований поведения аудитории, часто входят в группу «новаторов» концептуальной модели диффузии инноваций [1].

Данные компании Mediascope (TV Index, Россия 100k+) показывают, что традиционные СМИ не являются столь же привлекательными для школьников старших классов и студентов, как социальные медиа. К телевидению, радио и печати обращаются лишь 30% молодых респондентов, в то время как 70% не используют их вообще. Функции традиционных медиа для данной аудитории выполняет Интернет. При этом 99% российских «зумеров» активно используют мессенджеры и социальные сети. Цифровые продукты платформ социальных сетей, а также официальные интернет-сайты представители молодежи в возрасте от 14 до 24 лет выделяют как приоритетные источники новостей: по данным Deloitte, к ним обращаются 67 и 55% соответственно, в то время как к телевидению лишь 34%¹. По другим данным, к социальным сетям и интернет-сайтам обращаются более 41% российских школьников, тогда как к традиционным медиаканалам – менее 7% [2. С. 120].

Несомненным лидером в структуре медиапотребления российской молодежи выступает платформа VK. Согласно статистике Brand Analytics, в 2022 г. самой популярной у авторов контента из России площадкой была социальная сеть VK. При этом платформа богата не только пользователями, но и «активной аудиторией», или «авторами», к которым система мониторинга и анализа социальных медиа относит тех пользователей платформы, которые делали публичные записи хотя бы однажды в течение месяца, и исчисляет в 28 млн пользователей. При этом 29,1% «авторов» в VK младше 25 лет, что соответствует когорте «цифровая молодежь». Платформа VK всегда была доминирующей социальной сетью для реализации самых разных потребностей молодежи. В среднем 96% от общего количества

¹ Медиапотребление в России – 2020. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. 2020. URL: <https://oohmag.ru/wp-content/uploads/2020/11/mediapotrebienie-v-rossii-2020.pdf> (дата обращения: 28.02.2023).

респондентов из числа российского студенчества отметили VK как самую востребованную популярную социальную сеть [2. С. 144]. В 2022 г. платформа к тому же стала приоритетным местом «миграции» русскоязычной аудитории пользователей социальных сетей после введения законодательных ограничений на использование медиасервисов корпораций, признанных экстремистскими.

Проводя в медиакоммуникционной среде социальной сети много времени, молодежь, очевидно, испытывает на себе влияние медиасоциализации как процесса усвоения социокультурных норм и ценностей из медиатизированного (личного и социального) опыта в результате медиапотребления. Авторы данной статьи исходят из положения о вездесущности, широкомасштабности и необратимости медиасоциализации. Признание того, что индивиды могут быть социализированы одновременно разными социальными агентами, не может не вызывать озабоченность и поднимает исследовательские вопросы о последствиях конфликта норм и ценностей между социальным и медиатизированным мирами. Исследователи говорят о «соконструированном» с помощью медиа мире, где открытым остается вопрос благополучия молодой личности [3]. Именно поэтому попытка контент-аналитического исследования материалов наиболее востребованных у молодежи сообществ на платформе VK стала целью настоящего исследования.

Объектом исследования стали особо популярные сообщества на платформе VK: «Рифмы и панчи», «Овсянка, сэр» и «Леонардо Дайвинчик», объединяющие наибольшее количество представителей «цифровой молодежи».

Предмет исследования – публикации сообществ, представляющие сложный медиатекст, состоящий из совокупности элементов: заголовка, новостной информации, фотографии, редакционного комментария или мнения, используемых эмодзи, сопутствующих тексту, эмодзийному и комментарийному дискурсу (при наличии), производимому аудиторией.

Медиатекст и его эффекты: двоемыслие vs консенсус, культурная память vs ностальгия

Медиаэффекты становятся главным образом результатом социализации в медиа, которую сегодня относят к таким же мегатенденциям и метапроцессам современности, как цифровизацию, медиатизацию, сетевизацию, глобализацию и деглобализацию [4]. При этом медиасоциализация не представляет собой равномерного и одинакового для всех ее субъектов процесса: выделяют как минимум три уровня медиасоциализации – первичный, вторичный и самоциализацию. Различия объясняются не аудиторными или медийными особенностями, а интегральными категориями, например своеобразием жизненного пути представителя аудитории.

Понимая медиасоциализацию как результат и эффект медиапотребления, представляется необходимым соотносить ее, во-первых, с результатами проведенного эмпирического исследования и, во-вторых, предложить возможные направления теоретического анализа.

В основу концептуального понимания текста анализируемых сообществ положено представление о медиатексте как «тексте высшей семиотической сложности» [5], деконструкция которого возможна в условиях признания его семиотической природы [6. С. 15]. Визуальные элементы в медиатексте играют важную роль в процессе трансляции новостей, поскольку они менее навязчивы, чем текст [7, 8], а синтез элементов разных семиотических систем делает медиатекст уникальным [9. С. 166]. Визуальная составляющая имеет ключевое значение для характеристики медиатекста анализируемых сообществ.

Тексты со сложной семиотической природой не только информируют, убеждают, развлекают [10], но формируют тематическую доминанту, отражающую медиатопику в соответствии с национальным медиаландшафтом [11]. Они способны давать оценку и побуждать [12], выдвигать аргументы и контраргументы [13, 14], формировать культуру [15], воспроизводить идеологию [16], укреплять политические предпочтения [17], а также служат идеальными носителями прямого и часто эмоционального сообщения без языковых или других барьеров [18], рассказывают и контекстуализируют истории [13, 19].

Медиатексты и порождаемая ими медиасреда имеют системные характеристики, которые оказывают комплексное воздействие на человека в вопросе формирования идентичности, менталитета, идеологии, т.е. обладают культууроформирующим потенциалом. Такой подход дает основания рассматривать медиасреду и практики медиапотребления как медиакультуру, которая в свою очередь становится неотъемлемой частью современной культуры общества.

Однако медиакультура питается поляризованными медиадискурсами, от чего не является однородной и гармонизированной сущностью, а, скорее, представляет собой противоборство различных стратегий ментально-дискурсивной деятельности медиакоммуникаций, среди которых и стратегии манипуляции, и гедонизма, и секуляризации или десакрализации, и стратегия культурного шока [20. С. 16].

Очевидно, что смешение различных медиадискурсивных стратегий внутри одного медиадискурса может вызывать определенную дисгармонизацию публичной сферы. Например, создавать культуру двоемыслия. Нормативная модель жизненного пути человека, его жизненного мира предполагает многомерность и многополярность. Однако системы ценностных координат, точки отсчета нормативных суждений, представления о допустимом, правильном, добром, хорошем не должны вступать в очевидные противоречия, поскольку иначе возникает феномен двоемыслия [21]. Безусловно, на разных этапах общественного развития, особенно в периоды социальных и политических трансформаций, возможен нормативный релятивизм, поскольку определённые исторические, национально-государственные контексты, конкурируя, наслаиваются друг на друга и создают конфликтную структуру. Такая структура не должна иметь постоянного

характера, поскольку не является свидетельством благополучного общества и его устойчивого развития.

Развитие концептуального осмысления цифровой молодежной медиакультуры представляется важным по двум направлениям: теоретические вопросы формирования консенсуса в условиях двоемыслия и поляризации медиакультуры; а также изучение вопросов формирования устойчивых и актуальных форм патриотической социализации молодой личности, прежде всего за счет инструментов памяти.

«Консенсус» становится ключевым подходом в осмыслении потенциала медиа не только поляризовать и фрагментировать общество, но создавать его единство на основе общих и разделяемых большинством его членов ценностей, которые претендуют на значимость в масштабах всего человечества, а не каких-либо социальных групп или элит. По словам Л. Вирта, «консенсус – это не столько соглашение по всем вопросам (и даже не по самым существенным вопросам) среди всех членов общества, сколько установленная привычка коммуникации, обсуждения, дискуссии и переговоров, поиск компромисса и терпимость к иным точкам зрения» (цит. по: [22. С. 28]). Фундаментальным трудом в осмыслении консенсуса стала теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, описывающая такой тип коммуникационного устройства общества, при котором исходной позицией осуществления коммуникации становится установка на мораль и общечеловеческие ценности [23].

В цифровой среде платформы социальных медиа оказались новой общественной сферой, где происходит гражданский диалог по всем вопросам, включая воспоминания об общем прошлом, его обсуждение и ностальгия по нему. Социальные сети обладают мощным потенциалом влияния на нашу коллективную и историческую память. Исследователи различают индивидуальную, коллективную, коммуникативную, культурную, историческую память. Трансформация категории памяти в условиях цифрового пространства является предметом отдельных исследований. Исследования цифровой памяти выявляют место цифровых инструментов, сервисов и социальных платформ в активации прошлого и конструировании на его основе настоящего. Центральным тезисом в теоретическом осмыслении памяти является понимание ее как социального конструкта: память возникает только в процессе социализации индивида, опосредуется социальной средой, содержательное наполнение памяти определяется внешними, социальными и культурными рамками [24]. Сегодня стало возможно говорить о том, что в эпоху медиатизации память является не только социальным, но медийным конструктом.

И хотя памятью обладает лишь отдельный человек, она сформирована коллективом, а следовательно, объединяет индивидуумов в группы, в том числе аудиторные. Особое место в исследованиях памяти отводится коммуникативной памяти, которая охватывает воспоминания, связанные с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками [25. С. 51]. Известность приобретает мемориальный феномен ностальгии как сожаления, тоски об идеализированном прошлом: о

безвозвратно утраченных персонах, событиях, временах [26]. Ностальгические эпизоды важны с точки зрения формирования преемственности, поскольку могут воспроизводиться из поколения в поколение. Исследователи связывают возрастание значения ностальгии в кризисные периоды общественного развития [27–29], поскольку ностальгия может стать эффективным инструментом консолидации российского общества [29. С. 9–10].

Программа контент-аналитического исследования

Для формирования выборки была предложена двухступенчатая система отбора сообществ в качестве материалов исследования. На первом этапе мы обратились к данным Brand Analytics¹, представляющим собой ранжированный список страниц VK на основе не только числа подписчиков, но и такого показателя, как вовлечённость – одного из ключевых в анализе социальных сетей. Так, стало возможно выявить сообщества, аудитория которых не только подписана на ту или иную публичную страницу, но и проявляет в ней активность: просматривает публикации, оценивает их, делится ими на своей личной странице и оставляет комментарии, т.е. выполняет определенные действия с контентом.

Второй этап был посвящён выявлению числа представителей «цифровой молодежи» в сообществах, имевших наивысшую вовлечённость на момент проведения исследования. Для этого мы с помощью механизма ранжирования подписчиков сообществ по указанному ими возрасту рассчитывали процент подписчиков в возрасте от 14 до 22 лет. С помощью данной системы были определены три сообщества, в которых наибольшее количество представителей «цифровой молодежи» проявляет заметную активность: «Рифмы и панчи», «Овсянка, сэр» и «Леонардо Дайвинчик».

Для исследования повестки дня в данных сообществах была выбрана неделя с 20 по 26 июня 2022 г., не отмеченная государственными праздниками и дополнительными выходными. Анализировались заголовочный комплекс публикации (наличие/отсутствие заголовка и подзаголовка, тип, тональность и формат заголовка), тип, тональность и тематика/проблематика публикации, основа информационного повода, масштаб события, личность ньюсмейкера, тип источника информации, наличие ссылок и прямых цитат, хештегов. Выявлялось, для кого публикация представляет ценность, определялись ключевые герои и антигерои, ценности и антиценности, а также степень поляризации мнений в комментариях [30].

Анализируя данные, полученные при анализе публикаций по вышеуказанным пунктам, мы ставили целью решить следующие исследовательские вопросы (ИБ):

ИБ1: Что представляют собой сообщества? О чем они?

¹ Рейтинг авторов и групп VK. Аналитический центр Brand Analytics. 2022. URL: <https://br-analytics.ru/mediatrends/authors/vk/202206/ER/public> (дата обращения: 28.02.2023).

ИБ2: Какие темы наиболее часто представлены в повестке дня сообществ?

ИБ3: Какие ценности транслируются сообществами?

Результаты исследования

Сообщество «Рифмы и панчи» обладает наивысшим показателем вовлечённости в июне 2022 г. в VK. На момент исследования сообщество имело 5 001 225 подписчиков, 48,4% которых являлись представителями «цифровой молодежи».

Изначально публичная страница «Рифмы и панчи» была посвящена русскоязычной рэп- и баттл-рэп культуре, имевшей широкую популярность среди молодежи в 2015–2017 гг. Сообщество размещало публикации с цитатами из баттлов и музыкальных треков рэп-исполнителей, новости, интересные представителям данной субкультуры, значимые рэп-композиции зарубежных исполнителей и мемы. Со снижением популярности баттлового движения изменилось и наполнение постов: на смену субкультурной тематике пришла более общая, в том числе и новостная повестка. На сегодняшний день редакция позиционирует сообщество «Рифмы и панчи» так: «РиП – новостной ресурс обо всем, что сейчас обсуждает молодежь: от музыки и мемов до футбола, UFC, политики и твич/тиктор блогеров»¹.

Сообщество «Овсянка, сэр» в период проведения исследования имела 5 689 350 подписчиков, 61,5% которых составляли представители «цифровой молодежи». На странице размещаются публикации преимущественно новостного содержания, освещающие события из жизни блогеров и других публичных личностей в юмористическом ключе, а также новости общего интереса. Иллюстрациями к постам нередко выступают мемы или фотографии девушек модельной внешности.

Отличительной особенностью сообщества является размещение публикаций, призывающих подписчиков к знакомству друг с другом и общению в рамках рубрик «Ночной чат» и периодических постов с призывом обмениваться в комментариях данными, характеризующими личные предпочтения (например, любимой музыкой или маркой кроссовок), и продолжать обсуждение в личных сообщениях. Такой подход способствует укреплению сообщества, основанного на личных связях его членов, объединенных общими вкусами и целеполаганиями. Стоит отметить, что подписчики проявляют заметную активность в комментариях к публикациям данных рубрик и в целом охотно обмениваются мнениями под постами.

Наибольшее количество подписчиков по состоянию на июнь 2022 г. имеет сообщество «Леонардо Дайвинчик» – 15 667 899, из них 50,7% являются представителями «цифровой молодежи». Основу публикуемого содержания представляют мемы на актуальные темы, оказавшиеся в поле зрения

¹ Сообщество «Рифмы и панчи». URL: <https://vk.com/rhymes> (дата обращения: 28.02.2023).

массмедиа, а также абстрактный юмор, не привязанный к актуальной новостной повестке.

Сообщество «Леонардо Дайвинчик» также имеет площадку для знакомства подписчиков между собой, однако это не отражено в публикациях. Страница имеет бот, в котором подписчик может заполнить анкету и получить предложение о знакомстве с указанием страницы другого подписчика, указавшего в своей анкете релевантные данные.

Подобная политика публичных страниц в целом соответствует направлению платформы VK «Знакомства» – внутреннему дейтинг-сервису, запущенному в 2021 г.¹ Сервис формирует пары посредством искусственного интеллекта, анализирующего музыкальные вкусы и данные анкет пользователей. Ключевым отличием здесь является ограничение по целевой аудитории, сокращающее возможную выборку анкет до аудитории сообщества, а также фактор личной инициативы подписчика, который самостоятельно принимает решение о размещении комментария или обращении к боту.

Исследуемые сообщества имеют как общие черты, так и различия, обусловленные изначальной тематической направленностью и редакционной политикой администрации страницы. В графе «Контакты» сообщества размещают страницы анонимных пользователей под псевдонимами, к которым рекламодатель может обратиться с предложением о рекламном посте. Реальные владельцы и редакторы страниц неизвестны. Во всех сообществах выявлено наличие модерации, особенно заметное в комментариях к публикациям. Возможно говорить о наличии редакционной политики сообществ, проявленной в формировании повестки, форме подачи материалов и повторяющихся фреймов как внутри каждого конкретного паблика, так и во всех исследуемых сообществах одновременно.

Мы исследовали публикации на предмет их тематики, разделив на следующие категории: международная, политика, экономика, общество, стиль жизни, армия, происшествия, спорт, юмор/развлечения, культура, медицина, религия, экология, межличностная/семейная/гендерная и другая.

Среди 283 публикаций, размещённых сообществом «Рифмы и панчи», 32% было посвящено культурной тематике (рис. 1). Важно отметить, что современная музыкальная культура, в частности связанная с русскоязычной рэп-культурой, также принимается как ее часть, поскольку является значимой и актуальной для молодёжной аудитории. Например, нередко публикации представляли собой презентации новых музыкальных композиций рэп-исполнителей. Повлияло на высокое число постов о культуре и значительное количество публикаций, посвящённых уходу из жизни певца Юрия Шатунова, музыка которого периодически публиковалась в течение исследуемой недели.

Значительно меньше – 14% публикаций – было посвящено тематике стиля жизни. В случае страницы «Рифмы и панчи» посты о стиле жизни

¹ Блог платформы VK. URL: <https://vk.com/press/vk-znakomstva> (дата обращения: 28.02.2023).

нередко были связаны с политической, санкционной тематикой. Редакция страницы освещала уход иностранных компаний с российского рынка, изменение названий популярных брендов и удачные примеры импортозамещения. Тональность подобных публикаций была преимущественно нейтральной или негативной в отношении ушедших из России компаний, что находило отражение в комментариях: их авторы выражали несогласие с подобной политикой брендов.

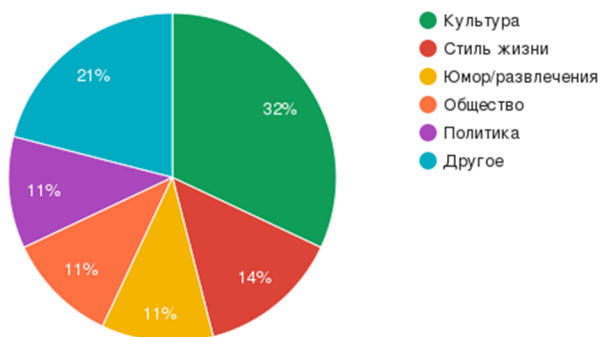

Рис. 1. Тематика постов в сообществе «Рифмы и панчи»

Сопоставимые показатели у юмористической, общественной и политической тематик (по 11% у каждой), нередко пересекавшихся в рамках одних и тех же публикаций. Например, американские политические лидеры становились причиной насмешек, а также героями мемов, особенно в связи с возрастными изменениями в поведении президента США Джо Байдена или склонности к скандалам Дональда Трампа. В юмористический контекст помещались и высказывания российских политиков, например депутата Госдумы и экс-боксера Николая Валуева, а также других общественных деятелей.

Другим тематическим направлениям был посвящен 21% публикаций. Это объясняется как диверсифицированностью поднимаемых в сообществе тем (никак не освещалась лишь тема религии, всего один пост был посвящен экологии, два – теме армии), так и трагическим событиям, имевшим место на исследуемой неделе. Так, 31 пост (11%) напрямую затрагивал тему смерти, не входившую в матрицу анализа, ровно столько же было юмористических публикаций.

Другие исследуемые сообщества – «Леонардо Дайвинчик» и «Овсянка, сэр» – ввиду отсутствия культурной повестки имеют практически идентичное распределение поднимаемых тем. Оба сообщества публиковали преимущественно мемы, однако уделяли особое внимание выбору информационных поводов, связывая их с новостной повесткой и новостями из жизни блогеров.

Так, 41% публикаций в сообществе «Овсянка, сэр» посвящен теме стиля жизни (рис. 2), а 25% – юмору и развлечениям. Значительную часть постов лайфстайл-тематики занимали рассуждения о правильном летнем досуге, связанном для большей части подписчиков с проведением школьных и студенческих каникул, обсуждение изменения уровня жизни в связи с ростом на потребительские товары, а также находчивости людей в вопросах выстраивания быта в сложившихся условиях. Схожую направленность имели посты на общественную тематику, занявшие 10% тематического разнообразия сообщества.

Рис. 2. Тематика постов в сообществе «Овсянка, сэр»

Не осталась без внимания межличностная, семейная и гендерная тематика (12%), которая затрагивала в том числе и освещение конфликтов между блогерами. Немаловажной оказалась тема семьи – как и в сообществе «Рифмы и панчи», героями одобрительных публикаций сообщества «Овсянка, сэр» становились знаменитости (рэп-исполнители и блогеры), заключившие брак.

Тематическое разнообразие публикаций в сообществе «Овсянка, сэр» оказалось значительно ниже, чем в паблике «Рифмы и панчи», как и процентное соотношение политически окрашенных постов. Вероятно, это связано с некоторым смещением акцента на тематику знакомств и стиля жизни, вытеснившим в данном сообществе культурную и политическую повестку.

Схожая с «Овсянкой...» тематическая политика наблюдалась и в сообществе «Леонардо Дайвинчик» – классическом паблике с мемами.

Несколько отличалось соотношение юмористических (41%) и лайфстайл-постов (30%), что видно из рис. 3.

Востребованной оказалась межличностная, семейная и гендерная тематика (17%), в рамках которой освещались события из жизни публичных личностей. Не осталась без внимания тема культуры – ей посвящено 9% публикаций, часть из которых сопряжена со смертью Юрия Шатунова, воспоминаниями о его творческом пути и благодарностью за музыку.

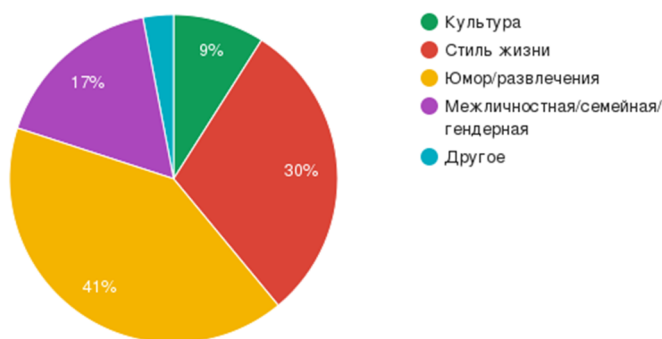

Рис. 3. Тематика постов в сообществе «Леонардо Дайвинчик»

Таким образом, несмотря на различия в концепции сообществ, круг освещаемых тематик оказался схожим, а различия в процентном соотношении их освещения были связаны в первую очередь с разницей в подаче новости.

Различия в повестках возможно объяснить как редакционной самостоятельностью сообществ, так и особенностями подачи информации – сугубо новостной или иронизирующей, ориентированной на создание мемов.

Например, ирония стала неотъемлемым элементом новостных публикаций во всех сообществах. Речь идет, прежде всего, об иронии как инструменте «упаковки» контента, что не опровергает как единство информационных поводов, положенных в основу публикации, так и целостность ключевых ценностей, объединяющих все три сообщества.

Эмпирическое исследование показало присутствие не только единой информационной повестки дня во всех анализируемых сообществах, но и механизм формирования общих фреймов, что в очередной раз убеждает в необходимости рассматривать повестку дня неразрывно с анализом фреймов в концептуальном единстве [30].

Ценности, которые возможно обнаружить в медиатекстах сообществ, соответствуют традиционным ценностям российского общества: патриотизм, семья и верность, экономическая стабильность и процветание, а также историческая память¹. Эти ценности кодируются в умозаключениях, изложенных в медиатекстах, к которым приходит пользователь в результате процесса медиапотребления.

Например, ценности патриотизма транслируются посредством тезиса «Сильная Россия – достойный уровень жизни» и апелляции к важности сохранения памяти о знаковых событиях (исторической памяти), людях и даже предметах быта, ассоциирующихся с детством, временами

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Официальный портал Президента России Kremlin.ru. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 28.02.2023).

процветания и изобилия товаров. Рост курса рубля, наблюдаемый в исследуемый период, активно освещался в сообществах и сопоставлялся с событиями 2015 г. Представители «цифровой молодежи» тогда были еще детьми или младшими подростками, поэтому публикации об укреплении национальной валюты соседствовали с упоминанием музыкальных треков и товаров российского производства, популярных в те годы. Вероятно, этот прием возможно считать продуманной медиатехнологией, связанной с провоцированием у аудитории радостных и одновременно печальных воспоминаний о прошлом и родине – ностальгии, которая по своей сути является глубоко патриотичным чувством. Однако ностальгия как медиатехнология, направленная на молодую цифровую аудиторию, инновационная и малоизученная практика, поскольку ностальгии подвержены люди более старшего возраста.

Эффект ностальгии в случае молодежной аудитории, вероятно, работает на опережение – формирует патриотизм в ситуации отсутствия «утраты» прошлого или когда боль или печаль от невозможности вернуть прошлое еще не так велика.

Особое значение в производстве ностальгии приобретал контекст публикаций. Например, уход зарубежных компаний, производящих продукты питания (McDonald's, Coca-Cola), во всех трёх сообществах сопровождался публикациями о напитке Frustyle, который был популярен у детей нулевых, но позже исчез с прилавков магазинов, а также о пакетированных соках с трубочкой и других атрибутах детства представителей «цифровой молодежи». Таким образом, срабатывал механизм переключения ностальгии с «тоски» по ушедшим из России глобальным брендам на «светлую грусть» по атрибутам потребления прошлого – времени детства. Уход товара, связанный с завершением периода детства, способствовал принятию, смирению, тогда как уход товара по политическим соображениям вызывал негативные эмоции. Пробуждение ностальгии сопровождалось оценочными суждениями в адрес брендов и политиков из недружественных стран, их действия расценивались как попытки ослабить Россию.

Другим вызывающим ностальгию информационным поводом стал юбилей телеведущего Николая Дроздова: поздравительные публикации с благодарностью «за детство» были размещены во всех трёх сообществах. К другим юбилейным информационным поводам можно отнести годовщину выхода первого фильма франшизы «Форсаж», поддержанную публикацией связанных с картиной мемов, и дня смерти Виктора Цоя. Частые обращения к детству подписчиков связаны не только с задачей вызвать эффект ностальгии, но и с тем, что у «цифровой молодежи» период 2000–2010-х гг. пришёлся на время процветания и геополитических побед России.

Широкое освещение получило событие трагического характера – смерть певца Юрия Шатунова, солиста группы «Ласковый май». Данной новости было посвящено 8% от общего числа исследуемых публикаций, 11% публикаций в сообществе «Рифмы и панчи» (30 постов из 283), 6% – в паблике «Овсянка, сэр» (18 из 286) и 5% – в «Леонардо Дайвинчик» (5 из 96). При

этом отнести эту новость к соответствующей тематике страниц нельзя, поскольку Юрий Шатунов не являлся кумиром поколения «цифровой молодежи». Очевидно, столь частое обращение к этой новости было направлено на приведение в действие эффекта ностальгии. Событие освещалось как в день смерти исполнителя, так и в день похорон: выделялись заслуги музыканта перед культурой, обстоятельства кончины и поведение поклонников артиста во время прощания. Шатунов позиционировался в сообществах музыкантом, преданным творчеству до конца дней, символом детства и кумиром родителей. К тому же уход Юрия Шатунова из жизни портал «Медиа-логия»¹ назвал одним из наиболее цитируемых событий, попавших в поле зрения СМИ в июне 2022 г., что говорит о пересечении в повестках дня сообществ VK, популярных у «цифровой молодежи», и традиционных медиа.

Редакции пабликов, вероятно, осознанно использовали прием провоцирования дискуссии в комментариях с целью не только повысить индекс вовлечённости аудитории в сообщество, но и с целью сформировать необходимый фрейм. Например, во всех трёх сообществах публиковались высказывания публичных политиков (преимущественно – Джо Байдена), становившихся объектом насмешек.

Другой провокационный прием, используемый редакциями пабликов, предлагал в качестве новости фейк, который тут же подвергался опровержению в комментарийном дискурсе, т.е. был верифицирован аудиторией. Например, сообщения о росте цен в ресторанах быстрого питания «Вкусно – и точка» и на лапшу быстрого приготовления «Роллтон» были опровергнуты подписчиками в комментариях во всех трёх сообществах. Подписчики указали на отсутствие экономических проблем, повышения цен и ухудшения уровня жизни, поддерживая общий фрейм о взаимосвязи положения России как сильного государства и уровня жизни, не снижающегося из-за санкций. Единство редакционного текста и комментарийного дискурса – характерная черта медиатекста в молодежных сообществах, который все больше напоминает постмодернистский текст со множеством авторов, нарративов, провокационными стратегиями и новейшими эффектами.

Формирование ценности патриотизма происходило также посредством апелляции к историческим событиям, памятным датам и личностям. В каждом сообществе присутствовали посты в честь Дня памяти и скорби (22 июня), причем «Рифмы и панчи» обращались к этой теме в 4 постах из 45, размещённых в тот день. Один из постов сообщал об опросе, который выявил, что около 30% россиян не знают дату начала Великой Отечественной войны. Это было преподнесено в сообществе с открытым порицанием. Сообщества «Овсянка, сэр» и «Леонардо Дайвинчик» посвятили этому событию по одному посту, причем второй паблик акцентировал внимание на акции «Сад памяти», в ходе которой происходит высадка деревьев в память о жертвах войны.

¹ Федеральные СМИ: июнь 2022 г. Медиалогия. URL: <https://www.ml.g.ru/ratings/media/federal/11328/> (дата обращения: 28.02.2023).

Развитием ценности патриотизма возможно считать конструирование фрейма о любви к природе и животным. Сообщества регулярно публиковали российские пейзажи невероятной красоты, в том числе небо в цвете российского флага, ставили в пример случаи проявления заботы о животных (например, пешеходный переход для ежей в Подмоскowie стал информационным поводом в трёх пабликах).

Не менее ярко в анализируемых сообществах сделан акцент на ценности семьи и деторождения. Формированию этой ценности способствовало конструирование бинарных оппозиций по принципу «герой – антигерой», «ценность – антиценность». В 47% публикаций ключевыми героями или антигероями становились селебрити, на примере которых конструировались фреймы, направленные на поддержку традиционных семейных ценностей. В публикациях одобрение получали информационные сообщения о появлении детей в семьях знаменитостей, а также совместные романтические фотографии пар. Порицание получали расставания, измены, PR-романы, трансгендерные переходы, ЛГБТ-отношения, фетишизм и другие сексуальные девиации, а также нетрадиционная внешность, расходящаяся с половой принадлежностью и стандартными представлениями о женственности или маскулинности в традиционных обществах.

Дискуссия и заключение

Сообщества в VK имеют четкую редакционную структуру. Это подтверждает, что социальные медиа в конкурентной среде адаптируются под условия и принципы существования редакционного продукта по типу журналистского текста, а не наоборот. Журналистика размывает свои границы в условиях цифровизации, но к ее стандартам качества и профессионализма стремятся приблизиться даже социальные сети, мимикрируя под редакционные практики. Признаками редакционного текста в сообществах стали четкий и неизменный формат публикации, периодичность, актуальная социально значимая тематика, присутствие источника, последовательность в оценочности. Редакционная политика отразилась на комментарийном дискурсе, который модерируется в соответствии с редакционными стандартами. Внимание редакционной политики направлено в том числе на язык вражды – буллинг и троллинг – и ориентировано на формирование экологичной цифровой медиакультуры, в том числе в связи внедрением системы правил и запретов, связанных как с само-, так и регулированием медиа. Единство редакционного текста и аудиторного – комментарийного – становится новым типом профессионально-любительского, произведенного в условиях редакции текста, поскольку в нем развивается дискурс, заданный в редакционном материале.

Политэкономический анализ сообществ не позволяет напрямую выявить его собственников и управленцев, так как эти данные скрыты. Однако тематический анализ сообществ указывает, что исследуемые паблики

встраиваются в наиболее распространённую для отечественной медиасистемы государственно-коммерциализированную модель [31].

Повестку дня составляют актуальные для российского общества темы, которые соответствуют культурным кодам глобального мира, при этом они остаются понятны и близки «цифровой молодежи» России. Новостная информация преломляется через русскоязычную рэп- и хип-хоп-музыку, праздный образ жизни блогеров, иронизируется, интегрируется в визуальный дискурс современности через мем. Конструируемая цифровая медиакультура опирается на чёрный юмор, который становится одним из ключевых инструментов усвоения противоречивого социального опыта. При этом актуализируются традиционные для российской культуры ценности – патриотизм, семья и верность, экономическая стабильность и процветание России, историческая память подвигов российского народа. Очевидно доминирование идеологии как системы наиболее важных, фундаментальных для страны идей, взглядов и ценностных установок как основного содержания, важного для трансляции молодежи. Формирование фреймов медиадискурса происходит в соответствии с доминирующим идеологическим дискурсом. Однако актуализация традиционных отечественных ценностей происходит через нетипичные для российской традиции культурные формы. Возможно ли в связи с этим говорить о культуре двоемыслия как проявлении ценностного релятивизма, сосуществовании и взаимодействии различных нормативных императивов, свойственных поляризованным культурам?

Вероятно, корректнее говорить о консенсусе как базовом опорном конструкте многокомпонентной цифровой медиакультуры. Юрген Хабермас развивает теорию коммуникативного действия, признавая центральное место в ней за консенсусом, основанном на обсуждении и аргументации, что является ядром коммуникативной рациональности. Любой консенсус является продуктом, скорее, властных отношений, а не только общественных размышлений. Хабермас признает возможность искаженной коммуникации, которая будет негативно влиять на социальную систему [23]. Анализ публичной сферы Джеффри Александера [32] признает возможные исключения, присущие бинарным дискурсам, которые структурируют гражданское общество. Некоторые несвойственные отечественной традиционной культуре формы – рэп, чёрный юмор, селебрити – прошли репозиционирование, поскольку аргументация, наполняющая коммуникативное действие, привела к универсальности и включенности этих явлений в национальный контекст, став предметом консенсуса.

Вместе с этим это ставит вопрос о трансформации патриотизма в условиях глобализации. Очевидно, что такие шаблонные суждения, как «осознание долга перед Отечеством», «беззаветное служение своей стране», перестали иметь такое же сильное значение для современных молодых людей, как они имели раньше [33]. Это связано с глобализацией, космополитизацией, медиатизацией и прочими трансформационными процессами, характерными для национальных государств, которым молодёжь особенно подвержена [34]. Именно поэтому значение приобретает концепция «нового

патриотизма» как поиска актуальных инструментов патриотизации граждан, переформатирования «неработающих» конструкций.

Одним из таких инструментов выступает политика памяти, которая в случае с исследуемыми пабликами оказывается эффективна в конструировании не только эпических мифов о прошлом величии, сколько образа детства, культивации героев и атрибутов недавнего прошлого. Такая пересборка вызывает эффект ностальгии и органично связывает цифрового россиянина с историческим сознанием российского народа, поскольку глубина исторической памяти в случае молодой личности не имеет принципиального значения. Национальная идентичность конструируется через светлые образы прошлого, что служит интеграции молодого россиянина в культуру страны, ее медиадискурс, историю и территорию. Медиаисследователям следует сфокусироваться на изучении социальных функций коммуникативно-культурной памяти внимательнее, поскольку «ее сегодня следует выделять и описывать не просто как актуальнейший феномен Новейшего времени, но и как фактор формирования и сохранения национально-культурной идентичности нации в условиях глобализации при посредстве в том числе и открывшихся возможностей конвергентных массмедиа цифровой эпохи» [35. С. 23].

Значительная доля контента исследованных пабликов имеет ностальгическую тематику. Апеллирующий к ностальгии контент демонстрирует максимальную вовлеченность аудитории. Администраторы пабликов в исследуемых сообществах в социальных сетях умело управляют групповой памятью читателей. Под управлением администраторов оказалась коммуникативная память – о недавнем прошлом, которая встраивает представителя «цифровой» молодежи в контекст, связывающий прижизненное прошлое с настоящим, а обсуждения и обмен ностальгическими воспоминаниями в комментариях создают локальную, замкнутую память группы, напоминающую «информационный пузырь» и «эхо-камеру» [36].

Значительная доля повестки дня в изучаемых пабликах оказалась посвящена умершим. Память об умерших находится в промежуточном положении между двумя формами социальной памяти – коммуникативной и культурной памятью. Обращаясь в воспоминании к мертвым, общность подтверждает свою идентичность [24. С. 66–67]. Именно этот феномен подтверждения идентичности группы мы увидели на примере высокой вовлеченности в посты, связанные со смертью певца Ю. Шатунова, а также других умерших селебрити в неделю исследования. Умершие не являлись непосредственными кумирами для молодежи, но при этом память о них имела объединяющую силу.

Таким образом, редакционная политика проанализированных пабликов, опирающаяся на достижение консенсуса, формирование «нового патриотизма» и эффекта ностальгии, представляет собой, вероятно, осознанную и продуманную дискурсивную стратегию. Такая политика способствует принятию противоречивого социального опыта, кодированного на понятном молодежи языке глобального мира. Медиапотребление «цифровой

молодежи» способствует социализации через осмысление и усвоение социального опыта во всей его сложности, а также самореализации через самые разнообразные сопутствующие медиапрактики: прослушивание музыки, участие в дискуссиях, знакомства.

Как показал проведённый анализ, исследуемые паблики формируют не столько сообщества, сколько общность – единство российской «цифровой молодежи», опирающееся на традиционные духовные ценности русского народа, «упакованные» в не всегда типичные для отечественной культурной традиции формы, однако понятные и консенсуально одобренные ею.

Список источников

1. Rogers E. Diffusion of Innovations. N.Y. : Free Press, 2003. 576 p.
2. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д.В. Дунаса. М. : Факультет журналистики МГУ: Изд-во Моск. ун-та, 2021. 406 с.
3. Anderson L., McCabe D. A Coconstructed World: Adolescent Self-Socialization on Internet // Journal of Public Policy & Marketing. 2012. Vol. 31, Is. 2. P. 240–253.
4. Вартанова Е.Л., Дунас Д.В. Российская медиасистема в начале 2020-х гг.: вызовы эпохи неопределенности // Меди@льманах. 2022. № 6 (113). С. 8–19.
5. Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / О.В. Александрова, Ю.Д. Артамонова, Е.А. Брызгунова и др. ; под ред. М.Н. Володиной. М. : Альма Матер: Академический проект, 2008. 760 с.
6. Солганик Г.Я. К определению понятий текст и медиатекст // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7–15.
7. Messaris P., Abraham L. The role of images in framing news stories // Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world / eds. by S.D. Reese, O.H. Gandy Jr., A.E. Grant. US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2001. P. 215–226.
8. Tankard J. The empirical approach to the study of media framing // Perspectives on media and our understanding of the social world / eds. by S. Reese, O. Gandy, A. Grant. US : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2001. P. 95–106.
9. Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. М. : Высш. шк., 1979. 224 с.
10. Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Язык и дискурс СМИ в 21 веке. М. : Академический проект, 2011.
11. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М. : Флинта, 2008.
12. Дускаева Л.Р. Стереотипы речевого поведения в блогосфере сообществ // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 183–188.
13. Birdsell D.S., Groake L. Toward a theory of visual argument // Argumentation and Advocacy. 1996. Vol. 33, № 1. P. 1–10.
14. Palczewski, K. Crystal Structure of Rhodopsin: Implication for Vision and Beyond. Mechanisms of Acti // Scientific World Journal. 2002. Vol. 5, № 2. P. 106–107.
15. Edwards J.L., Winkler C.K. Representative form and the visual ideograph: The Iwo Jima image in editorial cartoons // Quarterly Journal of Speech. 1997. Vol. 83, Is. 3. P. 289–310.
16. Hariman R., Lucaites J. No Caption Needed: Iconic Photographs, Public Culture, and Liberal Democracy. Chicago : University of Chicago Press, 2007.
17. Azoulay A. Civil Imagination: A political Ontology of Photography. London : Verso Books, 2015. 288 p.
18. Damanhoury K.E., Garud-Paktar N. Soft Power Journalism: A Visual Framing Analysis of COVID-19 on Xinhua and VOA's Instagram Pages // Digital Journalism. 2022. Vol. 10, Is. 9. P. 1546–1568.

19. Green M.C., Dill K.E. Engaging with Stories and Characters: Learning, Persuasion, and Transportation into Narrative Worlds // Oxford Handbook of Media Psychology / ed. by K. Dill. N. Y. : Oxford University Press, 2013. P. 449–461.
20. Анненкова И.В. Современная медиакартинка мира: неориторическая модель (Лингвофилософский аспект) : автореф... дис. д-ра филол. наук. М., 2012.
21. Левада Ю. Человек лукавый: двоемыслие по-русски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 1. С. 19–27.
22. Manning P. News and News Sources: A Critical Introduction. London : SAGE Pub. Ltd., 2001. 228 p.
23. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston, MA : Beacon Press, 1989. Vol. 2.
24. Halbwachs M. Les Cadres sociaux de la mémoire. Paris : Librairie F. Alcan, 1925. URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/Halbwachs_maurice/cadres_soc_memoire/cadres_sociaux_memoire.pdf (дата обращения: 28.02.2023).
25. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
26. Herzfeld M.A. Place in History. Social and Monumental Time in a Cretan Town. Princeton : Princeton University Press, 1991.
27. Карнова Н.В. «Back in the USSR», или о причинах ностальгии российского общества о «золотом веке» // Вестник ВГУ. Серия История. Политология. Социология. 2020. № 1. С. 41–46.
28. Федорова М.М. Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 38–42.
29. Романова А.П., Федорова М.М. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения. Российской Федерации // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 1. С. 6–18.
30. Дунас Д.В., Салихова Е.А., Толоконникова А.В., Бабына Д.А. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях цифровой молодежи // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2022. № 4. С. 47–78.
31. Vartanova E.L. The russian media model in the context of post-soviet dynamics // Comparing Media Systems Beyond the Western World / ed. by D. Hallin, P. Mancini. N.Y. : Cambridge University Press, 2012. P. 119–142.
32. Alexander J.C. The Civil Sphere. Oxford, UK : Oxford University Press, 2006.
33. Ремарчук В.Н. «Новый патриотизм» в современной российской политике // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 12. С. 9–17.
34. Мохов В.П. Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации // Технологос. 2019. № 3. С. 115–128.
35. Олешко В.Ф., Олешко Е.В. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2020.
36. Салихова Е.А., Вартаманов С.А., Гладкова А.А., Дунас Д.В. Алгоритмические рекомендательные системы и цифровые медиаплатформы: теоретические подходы // Информационное общество. 2022. № 6. С. 84–95.

References

1. Rogers, E. (2003) *Diffusion of Innovations*. New York: Free Press.
2. Dunas, D.V. (ed.) (2021) *Mediapotreblenie "tsifrovoi molodezhi" v Rossii* [Media Consumption of "Digital Youth" in Russia]. Moscow: Moscow State University.
3. Anderson, L. & McCabe, D. (2012) A Co-constructed World: Adolescent Self-Socialization on the Internet. *Journal of Public Policy & Marketing*. 2 (31). pp. 240–253.

4. Vartanova, E.L. & Dunas, D.V. (2022) Rossiyskaya mediasistema v nachale 2020-kh gg.: vyzovy epokhi neopredelennosti [Russian media system in the early 2020s: challenges of the era of uncertainty]. *Medi@I'manakh*. 6 (113). pp. 8–19.
5. Volodina, M.N. (ed.) (2008) *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of the Media]. Moscow: Al'ma Mater, Akademicheskii projekt.
6. Solganik, G.Ya. (2005) K opredeleniyu ponyatiy tekst i mediatekst [Towards the definition of the concepts text and media text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2. pp. 7–15.
7. Messaris, P. & Abraham, L. (2001) The role of images in framing news stories. In: Reese, S.D., Gandy, O.H.Jr. & Grant, A.E. (eds) *Framing Public Life: Perspectives on media and our understanding of the social world*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers. pp. 215–226.
8. Tankard, J. (2001) The empirical approach to the study of media framing. In: Reese, S.D., Gandy, O.H.Jr. & Grant, A.E. (eds) *Perspectives on Media and our Understanding of the Social World*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers. pp. 95–106.
9. Rozhdestvenskiy, Yu. V. (1979) *Vvedenie v obshchuyu filologiyu* [Introduction to General Philology]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Klushina, N.I. (2011) Kommunikativnaya stilistika publitsisticheskogo teksta [Communicative stylistics of journalistic text]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk i diskurs SMI v 21 veke* [Language and Media Discourse in the 21st Century]. Moscow: Akademicheskii projekt.
11. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (sovremennaya angliyskaya mediarech')* [Medialinguistics: A systematic approach to the study of media language (modern English media speech)]. Moscow: Flinta.
12. Duskaeva, L.R. (2011) Stereotipy rechevogo povedeniya v blogosfere soobshchestv [Stereotypes of speech behavior in the blogosphere of communities]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2. pp. 183–188.
13. Birdsell, D.S. & Groake, L. (1996) Toward a theory of visual argument. *Argumentation and Advocacy*. 1 (33). pp. 1–10.
14. Palczewski, K. (2002) Crystal Structure of Rhodopsin: Implication for Vision and Beyond. Mechanisms of Acti. *Scientific World Journal*. 2 (5). pp. 106–107.
15. Edwards, J.L. & Winkler, C.K. (1997) Representative form and the visual ideograph: The Iwo Jima image in editorial cartoons. *Quarterly Journal of Speech*. 3 (83). pp. 289–310.
16. Hariman, R. & Lucaites, J. (2007) *No Caption Needed: Iconic Photographs, Public Culture, and Liberal Democracy*. Chicago: University of Chicago Press.
17. Azoulay, A. (2015) *Civil Imagination: A political ontology of photography*. London: Verso Books.
18. Damanhoury, K.E. & Garud-Paktar, N. (2022) Soft Power Journalism: A Visual Framing Analysis of COVID-19 on Xinhua and VOA's Instagram Pages. *Digital Journalism*. 9 (10). pp. 1546–1568.
19. Green, M.C. & Dill, K.E. (2013) Engaging with Stories and Characters: Learning, Persuasion, and Transportation into Narrative Worlds. In: Dill, K. (ed.) *Oxford Handbook of Media Psychology*. New York: Oxford University Press. pp. 449–461.
20. Annenkova, I.V. (2012) *Sovremennaya mediakartina mira: neoritoricheskaya model' (Lingvofilosofskiy aspekt)* [Modern media picture of the world: non-rhetorical model (Linguistic and philosophical aspect)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
21. Levada, Yu. (2000) Chelovek lukavy: dvoemyслие po-rossiyski [The crafty man: doublethink in Russian]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 19–27.
22. Manning, P. (2001) *News and News Sources: A critical introduction*. London: SAGE Pub. Ltd.
23. Habermas, J. (1989) *The Theory of Communicative Action*. Vol. 2. Boston, MA: Beacon Press.

24. Halbwachs, M. (1925) *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Librairie F. Alcan. [Online] Available from: http://classiques.uqac.ca/classiques/Halbwachs_maurice/cadres_soc_memoire/cadres_sociaux_memoire.pdf. (Accessed: 28.02.2023).
25. Assmann, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Translated from German by M.M. Sokol'skaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
26. Herzfeld, M.A. (1991) *Place in History. Social and Monumental Time in a Cretan Town*. Princeton: Princeton University Press.
27. Karpova, N.V. (2020) "Back in the USSR", ili o prichinakh nostal'gii rossiyskogo obshchestva o "zolotom veke" ["Back in the USSR", or about the reasons for the nostalgia of Russian society about the "golden age"]. *Vestnik VGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 1. pp. 41–46.
28. Fedorova, M.M. (2020) Memorial'nyy fenomen i krizis istoricheskogo soznaniya moderna [Memorial phenomenon and crisis of historical consciousness of modernity]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 38–42.
29. Romanova, A.P. & Fedorova, M.M. (2021) "Sovetskaya nostal'giya" nesovetskogo tsifrovogo pokoleniya Rossiyskoy Federatsii ["Soviet nostalgia" of the non-Soviet digital generation of the Russian Federation]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*. 1 (22). pp. 6–18.
30. Dunas, D.V. et al. (2022) Ustanovlenie povestki dnya i effekt freyminga: o neobkhodimosti kontseptual'nogo edinstva v mediaissledovaniyakh tsifrovoy molodezhi [Agenda setting and the framing effect: on the need for conceptual unity in media studies of digital youth]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 4. pp. 47–78.
31. Vartanova, E.L. (2012) The Russian media model in the context of post-Soviet dynamics. In: Hallin, D. & Mancini, P. (eds) *Comparing Media Systems Beyond the Western World*. New York: Cambridge University Press. pp. 119–142.
32. Alexander, J.C. (2006) *The Civil Sphere*. Oxford: Oxford University Press.
33. Remarchuk, V.N. (2014) "Novyy patriotizm" v sovremennoy rossiyskoy politike ["New patriotism" in modern Russian politics]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 12. pp. 9–17.
34. Mokhov, V.P. (2019) Patriotizm i politika pamyati v usloviyakh globalizatsii [Patriotism and the politics of memory in the context of globalization]. *Tekhnologos*. 3. pp. 115–128.
35. Oleshko, V.F. & Oleshko, E.V. (2020) *SMI kak mediator kommunikativno-kul'turnoy pamyati* [Media as a Mediator of Communicative and Cultural Memory]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
36. Salikhova, E.A. et al. (2022) Algoritmicheskie rekomendatel'nye sistemy i tsifrovye mediaplatformy: teoreticheskie podkhody [Algorithmic recommender systems and digital media platforms: theoretical approaches]. *Informatsionnoe obshchestvo*. 6. pp. 84–95.

Информация об авторах:

Дунас Д.В. – канд. филол. наук, доцент РАО, ведущий научный сотрудник кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: denisdunas@gmail.com

Салихова Е.А. – преподаватель кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: ekostyuk19@gmail.com

Бабына Д.А. – аспирант кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: daribabyna@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.V. Dunas, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Russian Academy of Education, leading research fellow, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: denisdunas@gmail.com

E.A. Salikhova, lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ekostyuk19@gmail.com

D.A. Babyna, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: daribabyna@gmail.com

The authors declare no conflicts of interest

*Статья поступила в редакцию 04.03.2023;
одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 06.10.2023.*

*The article was submitted 04.03.2023;
approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication 06.10.2023.*

Научная статья

УДК 070

doi: 10.17223/19986645/85/14

**«Томская медийная аномалия»:
методологическая модель исследования**

**Наталья Александровна Мишанкина¹,
Наталья Вениаминовна Жиликова²,
Василий Александрович Вершинин³,
Валентина Евгеньевна Ершова⁴**

*1, 2, 3, 4 Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹tna@tpu.ru

²retama@yandex.ru

³virshinin@gmail.com

⁴ervalen@yandex.ru

Аннотация. Представлена методологическая модель исследования медиасистемы и медиадискурса Томского региона в аспекте его трансформации и перехода от журналистики (1990 г.) к медиа (2020 г.). В качестве базовой модели изучения исторического периода развития журналистики в дискурсивном аспекте предложен подход М. Фуко. Он дополнен частными методологическими теориями (медиаархеология, социологические исследования, история журналистики, типологический анализ СМИ, критический дискурс-анализ).

Ключевые слова: методологическая модель, дискурс, медиаархеология, журналистика, медиасистема, Томская область

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>).

Для цитирования: Мишанкина Н.А., Жиликова Н.В., Вершинин В.А., Ершова В.Е. «Томская медийная аномалия»: методологическая модель исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 269–286. doi: 10.17223/19986645/85/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/14

“Tomsk media anomaly”: A methodological model of research

Natalia A. Mishankina¹, Nataliia V. Zhilyakova²,
Vasilii A. Vershinin³, Valentina E. Ershova⁴

^{1, 2, 3, 4} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ mna@tpu.ru

² retama@yandex.ru

³ virshinin@gmail.com

⁴ ervalen@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the methodological model for studying the media system and media discourse of Tomsk Oblast during the transition from “Soviet journalism” to media. The complexity of finding a research model is associated with the special dynamism of the media space and the variety of forms of implementation. Of particular difficulty is the study of the media discourse of the crisis historical period – the 1990s and the 2000s. This period in the history of Russian journalism remains the least studied. As a basic methodological approach to the study, Foucault’s discursive approach is employed. On its basis, a Tomsk media anomaly research model has been developed, including (1) the formation of a corpus of sources and (2) proper analytical procedures for reconstructing the transformations of media discourse. (1) includes: A. The search and cataloging of all types of media products of the declared period. To solve this problem, an approach called “media archeology” is applied. B. The second block of material is information about the specifics of journalists’ work in the period under study. To collect it, the methodology of sociological research (semi-structured interviews, questionnaires) is used. C. The creation of a source base, which involves the use of database technology, in particular, the conceptual design methodology, as the basis of an electronic catalog of media products. (2) involves analytical work. A. Periodization of the development of Tomsk modern journalism. B. Description of the typological picture of the media in the 1990s–2020s, which is closely related to the analysis of the media existing at different stages. A study of the typology of Tomsk journalism in the historical aspect will show the evolution of the regional media and the direction of their development, identify changes in the forms and methods of presenting information in the media. C. Reconstruction of the discursive picture of the media (and its transformations) of the period under study, which is possible based on the model of analysis presented in Foucault’s works (subjects and objects of discourse, conceptual field, discursive practices) and is aimed at determining the boundaries of discursive formations. When analyzing the full content of the text (together with context), Teun A. van Dijk’s analysis model is referred to. A separate procedure of the content analysis method is proposed: 1) quantitative and qualitative analysis; 2) relational analysis; 3) intent analysis. Within the framework of this method, an analysis is possible of both actual media texts and late journalists’ written statements (publications in the *Mediator* magazine, in other media), which contain facts and assessments of contemporary journalism. Approbation of the methodology and analysis model on a pilot sample of material made it possible to identify the content aspect of the ideologemes “Perestroika” and “Tomsk media anomaly” that were significant for the initial period – the “dashing nineties”.

Keywords: methodological model, discourse, media archeology, journalism, media system, Tomsk Oblast

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00511, <https://rscf.ru/project/22-18-00511/>

For citation: Mishankina, N.A., Zhilyakova, N.V., Vershinin, V.A. & Ershova, V.E. (2023) "Tomsk media anomaly": A methodological model of research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 269–286. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/14

Постановка проблемы исследования

Коммуникативные пространства современного человека многообразны, но объединяет их одно общее свойство – динамичность. По мнению М. Фуко, дискурс, как пространство социокультурных коммуникаций, представляет собой поле рассеянных дискурсивных событий, соответствующих некоторому числу высказываний: «...когда для некоторого числа высказываний мы могли бы описать подобную систему рассеивания, в том случае, когда между объектами, типами высказываний, понятиями и тематическими выборами мы могли бы определить закономерность (regularite) (порядок, корреляции, позиции и действия, преобразования)...» [1. С. 93]. Таким образом, дискурс одновременно диалектически объединяет множество дискурсивных формаций, границы между которыми определяются на основе понятия «прерывности».

Особенно справедливо сказанное в отношении медийного пространства, отличающегося особой динамичностью, так как в нем действуют одновременно разнообразные субъекты, факторы, определяя самые разные формы реализации. Оно тесно связано с политической, экономической и социокультурной жизнью общества, формируя для них целостное информационное пространство. Два этих фактора – многообразие форм реализации и изменчивость – делают медиадискурс особенно сложным объектом изучения. Наиболее остро эта проблема встает при исследовании медиадискурса в историческом аспекте, в частности, при обращении к журналистике кризисных исторических периодов, к каковым могут быть отнесены 1990-е гг. и «нулевые» XXI в., осмысляемые как период трансформации советского общества в российское и одновременно – журналистики в медиасферу.

«Лихие девяностые» – период переломный, связанный с коренной перестройкой всей системы жизни советского, а затем российского общества – остается наименее исследованным периодом разрушения старой и становления новой медиасистемы как в аспекте номенклатурном, так и дискурсивном. Обусловлено это и стремительностью перестроечных и постперестроечных событий, сложностью социальной и бытовой жизни. А позже – недостаточная временная удаленность от события, его «известность» и «понятность» для современников, связанная с субъективностью эмоциональной

оценки, невозможностью дистанцироваться и объективно рассмотреть этот период.

Вместе с тем задача изучения медиадискурса этого кризисного периода представляется значимой в силу сразу нескольких причин: во-первых, журналистика, отражая жизнь общества, «фиксирует» важнейшие события, выполняя функцию документирования и сохраняя их как исторический факт. Однако при этом в кризисные периоды многие медийные источники утрачиваются, не успев попасть в круг исследовательского внимания. Это справедливо и по отношению к объекту нашего исследовательского интереса: ни в научном сообществе, ни в массовом сознании нет четкого понимания того, что происходило в конце XX в. в российской журналистике и, соответственно, далеко не все источники попали в поле зрения историков. Второй важный момент связан с тем, что обращение к различным историческим периодам развития журналистики дает огромный потенциал для саморефлексии журналистики как прикладной и научной области, позволяет не просто развиваться, но стратегически формировать траектории развития. И, наконец, третья причина состоит в том, что исследование медиадискурса в историческом аспекте значимо не только для истории и журналистики, но и для решения более глубокой фундаментальной задачи, направленной на осмысление журналистской деятельности как динамической саморефлексии общества, с одной стороны, и способа социального конструирования – с другой, для понимания того, каким образом, формировалось новое общественное мировоззрение и каким оно представлялось. Практически не исследован важнейший аспект медиасферы этого периода – трансформация идеологической и аксиологической системы региональной журналистики. В этом направлении представлены по преимуществу «точечные» исследования, нацеленные на изучение одной идеологемы (концепта) в современном медиадискурсе того или иного региона. Однако целостного исследования даже в рамках отдельных регионов предпринято не было.

При всей значимости поставленной задачи изучение медиадискурса в историческом аспекте представляет в первую очередь методологическую сложность. Исследование исторически удаленного медийного пространства сопряжено, как правило, с необходимостью формирования методологической модели, синтезирующей разные подходы и позволяющей решить задачи как исторической и собственно журналистской рефлексии, так и проблеме реконструкции медиадискурса того периода – «Томской медийной аномалии», как обозначает это само журналистское сообщество г. Томска. Именно эта проблема определила цель настоящей работы – сформировать и представить методологическую модель исследования феномена «Томская медийная аномалия», объединяющую несколько методологических подходов разных предметных областей.

Методологический подход к исследованию «Томской медийной аномалии»

Наиболее адекватным задачам исследования методологическим подходом видится понимание дискурса в работах М. Фуко. Исходя из понимания

дискурса как «рассеянного поля высказываний», он предполагает, что первоначальный этап исследования должен быть направлен на «создание связанных и однородных корпусов документов (корпусов открытых или закрытых, конечных или бесконечных)». И, рассуждая о задачах реконструкции исторических дискурсов, автор намечает следующие исследовательские действия: 1) «установление принципа отбора» документов; 2) «определение уровня анализа и соответствующих ему элементов»; а затем 3) описание системы дискурсивных практик – «анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [1. С. 228] – как основания для реконструкции субъектно-объектной организации дискурсивной формации и ее концептуального поля. На основании этого методологического подхода может быть предложена следующая методологическая модель.

Методологическая модель исследования «Томской медийной аномалии»

Предлагаемая модель включает два базовых блока, направленных на формирование корпуса источников и собственно аналитические процедуры для реконструкции трансформаций медиадискурса.

В рамках первого направления предполагается решить исследовательские задачи, требующие привлечения более частных методологических подходов.

1. Поиск и каталогизирование источников предполагает отбор всех видов медийной продукции заявленного периода: газет и журналов Томска для разной аудитории (общественно-политические, многотиражные/корпоративные, районные, студенческие/молодежные, детские, узкоспециализированные, «нишевые»), сохранившихся материалов томских теле- и радиостанций; интернет-ресурсов Томска (товики, местные новостные порталы, сайты, социальные сети).

Для решения этой задачи принимается подход, впервые представленный в 1981 г. в работе Ж. Перрио «Воспоминания о свете и тени: археология аудиовизуального» и получивший название «медиаархеология». Идеологи археологии медиа Э. Хухтамо и Ю. Парикка указывают, что Перрио впервые объединил визуальные и аудиальные медиа прошлого в своем исследовании, прослеживая взаимоотношения между технологиями прошлого и их современными формами [2. Р. 3].

Археология медиа возникла под влиянием работ таких философов и исследователей, как М. Фуко, В. Беньямин, Ф. Киттлер, Г. Иннис, М. Маклюен и др. М. Фуко рассматривает предыдущую эпоху как памятник предшествующей ментальности, другую форму жизни, которую невозможно понять без погружения в контекст. Медиаархеология как подход по-разному трактуется учеными. Анализ источников позволяет говорить как минимум о двух

направлениях: материалистическом и идеологическом. К сторонникам материалистического подхода, подчеркивающим высокую степень воздействия технологий на культуру и жизнь человека, можно отнести немецких теоретиков медиа, таких как Ф. Киттлер и В. Эрнст. Спецификой этого подхода является фокусировка на медиатехнологиях, на различных носителях информации, а также проверка данных. Например, З. Цилински в книге «Археология медиа: о “глубоком времени” аудиовизуальных технологий» исследует развитие одних и тех же медиатехнологий, начиная с философских предпосылок, найденных в воссозданных с помощью цифровой археологии трудах Эмпедокла, через эксперименты ученых-алхимиков, деятелей Просвещения к ученым XIX–XX вв. [3].

Второй подход – идеологический – представлен в работах Э. Хухтамо, обращающемся к социальным аспектам, вопросам этики и морали. В рамках этого подхода Ю. Парикка определяет медиаархеологию следующим образом: «Я рассматриваю археологию медиа как теоретический анализ исторических слоев медиа в их своеобразии – концептуальное и практическое упражнение по выявлению эстетических, культурных и политических особенностей медиа» [4]. М.А. Степанов пишет, что «Археология медиа занимается тем, что выискивает и пристально рассматривает в забытых и устаревших медиа (если не сказать в технологическом мусоре) формы и тактики различного видения будущего» [5. С. 88]. Подобная трактовка данного подхода используется М.В. Загидуллиной, отметившей такую функцию печатной прессы: «...закреплять отфильтрованную по особым принципам и критериям повестку дня как хронику настоящего, документировать повседневность» [6. С. 18].

Отдельно следует отметить существование такого направления, как киберархеология, которое ставит своей целью изучение изменения технологий и моделей поведения участников виртуальных комьюнити. К. Джонс, автор статьи об этом методе, подчеркивает преемственность методов данного направления от археологии, говоря о том, что, как в одном, так и в другом случае, исследователи имеют дело с культурными артефактами [7]. В контексте нашего исследования важно зафиксировать и собрать все виды медийной продукции, в том числе проследить, как менялись конstellляции цифровых медиа в Томске с момента появления этой среды. Под огромным историческим и культурным пластом томского интернета в его современном технологическом и содержательном виде существовал тонкий слой ранней формы цифровой коммуникации в формате офлайн-сетей. Одним из наиболее известных событий его истории являются дни августовского путча 1991 г., когда информация о политической обстановке в стране, полученная сотрудниками малого предприятия электронных коммуникаций и связи («МПЭКС») через единственный, не закрытый в то время канал связи по протоколу FTN, распечатывалась и публиковалась на стенде Дома Советов и передавалась первой независимой телекомпанией ТВ-2 [8]. Медиаархеология позволит проследить, имела ли место преемственность между различными СМИ, форматами виртуальных сообществ и медиаресурсами при стремительной

смене коммуникационных технологий на протяжении 1990-х гг., какие формы медийной коммуникации сохранились, а какие исчезли. Попытки исследования истории томского интернета уже предпринимались [9–10], но они не рассматривали «Тонет» с точки зрения взаимоотношений между акторами традиционных журналистскими медиа и новой цифровой среды, ее влияние на формирование «Томской медийной аномалии». Для нашего исследования использование названного подхода видится перспективным также в связи с тем, что доступ к некоторым медиаартефактам потерян. Так, например, прекращение поддержки технологии Flash лишило современных пользователей доступа к части материалов, а иногда и целых медиапроектов. Располагая исходными данными, доступ к ним возможно вернуть. Для этого участниками проекта найдены и возвращены к работе несколько ПК для проведения медийных «раскопок» – они позволят взаимодействовать с устаревшими форматами файлов и носителями данных, ранее использовавшимися для производства и распространения медиаконтента. Это позволит не только вернуть доступ к медиаартефактам, но произвести точную «датировку» через метаданные исходных файлов.

Таким образом, подход с позиций медиаархеологии позволит собрать документный корпус медийной продукции, представленный в разных форматах и распространяемый по разным каналам. Базовым здесь выступает принцип максимально полного и последовательного поиска всего, что производилось в рамках медиа этого периода.

2. Не менее значимым материалом с источниковедческой точки зрения являются сведения о специфике работы журналистов в исследуемый период. Это направление сбора данных предполагает привлечения **методологии социологических исследований**, в частности, применения методов полуструктурированного интервью и анкетирования.

Использование метода полуструктурированного интервью позволяет решить две задачи. Первая, которую исследователи относят к позитивистской традиции, – восполнение недостающих сведений, которые невозможно получить из иных источников; это подход, свойственный социальной инженерии, по мысли С. Квале [11. С. 15, 20, 67–69]. Вторая задача, коррелирующая с общей методологической установкой всего заявленного исследовательского проекта, заключается в конструировании нового знания о медиасистеме региона. Этот подход зиждется на опыте постмодернизма и феноменологии [11. С. 48–53, 58–61]. Такой подход позволяет рассматривать интервью как субъект-субъектные отношения между интервьюером и респондентом. В ходе беседы информант, рефлексирова свои повседневные профессиональные практики, конструирует вместе с исследователем новую дискурсивную реальность. Особенность полуструктурированного интервью состоит в том, что вопросы сценария определены заранее, однако в ходе самой беседы интервьюер может опускать некоторые вопросы и задавать дополнительные в зависимости от ситуации общения. В зависимости от опыта информанта – журналистского, продюсерского, редакторского и т.п. – перечень вопросов может быть скорректирован. Тем не менее интервьюеру

следует придерживаться основной логики сценария и программного исследовательского вопроса. Задачи настоящего исследования требуют интервью, сценарий которого содержит три блока: личная информация (дата рождения, образование и др.), описание профессиональной деятельности (где работал/работает респондент, как устроена работа редакции, имеет ли опыт преподавания журналистских дисциплин и др.), рефлексия (оценка прошлого томской журналистики, характеристика существующих проблем, прогнозы по развитию томской медиасистемы, рефлексия понятия «Томская медийная аномалия»). Таким образом, полуструктурированное интервью для целей нашего проекта включает в себя элементы биографического и экспертного интервьюирования.

В качестве вспомогательного применяется метод анкетирования. Этот метод актуален в тех случаях, когда доступ к респонденту ограничен, либо имеются существенные ограничения по времени. Так как список респондентов, отбираемых для интервью, формируется на основе метода «снежного кома», он варьируется в диапазоне от 70 человек. В этом случае оптимально разделение потенциальных информантов на несколько групп по степени их значимости в рамках дискурсивных взаимодействий. Респондентам, степень информированности которых по вопросу исследования менее значительна и профессиональный опыт невелик, предлагается ответить на вопросы анкеты. Структура анкеты в целом повторяет логику построения сценария интервью. К недостаткам этого метода можно отнести то, что у респондента нет возможности раскрыться настолько же разносторонне, как это возможно в ситуации интервьюирования. Более того, анкетирование – это не совместная работа двух человек, в ходе которой конструируется новая дискурсивная реальность, а в большей степени односторонний процесс. Более того, некоторые смыслы не могут быть уточнены в реальном времени – если у исследователя возникают вопросы, то он их задает постфактум в письменном виде. Достоинство метода заключается в том, что тексты анкеты проще кодировать, нет необходимости в их длительной расшифровке и редактировании. Процедуры применения названных методов можно разделить на несколько этапов: от формулирования программного вопроса интервью/анкеты с учетом главной цели исследования и подготовки сценария и перечня основных и альтернативных вопросов до анализа и интерпретации данных на основе кодировочного листа.

Таким образом, обладающие большим исследовательским потенциалом методы интервью и анкетирования позволяют получить недостающую информацию и концептуально реконструировать профессиональную картину мира субъектов медиасферы Томской области.

3. Создание источниковой базы для настоящего исследования предполагает использование технологии баз данных в частности, методики концептуального проектирования как основы электронного каталога медийной продукции. Информационные ресурсы подобного типа создаются не столь часто, хотя их исследовательская значимость велика, так как они позволяют решать целый ряд задач, связанных со сбором, структурированием и

хранением данных о субъектах медиадискурса. Полагаем, что **фактографическая база данных «Томская медийная аномалия»**, содержащая информацию обо всех СМИ Томска и Томской области 1990–2020-х гг., созданная на основе технологии концептуального проектирования реляционных баз данных, позволит объединить значительный массив данных, упростит процедуры анализа по различным параметрам, таким как вид и канал СМИ, время создания, владелец, тематическая направленность и под., и в итоге станет основой для создания каталога-справочника томской медиасистемы конца XX – начала XXI в.

Второе направление исследования предполагает аналитическую работу по периодизации медиасистемы, типологизации ее элементов, реконструкции дискурсивной картины мира медиа (и ее трансформаций) и, в конечном итоге, осмыслению и оценке процессов трансформации томской медиасистемы в конце XX – начале XXI в. и, соответственно, применения иных методологических решений.

1. Выявление основных этапов и периодов развития журналистики в определенном российском регионе – необходимая часть работы по систематизации сведений о региональной медиасистеме, без которой невозможно дальнейшее осмысление материала и его изучение. Этот анализ предполагает привлечение методологии исторических наук, при этом в качестве отправной точки могут быть использованы разработанные в истории журналистики модели периодизации.

В истории журналистики Томска и Томской области, как и в журналистике России в целом, четко выделяются три основных этапа, что соответствует специфике истории российского государства: дореволюционный (в отдельных работах – досоветский), советский и современный (у разных исследователей – постсоветский, либо новейший). В настоящем исследовании мы имеем дело только с последним этапом, «нижняя» граница которого определяется процессами, связанными с началом перестройки, а «верхняя» захватывает события, происходящие в медиасфере в начале 2020-х гг.

Периодизация истории российской журналистики новейшего периода является предметом осмысления в целом ряде работ ведущих исследователей (см.: [12–15] и др.). Однако до сих пор нет единого мнения о том, на каком основании выделять основные этапы развития современных медиа, на какие временные «отрезки» разбивать постперестроечную медийную историю. Для настоящего исследования предлагается рабочий вариант периодизации развития томской современной журналистики, основанный на сопоставлении исторических событий, происходящих в России в этот период, и событий, являющихся ключевыми для Томска и Томской области.

Этап первый (1985–1990 гг.). Его можно охарактеризовать как «годы перестройки: томские СМИ на пути к независимости». Границы периода определяются, с одной стороны, событиями в политической жизни России, с другой – событиями, происходящими в Томской области: 1985 г. – объявление курса на ускорение социально-экономического развития СССР, начало перестройки; 1990 г. – последний год, когда Томской областью руководили

представители КПСС. Ключевые события этого этапа – появление первой независимой газеты «Народная трибуна»; выход «Томского вестника» – независимой общественно-политической газеты, рассчитанной на широкий круг читателей; основание первой частной телекомпании ТВ-2.

Этап второй (1991–1998 гг.). «Лихие девяностые» в Томске. Границы периода: 1991 г. – главой Томской области становится губернатор В.М. Кресс (до 2012 г.); 1998 г. – дефолт в российской экономике. В это время в томской журналистике происходили типологические эксперименты в сфере печатной журналистики, резко возросла роль телевидения и радио, как и в России в целом. Ключевые события этого этапа: начало работы частной телекомпании ТВ-2, которая быстро стала главным качественным СМИ Томска; основание первой частной радиостанции «Радио Сибирь»; зарождение томского интернета («Тонета»).

Этап третий (1999–2012 гг.). Это период формирования «Томской медийной аномалии» – время количественного и качественного роста журналистики Томска, а также появления онлайн-журналистики. Границы периода: 1999 г. – восстановление российской экономики, оживление на рынке томских СМИ; 2012 г. – смена губернаторов в Томской области (новый губернатор – С.А. Жвачкин). Ключевые события: создание первого томского медиахолдинга «Рекламный дайджест», основание государственной газеты «Томские новости», выход томского журнала для журналистов «Медиатор», основание интернет-журнала «Томский обзор», закрытие газеты «Томский вестник», расцвет глянцевого журнального журналистики. В 2000 г. ТВ-2 впервые получил Национальную премию ТЭФИ: с этого времени телекомпания стала постоянным победителем этого престижного журналистского конкурса.

Этап четвертый (2013–2020-е гг.). «Закат» Томской медийной аномалии. Границы периода: 2013 г. – появление губернского телеканала «Томское время»; 2022 г. – смена губернаторов (врио – В.В. Мазур). Этот этап характеризуется кризисом томской журналистики, переходом ведущей роли к интернет-СМИ и развитием цифровой региональной медиасреды. Ключевые события: создание регионального информационного агентства «Томска» (РИА Томск) после ликвидации РИА «Новости», закрытие эфирного вещания ТВ-2 в 2015 г. и интернет-портала ТВ-2 в 2022 г.

Представленная периодизация является рабочим вариантом, на который можно опираться при изучении современной журналистики томского региона. Однако она, безусловно, будет дорабатываться и корректироваться по мере поступления новых сведений и данных.

2. Типологический анализ предполагает комплексную методологию, обусловленную разнообразием поставленных задач. Описание типологической картины СМИ 1990–2020-х гг. тесно связано с анализом существующих на разных этапах СМИ, реализуемых на различных каналах вещания; определением особенностей программирования томского телевидения и радиовещания, специфики форматов теле- и радиоматериалов; изучением композиционно-графической модели печатных изданий, содержательных

особенностей, выявлении основных и вторичных типформирующих признаков; появлением новых форматов и жанров. В результате изучения типологии томской журналистики в историческом аспекте возможно будет увидеть эволюцию региональных СМИ и направление их развития, выявить изменения форм и методов представления информации в медиа.

3. Реконструкция дискурсивной картины медиа (и ее трансформаций) исследуемого периода возможно на основе дискурсивного подхода. Предполагается использование модели анализа, представленной в работах М. Фуко (субъекты и объекты дискурса, концептуальное поле, дискурсивные практики) для определения границы дискурсивных формаций. При этом анализу в первую очередь будут подвергаться тексты – как основной медийный продукт и, соответственно, неизбежным будет обращение к вербальной составляющей медиадискурса этого периода. В этой части исследования предполагается обращение к модели анализа Т. ван Дейка [16] при анализе полного содержания текста (в совокупности с контекстом). Дискурс-анализ медиа (газеты, журналы, ТВ, радио, интернет-СМИ) позволит выявить изменение общественных установок и представлений, влияние их на медийную сферу, отраженное в содержании текстов. При этом мы исходим из посылок, заявленных в работе М. Фуко, рассматривающего анализ языка не как самоценность, а как анализ правил взаимодействия, или «порядок дискурса»: «Анализ дискурсивного поля ориентирован совершенно иначе; речь идет о том, чтобы уловить высказывание в ограниченности и единичности (*singularité*) его события; определить условия его существования, как можно более точно зафиксировать его границы, установить его корреляции с другими высказываниями, которые могут быть с ним связаны, показать, какие другие формы акта высказывания оно исключает... как получается, что появляется именно такое высказывание, и никакое иное на его месте» [1. С. 73–74]. Таким образом, стабильность дискурса определяется в указанной работе одновременно как постоянство функции высказываний, изменение же собственно языкового его воплощения свидетельствует о принадлежности к другой дискурсивной формации [1. С. 226]. Эта идея реализована как исследовательский проект П. Серио [17].

Анализ источников, посвященных реконструкции картины мира медиадискурса, позволил сделать вывод, что в этом направлении представлены по преимуществу «точечные» исследования, направленные на изучение одной идеологемы (концепта) в современном медиадискурсе того или иного региона (см., например, работы [18–22]). Работы, посвященные идеологической составляющей региональной журналистики 1980–1990-х гг., единичны и регионально ограничены Новокузнецком и Екатеринбургом [23–25]. Если говорить о идеологической составляющей регионального дискурса Томска, то и в этом случае работы единичны: наиболее последовательно изучен только медиаконцепт НЕФТЬ [26], безусловно, ключевой для ценностной картины региона, но очевидно не единственный.

В качестве отдельной процедуры дискурс-анализа предполагается использование метода контент-анализа медиатекстов: 1) количественный и

качественный; 2) реляционный; 3) интент-анализ. Его применение позволит решить целый ряд более узких, но значимых для целей исследования задач, связанных с определением: формальных маркеров новых политических, социальных, аксиологических отношений; наличия и типа связи между категориями в аспекте транслируемой идеологической модели; прагматических интенций автора (издания) и корреляции с общественно-политическими изменениями; смыслов, передаваемых СМИ разных типов. В рамках этого метода предполагается изучение как собственно медийных текстов, так и анализ письменных высказываний журналистов, к настоящему времени уже ушедших из жизни (публикации в журнале «Медиатор», в других СМИ), в которых содержатся факты и оценки современной им журналистики.

Апробация методологии и модели анализа на пилотной выборке материала 17 интервью (15 устных и 2 письменных анкеты) с журналистами г. Томска (июнь – сентябрь 2022 г.) позволила выявить содержательный аспект значимой для начального периода – «лихих девяностых» – идеологемы «перестройка». При этом в ходе анализа был применен контент-анализ по модели А.Н. Баранова (исследование понятия «национальная идея») [27. С. 254–271].

Кратко представим результаты анализа (орфография и пунктуация сохранены). Удалось выявить следующие типы интерпретации, определяющие эту идеологему: 1) **хронологический** – «перестройка – это... 90-е» (...это **конец 89 - начало 90 года** значит Перестройка, Гласность и прочее...); 2) **профессиональный** – «перестройка – это свободная профессиональная деятельность» (*А когда мы закончили учебу, пришли в газету началось Перестройка и с нас все эти обязанности сняли и мы были свободными. Мне не пришлось работать в такой серьезной советской коммунистической журналистике с самого начала; Перестройку мы приветствовали, конечно. Для нас это была возможность новых тем, возможность творческой свободы. Освобождения от цензуры*), «перестройка – это новые «свободные» СМИ» (...мы *развлекались совершенно безумным образом то есть мы в прямом смысле показывали что хотели делали свои собственные проекты* выдумывали их высасывали из пальца буквально...); 3) **политический** – «перестройка – это взаимодействие с властью на равных» (... *Я не помню, чтобы на нас кто-то давил, нам кто-то давал какие-то указания что мы это пишем, а это не пишем я вообще такого не помню*...); 4) **социально-экономический** – «перестройка – это бедность» (*Журналисты тогда не жили богато – и задержки по зарплате у нас были, и выдавали иногда зарплату пельменями, или мебелью...*), «перестройка – это хаос» (...эти 90-е годы - это такой *слом* же был. Вот у меня сейчас такие вот мысли, что, по сути, конечно, там, когда говорят **проклятые 90-е**, в этом есть смысл, да, потому что это действительно было там **тяжелое материально. Да и непредсказуемо**...).

Исследование другой значимой, но уже на региональном уровне, идеологемы «Томская медийная аномалия» на основе более широкого спектра источников (интернет-источники: YouTube, Товики, интернет-СМИ (запрос

«медийная аномалия» – выдача около 30 тыс. документов только «Томская медийная аномалия»); журнал профессионального сообщества журналистов «Медиатор» (2003–2010 гг.); 17 интервью (15 устных и 2 письменных анкеты) с журналистами г. Томска (июнь – сентябрь 2022 г.)) позволило выявить специфику моделирования этой региональной идеологии. Результаты исследования показывают, что параметризация идеологии варьируется в разных группах источников (таблица).

Типы интерпретации идеологии «Томская медийная аномалия»

Интернет-источники	«Медиатор»	Интервью
= ТВ-2; =союз власти и СМИ; =независимость СМИ; =журналисты; =среда развития журналистики	= количество и качество СМИ; =журналисты; =факультет журналистики; =критика власти; =яркие личности; =союз власти и СМИ	=количество и качество СМИ; =среда развития журналистики; =доступность/лояльность власти; =факультет журналистики; = ТВ-2; =0

Отметим, что интернет-источники последовательно связывают «Томскую медийную аномалию» именно с телекомпанией ТВ-2: *этот термин появился благодаря ТВ2, который получил известность в России, то есть вот в этой российской тусовке медиа...* Однако другие источники показывают, что наиболее частотный тип интерпретации – **«количество и качество СМИ»**: *Томская медийная аномалия – это было прежде всего про то, что у нас было очень много периодических изданий, и ТВ, и радиостанций; СМИ росли более богато, чем экономическая почва, на которой они росли. Вот в этом аномалия и заключалась. Это был расцвет журналистики и было много публикаций и интересных изданий; Но сравнивая те времена и эти, я понимаю, что в те времена не было с этим проблем. Хотел завести СМИ – заводил, не хочешь – не заводил; И вот завели себе газету, после газеты завели себе радио, после радио завели телевидение, параллельно завели наружную рекламу, завели полиграфию и как бы так все заводилось...*

Второй по частотности тип интерпретации – сами журналисты и **«среда развития журналистики»**: *томская «медийная аномалия» – среда, которая задает высокие профессиональные стандарты; ...это среда способная воспринимать, 90е годы – слом, но это ощущение открытых форточек.* Еще один последовательный тип интерпретации – **«доступность/лояльность власти»** по отношению к журналистам, некоторое видят эту ситуацию даже как **«союз власти и СМИ»**: *Томская медийная аномальность в том, что власть (и региональная, и местная), под каким бы прессингом СМИ она ни оказывалась, ни разу не позволяла себе судиться со СМИ или*

вызывать журналистов на ковер и устраивать истерики; «Томская медийная аномалия» не позволяет власти расслабляться и почивать на лаврах.

По мнению самих журналистов, значительный фактор, определивший возникновение «Томской медийной аномалии» – **«факультет журналистики»**: *Ну и, конечно, наверное, немалое как бы значение тут имеет и журфак. ...Аномалия наверное складывалась из того что у большого количества молодых людей была возможность самовыражаться именно вот таким вот образом, через слово, через письменное слово, через журналистику...; Они всегда найдутся, потому что журналистский факультет ТГУ ежегодно основательно подпитывает томскую медийную аномалию.* Однако оценка деятельности факультета не всегда однозначна: *«Аномалия» – просто эффект перепроизводства журналистов в одном городе.* При этом только в материалах интервью был отмечен такой тип интерпретации, как **«отсутствие объекта»**: *...нет никакой аномалии, ее никогда не было. То же самое происходило везде, было такое время, что как бы иллюзы открыли и еще не приготовили новые иллюзы, их не успели подготовить; Термин «Томская медийная аномалия» меня всегда несколько смешил, казался признаком некоторой ограниченности и самовлюбленности. По моему мнению, никакой «медийной аномалии» в Томске не было и нет...*

Подводя итоги пилотного анализа, можно констатировать, что функциональный аспект идеологем свидетельствует о специфике их интерпретаций. Это касается, в частности, хронологических рамок перестройки, они оказываются сдвинутыми на 1990-е гг., фактически включают в себя и постперестроечный период. Перестройка в оценке и переоценке журналистов тесно связана с их профессиональной деятельностью. При этом значительное влияние имеет возраст – журналисты, деятельность которых началась в постперестроечное время, как правило, не упоминают этого периода либо характеризуют его с чужих слов. Это период свободной журналистики, когда журналисты, действительно, были «четвертой властью», несмотря на сложные условия бытовой жизни. Однако именно изменения экономических условий привели к хаосу и моральной дезориентации. Идеологема «перестройка» тесно связана с «Томской медийной аномалией», активно функционирующей в медиадискурсе региона, но по-разному интерпретируемой его субъектами. Она идентифицируется с разными объектами и субъектами в рамках дискурсивной картины мира в зависимости от целей и стратегий говорящего. Перестройка и «Томская медийная аномалия» представляют собой классические идеологемы, позволяющие конструировать представления о развитии дискурса и его субъектах в отдельном регионе.

Заключение

Таким образом, поставленная задача исследования медисистемы и медиадискурса Томска и Томской области со всей очевидностью выявляет необходимость разработки методологической модели исследования,

включающий в себя как использование подхода М. Фуко в качестве базового, основного, так и привлечение частных методологических теорий.

Сложность представленной методологической конструкции обусловлена многоаспектностью задуманного исследования: оно включает в себя не только сбор и систематизацию источников, но и их аналитическое осмысление, выявление дискурсивных практик журналистики. Только обобщение всех результатов, полученных с помощью применения разных методик, даст возможность увидеть ход и проследить направление трансформаций медийного поля, а также оценить дальнейшие возможности развития региональной медиасистемы.

Особым исследовательским вызовом является задача обращения не только к сохранившимся письменным источникам, но и к аудиовизуальным данным, а также учета мнения журналистского сообщества, полученного в результате применения социологических методов (интервьюирование и анкетирование). Очевидно, что совмещение сведений из разных источников позволит исследователям получить более широкую и объемную картину изменений в сфере медиа и выявить региональную специфику трансформаций медиасистемы и дискурсивной картины мира.

Разрабатываемая методологическая модель исследования может быть применена не только к медиасфере Томска и Томской области. Представляется возможным использование методологической разработки для исследования журналистики и медиасферы и других российских регионов, что в итоге позволило бы сформировать общую картину изменений в российской медиасистеме в целом.

Список источников

1. Фуко М. Археология знания. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия»: Университетская книга, 2004. 416 с.
2. *Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications* / eds. by E. Huhtamo, J. Parikka. Berkeley, Calif. : University of California Press, 2011. 366 p.
3. Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий М. : Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2019. 440 с.
4. *Archaeologies of Media Art*. Jussi Parikka in conversation with Garnet Hertz. URL: <https://journals.uvic.ca/index.php/ctheory/article/view/14750/5621> (дата обращения: 08.09.2022).
5. Степанов М.А. Элементы археологии медиа // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 1 (14). С. 88–94.
6. Судьба печатной прессы в эпоху Интернета / под ред. М.В. Загидуллиной, С.И. Симмаковой. Челябинск : Изд-во Челябин. гос. ун-та, 2018. 181 с.
7. Jones Q. Virtual-Communities, Virtual Settlements & Cyber-Archaeology: A Theoretical Outline // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1997. Vol. 3, № 3. doi: 10.1111/j.1083-6101.1997.tb00075.x
8. Тонет // Товики. URL: <https://towiki.ru/view/тонет> (дата обращения: 08.09.2022).
9. Колозариди П. История интернета: under construction // Неприкосновенный запас. 2020. № 2 (130). С. 10–16.
10. Юлдашев Л. Тонет – реконструкция одной истории // Неприкосновенный запас. 2020. № 2 (130). С. 72–94.
11. Квале С. Исследовательское интервью. М. : Смысл, 2003. 301 с.

12. Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М. : Изд-во МГУ, 1999. 272 с.
13. Золотухин А.А. «Эпохи» новейшей истории СМИ // Вестник ВГУ. Серия: филология, журналистика. 2005. № 2. С. 182–185.
14. Грабельников А.А. Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спустя. М. : РУДН, 2008. 341 с.
15. Засурский Я.Н. Искушение свободой: российская журналистика: 1990–2007. М. : Изд-во МГУ, 2007. 547 с.
16. Дейк Т.А. ван. Принципы критического анализа дискурса // Перевод и лингвистика текста. М. : ВЦП, 1994. С. 169–217.
17. Серю П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серю ; предисл. Ю.С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. С. 337–383.
18. Чернов А.В., Иванова Е.М. Региональные медиасистемы как предмет дискурсивных исследований // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73-1. С. 37–41.
19. Ильина О.В., Каблуков Е.В. Практики конструирования региональной идентичности в медиадискурсе Татарстана // Научный диалог. 2020. № 3. С. 52–66.
20. Вырупаева М.В. «Денег нет, но...» – концептосфера местного самоуправления в региональном телерадиоэфире // Журналистика и политика: взаимодействие и взаимовлияние. Архангельск : Изд-во САФУ им. М.В. Ломоносова, 2020. С. 100–110.
21. Сибиданов Б.Б. Параметры регионального медиадискурса: субъект, коммуникация, структура контекста // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 23. С. 143–157.
22. Антропова В.В., Федоров В.В. Верификация ценностных доминант в региональном медиадискурсе: травмирующе-фобический сегмент информационного поля // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 158–168.
23. Соболева Е.Г. Ключевые смыслы «Екатеринбург – третья столица» в федеральном и региональном медийных дискурсах // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2 (138). С. 100–106.
24. Пушкарева И.А. Краеведческие доминанты в российском региональном медиадискурсе конца XX – начала XXI века: семантико-стилистический анализ на материале городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк). Новокузнецк : НФИ КемГУ, 2016.
25. Асташова О.И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 120–133.
26. Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного медиаконцепта: концепт НЕФТЬ в томской медиасфере // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 33–41.
27. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.

References

1. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French. Saint Petersburg: ITs “Gumanitarnaya Akademiya”; Universitetskaya kniga.
2. Huhtamo, E. & Parikka, J. (eds) (2011) *Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications*. Berkeley, California: University of California Press.
3. Zielinski, S. (2019) *Arkheologiya media: o “glubokom vremeni” audiovizual’nykh tekhnologiy* [Archeology of Media: On the “deep time” of audiovisual technologies]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem Press, Muzey sovremennogo iskusstva “Garazh”.
4. Parikka, J. & Hertz, G. (n.d.) *Archaeologies of Media Art*. [Online] Available from: <https://journals.uvic.ca/index.php/ctheory/article/view/14750/5621>. (Accessed: 08.09.2022).

5. Stepanov, M.A. (2014) Elementy arkheologii media [Elements of media archeology]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury*. 1 (14). pp. 88–94.
6. Zagidullina, M.V. & Simakova, S.I. (eds) (2018) *Sud'ba pechatnoy pressy v epokhu Interneta* [The Fate of the Printed Press in the Internet Era]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
7. Jones, Q. (1997) Virtual-Communities, Virtual Settlements & Cyber-Archaeology: A theoretical outline. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 3 (3). doi: 10.1111/j.1083-6101.1997.tb00075.x
8. Towiki. (n.d.) *Tonet*. [Online] Available from: <https://towiki.ru/view/tonet>. (Accessed: 08.09.2022). (In Russian).
9. Kolozaridi, P. (2020) Istoriya interneta: under construction [History of the Internet: under construction]. *Neprikosnovenny zapas*. 2 (130). pp. 10–16.
10. Yuldashev, L. (2020) Tonet – rekonstruktsiya odnoy istorii [Tonet – reconstruction of one story]. *Neprikosnovenny zapas*. 2 (130). pp. 72–94.
11. Kvale, S. (2003) *Issledovatel'skoe interv'yū* [Research Interview]. Translated from English. Moscow: Smysl.
12. Zasurskiy, I.I. (1999) *Mass-media vtoroy respubliki* [Mass Media of the Second Republic]. Moscow: Moscow State University.
13. Zolotukhin, A.A. (2005) “Epokhi” noveyshey istorii SMI [“Eras” of modern media history]. *Vestnik VGU. Seriya: filologiya, zhurnalistika*. 2. pp. 182–185.
14. Grabel'nikov, A.A. (2008) *Sredstva massovoy informatsii postsovetsoy Rossii: pyatnadsat' let spustya* [Mass Media of Post-Soviet Russia: Fifteen years later]. Moscow: RUDN.
15. Zasurskiy, Ya.N. (2007) *Iskushenie svobodoy: rossiyskaya zhurnalistika: 1990–2007* [The Temptation of Freedom: Russian journalism: 1990–2007]. Moscow: Moscow State University.
16. van Dijk, T.A. (1994) Printsipy kriticheskogo analiza diskursa [Principles of critical discourse analysis]. Translated from Dutch. In: Ubin, I.I. (ed.) *Perevod i lingvistika teksta* [Translation and Linguistics of Text]. Moscow: VTsP. pp. 169–217.
17. Sériot, P. (1999) Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizatsiy [Russian language and analysis of Soviet political discourse: analysis of nominalizations]. In: Sériot, P. (ed.) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of Meaning: French school of discourse analysis]. Translated from French and Portuguese. Moscow: Progress. pp. 337–383.
18. Chernov, A.V. & Ivanova, E.M. (2013) Regional'nye mediasistemy kak predmet diskursivnykh issledovaniy [Regional media systems as a subject of discursive research]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 73–1. pp. 37–41.
19. Il'ina, O.V. & Kablukov, E.V. (2020) Praktiki konstruirovaniya regional'noy identichnosti v mediadiskurse Tatarstana [Practices of constructing regional identity in the media discourse of Tatarstan]. *Nauchnyy dialog*. 3. pp. 52–66.
20. Vyurpaeva, M.V. (2020) [“There is no money, but...” – the conceptual sphere of local self-government in regional television and radio]. *Zhurnalistika i politika: vzaimodeystvie i vzaimovliyaniye* [Journalism and Politics: Interaction and mutual influence]. Proceedings of the All-Russian Conference. Arkhangelsk. 9 April 2020. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University. pp. 100–110. (In Russian).
21. Sibidanov, B.B. (2020) Parameters of regional media discourse: subject, communicative situation, context structure. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 23. pp. 143–157. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/23/9
22. Antropova, V.V. & Fedorov, V.V. (2021) Verifikatsiya tsennostnykh dominant v regional'nom mediadiskurse: travmiruyushche-fobicheskiy segment informatsionnogo polya [Verification of value dominants in regional media discourse: traumatic-phobic segment of the information field]. *Gumanitarnyy vektor*. 4 (16). pp. 158–168.

23. Soboleva, E.G. (2015) Klyuchevye smysly “Ekaterinburg – tret’ya stolitsa” v federal’nom i regional’nom mediynnykh diskursakh [Key meanings of “Yekaterinburg is the third capital” in federal and regional media discourses]. *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul’tury*. 2 (138). pp. 100–106.

24. Pushkareva, I.A. (2016) *Kraevedcheskie dominanty v rossiyskom regional’nom mediadiskurse kontsa XX – nachala XXI veka: semantiko-stilisticheskii analiz na materiale gorodskoy gazety “Kuznetskiy rabochiy” (Novokuznetsk)* [Local History Dominants in the Russian Regional Media Discourse of the Late 20th – Early 21st Centuries: Semantic and stylistic analysis based on the material of the city newspaper “Kuznetsky Rabochiy” (Novokuznetsk)]. Novokuznetsk: Novokuznetsk Branch Institute of Kemerovo State University.

25. Astashova, O.I. (2020) Konstruirovaniye regional’noy identichnosti v mediadiskurse: opyt sravnitel’nogo analiza [Construction of regional identity in media discourse: experience of comparative analysis]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (80). pp. 120–133.

26. Orlova, O.V. (2010) World modeling potential of regional marked media concept: concept oil in Tomsk media sphere. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (12). pp. 33–41. (In Russian).

27. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: Editorial URSS.

Информация об авторах:

Мишанкина Н.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры телерадиожурналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mna@tpu.ru

Жилякова Н.В. – д-р филол. наук, заведующая кафедрой теории и практики журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: retama@yandex.ru

Вершинин В.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры новых медиа, фотожурналистики и медиадизайна Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: virshinin@gmail.com

Ершова В.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ervalen@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.A. Mishankina, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

N.V. Zhilyakova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Theory and Practice of Journalism, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

V.A. Vershinin, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: virshinin@gmail.com

V.E. Ershova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ervalen@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2022;
одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 06.10.2023.*

*The article was submitted 06.12.2022;
approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 06.10.2023.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 82-1Вяземский
doi: 10.17223/19986645/85/15

**Рецензия на книгу: Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.
Творчество П.А. Вяземского: известное и неизвестное.
СПб.: Издательство «Союз художников», 2022. 712 с.**

**Светлана Анатольевна Дубровская¹,
Светлана Михайловна Владимирова²**

*^{1, 2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия*

¹ s.dubrovskaya@bk.ru

² vladisveta@rambler.ru

Аннотация. Рецензируемая книга представляет ранее неизвестные, забытые или малоизвестные произведения Петра Андреевича Вяземского. Впервые опубликованы около 170 поэтических текстов, набросок «О поэтическом языке»; опубликованы редакции и варианты известных стихотворений, драматические опыты и переводы, введены в научный оборот анонимные, коллективные и дубильные сочинения, связанные с именем Вяземского. Издание включает аналитические и текстологические статьи Н.Л. Васильева и Д.Н. Жаткина. Исключительную ценность имеет алфавитный указатель поэтических произведений.

Ключевые слова: П.А. Вяземский, поэтическое наследие, русская словесность XIX века, литературный архив, анонимные произведения, Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин

Для цитирования: Дубровская С.А., Владимирова С.Н. Рецензия на книгу: Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Творчество П.А. Вяземского: известное и неизвестное. СПб.: Издательство «Союз художников», 2022. 712 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 287–296. doi: 10.17223/19986645/85/15

Review

doi: 10.17223/19986645/85/15

**Book review: Vasilyev, N.L. & Zhatkin, D.N. (2022)
Tvorchestvo P.A. Vyazemskogo: izvestnoe i neizvestnoe [Oeuvre of
 P.A. Vyazemsky: Known and unknown]. Saint Petersburg:
 Soyuz khudozhnikov**

Svetlana A. Dubrovskaya¹, Svetlana N. Vladimirova²

^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

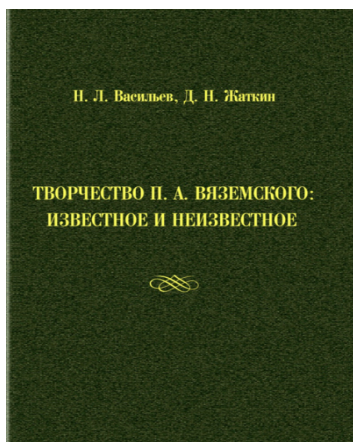
¹ s.dubrovskaya@bk.ru

² vladisveta@rambler.ru

Abstract. The review presents a detailed analysis of a book *Oeuvre of P.A. Vyazemsky: Known and Unknown* by N.L. Vasilyev and D.N. Zhatkin. The authors of the book are leading researchers of the Russian literature of the 19th and 20th centuries, and publishers of archival materials, who worked much with the poetic thesaurus of K.N. Batiushkov, E.A. Boratynsky, D.V. Venevitinov, P.A. Vyazemsky, D.V. Davydov, A.A. Delvig, I.I. Dmitriev, N.M. Karamzin, N.P. Ogarev, A.I. Polezhaev, K.F. Ryleev, N.M. Yazykov. The aim of the book is to introduce the reader to the previously unknown, forgotten or little-known works of one of the greatest representatives of 19th-century Russian literature – Prince Pyotr Andreevich Vyazemsky (1792–1878). As the reviewers point out, the book in its content goes far beyond the formally designated genre of a monograph. Along with samples of Vyazemsky’s extensive poetic heritage, a number of dramatic and translated works, and his literary essay, Vasilyev and Zhatkin publish their analytical and textual articles. The reviewers pay special attention to the “Alphabetical Index to the Poetic Works of P.A. Vyazemsky”, which helps researchers and readers to easily navigate in the significant body of the writer’s texts. The reviewers note that the characteristic feature of Vasilyev and Zhatkin’s choice of a “non-canonical” approach in achieving a range of scientific objectives is realized in the preface to the book. The authors manage to present succinctly, albeit concisely, the state of research of Vyazemsky’s creative heritage in the 19th – early 21st centuries, to identify the range of tasks that are still relevant to modern Vyazemsky studies, to substantiate the logic of organizing the material in the book, and to give the most striking examples of the writer’s oeuvre. The preamble, which opens the most lengthy section of the monograph, “The Poetic Heritage of P.A. Vyazemsky”, offers further argumentation for the assertion of Vyazemsky as one of the most significant participants in the national literary process of the 1810s–1870s. Philological professionalism, in-depth textual work, and many years of archival research make the book under review one of the most important sources for the further realization of new research projects related to Vyazemsky’s personality, his surroundings, literary contacts, predecessors and contemporaries.

Keywords: P.A. Vyazemsky, poetic heritage, Russian literature of 19th century, literary archive, anonymous works, N.L. Vasilyev, D.N. Zhatkin

For citation: Dubrovskaya, S.A. & Vladimirova, S.N. (2023) Book review: Vasilyev, N.L. & Zhatkin, D.N. (2022) *Tvorchestvo P.A. Vyazemskogo: izvestnoe i neizvestnoe* [Oeuvre of P.A. Vyazemsky: Known and unknown]. Saint Petersburg: Soyuz khudozhnikov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 287–296. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/15

Творчество одного из крупнейших русских писателей XIX в. Петра Андреевича Вяземского (1792–1878) неоднократно становилось предметом изучения отечественного литературоведения. И в ставших классическими работах Л.Я. Гинзбург [1–3], М.И. Гиллельсона [4], М.Ю. Лотмана [5], и в относительно недавних публикациях [6–7] представлен комплексный анализ литературных достижений Вяземского, подробности его биографии, определена роль в литературном процессе и характер влияния на современников и последующие поколения. Особое место занимают исследования, посвященные

взаимоотношениям А.С. Пушкина с Вяземским, роли последнего в деятельности «Арзамаса» [8–13]. Но даже на этом фоне книга Н.Л. Васильева и Д.Н. Жаткина «Творчество П.А. Вяземского: известное и неизвестное» не теряется и заслуживает детального анализа и оценки. «Задача историка литературы, – подчеркивают авторы во введении, – не только воссоздать литературно-бытовой, реминисцентный фон прошлого, вернуть в культурную память забытые имена, но и обогатить представления, казалось бы, о хорошо изученных художественных явлениях» [14. С. 4]. В этом, пожалуй, заключается главное отличие рецензируемой книги от современных исследований, среди героев которых оказывается Вяземский.

Имена авторов книги хорошо известны гуманитариям. Н.Л. Васильев и Д.Н. Жаткин – ведущие исследователи отечественной литературы XVIII–XIX вв., публикаторы архивных материалов, много работавшие с поэтическим тезаурусом К.Н. Батюшкова, Е.А. Боратынского, Д.В. Веневитинова, П.А. Вяземского, Д.В. Давыдова, А.А. Дельвига, И.И. Дмитриева, Н.М. Карамзина, Н.П. Огарёва, А.И. Полежаева, К.Ф. Рылеева, Н.М. Языкова. Значительную часть рецензируемого издания составили статьи, впервые опубликованные в российских журналах («Русская литература», «Вестник Томского университета», «Известия РАН. Серия языка и литературы») и вызывавшие внимание и одобрение со стороны ведущих специалистов. Основная цель книги звучит достаточно амбициозно и в немалой степени выражается формулой в ее заголовке – «известное и неизвестное». При этом следует подчеркнуть, что объем неизвестного материала значительно превосходит известный, и в этом заключается несомненное достоинство книги. «Литературная деятельность писателя продолжалась 7 десятилетий и оставила после себя столь значительные следы – в поэзии, критике, драматургии, оригинальных и переводных прозаических сочинениях, мемуаристике, публицистике, эпистолярной, что не уместилась во всем объеме ни в 12-томном “Полном собрании сочинений”, ни в томах “Остафьевского архива”, ни в последующих дополнениях к поэтическому наследию этого яркого, но отчасти уже забываемого читателями лирика», – отмечают Васильев и Жаткин [14. С. 3–4]. Определив

для себя исследовательские приоритеты, авторы видят конкретные задачи проекта в следующем: «во-первых, систематизировать и отчасти хотя бы минимально прокомментировать все поэтические тексты Вяземского в виде алфавитно-справочного указателя; во-вторых, объединить в некое структурно-смысловое целое “периферийные” тексты поэта – публиковавшиеся, но не попавшие в собрания его сочинений; оставшиеся в рукописях писателя и в архивных списках; относящиеся к разряду спорных (Dubia)» [14. С.19–20].

Прежде всего обращает на себя внимание отказ авторов от канона. Неканоническим оказывается понимание самого жанра монографии: наряду с аналитическими статьями и текстологическими этюдами в нее последовательно включены тексты Вяземского и аннотированная библиография, данные не как приложение, но как компоненты книги, равноценные собственно авторскому тексту. Столь же неожиданным оказывается и включение во введение двух стихотворений Вяземского: диптиха «18 февраля. 17 апреля. 1855» и стихотворения «Весна 1877 года (во время прогулок пешком)». Конечно, можно предположить, что представление Вяземского-поэта именно таким образом поможет читателю самостоятельно судить о литературных достижениях героя книги в его зрелую пору. Васильев и Жаткин с самого начала определяют читателя как ту инстанцию, которой предстоит не только решить, насколько обоснованы позиции авторов и состоятельна сама идея книги, но даже реализовать своего рода исследовательский проект: «На основании этого материала читатель может сам сделать выводы, какие стихотворения Вяземского не были обнародованы ни им самим, ни публикаторами его литературного наследия – и по каким причинам они остались в тени» [14. С. 20].

Сформулированные во введении цели и задачи определили структуру рецензируемого издания. В девяти разделах книги представлено наследие Вяземского во всем его многообразии и творческой целостности – от шуточных эпиграмм и логогрифов до переводов французских пьес. В них звучит и голос самого поэта, и голоса исследователей, погружающих читателя в сложный, меняющийся, полный интригующих загадок и историко-литературных открытий, мир Вяземского. В приложении публикуется набросок Вяземского «О языке поэтическом».

Книгу открывает раздел «Опубликованные стихотворения П.А. Вяземского, не вошедшие в “Полное собрание сочинений” и последующие издания его произведений». В предваряющей раздел статье «Поэтическое наследие П.А. Вяземского» дан обзор предшествующих изданий стихотворений поэта, а также описание принципов отбора, которыми руководствовались исследователи: «стремление обобщить печатные, библиографические и архивные источники, касающиеся поэтических текстов писателя» [14. С. 23]. Здесь представлен не столько неизвестный, сколько забытый Вяземский – его произведения, опубликованные на страницах периодических изданий и альманахов. Возвращение этих текстов заметно восполняет сегодняшнее представление и о творчестве Вяземского, и о том литературном контексте,

в котором пребывали А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, их младшие и старшие современники. Среди стихотворений этого раздела – образцы самых разных жанров – эпиграммы, послания, сатирические зарисовки, то, что можно условно назвать «несерьезным» Вяземским, смеховое слово которого в диалоге с современниками звучало узнаваемо ярко. Приведем одно из дружеских обращений к В.Л. Пушкину, соавтору и поэту, добродушное отношение к которому не мешало появлению иронических и даже сатирических нот в его изображении:

«Здесь Пушкин наш лежит; о нем скажу два слова:

Учился у Тальма и проучил Шишкова» [14. С. 50].

Еще более амбивалентен Вяземский при воссоздании портрета арзамасца А.И. Тургенева:

«Во всем на стерлядь он похож:

Он, как она, и нем, и жирен, и пригож» [14. С. 50].

Живая реакция Вяземского на события общественной и литературной жизни позволяет говорить об участии автора в формировании политического и литературно-критического дискурсов эпохи. Если первый оформляется в его поэтических репликах по поводу тех или иных событий в общественной жизни страны («Русская песнь», «На нынешнюю войну», «Святая Русь»), то второй – это эмоциональный отклик на происходящее в отечественной словесности («На кн. А.А. Шаховского», «Журнальным близнецам», «Хвостов на Пинде – соловей...», «Как спорить с Полевым, когда сей критик чуткий...»). Литературно-критические стрелы Вяземского нацелены на привычный круг оппонентов – от А.С. Шишкова и Д.И. Хвостова до А.С. Суворина.

Васильевым и его соавтором специально выделены два напечатанных анонимно поэтических сочинения Вяземского, названных «партизанские наезды в журналы» – «На нынешнюю войну» и «Кто кому нужнее?» [14. С. 106–110]. Здесь можно спорить, насколько обоснован разрыв между самими текстами и текстологической аргументацией в пользу авторства Вяземского, появляющейся в разделе «Текстологические этюды» и – самое странное – с повторным воспроизведением этих же текстов [14. С. 253–254, 286–288]. В связи с этим подчеркнем – наличие научного или хотя бы технического редактора избавило бы книгу от некоторых огрехов, в том числе досадных повторов и чрезмерного цитирования текстов Вяземского во введении. Но это частное замечание, несколько не влияющее на высокую оценку книги.

Наиболее интересным и значительным по объему «неизвестного Вяземского» представляется четвертый раздел «Поэтические сочинения П.А. Вяземского, остававшиеся в рукописях (архивные фонды)». Это прежде всего примеры литературной повседневности – шарады, загадки, послания. Именно на этих страницах перед читателем возникает живое лицо Вяземского, известного остроумца и бонвивана, души общества, что не раз отмечалось его современниками. Также авторы приводят малоизвестные редакции и варианты публиковавшихся произведений Вяземского. Например, в качестве вариации

эпиграммы «Тирсис всегда вздыхает...» ими публикуется эпиграмма «Орган в стихах своих привык всегда вздыхать...» [14. С. 185].

Отдельно авторами выделены «Архивные и эпистолярные наброски, альбомные экспромты, шуточные дружеские послания П.А. Вяземского». Здесь потребовался особый труд – необходимость извлечения поэтических строк, имеющих более или менее законченный характер, из писем и записных книжек, а также архивов современников.

Не меньший интерес представляют и приписываемые П.А. Вяземскому тексты (Dubia), среди которых привлекают внимание почти пушкинские строки «Обритый, бледный и худой...» [14. С. 249], вариации гетевского «Я знаю край! там Английской есть клоб...» [14. С. 209]. Возможность принадлежности текстов Вяземскому, как правило, обосновывается ссылками на мнение современников, места изданий и в значительной степени на общность поэтической манеры. Так, в связи со стихотворением «Детям А.С. Пушкина» в примечаниях указывается: «Копия рукой А.А. Александрова (1861–1930) с указанием под текстом: “Кн. П.А. Вяземский. 25 марта 1844”». Список находится рядом со стихотворением Вяземского “Сравнение Петербурга с Москвой”, впервые опубликованным в сборнике Н.П. Огарёва “Русская потаенная литература XIX столетия” (Лондон, 1861) <...> что, наряду с точной датировкой, повышает вероятность принадлежности перу Вяземского указанного сочинения. Известно, что Вяземский тесно общался с семьей покойного друга, в частности в начале 1840-х гг. в с. Михайловском, а позже, вплоть до 1843 г. часто бывая у Пушкиных в их петербургской квартире» [14. С. 246].

Очевидно, что весь этот бесценный материал не мог бы появиться в книге без той значительной текстологической работы, которую проделали Васильев и Жаткин. Собственно исследовательская часть книги состоит из двух разделов, посвященных анонимным и «спорным» текстам Вяземского, и его опытам драматурга и переводчика. Перед нами открывается творческая лаборатория исследователей, «распутывающих» немалое число историко-литературных загадок. Стихотворения и фрагменты, иногда безымянные, иногда приписывавшиеся не столько Вяземскому, сколько другим лицам из числа его знакомцев, подвергаются пристальному анализу, вводятся в общий историко-литературный контекст и в итоге возвращаются их подлинному автору. Подобная работа – трудоемкая и ответственная – требует досконального знания всего творчества Вяземского, способности чувствовать его язык и стиль, свободно ориентироваться не только в культурном контексте эпохи, ее реалиях и быте, но и в поэтическом тезаурусе Вяземского и его современников. Один из характерных примеров – работа с шутивным стихотворением «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем...», в ходе которой тонкая и убедительная интерпретация поэтического произведения становится частью описания «карлсбадского текста» русской литературы [14. С. 327–345].

Особую сложность для авторов представляли, думается, анонимные стихи Вяземского, связанные с событиями Крымской войны. Используя все

возможности литературоведческого и текстологического инструментария, Васильев и Жаткин аргументированно доказывают, что автором стихотворений «На нынешнюю войну» («Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...») и «Кто кому нужнее?» («Итак, не сказка уже это...») был Вяземский. Несмотря на скромность названия – «Текстологические этюды» – содержание раздела позволяет говорить о полном соответствии авторских подходов требованиям современной текстологии. Не случайно статьи Васильева и Жаткина получили высокую оценку А.И. Рейтблата. Приводя в подтверждение «догадки» авторов мемуарное свидетельство, он подчеркивает: «На наш взгляд, с учетом проделанной Н.Л. Васильевым и Д.Н. Жаткиным работы и свидетельства В.Д. Орденкова стихотворение “На нынешнюю войну” (“Вот, в воинственном азарте, воевода Пальмерстон...”) можно теперь печатать в основном корпусе произведений П.А. Вяземского» [15. С. 241].

Среди других сюжетов книги – история, связанная с поэтическим спором Вяземского и Е.П. Ростопчиной, эпиграмма Вяземского, обнаруженная в архиве Я.К. Грота, перевод стихотворения «Святая Русь» на французский и франкоязычное сатирическое стихотворение Вяземского о Крымской войне. Прежде всего перед авторами стояла задача «деанонимизации» ряда текстов, предположительно принадлежавших герою книги. Два «этюда» представляют комментарий к исходному тексту политических стихотворений и их переводам на французский язык, а также фотокопии разных списков этих стихотворений.

Важнейшим дополнением к сегодняшним представлениям отечественного литературоведения о творческом наследии Вяземского становится анализ его драматических сочинений и переводов французских пьес и водевилей. Среди публикуемых текстов – «фрагменты поэтических вставок», не вошедшие в окончательный текст пьесы Вяземского и А.С. Грибоедова «Кто брат, кто сестра, или обман за обманом»; написанный совместно с В.Л. Пушкиным сценарий «Сельский праздник». Сотрудничество с В.Л. Пушкиным продолжалось и на переводческой ниве, его результат – публикуемый в книге перевод комедии-водевиля Ж.-Г. Имбера и В.Ф. Варнера «Помещик без поместья». Оценивая совместную работу двух поэтов, исследователи замечают: «В стилистическом плане водевиль отражает лучшие стороны “драматической” и стиховой поэтики В.Л. Пушкина и П.А. Вяземского: минимизация литературной формы, разговорность, остроумие, тонкие каламбуры» [14. С. 432]. Не менее значима и публикация переводов Вяземским пьес «Певец и портной» и «Бальдонские воды».

Необходимо подчеркнуть, что итогом серьезной исследовательской работы является не только текстологический раздел монографии, но вся книга в целом, поскольку опубликованные в ней тексты – плод многолетних разысканий, неустанной архивной работы, упорного текстологического труда. Стремление исследователей открыть читателю «неизвестного Вяземского» потребовало погружения в его литературный архив, детальной проработки массива периодических изданий, выявления пласта «анонимных

текстов», текстологический анализ которых дал возможность определить их автора. Очевидно, что все это не могло быть сделано без восстановления в мельчайших деталях литературного и историко-культурного контекстов, самой атмосферы эпохи.

Специального упоминания заслуживает «Алфавитный указатель поэтических произведений П.А. Вяземского (вариации названий и первых строк, датировки, текстовые источники, комментарии)». Он включает более 1 350 произведений писателя. Очевидно, что для любого исследователя, предметно занимающегося изучением творчества поэта, это бесценный материал, позволяющий свободно ориентироваться в значительном по объему корпусе текстов Вяземского.

Некоторое удивление вызывает то, что набросок Вяземского «О языке поэтическом» помещен в приложение. Скорее всего исследователей смутил черновой характер статьи молодого литератора, но, как кажется, «лабораторность» публикуемого материала не должна была стать помехой для его размещения в основном корпусе книги. Тем более, сами Васильев и Жаткин указывают на важность этих размышлений для понимания литературных и философско-эстетических взглядов поэта в начале 1810-х гг.

Подготовленный Васильевым и Жаткиным том вносит серьезный вклад в современное представление о личности и творчестве Вяземского, уточняет многое в его биографии, позволяет по-новому взглянуть на его роль в российском литературном процессе 1810–1870-х гг. Можно предположить, что эта книга значительно приблизит и создание полномасштабной научной биографии П.А. Вяземского, подготовку и издание академического собрания его сочинений.

Список источников

1. Гинзбург Л.Я. Вяземский-литератор // Русская проза : сб. ст. / под ред. Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова. Л. : Academia, 1926. С. 102–134
2. Гинзбург Л.Я. Вяземский и его «Записная книжка» // Гинзбург Л.Я. О старом и новом. Л. : Сов. писатель, 1982. С. 60–91.
3. Гинзбург Л.Я. П.А. Вяземский // П.А. Вяземский Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1986. С. 5–50.
4. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л. : Наука, 1969. 391 с.
5. Лотман М.Ю. П.А. Вяземский и движение декабристов // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1960. Вып. 98. С. 24–142.
6. Бондаренко В.В. Вяземский. 2-е изд., испр. и доп. М. : Молодая гвардия, 2014. 688 с.
7. Перельмутер В.Г. Звезда разрозненной плеяды: Жизнь поэта Вяземского, прочитанная в его стихах и прозе, а также в записках и письмах его современников и друзей. М. : Кн. сад, 1993. 365 с.
8. Вацуро В.Э. В преддверии пушкинской эпохи // «Арзамас» : сборник : в 2 кн. Кн. 1. М. : Худож. лит., 1994. С. 5–27.
9. Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л. : Наука, 1974. 226 с.
10. Гиллельсон М.И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л. : Наука, 1977. 200 с.

11. Ивинский Д.П. Князь П.А. Вяземский и А.С. Пушкин: Очерк истории личных и творческих отношений. М. : ИЧП «Филология», 1995. 171 с.
12. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 799 с.
13. Панов С.И. Из литературной почты «Арзамаса» // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 179–198.
14. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Творчество П.А. Вяземского: известное и неизвестное. СПб. : Союз художников, 2022. 712 с.
15. Рейтблат А.И. Забытое свидетельство об авторстве стихотворения «На нынешнюю войну» // Русская литература. 2019. № 3. С. 240–241.

References

1. Ginzburg, L. Ya. (1926) Vyazemskiy-literator [Vyazemsky the writer]. In: Eikhenbaum, B. & Tynyanov, Yu. (eds) *Russkaya proza* [Russian Prose]. Leningrad: Academia. pp. 102–134.
2. Ginzburg, L. Ya. (1982) Vyazemskiy i ego “Zapisnaya knizhka” [Vyazemsky and his “Notebook”]. In: Ginzburg, L. Ya. *O starom i novom* [About Old and New]. Leningrad: Sovetskiy pisatel’. pp. 60–91.
3. Ginzburg, L. Ya. (1986) P.A. Vyazemskiy. In: Vyazemskiy, P.A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel’. pp. 5–50. (In Russian).
4. Gillel’son, M.I. (1969) P.A. Vyazemskiy. *Zhizn’ i tvorchestvo* [P.A. Vyazemsky. Life and art]. Leningrad: Nauka.
5. Lotman, M. Yu. (1960) P.A. Vyazemskiy i dvizhenie dekabristov [P.A. Vyazemsky and the Decembrist movement]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 98. pp. 24–142.
6. Bondarenko, V.V. (2014) *Vyazemskiy* [Vyazemsky]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya.
7. Perel’muter, V.G. (1993) *Zvezda razroznennoy pleyady: Zhizn’ poeta Vyazemskogo, pročitannaya v ego stikhakh i proze, a takzhe v zapiskakh i pis’makh ego sovremennikov i družey* [Star of a Scattered Galaxy: The life of the poet Vyazemsky, read in his poems and prose, as well as in the notes and letters of his contemporaries and friends]. Moscow: Kn. sad.
8. Vatsuro, V.E. (1994) V preddverii pushkinskoy epokhi [On the eve of the Pushkin era]. In: Vatsuro, V.E. (ed.) *Arzamas*. Book 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–27.
9. Gillel’son, M.I. (1974) *Molodoy Pushkin i arzamasskoe bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas Brotherhood]. Leningrad: Nauka.
10. Gillel’son, M.I. (1977) *Ot arzamasskogo bratstva k pushkinskomu krugu pisateley* [From the Arzamas Brotherhood to the Pushkin Circle of Writers]. Leningrad: Nauka.
11. Ivinskiy, D.P. (1995) *Knyaz’ P.A. Vyazemskiy i A.S. Pushkin: Ocherk istorii lichnykh i tvorcheskikh otnosheniy* [Prince P.A. Vyazemsky and A.S. Pushkin: Essay on the history of personal and creative relationships]. Moscow: IChP “Filologiya”.
12. Mayofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo “Arzamas” i rossiyskiy modernizatsionnyy projekt 1815–1818 godov* [Appeal to Europe: The Arzamas literary society and the Russian modernization project of 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Panov, S.I. (2016) Iz literaturnoy pochty “Arzamasa” [From the literary mail of Arzamas]. *Literaturnyy fakt*. 1–2. pp. 179–198.
14. Vasilyev, N.L. & Zhatkin, D.N. (2022) *Tvorchestvo P.A. Vyazemskogo: izvestnoe i neizvestnoe* [Oeuvre of P.A. Vyazemsky: Known and unknown]. Saint Petersburg: Soyuz khudozhnikov.
15. Reytblat, A.I. (2019) Zabytoe svidetel’sstvo ob avtorstve stikhotvoreniya “Na nyneshnyuyu voynu” [Forgotten evidence of the authorship of the poem “For the Current War”]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 240–241.

Информация об авторах:

Дубровская С.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Владимирова С.Н. – старший преподаватель кафедры английской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: vladisveta@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.A. Dubrovskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

S.N. Vladimirova, senior lecturer, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: vladisveta@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.02.2023;
одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 06.10.2023.*

*The article was submitted 09.02.2023;
approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 06.10.2023.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2023. № 85

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 31.10.2023 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 18,6; усл. печ. л. 24,2. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5614.

Дата выхода в свет 24.11.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru